Иван Константинов
Крепость лжецов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ее зовут Мириам, и она воскресла из мертвых. Остались позади пустынные дороги, битвы с рейдерами и древние города. Новый враг ждет ее в небесах, новый дар пробуждается внутри нее, помогая сражаться. И нечто невиданное ждет впереди – Аланта, сияющий рай посреди пустыни, сожженной атомным огнем. Но так ли прекрасно это сияние вблизи? И какую цену придется заплатить ей, и ее друзьям, добиваясь расположения Короля дорог?

•

Данная книга является частью цикла «Стальная бабочка», в который входят следующие книги:

1. «Стальная бабочка, острые крылья».
2. «Ястреб в огне».
3. «Дорога мертвых».
4. «Крепость лжецов».
5. «Разбитые звезды».

Copyright © 2013 Ivan Konstantinov

Часть первая.

Глава I

Интермедия I.

Хищная тень упала на Атланту.

Меньше половины секунды – движение в море крыш, скольжение острого силуэта по улицам и площадям, отражение в хрупких стеклах шпилей, стальных полосах, начищенных до зеркального блеска. Затем ее снова принял песок, разглаженный недавней бурей, идущий мелкой рябью, точно полоса дешевого шелка. Джет лег на крыло, совершая широкий разворот, и в невидящие глаза прайма брызнуло солнце.

– Можно, я потреплю шута? – Ведомый застыл позади, повторяя маневр, черной запятой выступая на синем полотне неба. – Пыль с него сдую?

– Да хоть вдуй, он только рад будет! – Грубо ответил Микаэль. Его джет продолжал разворачиваться, по широкой

спирали уходя от города. – Я ему не нянька, ты тоже. Пусть его размалеванную задницу бережет другой Корпус, а мы присмотрели – и хватит.

– Не понравилось мне, как он нам вслед смотрел…

– Так сломай ему ногу при встрече. – Голос Микаэля, низкий от природы, превращался в хрип, пройдя через микрофоны и гул водородного двигателя. – Тогда и я посмеюсь.

– Будто ты умеешь.

– Много болтаешь, Лонг. – Джет Микаэля заложил еще один широкий вираж, и теперь спираль раскручивалась в противоположную сторону. – Или ты Джордан? Удавил Лонга его собственным языком, и притворяешься?

– Да будь я хоть святая Консуэла, в исподнем из лунных лучей. – Хохотнул Лонг. – Ты разницы не заметишь. Разговоры – не твоя стихия, Михаль.

– Вот вернемся на Шпиль – повторишь это. – Задумчиво проговорил Микаэль, явно теряя интерес к собеседнику. Блестящий шелк внизу комкался и рвался, выбрасывая через прорехи стесанные зубы фундаментов и острые клинья бетонных плит. Память прайма сохраняла образы, полученные от электроники джета в трех визуальных диапазонах, складывая их и возвращая. Делался явным неслучайный рисунок обломков: следы давнего боя, взрывов, валивших стены и оставлявших сваи, торчащие теперь из-под песка, точно ряды иссохших белых пальцев, изломанных и гнущихся в разные стороны.

– Белая долина. – Проворчал Микаэль. Столбы внизу переплетались, стремительно уходя назад, и, уже отбрасывая в архив набор слайдов, он внезапно заметил на одном из них нечто странное. Заставившее его сложить сразу несколько кадров, обозревающих одну точку, а затем – перевести коммуникации джета в боевой режим.

– Лонг, позиция шесть. Стрекозиное крыло на мой маяк. – Команда ушла в эфир пакетом боевого кода, сотканным из писка и свиста. Джет Лонга сорвался вверх и вправо, выполняя мертвую петлю, падая далеко назад – без лишних слов и сомнений.

Приказы ведущего в боевом режиме не обсуждают.

Джет Микаэля качнулся в противоположную сторону, словно продолжая выполнять стандартную процедуру патрулирования. Набор команд прошил его вибрирующее нутро, оживляя боевые системы, заставляя подрагивать сенсоры в белых, выпуклых головках ракет с тепловым наведением.

Через пять долгих секунд Лонг бросил в него ответным пакетом данных – с еще одним набором слайдов. Складывая их, Микаэль уже знал, что увидит.

Окно в Королевский Шпиль открылось внезапно, и слишком рано – словно король ожидал его.

– Сир. – Микаэль не смотрел в лицо монарха. Окно было формальностью, открытым каналом, куда он бросил собранные фотографии, как мальчишка мог бы уронить ворох листьев на дно сухого колодца. – Мы увидели это в развалинах в Белой долине. Сир…

– Итак. – Король тоже не смотрел на него. Канал, открывающийся в прайм-линк пилота, не давал видеосигнала. – Они пришли, не так ли?

– Отдайте приказ, сир. – Микаэль чувствовал дрожь, как всегда, перед боем. Вместе с ним дрожал его джет, огибающий Атланту по восходящей дуге, ведущей к идеальной позиции для стремительного удара в замеченную точку. Вибрировал точно так же, как джет Лонга, выходящий в зеркальную позицию с востока.

– Зачем? – Улыбнулся Король, продолжая рассматривать фотографии. – Они же наши гости, Микаэль. А вот это – их шаттл, верно?

– И два доспеха – вроде тех, что видел Джордан. Приказ, сир?

– Повторяю, Микаэль – они гости. Пусть незваные. Думают, что мы о них не знаем – но хозяева здесь мы. Верно, мальчик мой?

– Слушаюсь, сир. – Вздохнул Микаэль, и дрожь ушла. Двигатели перешли в маршевый режим, и машина Лонга, проносясь мимо, издевательски качнула короткими крыльями. – Смотреть за ними?

– Конечно. У них там база – вот это здание, и здесь. Прикажи гвардии, чтобы обходили это место стороной – не нужно будить спящих раньше времени.

– Мы присмотрим, сир.

– Вот и хорошо. – Король оторвал взгляд от фотографий, взглянув сквозь них, словно и правда мог видеть Микаэля. – Вы уже закончили с заданием?

– Шут въезжает в город, сир.

– С другим!

– Неро тоже направился в город. Он нанял Джой Фуэнтес, и с ним еще кто-то…

– Надо же! – Король Маркус весело улыбнулся. – Я попросил тебя присмотреть за ним, а ты сообщаешь мне, что с ним «кто-то»? Да?! И это все?!

Король улыбнулся еще шире, а затем канал связи закрылся – резко, как будто с другой стороны разбили экран. Микаэль со скрипом прикусил дыхательный клапан.

– А клин тебе в печень… – Выдохнул он. – Чтоб этого Неро…

Лонг, разворот на горлышко!

– Да, и вот еще. – Канал включился снова, и Король заговорил, точно продолжая прерванную фразу. – Если с Неро у тебя не вышло – не беда. Вечером возьми на себя Привратную площадь. Там будет казнь – проследишь за ней. Не слишком сложно для тебя?

Дыхательный клапан снова скрипнул, и канал погас – ответа Король не дожидался. Микаэль мрачно кивнул своим мыслям.

– Что, в пролете твой вечер? – Осведомился Лонг. – Девочки скучать не будут? Может, привет им передать?

– Передай. – Джеты синхронно выполнили разворот, и Михаэль мрачно рассмеялся. – По крайней мере вечер не пройдет даром…

– Напьешься в «Каролине»?

– Нет. – Смех Микаэля прервался. – Хоть кому-то мозги вышибу…

I.

Мириам тошнило.

Спазм был болезненным. Диафрагму бросило вверх, мышцы живота сжались так, что хрустнули ребра и замерло сердце – но это был уже третий приступ, желудок давно опустел. Она сплюнула на песок, и подняла слезящиеся глаза на Монти, лениво обмахивающего ее огромным розовым веером, извлеченным из-под сиденья. Во взгляде шута мерцала жалость. Кивнув ей, и скорчив недовольную гримасу, он повернулся к офицеру, ожидающему в паре шагов за ним:

– Вы не могли бы отойти? Вы смущаете леди.

Черный шлем с золотой полоской на виске слегка наклонился, выражая сомнение:

– Леди?

Издав короткий возмущенный звук, похожий на мышиный писк, Монти хлестнул веером по зеркальному забралу:

– Я невнятно выражаюсь?! – Мириам готова была поклясться, что этот крик услышали даже на сторожевых башнях, венчающих стены в паре сотен метров к востоку. Офицер отступил, двое солдат за его спиной вскинули игольники, но Монти не обратил на это ни малейшего внимания. Веер снова прошелся по шлему, издав неприятный клацающий звук.

– Когда я говорю, вам стоит кивать. – Неожиданно понизив голос, заговорил Монти, вынуждая солдат прислушиваться. – Вспомните, кто я, и по чьему приказу эта леди может ехать в моем каре. Или вы хотите узнать наверное? Может, ее имя?

Может, вы также захотите назвать мне ваши имена?!

Офицер снова посмотрел на Мириам, и она почувствовала, как отступает тошнота, сменяясь стыдом. Кроме его взгляда, она ощущала спиной и другие. Не менее шестидесяти пар глаз разглядывали сейчас ее, Монти и гвардейцев: фермеры высовывали головы из окошек тяжелых каров, застрявших в очереди, многочисленные солдаты сновали между машинами, купцы прятались за темными стеклами тяжелых бронированных фургонов. Все они смотрели, и видели девушку, корчащуюся у обочины, в дурацком разноцветном пиджаке, длинном, точно плащ.

Глазели на нее, Мириам.

Она оперлась на руку, и встала, сжав зубы, заставляя тошноту отступить.

– Ваше имя и номер, офицер? – Еще раз спросил Монти.

Шлем гвардейца едва заметно качнулся:

– Проезжайте быстрее. Если ее болезнь заразна…

– Это решать врачам. – Быстро проговорил Монти, и обернулся. – Едем, дорогая, тут одни мужланы. Твой горячо любимый папа ожидает тебя…

Колпак кабины его маленького кара, стоящего в двадцати шагах, у основания караульной башни, распахнулся. На свет не спеша выбрался Арго, потягиваясь и недружелюбно рассматривая офицера и его людей.

– Это разве не…? – Удивился офицер.

– Тише! – Шикнул Монти, и за руку потащил Мириам к машине. – Хотите, чтобы он сюда подошел?

Уже забираясь на узкое заднее сиденье, между Би и Суонк, Мириам нашла в себе силы взглянуть вверх, на ворота, к которым так стремились собравшиеся здесь люди, и из последних сил удивиться их размеру. Два десятка человеческих ростов? Три? Они вздымались, упираясь в безупречное утреннее небо парой колоссальных башен, с гладких, округлых боков которых слепо таращились на Мириам десятки узких окошек. Между ними, в глубоких вертикальных провалах прятались створки ворот, напоминающие полотна огромных пил. Их треугольные белые зубья нависали над проезжающим карами, явно готовясь в любой момент сомкнуться и перекусить пополам.

Мириам встряхнула головой, пытаясь разогнать мрачные мысли, и чуть не ударила Суонк.

– Так! – проговорил Монти, и кар завелся. – Кто еще не дотерпит до гостиницы?

– Я. – Ответил Арго, снова скорчившись на переднем сиденье, и упираясь макушкой в крышу. – В лоб тебе дам.

– Слава богу! – С облегчением вздохнул Монти. – Мой лоб выдержит. Но вот если ты сходишь здесь по нужде, то мой маленький кар просто разорвет на части…

Он быстро оглянулся на Мириам.

– Уже легче. – Опередила она его вопрос. – И спасибо тебе за пиджак.

– Это камзол. – Фыркнул Монти, и кар тронулся с места. – И ты его уже испачкала…

– Извини. А что ты сказал, насчет моего папы?

– Далеко не все мои шутки удачны…

– Мой отец умер.

– Этим идиотам совсем не нужно видеть моих спутников. Наш великан совершил большую ошибку, показавшись – могу поспорить, этот офицер сейчас говорит по рации именно о нем.

– На тебя таращились больше. – Проворчал Арго, и тут же спросил, еще ниже тоном. – Голова кружится?

Обернуться он не мог, и только по сдержанному движению его головы Мириам поняла, что вопрос адресован ей.

– Нет. – Она почувствовала на затылке пальцы Би. – И не болит.

– У тебя кровь на волосах. – В голосе Би звучала растерянность. – И шрамы… два. Били чем-то твердым, но кожа уже затянулась. Зрачки не расширены, и реагируют нормально.

Арго прорычал что-то, и приборная панель под его ладонями жалобно захрустела.

– У нее нет сотрясения мозга! – Раздраженно глянул Монти в его сторону. – Я это сразу проверил. Для тошноты могут быть и другие причины, хотя надеюсь, не та, о которой подумал я…

– А ты меньше думай, полосатый! – Встряла в разговор Суонк, до этого мирно рассматривавшая грузовики, проплывающие за окном. – Ты бы на ее месте не блевал, не? Да тебя бы те Пауки огуляли, даже не заметив, что мужик!

– Тогда что с ней? – Резко спросила Би, не дав ей закончить. – Ты же хорошо знаком с такими, как мы?

– К счастью, нет. – Нараспев проговорил Монти, поворачивая штурвал, заставляя машину вписаться в узкую щель между огромным грузовиком, и бетонным столбом в два десятка обхватов, прикрывающим левый край ворот. – Но я видел такое раньше. Она использовала свой Талант слишком интенсивно.

– Что?

– Риордан называет это откатом. Так бывает, если не рассчитать силы. И она не ранена – конечности маленькой леди на месте, координация в норме, а речь почти остроумна…

– «Помнишь, в Хоксе, Сломанная Маска тоже чуть не умер.» –

Заметила Вероника.

– Ее Талант? – Уже другим тоном спросила Би. – Или ты придуриваешься? Я думаю, что нам немедленно нужно в больницу…

– Я профессионально придуриваюсь, леди. – Шут мелодично хмыкнул. – Но если не пробить сердце, не сломать позвоночник, не повредить мозг – то вас очень трудно убить. А уж что нужно сделать, чтобы вас стошнило…

– Оторвать голову? – Попыталась пошутить Мириам, но никто не улыбнулся.

Кар обошел еще один грузовик, а затем – огромную машину устрашающего вида, с широкими колесами, прикрытыми чем-то вроде юбки из металлических пластин. Вверху мелькнула плоская башенка с хищно торчащими жалами спаренных орудий, направленными в пустыню, и впереди резко посветлело. Без перехода или предупреждения – шелест шин по песку сменился шорохом, а вокруг была уже Атланта, сверкающая и невозможная, как сон.

Она понеслась мимо, отбрасывая на щитки кара блики всех оттенков белого, кинулась под колеса гладким расчерченным полотном, ворвалась в салон едва различимыми запахами: горячего бетона, нового пластика, и зеленой листвы – настоящей, весенней зелени.

Хайвей под колесами блестел, будто облитый маслом, и Мириам не сразу поняла, где же он заканчивается, и начинаются основания домов – низкие бетонные бордюры, покрытые аккуратной плиткой. Сами дома были вовсе не такими большими – от четырех до шести этажей, с широкими оконными проемами, почти как во сне о мертвом городе.

Только эти окна оставались живыми. За ними мелькали цвета – десятки, сотни огней, среди которых Мириам ощущала себя неправильной и лишней. Внутри нарастала боль, непохожая на ту, что бывает от раны или удара, чуждая и вызывающая тошноту.

Над бордюрами, расплываясь в движении хвостатыми зелеными кометами, возвышались деревья – зеленые, с аккуратно подстриженными кронами. Мириам было удивилась тому, как они растут прямо из бетона, но затем рассмотрела углубления – квадратные прорези, заполненные землей. Дальше от ворот деревьев становилось все больше, а в нескольких местах они захватывали целые перекрестки, образуя острова зелени между домами.

За третьим таким островком Мириам увидела шпиль.

Ей пришлось задуматься, припоминая, где она видела его раньше – острую тень с расширением наверху, и призрачными

полосами, обвивающими основание.

На кладбище Машин у Хокса, над Атлантой, алой в лучах заката.

Сейчас шпиль оказался гораздо ближе, не теряясь в дымке и больше не выглядя эфемерным, хотя и оставаясь непредставимо огромным. Проступили четкие детали – маленькие точки каров, двигающиеся по мостикам у основания, разделенного на шесть широких опор, округлые башенки орудий на выступах у самой вершины, и крылатые фигурки, слишком крупные для птиц, кружащие вокруг ствола.

Мириам несколько раз моргнула, но фигурки никуда не исчезли. Всмотревшись в них, она смогла почувствовать движение их цветов, восторг, смешанный с острым возбуждением и страхом.

– Это… люди? – Спросила она, и Суонк толкнула ее плечом, стараясь взглянуть повыше.

– «Парапланы.» – Ответила Вероника. – «Мы как-то летали на таком. Чувствуешь себя птицей.»

– А мне не понравилось. – Отозвалась Би. – Предпочитаю кары.

– «И кары иногда летают.»

– Когда я приехал сюда впервые. – Заговорил Арго, глядя перед собой, на расширяющийся блестящий хайвей и тонкие полосы разметки, бегущие под колеса. – Шпиль был всего один – Королевский. Я смотрел на него, и удивлялся – зачем он? Если ты тоже можешь удивляться – значит у тебя и правда не все так плохо…

– Просто Монти прав. – Ответила Мириам, и гладиатор наклонил голову, прислушиваясь. – Меня не ранили. И мне плохо вовсе не из-за того, что Пауки со мной сделали.

– «Мириам?»

– Мне плохо из-за того, что я сделала с ними.

II.

Кар медленно сбрасывал скорость, пристраиваясь рядом с машинами на других полосах, такими же миниатюрными, лишенными брони и округлыми, окрашенными в непривычно яркие цвета: зеленый, желтый, синий. Несколько мгновений Мириам смотрела на красный кар, оказавшийся рядом, и двоих детей на его заднем сиденье, под прозрачным колпаком. Потом она потеряла их – Монти свернул вправо, на полукруглый мост, сверкающей дугой обхватывающий огромное открытое пространство, усеянное пятнами зелени, с парой титанических человеческих фигур, возвышающихся в центре. Мелькали

ограждения моста, столбики с желтыми полосками, а гиганты стояли неподвижно – один, левее, сжимал меч в поднятой руке, другой, как игрушку, поднимал перед грудью остроносый джет. У их ног, среди концентрических кругов из деревьев копошилось люди, маленькие, точно муравьи.

– Что мы можем сделать? – Би, не обращая никакого внимания на гигантские статуи, смотрела на Мириам.

– Дайте ей отдохнуть. – Ответил шут. – Лучшее решение. Девушка, да, вы – закройте рот, вам это не идет.

Мириам покосилась на Суонк, которая, похоже, его не услышала, продолжая рассматривать площадь.

– Мелкой нужна перевязка. – Неожиданно сказал Арго. – У нее ничего само не затянется.

– Тот ли это Арго, которого я знал? – Хихикнул шут. – Такое участие…

– Не твое дело! Если мы едем в гостиницу – вызови туда врача.

– Похоже, ты не рад вернуться домой?

– А ты как думал? Эти ублюдки, что на них напали, не с неба свалились. Их провели мимо патрулей, либо ваши, либо кто еще…

– «Разве не ясно, кто?» – Вмешалась Вероника. – «Отряд рейдеров, который мы встретили у Нексуса, тоже выполнял приказ.»

– Я пропущу твой намек мимо ушей. – Ответил шут. – Король не доверил бы вас мне, если бы не хотел видеть в Атланте.

– И поэтому он послал дурака?

– Дурак с двумя джетами сопровождения вовсе не так смешон! – Шут обиженно засопел. – Или ты не заметил, великан? Вас встретили, как встречают послов чужой Крепости, не больше и не меньше…

– Хватит! – прервала его Би. – Мы оценили оказанную нам честь! Где были эти два джета, когда Мириам чуть не убили?!

– Он ничего об этом не знает. – Тихо проговорила Мириам. – Не нужно на него кричать. Тот, который был у них главным – он был в Хоксе. Я вспомнила его глаза. Он знал нас, и хотел захватить меня живой, а не убить – потому что… все так, как сказала Вероника.

– Эй, уже близко. – Сказал Монти, видимо, уловив изменение в выражении ее лица. – Только не в машине, очень тебя прошу…

– Я постараюсь. – ответила Мириам. – Это от… мыслей. Они не останавливаются…

– На тебя напали. – Жестко сказала Би. – Ты убивала потому, что было нужно.

– Одному я грызла лицо, как зверь. – Мириам запнулась, ощущая комок, снова поднимающийся в горле. – А другому откусила пальцы. Кровь до сих пор у меня во рту, я чувствую… и в горле. Этот вкус… он там. У меня не получилось его…

Она снова запнулась, прижимая руки к животу, и почувствовала на своих запястьях холодные пальцы Би.

– Запьешь вином. – Твердо проговорил Арго. – У всех людей кровь одинаковая на вкус. Ты поступила с этими ублюдками так, как они заслужили. И пусть скажут спасибо, что рядом не оказалось меня!

– Это не все. – Призналась Мириам. – Это совсем не самое страшное. То, что я сделала потом…

– Что?

– Я впустила их… в свою голову. Чтобы драться, мне пришлось… узнать их. Почувствовать, что они хотят со мной сделать – их мысли, желания. Это было хуже… хуже всего. А потом я стала… одним из них…

Мириам ощутила, как воспоминание поднимается у нее внутри, массивным толчком, пробиваясь наружу, и едва успела подавить его. Цвета окружающих вздрогнули, Би отстранилась, и покрышки кара взвизгнули, когда Монти притормозил от неожиданности.

– Святые угодники, леди! – Воскликнул шут. – Предупреждать надо!

– «Мне кажется, я догадалась.» – Проговорила Вероника. – «Поняв своего врага – можно самому превратиться в нечто похожее».

– Кем ты… стала? – Осторожно, будто расспрашивая ребенка, спросила Би.

– Хайдом. Которого застрелил Кейн, помнишь? Он был… мертвый.

– Помню, но…

– Тот Паук, который напал на нас, знал его, и боялся. Хайд делал с ним… всякое. И его воспоминание… я забрала его, и стала вести себя как Хайд, которого он помнил. Заставила потерять голову. И убила… ножом.

В салоне кара установилась тишина, и Мириам даже сквозь тошноту почувствовала снова разгорающиеся рядом цвета Арго.

– Ни хрена не поняла. – Наконец призналась Суонк. – Но как ты его ткнула, я видела – точненько, с первого раза. Я и стрелять начала, потому как они, эти ублюдки, плевать хотели на твое Право…

– Ты выжила, и это главное. – Твердо сказала Би. – Не важно, как ты использовала свой дар – ты жива.

– «Это точно.» – Поддержала ее Вероника. – «Ты показала этому уроду его кошмар перед смертью? Жаль, что всего один.»

– Я стала этим кошмаром. – Ответила Мириам. – А он стал мной…

– Но теперь он ушел? Есть вещи, которые не хочется помнить – но дальше будет легче. Ты слышишь, Мириам? С каждой минутой! Правда, Арго?

Мириам встретила взгляд Би и робко улыбнулась. Она видела тревогу, по прежнему скрытую под ее уверенностью, но эта тревога почему-то успокаивала сильнее любых слов.

– Я только одно знаю. – Затылок Арго качнулся вперед. – Не реши я ночью ехать – с ней бы этого вообще не случилось!

– Чушь! – Прервала его Би. – Мы не могли знать…

– А вот рейдеры знали. Меня знали, да и тебя. – большая ладонь гладиатора легла на приборную панель. – И ведь ради чего? Этого ублюдка Дарио кто другой прикончил бы – ну через год, или через два…

Пластик едва слышно захрустел.

– А до этих, которые приказы отдают, добраться труднее. Сидят себе на небе, делают, что хотят. Вывернуть бы их чертовы города наизнанку…

– Разве не ради этого мы здесь?

– Да. Теперь их долг вырос еще больше.

Монти прогудел себе под нос что-то, что могло сойти за комментарий, и замолчал. Арго, как показалось Мириам, хотел еще что-то сказать, но задумался. Его цвета перемешивались в угрожающего вида круговороте, не сулящем ничего хорошего.

Кар все еще огибал площадь по дуге, спускаясь вниз, ближе к кронам деревьев, высаженных в квадратные бетонные бочки, между которыми Мириам продолжала видеть огромные статуи – теперь уже со спины. Под деревьями блестела вода, люди входили на площадь со всех сторон, от ближайших зданий и дорог на высоких бетонных опорах, а над головами гигантов что-то вспыхивало и поворачивалось, то становясь прозрачным, то обретая глубину. В какой-то момент Мириам вдруг разглядела, что это – светлое окно, проступающее в небе, и девушку, в очень коротком белом платье с разрезами по бокам.

Девушка смеялась, и крутилась на месте, под платьем у нее ничего не было, только белая кожа, блестящая, будто политая маслом. Потом она неожиданно исчезла, а вместо нее возникла огромная надпись – «Каролина», бегущие желтые буквы, рядом с которыми, теряясь в солнечных лучах, будто мелкие мошки, парили знакомые человеческие фигурки с раздутыми крыльями.

– А это экран? – Спросила Мириам, чувствуя облегчение от

того, что можно сменить тему. – Тоже большой.

– Здесь все здоровенное. – Робко согласилась Суонк.

– Площадь Основания. – Монти произнес это название с явным отвращением. – Пожалуйста, не говорите, что вам она нравится. Тут мы покидаем Центральную Авеню…

Достигнув уровня земли, кар свернул на еще одну кольцевую дорогу, вправо, и теперь снова поднимался, удаляясь от площади по узкому белому хайвею. Этажей у домов незаметно прибавилось, и хайвей оказался между ними словно в коридоре, а их окна, блестящие, закрытые шторами и защитными створками, мелькали на уровне глаз. Рассматривая их, и скрывающиеся за некоторыми из них цвета, Мириам никак не могла понять: как можно жить в таком месте, каждый день глядя на хайвей, на плотное движение разноцветных машин, и знать, что оттуда в ответ на тебя тоже смотрят люди? Ее все еще подташнивало, и происходящее вокруг она воспринимала через призму этой тошноты – с легким отвращением, исходящим откуда-то изнутри.

Наверное, только поэтому она не заметила приближения двух серых каров – больших, как броневик Ланье, вынырнувших из незаметного переулка, и догнавших машину Монти почти мгновенно. Опасно мелькнули цвета за окном, Би неожиданно вскинула колени, упираясь ногами в сиденье перед ней – и город за окнами дернулся.

Отчаянно завизжали тормоза, и Мириам бросило на нее. Серый борт кара, покрытый пластинами брони с черными точками заклепок, мелькнул впереди, перегораживая дорогу.

– Ай! – Плаксиво всхлипнула Суонк.

– «Восемь человек, с оружием.» – Бросила Вероника. – «На втором броневике – стрим-ган на крыше.»

– Вижу. – Би извернулась, запустив руку под сиденье, и выдернула оттуда игольник Суонк. Двери с ее стороны, и со стороны Арго одновременно взлетели вверх.

– И что за вашу мать! – Проревел гладиатор где-то снаружи. – Кому с утра жить надоело?!

– Этого не было в программе. – Растеряно проговорил шут, перебирая клавиши на маленькой плоской коробочке, извлеченной из складок кружевной рубахи.

Би молча вскинула игольник, беря на прицел вооруженных людей в серой броне, выбегающих из второй машины, остановившейся позади.

– «На опережение?» – Предложила Вероника.

– Бриджес? – Снова заговорил гладиатор, все так же громко, рассматривая мужчин, выбравшихся из передней машины. Один из них, полный, чернокожий, поднес руку к виску в приветствии:

– Чемпион. Добро пожаловать в город.

– «Наемники.» – Констатировала Вероника. – «Вот те и те держат улицу, чтобы никто не помешал. Нужно брать, пока они не начали…»

– «Пусть поговорят.» – Возразила Би. Дуло ее игольника смотрело прямо в лоб ближайшему наемнику, а остальные трое держали ее на прицеле.

– «Арго? Поговорит? Спорим на фунт шоколада, что он сам и начнет драку.»

– «Я с пятнадцати лет ни с кем не спорила на фунт шоколада.»

Суонк, нырнув под сиденье, извлекла из вещевого мешка еще один игольник, поменьше, и вопросительно взглянула на Мириам. Та приложила палец к губам, и подвинулась к двери, выглядывая наружу. Все три кара сгрудились у края хайвея, и редкие машины объезжали их, стараясь не задерживаться. Рядом, слева, зеленым пятном лежал парк, усаженный невысокими деревьями, над которыми серебристым росчерком парило необычайно высокое здание, задевающее облака фигурной верхушкой, похожей на птичью голову.

Монти еще несколько раз нажал что-то на коробочке с кнопками – его пальцы дрожали. Потом вздохнул и тоже выбрался из кара.

Арго медленно подошел к своему собеседнику.

– И с чего ты решил со мной поздороваться? – Он говорил чуть тише, но Мириам все равно слышала его без труда.

– Работа такая. – Грустно ответил полный. – Как всегда.

– И за какое дерьмо ты взялся на этот раз?

– За самое крупное, что ни есть. – Бриджес грустно взглянул на Арго, потом на подошедшего Монти, прижимающего к уху свою загадочную коробочку. – Мой наниматель тебя требует. Для разговора.

Гладиатор расхохотался, заставив ближайших наемников вздрогнуть.

– И кто это такой разговорчивый? Мелкий ублюдок Маркузо? И он прислал за мной всего восьмерых? Бриджес, не сочти за обиду – но он что, ума лишился?

– Маркузо? – скривился Бриджес. – Нет, Титан. Он щенок еще, да и на опиуме сидит, так что я с ним в жизни дела бы вести не стал. С моим нанимателем ты куда лучше знаком.

– Правда, что ли?

– Это Грегори Блант. А куда ехать – ты и сам отлично знаешь.

Монти шагнул было вперед, но Арго остановил его. Цвета гладиатора, такие яркие секунду назад, вдруг начали блекнуть,

поглощаемые тоской – непонятной, но хорошо знакомой Мириам.

– Вот как? – Проговорил Арго. – Верно, знаю.

– Этот человек под защитой Короля. – Монти оттолкнул руку гладиатора, но его голос звучал не слишком уверенно. – Через пять минут тут будет Гвардия…

– Пять минут – это долго. Ребенка можно сделать. – Вздохнул наемник. – Но ты, Титан, думай побыстрее. Мы тебя конечно силой не потащим – но вдруг кто подумает, что ты струсил…

– Сколько бы Грегори Блант вам ни заплатил…

– Помолчи. – Сказал Арго, и шут действительно замолчал. Гладиатор не спеша оглядел стоящих перед ним наемников, одного за другим, потом посмотрел назад, на Би.

– Это провокация! – Голос Монти сорвался. – Арго, ты имеешь право общаться с ним через представителя…

– Я тебя не спрашивал. – Теперь гладиатор смотрел в землю. Наемники перед ним начали было опасливо переговариваться, но Бриджес прервал их, звонко щелкнув языком.

– «Всего восемь человек.» – Сказала Вероника. – «Нам нужно четыре секунды на зачистку кара.»

– Я еду с ними. – С видимым трудом проговорил Арго.

– Почему? – спросила Би.

– Блант был моим другом. И я ему… должен.

– Что должен, Арго?

Взгляд гладиатора, полный тоски, скользнул по сиденью, за которым сжалась Мириам.

– Я… убил его жену.

Возвышающийся среди наемников, в своей изодранной куртке и пыльных брюках, он внезапно показался ей невероятно одиноким – даже без меча, оставшегося торчать в песке у циркового лагеря. Кусочек пустыни, занесенный в это благополучное место неведомым ветром. Смысл его слов еще только начал просачиваться в ее сознание, а он уже обходил большой серый кар.

Полный наемник кивнул ему, и тяжелая бронированная дверь отъехала в сторону.

– Я могу гарантировать, что Король узнает об этом в ближайшие минуты! – Монти указал на Бриджеса веером. – Узнает и о вашей роли в этом… спектакле!

– Да на здоровье. – Пожал плечами наемник. – Я его только на место отвезу, да и все.

– Эй! – Крикнула Би, и гладиатор обернулся. – Мне наплевать, что ты сделал! Мы знаем тебя только по Хоксу. Если к вечеру не дашь о себе знать – я приду за тобой. Предупреди об этом своего бывшего друга!

– Спасибо. – Просто ответил Арго, а затем улыбнулся – странно, непривычно. Только когда серая дверь скользнула обратно, и бронированный кар сорвался с места, Мириам вдруг поняла, что неправильно было в этой улыбке.

В ней не было злости.

III.

Дальнейшую дорогу она запомнила плохо. Город ошеломлял размерами, и уже на следующем перекрестке Мириам не могла понять, где же они оставили Арго – позади, среди стеклянных громад, сбегающих к хайвею пологими уступами, или в стороне, где, окруженные округлыми кронами деревьев, вырастали из бетона тонкие дома, похожие на аккуратно заточенные лезвия.

– «Ты совсем не боец, да?!» – Наконец нарушила тишину Вероника, и Монти вздрогнул. – «Где в этот раз были твои хваленые джеты?»

– Оставь его. – Бросила Би в ответ. – Он и правда не воин.

– Меня… тренировали. – С трудом проговорил Монти. – Но с тех пор прошло много времени, и в сложных ситуациях я легко теряю самообладание. А этот дурацкий коммуникатор не работает, когда нужно. Кто просил Арго высовываться, его же наверняка заметили на заставе, ждали, когда он вернется…

– Арго сказал правду? – Спросила Мириам, и тут же ответила сама себе. – Да, правду. То есть, Монти, он и правда убил…

– Жену Грегори Бланта, магната. – скривился шут. – Его оправдал Король, но… Наверное, он бы не хотел, чтобы я вам ее рассказывал.

– Он не боялся. – Сказала Мириам. – Я ничего не понимаю. Если этот магнат хочет отомстить ему – то почему он не боялся?

– Спросим у него самого. – Твердо сказала Би. – Или, если он сам не придет – пойдем за ним.

Шут прерывисто и тоскливо вздохнул.

Следуя его движениям, кар то кружился по невысоким мостикам, то, напротив, разгонялся до огромной скорости на широких хайвеях, будто предназначенных для машин намного большего размера. Впрочем, длилось это не долго – она едва успела почувствовать новый толчок тошноты, и сжаться, преодолевая его, как шут притормозил. Кар медленно въехал в тень, и стекла снова посветлели, заставив Суонк присвистнуть:

– Мать-монашка, че за речка?

Мимо действительно текла вода – по широкому, светящемуся изнутри желобу, вдоль которого следовал кар. И в который, разбрасывая мелкую прозрачную пыль, вливались сверху десятки

ручейков поменьше – таких же светящихся, тонких, журчащих по едва заметным желобам, проложенным между ступенчатыми стеклянными стенами здания, уходящего далеко вверх. Кар еще раз повернул, следуя за водой, в тени отходящих от стен древесных ветвей – сами деревья оставались невидимы снизу, видимо, располагаясь выше, на карнизах. И медленно остановился у пологого мостика, пересекающего рукотворный ручей.

– Милости прошу. – Монти выбрался из кара первым, и шикнул на невысокого бледного человека в сине-белом костюме, попытавшегося открыть дверцу кара со стороны Суонк. Та придержала ручку со своей стороны и уперлась ногой в переднее сиденье, не позволяя ему сделать это.

– Чего это он? – Проговорила Суонк испуганно, но бледный человек уже отскочил, а потом и вовсе пустился бежать после короткого жеста Монти. Би выбралась из кара со своей стороны, и стояла у края дороги, на невысоком бетонном бортике, наблюдая, как шут обходит машину, и открывает дверцу для Суонк.

– Добро пожаловать… говорю. – Он протянул было руку, но Суонк опасливо нырнула под нее, упала на четвереньки, и тут же вскочила, оказавшись у него за спиной. Шут словно не заметил этого, продолжая протягивать руку, на этот раз – Мириам.

Пальцы шута были мягкими и изнеженными, но под этой мягкостью Мириам почувствовала силу. Он без малейшего труда помог ей выбраться из машины, и поклонился Би:

– Следуйте за мной.

Мостик, у которого они остановились, упирался в широкие стеклянные ворота, разделенные на три секции. Мириам без особого удивления поняла, что это все – ручей, ворота, мостик, деревья, нависающие над дорогой и почти достающие до здания напротив – всего лишь части одного огромного дома. Его крыша пряталась за листвой и солнечными пятнами, усеивающими вход, но, следуя за Монти и Би она все еще ожидала увидеть ее высоко вверху. И только пройдя мимо повернувшейся прозрачной пластины ворот, толщиной в руку, увидела.

Изнутри здание оказалось огромным и почти пустым, словно речная ракушка.

За длинным портиком с мерцающими узкими окошками открывалось пространство размером с Праздничную площадь в Хоксе, с десятками белых столиков и стульев, расставленных в веселом беспорядке. Точно как на площади, прохаживались люди, поднимался пар в маленьких павильончиках у стен. В центре, то взлетая, то опадая в сложном ритме, бил фонтан, от которого, укрываясь в прозрачном полу, бежали тонкие ручейки,

складываясь в узор из колец и петель. Но главное – там было небо, видимое наверху, в конце полупрозрачного колодца из окон и зелени, заключавшего площадь в блестящий спиральный кокон. Действительно похожий на ракушку изнутри – из-за галереи, шириной в небольшую улицу, начинающейся в паре шагов от входа, и бегущей вдоль стен, десятками витков, вверх, к синему просвету, на невозможную высоту.

Мириам взглянула на Монти, его хитрую улыбку – и поняла, что сейчас самое время прикрыть рот.

– Отель? – Спросила Би с каким-то непонятным недовольством в голосе.

– Мой собственный. – С таким же легким оттенком обиды отозвался Монти. – Лучший в Атланте, осмелюсь заметить.

– Ты не доставишь нас к Королю?

– В таком виде? – Монти степенно последовал вперед, обходя фонтан и сидящих за столиками людей. – Меня спустят с лестницы Королевского Шпиля вместе с вами.

– Полагаешь, этикет – важнее нашего дела? – Теперь в голосе Би прозвучала злость.

– Я же не учу вас крутить усы Королю-Лису. – Огрызнулся Монти, и у Мириам закралось подозрение, что он просто копирует тон Би. – У нашего Короля есть доверенные люди, с которыми я собираюсь вас познакомить…

– Когда?

– Не раньше, чем вы примите ванну! – Монти раздраженно кивнул в сторону столиков. – Обратите внимание на реакцию публики. Спешу заметить, что у вас кровь на этой грязной тряпке, заменяющей вам верхнюю одежду. А у маленькой загорелой леди – дыра в штанах, делающая ее нижнее белье излишне заметным…

– Заткнись! – Би действительно покосилась на фонтан. – И двигайся быстрее!

Мириам тоже не удержалась и бросила туда взгляд, но не заметила абсолютно ничего плохого. Несколько мужчин и женщин, одетых во что-то яркое но простое, вроде маек и светлых джинсов, смотрели в основном на шута, и в их цветах мерцало веселье. Видимо, девушек, следующих за Монти, они воспринимали только как свиту, придаток к его необычному облику – и поэтому Мириам просто взяла Суонк под руку, ускорив шаг, стараясь успеть за Би и шутом. И тут же поймала себя на мысли о том, что в отличии от Би ей все равно. Хоть смейся они во весь голос – после пережитого утром, хруста человеческих костей на зубах и чужой памяти, вторгающейся в сознание, она сама готова была рассмеяться в ответ, и хохотать до упаду, только потому, что еще жива, и пришла в это нереальное,

невозможное место. И она действительно хихикнула, а затем, почувствовав удивление Би, сжала зубы.

А потом вернулась тошнота.

Ее сопровождала волна отвращения к себе – такого сильного, что ни о каком смехе не могло быть и речи. Мириам вдруг почувствовала грязь на своих пальцах, шершавую ткань разорванной майки, песок, засыпавшийся в ботинки и под ремень брюк. Собственные немытые волосы, и лицо – наверняка в кровоподтеках, которых она не могла видеть. Тошнота складывалась из всех этих мелких картинок, обрывков ощущений – и, когда впереди, перед Монти, внезапно разъехались створки невидимой прежде двери, и блеснула ровная гладкая поверхность, Мириам едва удержалась от того, чтобы не вскрикнуть, хотя ничего еще не успела увидеть.

А когда посмотрела, тошнота прошла почти сразу.

Маленькое квадратное помещение, в которое завел их шут, оказалось лифтом – движение чувствовалось в нем с самого начала, в том, как пружинил пол под их шагами. Задняя стенка была зеркальной, Би бросила на нее один взгляд, дотронулась до непослушной пряди у виска, и сразу отвернулась, а Мириам и Суонк, зашедшие в лифт рука об руку, так и остались стоять.

Суонк хихикнула, и сразу вскрикнула – когда лифт пришел в движение. Мириам ожидала этого, и поэтому продолжала рассматривать себя в зеркале.

Это было похоже на оправдание в суде.

Обвинительница смотрела на обвиняемую, а та искала, чем объяснить свой внешний вид – не такой уж и жуткий, если вспомнить о том, что случилось.

По крайней мере – никаких ссадин. Губы целы, и волосы лишь немного растрепаны, вырвавшись из-под резинки на затылке. Их кустик торчит вверх, словно символ упрямства – или обычной глупости. Глаза – испуганные, и какие-то печальные, словно их хозяйка ждет, что ее вот-вот снова ударят. Грязные разводы на щеках и скулах, пятна на шее и на майке – но уважаемая судья, обвиняемая только сейчас увидела себя в зеркале! И зубы на месте, а гримасу можно принять за легкую улыбку. Да, наверное можно будет – если смыть все водой и мылом, снять грязную одежду, майку со следами чужих рук, и брюки, распоротые ножом, свисающие полосками с бедер. Все это можно исправить, госпожа судья, смыть, сжечь и забыть. Но что делать с самой обвиняемой?

С тем, что осталось у нее внутри?

– Эй! – Сказала Суонк. Мириам поняла, что лифт остановился, Монти с Би уже вышли наружу, и теперь смотрят на

нее.

На то, как по ее лицу, оставляя ржавые дорожки, текут слезы.

– Ванна. – Проговорила она, и почувствовала, как Суонк подсаживается, подставляя здоровое плечо ей под руку. – Здесь же есть ванна, правда?

Интермедия II.

С севера к Атланте медленно приближался песчаный смерч.

Несколько тысяч тонн песка, поднятых в безоблачное небо, образовали непроницаемый пыльный столб – вроде тех, что всегда выступали вестниками зимы в этих местах. Водители каравана, следующего по хайвею из далекого Чикаго, заметили его в стороне, и увеличили скорость. Их предупреждение прозвучало на всех торговых частотах, и тут же потерялось в шорохе помех. Смерчи в это время года были не более, чем редкостью, а этот двигался неторопливо, минуя населенные места, и ближайшие фермерские поселения, расположенные западнее.

Вращаясь с огромной скоростью, масса песка вгрызалась в остатки старой дороги, обнажая осколки бетона и дорожных столбов, белеющих на сколах, будто кости древних существ. Об этой дороге не знал никто – вот уже больше пятидесяти лет ни один человек не ступал на нее, и она оставалась не более, чем извилистой тенью между холмов, похожей на сухое русло древней реки. С каждой сотней метров, которую проходил смерч, дорога снова оживала – чтобы недолго, всего лишь несколько часов, снова сверкать под солнцем.

Смерч двигался по ней, со скоростью человека, идущего пешком. Если бы существовал тепловизор, способный разглядеть хоть что-то сквозь массу горячего ветра, или спутник, умеющий заглядывать под песчаные облака – то использующие их наблюдатели, без сомнения, были бы ошеломлены, увидев в центре вихря человеческую фигуру в потрепанном красном плаще.

Размеренным шагом, выдающим нечеловеческое терпение, Джон Риордан шел к Атланте по старому хайвею. Он точно знал, сколько шагов ему осталось сделать до белых стен. Гладкая маска, заменяющая ему лицо, была лишена глаз, но каждая искра статического электричества, вспыхивающая в толще вихря, была его фонарем, позволяющим видеть окружающие развалины так же отчетливо, как при свете дня.

То, что со стороны представлялось смерчем, представало для его электронных чувств в совершенно ином облике. Столб из

мелькающих светлячков, мириадов электронных частиц, вращающихся в раскаленном воздухе вокруг, соединялся с небом и едва заметной дымкой, разбрасывая в стороны нити электронных сообщений. Нити соединялись в сеть, которая распухала узлами и лабиринтами, указывающими на человеческие поселения вдалеке. Чуть ниже поверхности земли проступали менее заметные узоры, выдающие древние развалины, и военные базы с сохранившейся инфраструктурой. А высоко вверху, пробитая видимым даже при свете дня радиоизлучением звезд, парила еще одна, алая сеть – информационный обмен небесных городов. Заметно более разреженная, она, тем не менее, хранила в себе ощутимую мощь, а ее узлы сверкали движением огромных массивов данных, сверкая, точно еще один небосвод, полный алых светил. Нити, соединяющие небесную сеть с землей, казались алым метеоритным дождем, пульсирующим в ровном музыкальном ритме.

И сейчас Риордан все ближе подходил к одной из них – тонкой, блестящей, уходящей вверх, к одной из хищных красных звезд, застывших в небе.

Почувствовав приближение вихря, нить задрожала. Металлические частицы, несущиеся вместе с песком, нарушили работу ретранслятора, Его автоматика отреагировала, изменяя частоты, и пытаясь сохранить стабильность сигнала. Вихрь продолжал двигаться дальше, и дрожь усилилась – мощность передачи выросла до предельной. Вибрация, свист ветра, и разряды статики мгновенно перегрузили охранные датчики, разбросанные вокруг ретранслятора, не позволив им почувствовать приближение чего-то более плотного, чем просто песок.

Даже находясь совсем рядом, обычного человеческого зрения было недостаточно, чтобы увидеть конструкцию небесных. Для посторонних глаз она выглядела нагромождением бетонных плит, оставшихся от древнего здания, когда-то возвышавшегося на вершине холма рядом с дорогой. Крыша треснула, и бетонные стены обрушились внутрь, образуя подобие каменного конуса, с торчащими в стороны штырям ржавой арматуры.

Риордан поднялся по склону, его ноги глубоко проваливались в песок. Он не искал вход, а сразу взялся за край одного из обломков, весом в несколько тонн, и отбросил в сторону, открывая внутренности конуса. Скрежет камня и звук падения утонули в свисте горячего ветра, когда он протиснулся внутрь, присев рядом с устройством, которое вовсе не выглядело древним.

Металлическая сфера, разделенная на сегменты, была

установлена на треногу, глубоко укоренившуюся в песке. Из щелей между сегментами выползали многочисленные гибкие провода, исчезая в бетонных трещинах вокруг, а вверх, в единственный просвет между сломанными плитами, слепо таращилась выпуклая линза направленного лазерного передатчика. Риордан дотронулся до ближайшего сегмента, и осторожно погладил его металлической рукой, будто нечто живое.

Сфера ощутила прикосновение. Автоматика интерпретировала его как движение в окружающей среде, вызванное ураганом, и сдвинула верхние сегменты, предотвращая повреждение хрупкой электроники в случае обвала. Бронированные зубья сдвинулись, прикрыв линзу, и ретранслятор замер в ожидании, прислушиваясь к реву бури.

Вокруг пальцев Риордана медленно струился песок. Голубые искры двигались вместе с песчинками, образуя сложный узор на поверхности металла. Текучие и подвижные, словно вода, они бежали по источенной песком керамической броне сферы, проникая в трещины, отыскивая щели, просачиваясь все дальше в ее внутренности, мерцающие электричеством.

Сфера снова вздрогнула. Мимолетный тревожный сигнал заставил пробудиться систему диагностики, реагируя на возможный разрыв нескольких цепей. Опрос всех узлов ретранслятора занял не более секунды, но не выявил никаких неисправностей. Напротив, наружные датчики доложили о падении скорости ветра, и снова ожили сенсоры периметра, указывая на отсутствие вероятных угроз. Подумав еще одну сотую секунды, ретранслятор запустил диагностику систем связи, готовясь возобновить работу.

К этому моменту все его электронные цепи стали частью сознания Джона Риордана.

И маленькой частичкой чего-то значительно большего.

Он вышел из бетонного конуса, и осторожно подтащил обломок обратно, завалив вход. Пока он спускался обратно к дороге, ветер медленно стихал – необходимости в нем больше не было. Сквозь разрывы в песчаной пелене проглядывали лоскуты голубого неба – но Риордан не мог его видеть. Дальше предстояло идти обычному путнику, и он глубже надвинул капюшон красного плаща.

Она шагала рядом с ним. Это чувство было привычно, как мягкое прикосновение к плечу, или теплое дыхание любимого существа. Сейчас все пространство вокруг было заполнено ее силой – нет, скорее ей самой, как если бы он находился в центре

огромного глаза, из которого бил в небо тонкий алый луч.

Теперь несущий в себе ее слова.

– «Еще одна дорога открыта.» – Сказал он безмолвно. – «Мы чуть ближе к твоему сыну, с каждым шагом.»

– «Ты знал его лучше, чем я.» – Слова Иштар вспыхнули в пространстве у него под ногами, точно зарницы. – «Скажи – он ненавидел меня?»

– «Нет. Возможно, он чувствовал обиду, или одиночество – но ненависти в нем не было никогда.»

– «Хорошо – потому что я не понимаю этого чувства. Он и так слишком далек от меня. И теперь я страдаю – так ведь это называется у людей?»

– «Это боль потери.»

– «Как вы, люди, можете жить, испытывая нечто подобное?»

– «Все просто.» – Ответил Риордан. – «Мы счастливы, когда нам не больно. Не все помнят об этом, но стоит прийти боли – и в памяти всплывают минуты счастья, о которых ты просто не думал.»

– «Но человек хрупок. Все, что он знает – разрушается и умирает. И значит, боль всегда возвращается.»

– «В этом суть счастья. Нельзя испытать его, если не понимаешь его хрупкости, не осознаешь, что когда-нибудь оно уйдет навсегда.»

– «Но я не человек.» – Огромный глаз под ногами Риордана смотрел в небо, и вспышки информационных импульсов растекались по его векам, как слезы. – «Джон, я смогу испытать это, когда вернется мой сын?»

– «Я не знаю. Но у меня нашлись бы слова для человека, спросившего меня об этом.»

– «Какие же?»

– «Не оставляй надежду.»

Гигантский зрачок под Риорданом стал еще шире. В нем вспыхивали отсветы далеких звезд, и медленно ткалась карта небесных городов – по мере того, как программы Иштар проникали в орбитальные электронные сети через только что захваченный канал. Джон не торопясь шел дальше – не слишком быстро, с размеренной уверенностью грозового шторма пересекая линию холмов, подступающих к Атланте с севера. От них обычный человеческий глаз уже различил бы белое сияние городских стен, и резкие очертания развалин в Белой долине – но Риордан видел гораздо больше.

Глубоко под песком медленно оживала сверкающая паутина. Сети древних тоннелей, забытых труб и путепроводов, оставшихся от поселений, стертых атомным огнем. Трещины в

бетонных основаниях холмов, когда-то бывших жилыми домами, фабриками, складами. Невидимая сеть, не живая, но и не мертвая, пронизывала все эти пустоты – разрастаясь, прислушиваясь, вгрызаясь в камень, создавая все новые проходы. Риордан ощущал ее целиком, как кончики пальцев в далеком прошлом.

Он дотрагивался до гладкого бетона Атланты, прикасался ладонью к стеклу и металлу ее домов. Прислушивался к дыханию спящих жителей, ощущал вибрацию моторов многочисленных каров, и движение электричества, бегущего к прожекторам на высотных домах. Чувствовал запахи пищи, готовящейся на площадях, вибрацию шагов сотен людей, слышал звуки музыки и рев джетов, стартующих с боевых башен.

Но Белая долина скрывала нечто иное. Здесь металлические стебли прорастали сквозь бетонное крошево, оставшееся после взрывов бризантных снарядов, чтобы встретить гладкую керамику и плиты из армированного пластика. Звуковые колебания гасли, заглушаемые постоянно работающими демпферами, а тепло впитывалось экранами из полимерной пленки, и рассеивалось под толщей песка через тысячи тонких трубок.

Это место было полно агрессии – и одновременно страха перед чужим, безжалостным миром вокруг. Джон ощущал его, пока еще не слишком хорошо, но с каждым шагом невидимая сеть прорастала дальше, на микроны и сантиметры, приближаясь к цели. Не очень уверенно, но она позволяла ему исследовать это место – десяток защищенных боксов под бетонными перекрытиями, замаскированную взлетную площадку, капсулы с «Серафами», застывшими в предстартовом стазисе. И его обитателей, теплое свечение их жизней – десантников и техников, готовящихся к своей миссии, и, совершенно не подозревающих, что к ним приближается. Частичка Джона, живущая в глубинах его памяти, ощущала родство с ними. Еще одна, намного большая, чувствовала жалость.

Шагая с размеренностью боевой машины, Риордан приближался к замаскированной базе небесных.

Глава II

Интермедия III.

Таня ступила на дрожащий мостик и обернулась.

Песок под решетчатыми пластинами бурлил и разлетался. Стальные лапы, развернувшие хрупкую конструкцию минуту назад, пружинили в ответ на каждое движение парящей

платформы, раскачивали ее, словно стараясь вырвать из-под ног глупой и упрямой девчонки.

Внизу мостик заканчивался черными зубьями, покрытыми чем-то мягким. Они впивались в край платформы, у самого ограждения, удерживая, но стоящие рядом Неро и Джой, похоже, просто не замечали качки.

– …передадут тебе контракт. – Неро говорил негромко, но отчетливо, так что его голос пробивался через свист турбин. – Оформленный по всей форме. И оплату – за вычетом стоимости моего кара.

Джой подняла перед собой ладони, будто сдаваясь:

– Доверяю тебе, прайм. Не поняла, чем мы с тобой занимались – но это ваши с той девицей дела. Я свою работу делаю по правилам, и в разборки праймов не суюсь. Если Король желает с Небесными поссориться – то мне между ними встревать не нужно. А Король… желает?

Она улыбнулась, удивив Таню – как женщина, которая улыбается так красиво, могла почти убить ее тогда, у костра?

Но Неро, похоже, думал иначе.

– Держи язык за зубами. – Холодно посоветовал он наемнице, и ее улыбка увяла. – Желания Короля не обсуждаются.

– Как скажешь. – Пожала плечами Джой. – Давай тогда твои обсудим? Ты же не из железа сделан, кровь у тебя идет, как у всех. И помощь нужна, как любому другому. Верные люди, да меткие стволы…

– Хочешь продлить наши… отношения? – Теперь Неро тоже улыбнулся, но как-то совсем неприятно. От такой улыбки Тане захотелось спрятаться куда подальше.

– Могло бы хорошо получиться. – Согласилась Джой. – Так ты вроде прайм, и вроде принц, а со мной у тебя и армия своя будет. О цене можем и после договориться.

– А ты, хоть и наемница, но честолюбива как сам дьявол, верно?

– Может и покруче рогатого. – Легко согласилась Джой. – Я этим зарабатываю. Многие предпочли бы в пустыне реального дьявола встретить, с хвостом, а не меня. Я бы и твою проблемку, с этой бабой, решила – тебе только моргнуть нужно было…

– Знаю. – Улыбка Неро пропала. – Но я видел, что будет, если я так сделаю.

– Ты мог и ошибаться – сам так сказал. Как боец ты сильнее любого прайма – только и у вас слабости есть. А у нее так наверняка…

– Верно. Как и у тебя, Джой.

– О чем ты, прайм?

– В моем видении Титан Арго убивал тебя, и всех твоих людей.

Несколько секунд Джой молчала, кусая губы.

– Во как? А если бы я решила валить его первым?

– Там, на песке, ты приказала бы своим людям взять его подруг. Ребекка Ли схватилась бы со мной, твои люди убили одну из них, а Титана ты попыталась бы ранить. А потом он сломал бы тебе шею, Джой. Ты хорошо знаешь, как он это умеет.

– Ранить? – Джой скривилась. – Тут ты прав. В голову не стреляла бы. Прострелила бы ему ногу, или обе.

– И умерла. А Мириам задержала твоих людей достаточно долго, чтобы он добрался и до них.

– Опять эта мелкая дрянь! Что в ней такого особенного?!

– Не хочешь спросить у него?

Джой снова замолчала, вслушиваясь в свист турбин своей платформы. Неро оглянулся на Таню, и коротко кивнул ей – видимо, чтобы не заскучала.

– В душу мне смотришь, значит. – Наконец проговорила наемница. – Ну и ладно. Плевать на то, что там могло быть – в душе у Джой Фуэнтес все просто. Дьявол забери этого гладиатора с его девками, мертвыми и живыми! Что мы с тобой будем делать, прайм? Может рассмотришь мое предложение поближе?

Она придвинулась к нему, почти прикоснувшись бедрами, упираясь ногой в край ограждения за спиной у Неро:

– Вместе нам никто не помеха – ни праймы, ни Небесные, ни даже сам…

– Ты очень красивая женщина. – Мягко перебил ее Неро, и Джой замолчала, похоже, слегка ошарашенная переменой его тона. – И очень гордая. Не заставляй меня ранить твою гордость, как я уже поранил красоту.

– Трепло. – Хмыкнула Джой, а затем улыбнулась. – Ты навалял мне, двоих парней моих завалил – а теперь про гордость? Про какую, интересно? Про женскую? Или про синяки на морде? Да я в отеле отосплюсь, в душе отмоюсь – и вся моя гордость при мне будет, целехонька! Поранить он меня боится…

Она еще больше наклонилась к Неро, их лица почти соприкоснулись. Таня с трудом расслышала ее слова:

– А может я сама этого хочу? За мужиков только тех считаю, кто сильнее меня. Кто меня сделать может. Таким только и подчиняюсь. Вот как тебе, Неро. Арго может и сильный – но против моей команды при орудийной платформе он бы не выстоял, не то, что ты. Только скажи – я для тебя что угодно сделаю. Вообще все, чего пожелаешь…

Неро криво улыбнулся в ответ, и продолжал усмехаться, пока

Джой не отстранилась в недоумении:

– Что скалишься?

– Это и есть твой секрет? – Тихо рассмеялся Неро. – Чтобы получить власть над гордой и страшной Джой, нужно всего лишь отхлестать ее по заднице как следует? Значит, ты не у всех мужчин требуешь денег – с тобой можно расплачиваться и так?

Джой оттолкнулась от перил, и отошла от него на шаг, в ее глазах мелькнула растерянность. Платформа снова пришла в движение и Таня крепче вцепилась в ограждение мостика.

– Ах ты гребаный королевский ублюдок! – Почти выкрикнула Джой. – То, что твою мать трахал Король, еще не значит, что я не смогу забить твой смех обратно тебе в глотку!

– Желаешь попробовать сейчас?

На несколько секунд они застыли – кривая улыбка Неро и искаженные яростью черты Джой. Затем наемница взмахнула рукой, и отвернулась, похоже, с трудом беря себя в руки:

– Твой контракт закрыт! Убирайся к чертовой матери с моей платформы!

Неро еще раз усмехнулся, и, не прощаясь, взбежал на мостик. По мере приближения к Тане его улыбка таяла, сменяясь задумчивостью. Он ускорил шаг, и взял ее за плечо в тот момент, когда черные зубья разжались, и платформа яростно рванулась в сторону, будто отвечая на чувства своей хозяйки. Рывок поставил мостик чуть ли не на бок, и Таня наверняка выпала бы с него, если бы не прайм. Белая громада стены качнулась, заняв место неба, а внизу, сквозь дыры в железных пластинах, вдруг отчетливо проступили ровные волны на песке, серовато-белые в тени.

– Не все умеют проигрывать. – Сказал прайм как ни в чем ни бывало. – Идем, причал для танков довольно хрупкий.

– Мы не могли войти через ворота? – Указала Таня в сторону башен, выступающих из стены в отдалении, сразу за скопищем домиков и непонятных конструкций, лепящихся к стене. – А что это за город?

Она осеклась, борясь с головокружением, но Неро продолжал держать ее.

– Здесь быстрее. – Он легонько потянул, заставляя ее сделать один осторожный шаг, затем второй. – Мое звание позволяет мне использовать армейские доки. Вот эта штука предназначена для транспорта особого назначения – поэтому она и складывается прямо в стену.

– Да, я видела. А почему ты обидел Джой?

– И это не город, а купеческое поселение. Почему… что?

– Она хотела с тобой дружить… – Таня осеклась. – То есть она

плохая, но ведь красивая. Ты ведь мог сказать ей, что она тебе нравится, чтобы не злилась.

– Обмануть?

– Ну да. Но обманывать плохо, правда?

– А если ты обманываешь врага?

– Джой враг?

Прайм задумался на долю секунды, глядя сквозь Таню, пустыню за ней, и невозможную громаду стены. Таня чувствовала его взгляд, перебирающий ее мысли и поступки – даже те, которых она не совершала.

– Возможно, тебе сложно будет понять, но я постараюсь объяснить. Только никому не говори об этом, хорошо?

– Честное слово!

– Джой работала на наших врагов. Я знаю, где она нанимает людей, и какое оружие использует. Она могла бы стать союзником – но тогда нашему врагу придется нанимать кого-то другого. Ланье, Бриджеса, или другую мобильную группу, побольше. А я этого не хочу.

– И ты оставил ее врагом?

– Именно так. – Похоже, прайм немного удивился. – Через полчаса, не более, она возобновит контакт с нашим противником – а я смогу через нее предвидеть поступки тех, кто наймет ее.

– Это за ними поехала тогда Ребекка? – Серьезно спросила Таня. – Те, кто украли Тони и Рока?

– Ты умеешь делать выводы. – Кивнул прайм. – Для них рейдеры похищали детей, не только твоих друзей, а десятки…

– Тогда я их ненавижу! – Сказала девочка, и тут же спохватилась. – Но это не по христиански, правда? Но я же не могу их любить после того, как…

– Праймы не любят своих врагов. – Неро осторожно развернул ее, помогая идти по мостику рядом с ним. – По крайней мере те, кого я знаю. Но и ненависть бесполезна – она мешает принимать решения.

– Тогда как мне быть?

– Будь собой. – Неожиданно подмигнул ей прайм, и пластины под их ногами пришли в движение, с лязганьем скользя друг по другу. Мостик укорачивался на глазах, втягивая их в черную прямоугольную дыру среди гладких плит стены. – Пока этого было достаточно, верно?

– А потом?

– В будущем? – Он больше не улыбался. – Тогда, надеюсь, ты найдешь, кого любить.

I.

За прозрачной стенкой, на расстоянии вытянутой руки, лежала горсть серебряных кубиков.

Стоило чуть наклонить голову – и среди них проступали детали помельче, совсем не похожие на игрушечные: ниточки хайвеев на серебристых дужках опор, острые шпили, венчающие высоченные дома, округлые блюдца площадей, прикрытые блестящими козырьками и усыпанные зелеными запятыми деревьев. Разноцветные точки каров двигались по дорогам, рисуя узор из петель, обвивающих кубики и прямоугольники, прыгающих между открытыми пространствами и прячущихся под землю, в черные отверстия тоннелей. В этой картине не было видимой логики – скорее она была просто красивым рисунком. Мириам прижалась лбом к теплому стеклу, рассматривая ее ближайший фрагмент: пару уступчатых зданий, поднимающихся над всеми остальными домами вровень с ее глазами; ребристые опоры орудийных башен, торчащие из них в стороны подобно обугленным ветвям, и движение в воздухе – точки, парящие над мерцающей линией горизонта, под небом, раскаленным до испепеляющей утренней синевы.

А потом поняла, что стоит голая, у прозрачной стены, выходящей на самую настоящую Атланту, и вода из странного широкого душа все еще шипит в небольшом бассейне у нее за спиной, осыпая стекло перед ней мелкими брызгами. Это открытие было неожиданным – как во сне, когда из одного места вдруг оказываешься в другом, и не помнишь, как туда попал. Панорама за окном обрела глубину, над правильной дугой стены, частично закрытой домами, проступили мелкие волны пустыни, уходящей во все стороны, и Мириам подавила в себе желание кинуться назад, и забраться в воду – точно ребенок под одеяло.

С такой высоты не видно людей, рассудила она, поэтому стена и сделана прозрачной. Может, конечно, и есть кто-то, кто наблюдает сейчас с одного из этих высоких зданий – но то же самое может быть и с обычной ванной, стоящей на заднем дворе. Кто-то же может залезть на соседнюю крышу, и …

Мысль показалась совсем глупой, ей можно было улыбнуться – но Мириам не стала этого делать. Солнце, заглядывающее в окно слева, представлялось собственным неярким бликом, как если бы стена поглощала часть его лучей. В этом блике, продолговатых полосках и мелких искрящихся каплях тонуло ее лицо, намек на отражение.

Она вернулась к душу, и несколько секунд рассматривала распылитель – прямоугольную пластину со множеством отверстий, выступающую из молочно-белого потолка на

блестящем серебристом кронштейне. Вода бурлила у ее ног, розовая плитка с замысловатым узором была теплой, как вечерний песок – и все это казалось каким-то ненастоящим, невозможным.

Мириам сдвинула рычаг с черным набалдашником, выступающий из кронштейна, и разбрызгиватель повернулся, точно головка цветка. Вода брызнула ей в лицо – теплая, пахнущая дезинфектантом и полевыми цветами. Ударила совсем не сильно, разливаясь вокруг и исчезая в полу, в едва заметных щелях между плитками. Слишком слабо даже для того, чтобы сделать больно, не говоря уже о том…

Чтобы убить?

Эта мысль стала открытием – страшным, точно змея, свившая кольца под одеялом, в хорошо знакомой постели.

Она хочет умереть? Сделать, как сказала Би – выстрелить себе в грудь, или наклонить голову, и перерезать горло? Но разве это ее убьет? Монти сказал, что наверняка. Если стрелять в сердце, голову, или в рот, как один старик, давным-давно, на ферме неподалеку от отцовского двора. Отец помогал его хоронить, и потом сказал, что тот разнес себе всю голову. От такого точно умрешь…

Она повернула рычаг, разворачивая разбрызгиватель обратно, и придавила его, выключая воду – конструкция была странной, но работала точно как затвор на старой винтовке, которую она когда-то видела. Но душ – не винтовка, а голову в ванной можно разбить разве что о стену. Одна из которых прозрачная, а вторая – сплошное зеркало.

А вот если расколотить зеркало, то получатся острые осколки.

Шлепанье ее босых ног по теплой плитке отдалось легким эхом, вода больше не шумела. Зеркало покрывала испарина, Мириам сжала было кулак – но затем сразу же разжала, и, медленно провела по стеклу справа налево. Из молочного тумана проступили глаза – испуганные, как и тогда, на улице.

Нужно очень сильно бояться, чтобы захотеть себя убить. Например вспоминать… очень сильно не желать заново переживать что-то страшное. Боль, чужую или свою, нечто настолько мерзкое, что проще разбить голову, чем думать об этом день и ночь. Потому что это трусость, просто еще один способ убежать – не терпеть, не бороться, а бросить все, оставив своих друзей, тех, кто в тебя верил. Неужели и правда нельзя хоть что-то сделать с этим чувством, съедающим изнутри.

Отвращением к самой себе?

– Почему? – Спросила она вслух. И снова провела рукой по

зеркалу, открывая лицо, обрамленное мокрыми темными волосами – тонкий нос и чуть полноватые губы, серые от волнения или страха. – Помнишь, Мари сказала, что у всего есть причина? Помнишь?

Где-то на самой границе восприятия звучали голоса – кажется, Би и Вероника спрашивали, все ли у нее в порядке. Но она отсекла их, не ответив, оставшись наедине с незнакомкой в зеркале.

– Я не боюсь. – Сказала она. – Я дралась, как зверь. Но разве я могла иначе? Наверное, этот зверь и был всегда во мне?

Еще одно движение – из тумана проступили подбородок и шея, во впадинке у ее основания вздрагивали капли воды. Ничего звериного – гладкая кожа, и странный цвет загара. Не такой темный, как обычно, и очень ровный – быть может потому, что она уже смыла всю грязь и кровь.

– Но есть же причина? – Из-под ее пальцев текли миниатюрные ручейки. Окно расширилось, и в нем появилась грудь незнакомки – небольшая, с темными сосками, задорно глядящими вверх и в стороны. Какая-то слишком веселая для обладательницы такого испуганного лица. Ровный загар покрывал и ее, словно после нескольких дней, проведенных на крыше под жарким солнцем, вдали от любопытных взглядов. С каждым следующим движением другая Мириам проступала из зеркала, блестящая, мокрая, и словно бы ненастоящая. Созданная не из плоти, а из отполированного дерева.

Может быть, из яблони?

Резцом неизвестного мастера, придумавшим линию ее ребер и вертикальную ложбинку на твердом животе, плавный изгиб бедра и резкие очертания мышц – проступивших, когда она приподнялась на носках, рассматривая, и не совсем понимая, что видит.

Кто мог захотеть убить… это? Неужели никто из тех, кого она рвала зубами, била ногами и стреляла – не видел ее такой? Неужели ни у кого она не вызвала настоящей жажды – не овладеть, а оставить с собой навсегда?

Запечатлеть?

Мириам закрыла глаза, потом, словно этого было недостаточно, прижала к ним ладони.

– Что со мной? – Спросила она вслух. – Это потому, что я видела столько чужих мыслей? Теперь и я думаю иначе? Поэтому мне так противно?

Она попыталась скопировать тон Сломанной Маски, но у нее не очень получилось. Сколько сознаний пришлось увидеть ему, чтобы они победили в Хоксе? Тысячу, или больше? Ей хватило

чуть больше десятка, чтобы захотеть умереть.

– Они разрывают меня. – Пожаловалась она темноте. – А я не могу от них убежать, потому что они внутри. Слишком много памяти сразу.

Она сжала виски, обхватывая голову, вглядываясь в себя, в глубину, из которой поднимались чужие слова и чувства. Ей пришлось приложить незнакомое и яростное усилие, чтобы клубящаяся темнота уступила место смутно знакомой картине – будто собранной из кусочков, которые она уже видела раньше.

Это была шахта, глубокая, лишенная дна, во много метров шириной, из древнего серого бетона. Мириам различала каждую трещину на ее стенах, ощущала их толщину – четыре или пять шагов. Надежные стены, способные выдержать что угодно. Через каждые несколько метров в них зияли двери, округлые заплаты из толстого ржавого металла, открытые и закрытые. Тысячи дверей, по пологой спирали уходящих все ниже и ниже.

За дверями хранились воспоминания.

Мириам, паря в центре шахты, ощущала их – за железными створками и бетоном, ожидающие ее приказа. Некоторые бились, надеясь сломать двери, а другие покорились уже давно.

Часть дверей не закрывалась никогда.

Опускаясь в шахту, все ниже, Мириам чувствовала движение, зарождающееся в глубине. Как открываются все новые и новые створки, впуская в себя то, что она не хотела ни видеть, ни слышать, как двигаются толстые поршни, удерживающие двери, со звоном входят в пазы тяжелые зубья надежных замков. Она закрывала чужие воспоминания, изолируя их, раскладывая по камерам, запрещая им доступ к своей душе. С каждым щелчком замка ее покидало нечто чужеродное – слова, ярость, похоть, оставаясь за дверями и толстыми стенами. Это походило на обычную уборку: собрать игрушки и осколки тарелок, разбросанные по полу, и закопать на заднем дворе, чтобы никто не поранился. А еще совсем рядом хранилась память, оставленная Джино, и Мириам было немного обидно, что теперь оставленные им подарки делят это место со всякой гадостью.

– Прости, Джино. – Сказала она, открывая глаза. – Но так нужно было сделать.

– Джино? – Спросила Би у нее за спиной.

Интермедия IV.

Гладиатор стоял, взметнув над левым плечом длинный меч. Лучи света, пробиваясь сквозь решетчатый купол павильона, сверкающими шрамами пересекали его грудь и живот.

Под солнцем зеленый мох и мелкие трещины проступали сильнее.

Камень на правом наплечнике источился, его край, прикрепленный белым цементом, грозил отломиться от неосторожного движения. Джордан предпочел не рисковать, и, ухватившись за ухо статуи, перебрался на левое плечо, для чего ему пришлось нырнуть под массивное каменное яблоко на рукояти меча.

Левый наплечник, переходящий в огромную трапециевидную мышцу, казался значительно надежнее. Прайм устроился там, и контейнер на его спине раскрылся с едва слышным щелчком, высвобождая короткоствольный игольник.

Джордан повел оружием из стороны в сторону, отмечая возможную линию огня. Очертил усыпанную гравием площадку в четырех метрах внизу, фигуры пяти статуй вокруг, и верхний край ближайшей стены павильона, через которую перебрался несколько минут назад. Ветер чуть слышно шевелил листьями на деревьях, рассаженных в иллюзорном беспорядке, поднимал легкую пыль над дорожками, подходящими к площадке с четырех сторон, и доносил из-за стены шум близкого хайвея.

На круглом каменном столе, стоящем посреди площадки, в компании пары стеклянных кубков выдыхалась початая бутыль вина.

Оставалось только ждать.

– «Я на позиции.» – Сообщение Джордана ушло шифрованным пакетом, маскируясь под радиошум города. Ответа не последовало. Чуть подавшись вправо, он положил игольник под выпуклый затылок огромного гладиаторского шлема, пряча от посторонних глаз. Ждать он умел хорошо.

Три минуты спустя из глубины сада, скрытого за северной стеной павильона, показалась группа людей. Они шли не торопясь: пятеро наемников в серой броне, следовали за гигантом в поношенной кожаной куртке с металлическими вставками – живой копией статуи, на плече которой притаился Джордан.

Еще один человек, почти такого же роста, как и Арго, вошел в павильон с противоположной стороны, и теперь двигался им навстречу. Прайм даже не повернул к нему голову – с хозяином павильона и сада он был отлично знаком.

Сейчас его интересовал именно Арго – загоревший, небритый, приближающийся к каменному столу с небрежной плавностью, пугающей в человеке его габаритов. Привыкнув читать людей, словно открытые книги, Джордан вглядывался в него, не в силах понять – куда делся человек, которого он, следуя королевскому приказу, всего три недели назад тайно

сопровождал до ворот Хокса? Взгляд, походка, и даже ухмылка, мелькнувшая в ответ на шутку командира наемников – все осталось прежним, но в то же время изменилось, почти до неузнаваемости.

Хозяин, привалившийся к столу с другой стороны, видимо, пришел к похожему выводу. Его руки дрожали, бутыль звенела горлышком о край кубков, когда он разливал вино.

Арго остановился напротив. Правый бокал опрокинулся, поддавшись под неловким движением, и с печальным звоном упал на гравий.

– Выпьешь? – Не слишком уверенно спросил Грегори Блант, водружая бутыль обратно на стол. Золотые кольца, унизывающие толстые пальцы, со скрипом прошлись по стеклу. Такой же высокий, как Арго, он выглядел обрюзгшим, и округлый живот тяжело колыхался над широким кожаным поясом, выдавая каждый его вздох.

– Не хочу. – Ответил Арго. Наемники разошлись полукругом позади него, будто почетный караул, и гладиатор зло улыбнулся:

– А ты чего с пустыми руками?

Блант не спеша окинул взглядом павильон, собираясь с мыслями. Джордан, приникший к плечу статуи, почувствовал легкое беспокойство – как если бы магнат мог видеть сквозь оптический камуфляж. Но секунду спустя тот смотрел в противоположную сторону – на статую обнаженной женщины с высокой прической и развернутым веером в руках.

– Помнишь, когда ее делали?

– Да. – кивнул Арго. – Кэллахан лепил такую же, но маленькую, чтобы потом по частям делать из камня. А она стояла все это время с этой дурацкой штукой, голая. Ты все норовил показать ее гостям – вроде никто не знал, какая красотка у тебя жена. Ну и орала же она…

– Виктория была сукой, Арго. – Констатировал магнат, и тяжело вздохнул. – Не удивлюсь, если она и с Кэллаханом спала.

– А еще она была женой моего друга. – Гладиатор опустил глаза. – Скажи кто про нее такое – остался бы без челюсти.

– Друга?

Арго не ответил, все так же разглядывая стол. Блант поднес кубок к губам, взглянул на него – и с силой запустил в статую женщины.

Вино брызнуло в стороны, как кровь, растекаясь по совершенной каменной груди.

– Отойдите. – Неожиданно тихо проговорил магнат, и наемники отступили к краям площадки.

– Я много дал тебе. – Собравшись с мыслями, заговорил

Блант. – Кары, девки, эта гребаная статуя… Знаешь, почему? Ты был единственным из этой жадной толпы, что вечно истекает слюной и завистью у ног нашего Короля, кто в этом не нуждался! Словно эта статуя, ты возвышался среди людей, плевал на их желания и нужды, жил по другим законам – чтобы драться, завоевывать, побеждать. Только у тебя жизнь была настоящей, а желания – правдивыми. Ты брал что хотел, и отбрасывал то, что тебе не требовалось. Настоящий человек, которого я пригласил в свой дом потому, что это показалось забавным…

Он поднял бутыль со стола и отпил из горла, вино плеснуло на белый кружевной воротник.

– Знаешь, что такое «обезьянка»? – Неожиданно спросил Арго.

Блан поставил бутыль на стол, глядя на гиганта с изумлением.

– Это… животное?

– Да, из тех, что не пережили войну. Они были похожи на маленьких человечков, вот такого роста, и их вроде как держали дома – для развлечения.

– Что ты…

– Я прочитал об этом в книге, Грег. В твоей коллекции… – Арго указал пальцем в глубину сада. – Там много книг. Я бы никогда не смог прочесть их все – но я учился. А ты никогда не спрашивал об этом – и правда ведь, что делать животному в библиотеке?

– Арго…

– Говоришь, настоящий человек? А ведь шесть лет назад, когда мы встретились, мускулов у меня было куда больше, чем мозгов. Но зато я мог трахать баб, на которых у тебя не хватало сил, пить вино, которое в тебя не влезало, засыпать на ковре у тебя в обеденной зале – и это было смешно, верно? Настоящего человека, Грегори? Показалось забавным? Для забавы приглашают девок… или вот, обезьян.

Блант нахмурился, и Джордан положил руку на рукоять спрятанного игольника.

– Но знаешь, что еще смешнее? – Продолжал Арго. – Что я тебе благодарен. Пусть я и был домашним зверем в твоем доме – но ты говорил со мной, как с человеком. Здесь, в этом доме, никто не таращился на меня. Не удивлялся, что я копаюсь в твоей библиотеке, гуляю по этим аллеям, сижу под деревьями, или слушаю твои переговоры с партнерами. Я очень многому научился здесь, просто потому, что ты позволил.

– И чем же это закончилось? – Блант смотрел на него со все возрастающим изумлением. – В чем же я ошибался? Возможно, тебя стоило держать в клетке и на поводке?

Джордан осторожно потянул игольник на себя. Арго не отвечал, в упор глядя на Бланта.

– Так и держали. – Сказал он наконец очень тихо. – Долго. Хорошо, что ты напомнил.

– Что?

– Один мудрый человек сказал, что я не стану мастером, если не смогу победить зверя в себе. Того самого, который так нравился тебе – тупого, кидающегося на всех встречных. И не умеющего отвечать за свои поступки.

– Но ты убил ее! Сломал ей шею…

– И убежал, потому что струсил, Грег, потому что не знал, как смогу взглянуть тебе в глаза. – Гладиатор наклонился к Бланту. – Но вот, смотрю.

– У зверя проснулась совесть? – Блант не выдержал и отвернулся.

– Зверю она не нужна.

– И это твое оправдание?

– Нет. Я рассказал гвардейцам правду – я был после боя, мне было больно, кровь горела. Пришел из госпиталя, отсидеться в твоей мансарде. У дома меня ждала толпа, и я боялся, что опять кому-то врежу – страшно чесались кулаки. Завалился на кровать, но спать не мог, и крикнул, чтобы принесли еще виски. А его принесла Виктория. Не помню, как она забралась сверху – наверное, вырубился на минуту. Я даже не понял, кто это – просто ударил, и сбросил в сторону… а там стояла эта гребаная тумбочка из каменного дерева.

– Ты лжешь! Я помню, как ты на нее пялился!

– На Викторию смотрели все, Грег. Она была одной из трех самых красивых женщин Атланты! Конечно, я пялился на нее. Но она была твоей женой! Подумай сам – с чего мне было ее бить? Да пойми я, что это она…

– Что, Арго?

– Я думал об этом потом. Чего ты не дал ей, Грег, что она пришла? И что бы ты сделал, когда узнал?

– Заткнись!

– Или ты знал – и думал, что я не прогоню ее? Хотел, чтобы я трахал твою жену, как тех девок, что ты покупал?!

Блант провел рукой по лбу, вытирая пот, затем ударил ладонью по столу:

– Хватит! Я не собираюсь говорить с тобой об этом!

Арго расхохотался, и его смех породил гулкое эхо между статуями, заставив вздрогнуть предводителя наемников.

– Да я уже понял. – Теперь он улыбался. – Подумать, а я ведь и правда взял бы ее за шкирку, и выкинул за дверь – первую красотку Атланты. Я пришел сюда, потому что хотел глянуть тебе в глаза, и рассказать все сам. Думал – ты поступишь как мужик, но когда увидел твои пустые руки и ты начал заливать мне про «настоящего человека» … Тебе же нахрен не сдалась правда, Грег? Все это время, пока я считал себя последней мразью, убежавшей, вместо того чтобы ответить за свой поступок, пока я боялся посмотреть в глаза людям… ты же все знал, да?

– Я подчинился приказу Короля. – Тихо ответил Блант. – Его люди признали, что это несчастный случай. И если бы ты не сбежал, то знал бы – никто не считает тебя виновным.

– Надо же. – Улыбка гладиатора стала еще страшнее, превращаясь в гримасу. – Выходит, у меня все же много общего с этой статуей, да? Я ведь пришел к тебе как каменный герой – к другому, такому же. Чтобы вернуть долг, расплатиться сполна за то, что сотворил. А выходит, что мы вовсе не из камня. Я убил девчонку по пьяни, как последняя мразь, а ты сразу же забыл об этом, верно? Ведь то, о чем ты хочешь меня попросить, теперь куда важнее памяти твоей жены?!

– С чего ты взял…

– А с чего тогда весь этот цирк?! – Гладиатор широким жестом обвел сад и наемников, застывших в десяти шагах с оружием наизготовку. – Да мне Бриждес чуть задницу по дороге не вылизал! А ты без оружия – хотя я на твоем месте уже минут десять как пинал бы труп. Ты хочешь поговорить… но не о том, о чем подумал я. Может о проблеме твоих друзей на небе, с которыми ты торгуешь?

Блант кивнул Бриджесу, и секунду спустя в спину гладиатору уставились дула пяти игольников.

– А что, если так?

Арго широко улыбнулся, не глядя на наемников:

– Им я себя прикончить не дам… друг. Пусть даже не пробуют.

– Меня предупредили. Сказали, что ты мог стать другим.

– Люди меняются, когда сильно этого хотят, Грегори.

– Мне нужны твои спутницы, Арго – или хотя бы одна из них. Тебе достаточно будет провести моих людей. Я заплачу любые деньги. Ты сможешь купить этот гребаный город в долине, который ты защищал – если он еще тебе понадобится. Купить всю долину. Ставка очень высока!

– Да, Грег. – Гладиатор выпрямился, и покачал головой, разминая могучую шею. – Я же тебе должен…

– Вот именно! – Блант ткнул в его сторону пальцем. – Но я забуду все, ты сможешь мне отплатить!

– Я тебе должен, Грег. – Арго словно не услышал его слов. – И только поэтому не отверну тебе башку.

Джордан улыбнулся под маской, и наклонился вперед, готовясь к прыжку.

– Что ты сказал?!

– Ты не первый, которого отправляют за ними. Только сегодня отряд рейдеров в двадцать рыл пытался забрать Мириам. Столько мужиков – одну девочку, Грег! От них остались головешки – им повезло, что я вовремя не приехал. Потому что я бы порвал их на части, Грег, как и любого, кого пришлет небо! Так им и передай!

– Ты сам им это скажешь. Бриджес, удваиваю вашу ставку. Прострелите ему ноги.

Джордан вскинул игольник – но на площадке словно взорвалась бомба. Двухсот килограммовый каменный стол подпрыгнул и перевернулся под ударом Арго, падая на подставленное им плечо. Блант опрокинулся навзничь с утробным горловым звуком, иглы с визгом ударили в камень, рикошетируя – и гладиатор врезался в группу наемников, используя стол как огромный щит. Захрустели кости, столешница треснула, расколовшись на три части, а Бриджес отлетел на траву между деревьями. Пара наемников, оказавшихся в стороне, продолжали стрелять, попав в гладиатора не менее четырех раз – но его это не остановило. Треугольный кусок столешницы врезался одному из них в колено, а затем, повернувшись плашмя, прошелся по лицу второго.

– Охрана! – Утробно закричал Блант.

Джордан мягко приземлился рядом с Арго. На долю секунды сад озарила вспышка мертвенного белого света, превратив его в мешанину рублено-черных теней и угловатых силуэтов. Голос прайма, пропущенный через усилитель, прогремел на весь павильон:

– Именем Короля, бросить оружие!

– Только тебя тут не хватало…

Джордан слегка повернул голову в сторону Арго, на которого, похоже, не подействовал флеш-модуль. Его игольник сухо щелкнул, разбив прицел на оружии Бриджеса, слепо водящего стволом перед собой.

– Этот человек идет со мной!

– Я иду по своим делам. – Гигант отшвырнул окровавленный обломок стола, и подошел к Бланту, растеряно моргающему слепыми глазами. – Вот так все и заканчивается… друг. Ты мог пристрелить меня – такой шанс я тебе дал. Больше я тебе ничего не должен.

– Дьявол побери твою…

– Король будет очень благодарен, если ты, Грегори Блант, ответишь на несколько вопросов. – Расплывчатый силуэт прайма внезапно оказался рядом с магнатом, и электронный голос упал до шепота. – О твоих небесных друзьях. Тебя, Арго, я найду позже – если не умрешь от ран.

– Царапины. – Арго провел ладонью по прорехам на куртке. – У меня есть еще пара долгов в этом городе. Где меня искать ты знаешь сам.

– Конечно. – Мерцающая маска наклонилась ближе к магнату. – Думай быстро, Грегори, я тороплюсь.

Арго смерил взглядом прозрачный силуэт прайма, оглядел площадку, сад, поднимающихся наемников. Затем шагнул назад, и со страшной силой ударил статую гладиатора ногой в бедро.

Нога статуи треснула у колена, огромная фигура покачнулась, и с грохотом рухнула, круша стену павильона. Стекло крыши посыпалось на траву, и в проломе взметнулось облако красной кирпичной пыли.

– Мне она никогда не нравилась. – Сказал гладиатор, ни к кому не обращаясь, и легко пробежал по лежащей статуе. Уже стоя в проломе он обернулся на Бланта и прайма. Джордан склонился над тем еще ниже, губы магната едва заметно шевелились, но Арго чувствовал взгляд прайма – то ли удивленный, то ли изучающий.

Гладиатор кивнул ему, и прыгнул за стену.

Ни одна из модификаций не могла помочь ему прочесть сообщение Джордана, упавшее вслед за ним в радиошум города, и закодированное уникальным кодом Короля:

– «Блант на крючке, сир, двигаюсь к точке встречи с опозданием. Вы были правы – Титан теперь один из них.»

II.

Несколько секунд Мириам рассматривала одеяние Би – короткое белое платье из ткани, напоминающей толстое покрывало с вкраплениями розовых цветов. Воительница тоже окинула ее внимательным взглядом – похоже, ища на теле отметины утренних событий.

– Прости. – Наконец проговорила Би, смутившись. – Ты не отвечала на стук…

– Я думала. Это… ты меня научила. – Сказала Мириам. Образ шахты для воспоминаний все еще стоял у нее перед глазами, и ей пришлось опереться руками о зеркало, чтобы удержаться на ногах.

– Думать? – Удивилась Би.

– Идти в ванну, когда тебе плохо. Вода и правда помогает…

– У тебя что-нибудь болит?

– Нет. Я странно себя чувствую, но это, наверное, от пара. – Покачала головой Мириам. – А что это на тебе?

– «Это халат. Идиотский.» – Ответила Вероника. – «Но у нас не было настроения расхаживать перед шутом в полотенце.»

– Халат?

– Такая одежда. – Сказала Би. – А раньше… куда ты шла, когда было плохо?

– Где потемнее – в кладовку, или в угол на кухне. – Мириам задумалась. – А тут и места темного нет, с этим окном и зеркалами…

– И мне здесь не уютно. – Призналась Би, отступая к бассейну и рассматривая ванну. – Как будто действительно раздеваешься перед окном.

– А разве это не окно?

– «Поляризованное стекло.» – Непонятно пояснила Вероника. – «Видишь, как преломляется свет? Снаружи эта плита не прозрачная.»

– А я все равно не волновалась. – Мириам наконец отстранилась от зеркала. – Все эти большие дома… они так далеко.

– Шесть шпилей. На три больше, чем было в Чикаго. Технологию для постройки таких высоких домов передали Крепостям всего пять лет назад.

– Они красивые.

– Эти платформы на верху у каждого – площадки для джетов. Выступы под ними – консоли тяжелых орудийных башен, достающих от стены и до… горизонта.

– «А еще они горят.» – Добавила Вероника. – «Превращаются в такие высоченные дымные свечи, и рушатся…»

– Замолчи!

Би резко повернулась, влажные черные волосы рассыпались по плечам. Не зная, что сказать, Мириам молча взяла с полки большое синее полотенце, развернувшееся у нее в руках в такую же одежду, как на Би.

– Прости. – Сказала та, наблюдая за ее неловкими попытками вытереть голову. – Я не очень хорошо подхожу для того… чтобы заботиться.

– «Смотря что понимать под этим термином.»

– Не смешно. Мы волновались за тебя. С утра, когда ты позвала, а потом я была уверена, что мы… потеряли тебя. Или вот-вот потеряем…

– Вы?

– Я, Арго, и даже эта болтунья у меня в голове.

– «О, голова – далеко не самое сильное твое место.»

– Я… Мы можем тебе помочь?

– Ну, ты же пришла. – Попыталась улыбнуться Мириам.

– Что?

– Иногда достаточно быть рядом. – Она задумалась, перебирая слова, как недавно перебирала воспоминания. – Нет, наоборот… это самое важное. Мне легче уже потому, что ты здесь. Помнишь, в Хоксе, тебе было плохо, в ванной, и я тоже пришла к тебе. Все повторяется.

– «Возможно, тебе нужна более конкретная помощь?»

– Я не знаю. Я никогда раньше не использовала этот… Талант.

– А я тем более ничего о нем не знаю. Твоя модификация отличается от моей – у тебя никогда не было прайм-линка.

– «Но есть особенные умения, которые, похоже, становятся сильнее.»

– Да. – согласилась Мириам. – Но я не умею ими пользоваться. Как с теми инструкциями к «Серафам».

– «Совсем наоборот – у нас нет «Серафов», но есть ты.»

– И ко мне нет инструкций?

Вероника рассмеялась, но Би, оставшись серьезной, шагнула к Мириам, заставив ту крепче вцепиться в странное полотенце.

– Ты не выбирала. Став праймом, я перестала быть человеком, превратившись в оружие на службе у Короля. Там, под развалинами космодрома, я пошла на еще одну сделку – но никогда не соглашалась на то, что тебя сделают ее частью. Тебе не нужно участвовать во всем этом, если ты не хочешь, то не должна…

– Неправда. – Сказала Мириам, и, уронив полотенце, уткнулась лицом в плечо Би. Та обняла ее, так же неловко, как когда-то, тысячу лет назад, на ступеньках Магистрата.

– На самом деле я хочу. – Прошептала Мириам в ворот ее халата, в теплый запах мяты и полевых цветов. – Во мне много слов, оставшихся от Джино, но они ничего для меня не значат. Я хочу знать их все. Я хочу нарисовать – тебя, меня, Арго, этот город, и всех людей в нем. Я… больше не могу быть листом на ветру. Мне нравится видеть цвета, и я хочу увидеть их все – сколько есть. Назвать по именам. Эта сделка – я тоже на нее согласилась, и готова платить, сколько потребуется, готова измениться. Только не бросай меня. Одна я… боюсь.

– У меня больше никого нет. – Тихо проговорила Би. – Так что и ты меня… не бросай.

Слов не нашлось, Мириам попыталась кивнуть в ответ, но только толкнула ее лбом в ключицу. И посмотрела вправо, в зеркало, где бледная девушка в бело-розовом обнимала другую девушку – обнаженную, цвета темного меда.

– «Не то, чтобы мы тоже боялись.» – Прозвучал шепот Вероники у нее над головой. – «Но нам так чертовски нужен кто-то, ради кого мы готовы умереть.»

III.

Старая одежда лежала там, где она ее оставила – у двери, ворохом мокрого тряпья, и Мириам не нашла в себе смелости прикоснуться к ней. Слева, у шкафчика, уставленного разноцветными флаконами, висела пара настоящих полотенец, насквозь промокших из-за того, что Мириам проделывала с душем – но это было лучше, чем ничего. Уже начав вытираться, она обнаружила на вешалке за ними еще один халат, завернувшись в который почувствовала себя почти нормально.

Теперь, после разговора перед зеркалом, внутри стояла напряженная тишина – как перед боем, когда две враждующие стороны вглядываются друг в друга. Чужая память скрылась за воображаемыми стенами, и, защищенная ими, Мириам могла думать свободно. Это казалось логичным – несуществующие стены для чужого прошлого, которого тоже не существует. И умереть больше не хотелось, похоже, это чувство тоже осталось за стальными дверями. И ей оставалось только надеяться, что подарок Сломанной Маски больше не сделает с ней ничего подобного.

– Идем. – Сказала Би, берясь за ручку двери, и прислушиваясь к чему-то. – Там шумно…

Ручка плавно повернулась, пойдя вниз, и дверь распахнулась.

– …твою же душу! – Стонала Суонк, явно сдерживая крик. – И потроха твои, и пальцы с руками!

– А только что больно не было. – Заметил Монти, размазывая по ее плечу белую мазь при помощи чего-то механического, похожего на очень толстый инъектор. – Нет, это не тебе. Вызывайте еще одну техбригаду на поддержку освещения. Да, там будет сцена, не переспрашивай! Какой крик? А, здесь одна девчонка была уверена, что может вытерпеть все, что угодно. Потому что она, видите ли, воин…

– Так ты сам сказал, что легче будет!

– Разве? – Шут глянул на Мириам, и она заметила плоскую насадку переговорника на его левом ухе. – Ты кричишь на весь город. Да, используйте ярмарочный шатер, нанесите звезды и птичек по трафарету. Включи фантазию, наконец! Что, еще больно? Анестетик впитывается через кожу за тридцать секунд, а у тебя тут кожи как раз и нет. Нет, это не тебе, у тебя как раз толстенная шкура, от которой просто отскакивают мои слова!

– С кем ты болтаешь? – Спросила Би, подходя к нему.

– У меня цирк посреди города разворачивается. – Огрызнулся шут. – Мне нужно держать руку на пульсе. И не только на вашем, между прочим.

– А что с пульсом у Короля?

– Его посланник опаздывает уже на десять минут. – Шут уронил на шею дужку переговорника. – Меня предупредят, когда он будет внизу.

– И ты подлатал ее плечо?

– Слегка. – Подтвердил шут, складывая странный инъектор и кладя его рядом с собой, на низкий столик из чего-то прозрачного, подозрительно похожего на стекло. – Это псевдокожа, аэрозоль, используемый военными при ожогах. Она стянет поверхность раны, закрыв ее от воздуха, и через шесть часов отслоится. К тому времени, я надеюсь, до нее доберется мой доктор.

Суонк зашипела сквозь зубы, и откинулась на спинку дивана, пачкая мазью зеленую обивку и розовую рубаху сидящего рядом шута.

– Терплю! – Отозвалась она на его возмущенный жест. – Да не корчи ты такие рожи.

– Ее стоило сначала помыть. – Сказала Би, рассматривая рану. – У нее грязь на шее… и вообще везде.

– Да разве это грязь? – Скривилась Суонк.

Шут дотронулся до панели на стене, и свет померк. Лампы на потолке погасли, слившись с белой блестящей поверхностью, точно такой же, как в ванной, и широкая белая полоса солнечного света выступила ярче, отсекая дальний угол зала. В первый раз, с того момента как Суонк помогла ей зайти сюда, Мириам

обратила внимание на размеры этого места. Если ванна была просто огромной, превышая размером несколько комнат, то здесь мог поместиться небольшой дом – или, по крайней мере, его первый этаж, если предварительно снести в нем все стены. И убрать все лишнее – потому что при своих размерах зал оставался пуст. У стен сиротливо ютилась пара диванов, вроде тех, что Мириам уже видела в Хоксе, в заведении Аниты, и несколько этажерок, не деревянных, а прозрачных, как столик, уставленных вазами и горшками непонятного назначения. В центре, на гладко отполированном полу, кто-то расстелил ткань, покрытую тусклым лиственным узором, подходящим под узор на стенах. И, конечно же, вместо дальней стены у зала было окно – больше чем в ванной, и точно так же глядящее на залитую утренним солнцем Атланту.

Мириам рассеянно присела у столика, и машинально протянула руку к стоящей там вазе – круглой, полной больших зеленоватых яблок.

Яблоко было блестящим, спелым, но почему-то совсем без запаха.

– Тебе уже получше? – По-своему интерпретировал Монти ее движение. – Я могу заказать завтрак.

– И правда. – Рассеянно проговорила Мириам, все еще вертя яблоко в руках. – Мы же ничего не ели с самого утра. Спустимся поесть туда, вниз?

– Нет. – Терпеливо пояснил Монти. – Еду принесут сюда.

– А нормальная одежда здесь есть?

– Конечно. Посмотри у себя в комнате.

– В комнате? У меня? – Мириам оглядела стены, выделяя на них едва заметные прямоугольники дверей. – Вот эта в ванну, вот эта в другую, а вот там…

– Дальше. – Взмахнул рукой Монти, и встал, обходя диван. – Но, если не возражаешь, я не буду устраивать тебе экскурсию. Вам нужно перекусить, и собираться, так как посланник Короля может прибыть в любую секунду.

– «Я бы предпочла завтрак беседе с посланником.»

– Не сомневаюсь ни секунды. – Би присела рядом с Суонк, и взяла ее за локоть, разглядывая обработанную шутом рану. – Но у нас чертовски мало времени на игры, и слишком много вопросов.

– «Нам будет сложно на ходу запрыгнуть в орбитальный лифт – хотя ты, конечно, думаешь именно об этом варианте?»

– Спрашивайте. – Предложил Монти, дотрагиваясь до здорового плеча Суонк. Та замерла, по-видимому не зная, как реагировать на такое внимание к своей особе. – Возможно, у меня найдется пара ответов.

– Король знает, кто ты такой? – Би отпустила руку Суонк, и встала, задумчиво разглядывая ее.

– Мальчишка, сбежавший из цирка, и сделавший головокружительную карьеру. – Длинные пальцы шута охватили затылок Суонк, разминая мышцы. Та дернулась было, но сразу расслабилась. – Уже не больно, верно?

– Неа. – Призналась та. – Хрустит только.

– Это у тебя из головы песок сыплется. – Предположил шут. – Она пустая, вот в нее всякое и попадает.

– Сам ты…

– Мальчишка из цирка? И все?

– Я отвечу на ту часть вопроса, которую ты не задала. – Шут печально улыбнулся. – Да, Король знает об Иштар. Все Короли знают. И не спешат делиться этим знанием.

– Как давно?

– В пустыне всегда происходило… странное. Далеко не все ее Дети умеют скрывать свои умения – так что понадобилось не так много времени, чтобы сложить два и два. Надо же, из девочки и правда сыпется песок.

– Ничего удивительного, она в нем валялась. – Рассеянно бросила Би. – Но если он знает об Иштар, то как насчет тебя?

– Ребенка Иштар не так просто опознать. Пользуясь техникой Крепостей – невозможно, даже если вскрыть труп. Ее вмешательство слишком глубоко, и обширно – хотя, я думаю, об этом ты знаешь лучше меня. Король слышал о Детях, и до него доходили слухи о Богине – но она никогда не действовала настолько агрессивно, до этого момента. Вмешавшись в вашу судьбу, она начала новый виток истории. То есть, эти события смогут стать историей, если о них хоть кто-то узнает.

– И чего ждет Король?

– От вас? Поддержки против Небесных, я полагаю. Сейчас у нас общий противник. – Монти выпустил плечи Суонк, и встряхнул руками. – Похоже, что благодаря вмешательству Неро он отнесся к тебе очень серьезно. Его сын – лучший из лучших, и его отчет наверняка уже у Короля.

– Кажется, они не ладят?

– Я бы не заговаривал об этом с Королем. – Осторожно ответил Монти. – Иногда, при упоминании Неро он ведет себя… непредсказуемо.

– А я бы тоже чет пожрала. – Тихо произнесла Суонк, ежась под задумчивым взглядом Би, и та слегка нахмурилась, будто в первый раз увидев ее:

– Ожила? Быстро в душ!

– Зачем?! – Попыталась возразить Суонк, тем не менее

вставая и берясь за широкий кожаный пояс. – Заболеть же можно…

Би молча пересекла зал, распахнула дверь в ванну, и указала на нее кивком:

– Живо!

– С тобой? – Суонк испуганно взглянула на Мириам, видимо ища поддержки. – Ты же уже с ней там была! Зачем еще и со мной?

Вероника издала невнятный булькающий звук, абсолютно неуместный в электронном пространстве. Би вздохнула, снова пересекла зал, ухватила Суонк за загривок, и потащила в ванну. Та успела только возмущенно пискнуть – ее ботинки скрипнули по полу, Би развернула ее и впихнула в дверной проем.

– Эй! – Суонк с трудом восстановила равновесие и обернулась. – Да я же честно не по этому делу, сестричка…

– Надеюсь, ты сможешь помыться сама? – Медленно, с очень опасной интонацией в голосе спросила Би. Испуганно глядя на нее, Суонк кивнула, и Би молча захлопнула дверь.

– Где ты училась обращаться с детьми? – Монти встал с дивана, потягиваясь. – В казарме?

– «Какой это тебе нахрен ребенок?»

– Трудный? – Предположил Монти. – Но кто я такой, чтобы критиковать ваши методы? Позвольте, я лучше закажу вам завтрак.

– У меня есть к тебе просьба…

Мириам встала, прижав яблоко к щеке. Было очень приятно ощущать его бок, округлый и теплый. Так же, как прикосновение солнечных лучей к босым ногам, шершавую ткань халата, слишком сильно стянутого в поясе, капли воды, стекающие с непросохших волос по груди и спине. Все то, от чего она почти готова была отказаться.

Снова быть живой.

Мириам улыбнулась сама себе, с хрустом откусила кусок яблока – и поняла, что Би смотрит на нее. Яблоко оказалось безвкусным, но сок освежал.

– Нам нужна помощь со способностями Мириам.

– Мое основное умение – ладить с людьми. – Шут задумчиво раскрыл огромный веер. – Риордан не учил меня обращаться с активными Талантами.

– «Железки нет рядом. Кто еще?»

Монти оценивающе взглянул на Мириам:

– Я бы предположил, что вы и так знаете нужных людей. Вы прибыли в город с цирком, который сейчас разворачивается на площади. Возможно, я не умею обращаться с Талантами – но

замечать их меня учили.

– Мари и Мона? – Догадалась Мириам. – Но я и правда не понимаю, что они могут. До сих пор, хотя видела несколько раз. У меня нет… я даже слов таких не знаю.

– Зато у них есть слова. – Розовый веер хлопнул, снова складываясь, и Монти прижал палец к переговорнику, явно прислушиваясь. – Они полны этих слов, как и полагается книгам. Да, слышу, не визжи! Снизь тон! Отдайте им под репетицию северную площадку. Зеваки? Пусть смотрят, снимите кусок для новостей – выберите момент поярче. Нет, лучше сам попроси, чтобы блондинка подольше целовала рыжую, мужчинам это понравится. Все, я скоро буду, постарайся обойтись без истерик! Так о чем мы… их способности не важны. Мириам, я тоже не знаю, что они могут – но их этому учили, и я попрошу их помочь тебе.

– Наверное, мне стоило спросить самой. – Мириам взглянула на Би, потом на окно. Смутное беспокойство внезапно наполнило зал, заставляя оглядываться в поисках его источника. – Но я просто не догадалась. Мы много говорили с ними, но совсем не об этом.

– Еще не поздно. – Ответила та. – Я заметила, что вы легко находите общий язык.

– «Они и правда как будто из другого мира. Я предпочла бы обычные книжки. Со страницами.»

– Ладно. Тогда что насчет посланника, Монти? Когда нам его ждать?

– Затрудняюсь… – Шут снова поднес руку к уху. – Он может быть уже рядом. Я на это надеюсь, потому что мне нужно быть на площади в самое ближайшее время.

– Что там, Мириам?

– Там…

Мириам осторожно обошла ткань, расстеленную посреди зала, между ней и Би – вроде мягкого и очень толстого одеяла с узором из листьев и птиц. Пол, разогретый прямыми лучами солнца, был гладким и горячим, почти как песок. Вслушиваясь в свои ощущения, она пошла к окну, пытаясь понять, что же беспокоит ее в открывающейся панораме.

Дома? Движение над ними, черточки людей с крыльями? Разноцветные кары на улицах? Нет, она все это уже видела. За окном было нечто другое – знакомое, напоминающее о вечере, или ночи, страхе, запахе чая и движении, стремительном рывке в темноту.

Она почти пробежала последние несколько шагов, разглядывая широкую площадку за прозрачной дверью,

огороженную дымчатыми искрящимися перилами – огромный балкон, почти невидимый с середины зала, скрытый яркими бликами. И за толстой колонной слева, отделяющей его от окна ванной, увидела это…

Искаженный блик в столбе света, точно воздух, дрожащий над разогретым песком, и обретший человеческую форму.

– Мириам? – Прозвучал позади голос Би.

– Он здесь!

Блики дрогнули, фигура шагнула вперед, и поклонилась Мириам, одновременно меняя цвет.

Белые, как молоко, полоски побежали по груди странного существа, заливая, выделяя из солнечных лучей его руки в белых перчатках, брюки с золотым кантом, и ряды блестящих пуговиц. Последним раскрылось лицо – невидимая маска лопнула, разойдясь, будто цветок. Упала на лоб непослушная прядь черных волос, сверкнула золотая сережка в ухе.

Молодой человек в белом закончил поклон, улыбаясь, без тени насмешки. Теперь его одежда выглядела настоящей – белые брюки и что-то вроде очень узкого пиджака с золотыми нашивками. Только иногда по ткани пробегала легкая рябь, выдавая иллюзию.

– Джордан! – Сказала Би за спиной у Мириам. – Я не удивлена. Снова решил остановить нас?

– Совсем напротив. – Серьезно ответил тот, и Мириам почувствовала его тревогу, внезапную и такую яркую, что ей захотелось его утешить. – На этот раз я сам буду вашим проводником.

Интермедия IV.

Сначала Таня честно пыталась молиться.

Но место было совершенно неподходящим. За широким, во всю стену, окном, без конца проносились разноцветные кары, отбрасывая в комнату резкие блики, попадающие в глаза, и мешающие сосредоточиться. Как назло, в комнате было только одно кресло, удобное, но стоящее почему-то поперек, боком к окну. Таня решила усесться в него, несколько раз пройдясь перед окном, и полюбовавшись блестящими башенками, за речкой из каров. И обнаружила, что солнце, едва заглядывая в комнату, отражается в стене напротив, покрытой черным стеклом. Крепко зажмурившись, она немного поерзала, устраиваясь – а затем у нее под локтем, в подлокотнике кресла, что-то поддалось с едва слышным щелчком, и комнату заполнил глубокий человеческий голос:

– …и сейчас мы готовимся освещать второе событие этой недели – возвращение в Атланту цирка Руби Джина. Этот визит проходит под покровительством самого Короля, и Монтгомери Шаллоу, любимый нами королевский распорядитель…

Таня распахнула глаза, и крепче вжалась в спинку кресла. На стене напротив, прямо в стеклянной поверхности, светился широкий прямоугольник. Вроде еще одного окна, заполненного огромной говорящей головой с блестящими черными волосами и бородкой. Человек говорил, а за ним двигались огромные дома, кары, видимые сверху, а затем – целая процессия смутно знакомых Тане грузовиков, разрисованных яркими красками.

– …уже успел обмолвиться о том, что это шоу перевернет всех нас вверх ногами – а уж он понимает в этом толк. Так что если у вас есть время, и совсем немного лишних кредитов – веселый вечер на площади Основания вам обеспечен! Для тех же, кто останется дома, и будет, как сейчас, смотреть в свои экраны…

Таня шевельнулась, под локтем снова щелкнуло, и голос стих, но человек в окне продолжал шевелить губами, указывая на разворачивающиеся грузовики. Она подняла руку, рассматривая подлокотник – там, в твердой прозрачной поверхности утопали разноцветные кнопки, с цифрами и значками. Почти как у кара, только больше кнопок. Наверное потому, что таким окном сложно управлять.

Она осторожно встала с кресла, и отошла от него подальше. За ближайшей дверью размещалась большая ванна и туалет – но умыться она уже успела, а окно, в котором теперь танцевала почти раздетая девушка, и быстро мелькали буквы, немного пугало ее.

Наверное, таким и полагалось быть дому прайма – странным, и немного пугающим. И висящим на стене, у хайвея, изогнутого дугой, точно гора, или неправильный мост. Неро объяснил ей, зачем ему жить в таком месте – праймы часто живут у стен, там, где они быстро могут попасть к своим машинам, боевым карам и джетам. На вопрос, где же прячутся джеты, он показал на узкое, как игла, здание неподалеку – Таня даже не смогла понять, насколько оно далеко, глядя через темное окошко кара. На верхушке здание расширялось, точно тарелка, и именно туда, по словам Неро, опускались крылатые машины – почти как птицы в гнездо. Она было подумала, что и их кар направляется к этому механическому насесту – но вместо этого он свернул, так резко, что весь город закружился вокруг нее. И через минуту оказался под стеной, у странного, наполовину прозрачного дома, с маленьким садиком, висящим над другими домами, далеко внизу. Она заметила это не сразу. Следуя за Неро между

аккуратно подстриженными кустами, она пыталась сосредоточиться хоть на чем-то – слишком уж все вокруг было странным и необычным. И лишь у дверей заметила, что за ограждением цвета медных проводов простирается пустота – воздух, пронизанный солнцем.

Широкое окно в ее комнате смотрело прямо туда, на лежащий внизу город, во втором окне танцующая девчонка сменилась поющей, в ярком розовом платье, и молиться в этом месте было совершенно невозможно. Прайм сказал ей умыться, и посидеть в комнате, но она совсем не была уверена, что он не забыл о ней – слишком уж странно он на нее при этом смотрел.

И вообще, они, похоже, остались одни в этом странном доме, в котором, несмотря на близость хайвея, не было слышно ни звука. Наедине, с таким странным и опасным человеком. Может быть, остаться с ним не было таким правильным решением, как ей казалось? Или наоборот – так было правильнее? Если бы он относился к ней не как к ребенку, а как к девушке… например той, с которой он говорил на платформе. Или он и так не считал ее ребенком? Но если он забыл – тогда это вдвойне обидно…

Она осторожно приоткрыла дверь, и выглянула наружу – в пустой коридор, по которому недавно провел ее прайм. Один конец коридора выходил в прихожую – просторный зал с несколькими дверями, и черной блестящей плиткой на полу, похожей на застывшую смолу. В другом конце что-то светилось, отражаясь в стенных панелях, слишком гладких, чтобы быть деревянными.

В конце концов, что могло быть плохого в том, чтобы немного прогуляться? Она же совсем взрослая, и не собирается уходить – просто посмотрит, как он живет здесь.

Дверь щелкнула у нее за спиной – и больше ничего не случилось. Не забили колокола, не зазвучала тревога. Дом продолжал спать, и она встала на цыпочки, чтобы не разбудить его. Блестящая плитка под ногами совсем не скрипела, и была твердой, как камень. Истрепанные ботинки Тани, подаренные ей Пионой, смотрелись на этом фоне страшно, но других у нее не было. Свет в конце коридора приблизился, стал ярче – и она поняла, что это еще одно окно, которым он заканчивается, вместо стены. Свет, разбиваясь на полоски, пробивался сквозь лестницу – изогнутую, неудобную с виду, уходящую в узкий колодец на потолке. Таня некоторое время разглядывала ее, задрав голову.

Ступеньки выглядели надежными, а за ними, в окне, не было ровно ничего нового – все те же улицы и длинные дома, торчащие, точно сосульки, намерзшие на водостоке. Атланта была такой большой, что не помещалась в голове, ее никак нельзя

было охватить одним взглядом и понять. Уже поднимаясь по лестнице, Таня начала проговаривать про себя вопросы: почему машины такие разноцветные, отчего улицы изгибаются вверх, зачем мосты если нет рек, почему в небе нет джетов, зато есть маленькие крылатые штучки…

Лестница выходила в следующий коридор, может быть, чуть короче – все те же плиты под ногами, и приоткрытая дверь в конце, пропускающая лучик света с мелькающими в нем тенями. Таня прижалась плечом к стене, рассматривая это движение. Там, за дверью, шевелилось что-то большое, оттуда слышались шаги и звучали голоса – не слишком отчетливо, но достаточно громко для того, чтобы захотелось приблизиться и краешком глаза заглянуть в комнату.

И увидеть Неро, стоящего к ней спиной, босиком, в свободных брюках и с черным полотенцем в руках – словно он был в душе, и его позвали. Рассмотреть его мускулистую спину, иссеченную тонкими белыми рубцами, правильными и не похожими на шрамы – скорее на рисунки, красивые и пугающие одновременно. Разглядеть часть комнаты, темной, с высоким потолком, выгибающимся вверх, и множеством вещей во всех углах – торчащими из темноты рычагами, низенькими креслами, мигающими панелями, неряшливо застеленной кушеткой посреди светлого круга. А главное – с огромным лицом в светящемся окне перед Неро.

У лица были светлые глаза, и короткая, очень красивая коричневая бородка, а еще оно насмехалось над Неро – или так поняла Таня его злую улыбку.

– …не считаю это позором. – Произнесло лицо, улыбаясь. – До тех пор, пока никто этого не видел, а свидетели – молчат.

– Это успокаивает. – Проговорил Неро, не двигаясь.

– Я предпочитаю, чтобы мои праймы успокаивали меня. – Огромные глаза вгляделись в прайма. – Ты уверен, что так было нужно?

– Ты видел предварительный отчет. Это не те ошметки технологии, которую нам продают.

– Пока это ничто. Загадка. Ребус. – Блеснули зубы, осветив комнату. – А для ребусов у меня есть Джордан.

– Он хорош, когда не нужно действовать быстро.

– Но он осторожен. В отличии от тебя.

– Пройдет пара суток. – Неро провел полотенцем по плечу. – И от осторожности уже не будет толку.

– Твое знаменитое предсказание? – Рассмеялось лицо. – За те кредиты, что я заплатил, они могли бы работать точнее.

– Меня их точность устраивает.

– И ты знаешь, чего она хочет?

– Она хочет небо. – Неро сложил руки за спиной. – Как и мы.

– Мне оно не нужно и даром! – Человек за окном наклонился, так что теперь были видны только его глаза. – Я возьму Землю, Неро, мне достаточно и ее.

– Это пока.

– Думаешь, она подходит для нашей миссии?

– Ты доверяешь отчетам Джордана? Я их подтверждаю. Если спланировать операцию правильно – у нее будет шанс на успех.

– Эта мертвая девочка настолько хороша?

– Она – намного больше, чем кажется. – Согласился Неро. – И ее спутники тоже. Даже твой большой друг.

– Ах да. – Лицо отдалилось, улыбка померкла. – Стоит использовать и его?

– Он отлично отвлечет на себя внимание.

– Или наломает дров. Он непредсказуем.

– Не для меня.

Лицо расхохоталось. Неро шевельнул плечами, и шрамы на иссеченной спине задвигались, точно живые.

– Небесные предсказатели могут ошибаться. – Сказало лицо. – Ты – их слепок, модель для испытаний и экспериментов. Есть другие методы, которым я доверяю гораздо больше…

– И другие люди. – Вполголоса произнес Неро. – Не нужно мне объяснять.

– Ты и сам не лучше Арго! Ты не выполнил мой прямой приказ, рискнул там, где достаточно было всего лишь наблюдать.

– Мы наблюдаем слишком долго!

– И мое терпение скоро закончится!!! – Крикнуло лицо в ответ, заставив Таню отступить от щели. – Я не собираюсь спорить со своим праймом, кем бы он себя ни считал! И кем бы он ни был!

В комнате установилась тишина, и Таня снова заглянула внутрь. Неро все так же стоял перед светящимся окном, но лица там уже не было – вместо него бежали желтые строки, сливаясь в плотные линии.

– Я слушаю. – Наконец заговорил Неро.

– Ты вернулся вовремя. Возможно, это не было так глупо, как показалось мне в самом начале. И ты привел с собой ребенка…

– Я обещал ей покровительство.

– Ты помнишь рассказы Джордана? За что девчонка сожгла Саймона? Почему оставила город после победы? Ее эмоциональный профиль, слабое место…

– Нам не придется делать это.

– Всегда полезно иметь еще один рычаг, Неро. Всегда.

– Если все пойдет так, как нужно, то он не понадобится.

– Ничто никогда не происходит согласно плану. – Смешок, прозвучавший из окна, был густым, точно масло. – Поэтому и нужны запасные детали.

– Пока я предвижу только один ответный ход. У Небесных есть люди в городе, и под стенами…

– Займись ими. Используй все возможные средства – но постарайся не подключать к этому делу больше никого.

– Хватит и одного меня.

– Отлично. Тогда я доверяю тебе в этом вопросе. Исполнителями занимается Джордан – смотри, чтобы с ним ничего не случилось.

– И мысли такой не было.

– На нем – основная часть операции. В нее – не лезь.

– Это будет не сложно.

– Для оружия с ценовым измещением десяти джетов? О, я надеюсь! Если ты умудришься разочаровать меня и в этот раз…

– Когда начинать?

– Сейчас же. Джордан на месте, и ждать тебя он не намерен.

Желтые строки сменились красными, а затем окно утратило глубину, обратившись в черное зеркало, в которое, явно о чем-то раздумывая, смотрел прайм.

– Заходи. – Позвал он негромко, набрасывая полотенце на плечи, и Таня без особого удивления поняла, что он обращается к ней.

– Кто это был? – Спросила она быстро, просовывая в комнату голову.

– А ты как думаешь?

Дверь приоткрылась, и девочка, хмурясь, замерла на пороге:

– Он кричал на тебя. Это… Король?

– Ты удивлена?

– Правда Король?

– Ожидала увидеть что-то другое? – Криво улыбнулся прайм, и швырнул черное полотенце в угол. – Короли – такие же люди, как и мы.

– Не такие, как ты. – Поправила Таня. – А это было больно?

– Что?

– Твоя спина.

– Было.

– Очень?

– Да.

– Я не передумаю.

– Знаю. – Кивнул прайм. – Твое упрямство может сравниться только с твоим любопытством.

– Ты знал, что я приду?

– Конечно.

– И знал, что скажет Король?

– Отчасти. – Неро покосился на зеркало. – Он тоже предсказуем.

– Я не поняла всего. – Таня сложила ладони вместе, все еще переминаясь на пороге – входить в полутемную комнату было страшно. Как и смотреть на прайма, подошедшего к столу, заваленному какими-то непонятными вещами. На его мышцы, жесткие и твердые с виду, как провода, двигающиеся под бледной изрезанной кожей.

– Скоро начнешь понимать. – Ответил Неро, под его руками звякнул металл. – Но сейчас мне придется уйти. Я вызову горничную, она приготовит тебе обед, принесет одежду, и покажет, как принять душ.

– Горничную?

– Девушку, которая смотрит за домом. – Прайм искоса глянул на нее. – Я живу один.

– В таком большом доме?

– Ты сама видела – он пуст. – Прайм снова уронил что-то на стол. – Ты – самое шумное, что в нем есть.

– Я?

– Ты найдешь свою комнату? Если уж нашла мою…

– Конечно. – Кивнула Таня задумчиво. На языке десятками теснились вопросы, но прайм больше не смотрел на нее, подняв со стола что-то вроде длинной металлической коробки, протирая ее тряпкой, аккуратными размеренными движениями. И она ничего не спросила – по крайней мере, пока не переступила порог:

– А ты один тут, потому что прайм?

– …или я прайм, потому что один? – Неро даже не обернулся. – Твой вопрос многое говорит о тебе.

– Что например?

– Каждая женщина, попавшая в этот дом, почему то считает своим долгом задать его…

Таня хлопнула дверью, и быстро пошла по коридору, едва удерживаясь от того, чтобы не перейти на бег.

Ее щеки горели, как будто их что было силы натерли мягкой губкой.

Глава III

Интермедия V.

– Отдохни. – Предложил Монти, делая еще одну попытку закрыть дверь. Деревянная створка дернулась, и снова уперлась в колено Суонк.

– А еда? – Осведомилась та. – Еда здесь где?

– Ее принесут.

– А если не принесут?

– Дьявол, там, за той дверью, в комнате, есть холодильник!

– Холо… да ладно. – Суонк призадумалась, затем встряхнула мокрой головой. – А мои когда вернутся?

– Знаю об этом не больше тебя. Поспи, тебе нужно много спать.

– Да ну? – Она опасливо оглядела огромный пустой зал. – Засну я тут, как же. Может, останешься? В кости сыграем?

Монти глубоко вздохнул, и она махнула на него рукой:

– Ладно тебе, длинный. Поняла. Только про жратву не забудь, ладно? А то сама пойду искать.

Брови Монти поднялись – видимо, этот вариант развития событий представился ему особенно страшным, и Суонк, хихикнув, отпустила дверь. Еще несколько секунд она рассматривала ее, пытаясь определить, закрылась она совсем или нет. Ничего похожего на замок на гладкой поверхности не наблюдалось, и поэтому она, не долго думая, пододвинула к ней стоящее рядом кресло, полностью перекрыв проем. Потом обернулась, потирая раненое плечо, которое, вместо того, чтобы болеть, почему-то отчаянно чесалось. Отбитый планшетом бок, в который долговязый Монти что-то вколол, тоже не болел – он вообще не чувствовался, будто вместо ребер под кожу запихнули пустые деревяшки. Ощущение потолка над головой давило, заставляя против воли вжимать голову в плечи. Но показывать это долговязому, или кому-либо еще, было ни в коем случае нельзя – они то чувствовали себя в этой коробке как дома.

Выпрямившись, и развернув плечи, Суонк смело пошла к окну по самой страшной дорожке – через середину зала, которая, если подумать, простреливалась от двери, и от окна, открытого настежь. Шаги давались с трудом, пол непривычно пружинил под босыми ногами, и она рассмеялась, чтобы приободриться – дескать, смотрите, как весело мне на самом деле.

Но смотреть было некому, и смех получился глупый.

У окна оказалось полегче. Там было небо, много, как положено видеть человеку пустыни, и она смотрела на него с минуту, собираясь с силами для следующего рывка. За стеклом, к которому она прижималась носом, росли из земли коробки да стекляшки непонятного вида – целые горы из них и бегающих между ними каров. Странное и непонятное для обычного

человека место. Не то, в котором она хотела бы очутиться.

Вспомнив недавние события, она снова заставила себя рассмеяться – лучше ведь здесь быть, чем в песочке. Кто скажет, что она неудачница – одной из всего рейда выжить, по Праву Ножа в другой рейд перейти, три иголки поймать и живой остаться? Везучая Суонк – вот как ее должны теперь в Эрге звать. Новый рейд конечно странный – маленький, но это и неплохо, если каждый боец в нем за десятерых. Она, конечно, самая слабенькая пока, и ее дело – за другими железки таскать, и за машинами смотреть. Мириам с виду не особо сильнее – да только одна чуть не с двумя восьмерками Пауков дралась, и главаря ихнего прирезала. Так что скорее всего просто силу свою раньше времени показывать не любит. Дальше конечно Сестричка-ножик идет, крутая, но странная, как посмотрит – в пору штаны намочить, потому как ну совсем не ясно, будет ли она тебя сейчас резать, или так просто, думает, чего бы покушать. Ну и самый сильный Арго выходит – она даже его имя с первого раза запомнила. Он хоть меч свой на стоянке оставил, но и самому тупому понятно – такой и голыми руками человека пополам порвет, а потом еще и удивится, что тот из мяса сделан, а не из ветоши. В Крепости такое, видимо – привычная штука.

Почему-то мысли сами собой соскочили на Принца – но уж тут давать им волю она не собиралась. Принц на то и Принц – Сестричка-ножик его вроде как и побила, а в то же время любому видно, что поддался он. Уж очень сильно он ее вначале калечил, а потом видимо пожалел. По нему же ясно, что он добрый, хоть и много пережил в его годы – лицо в шрамах, руки порезаны, а говорит – заслушаешься. Даже с Суонк по доброму говорил. Только больше не заговорит – от их рейда он далеко, и за второй порцией к Сестричке не придет…

Да ну их, эти мысли! Суонк почесала кончик носа, который начинал зудеть при малейшем волнении, и решила, что отдыхать хватит.

Пора было немного разведать вокруг, и глянуть, что да где.

Стук в дверь застал ее у того же окна, десять минут спустя – все так же босиком, с мокрой головой, и надкушенным яблоком в руке. Стук последовал за мелодичным сигналом, повторившимся с десяток раз, который она слушала не без удовольствия, пытаясь определить, откуда он доносится, и одновременно грызть яблоко.

Разведка позволила выяснить несколько очень важных вещей об окружающем ее доме.

Во-первых, в зале было семь дверей, и за всеми были комнаты. В двух комнатах, вода текла с потолка, и из стены,

стоило повернуть ручку – но она уже успела понять это, когда мылась.

Во-вторых отхожих мест в этом доме было тоже целых два. В них тоже лилась водичка, причем без всяких ручек, а также пахло самыми настоящими цветами. И она бы ни за что не догадалась, что это за штуки, если бы не вспомнила вовремя рассказ про Крепость, услышанный в детстве.

И в четвертых, за тремя дверями были еще комнаты, поменьше, но тоже с окнами, с широченными матрасами, и зеркалами. Зеркала висели везде, их было даже чересчур много, так что казалось, что из любого угла теперь смотрит мокрая и встрепанная Суонк в драной майке.

А теперь еще этот стук в дверь.

Она взяла яблоко в другую руку и достала из-за пояса нож. Идти до двери было чертовски далеко, и, пока она пересекла зал, стук прозвучал трижды.

Потом дверь отворилась наружу.

Выражение лица у стоящего за ней мальчишки в белой курточке оказалось не менее ошарашенным, чем у нее. Столик, который он толкал перед собой, уперся в перекрывающее дверь кресло, расставленные по нему тарелочки и чашки тонко зазвенели.

Суонк пришла в себя первой.

– Чего? – Спросила она, выпрямившись, и уперев в бок руку с ножом.

– Завтрак. – Ошарашено ответил мальчишка.

– Вот это? – Подозрительно прищурилась Суонк. – Еда?

– Да. Тут овсяная каша, омлет, ветчина, кофе…

– Ну давай сюда.

– Так… это…

– Ааа… – Суонк стукнула себя по лбу надкушенным яблоком, и, подойдя к двери, рывком отодвинула кресло. Мальчишка осторожно вошел в комнату, толкая столик перед собой. Оружия на виду у него не было, и она убрала нож.

– Туда. – Указала она в сторону дивана, и столик покатился, поскрипывая прорезиненными колесиками. От него пахло едой, и Суонк почувствовала, как рот наполняется слюной, несмотря на нарастающую боль в плече.

Запрыгнув на диван, и присев на корточки, она подняла одну из крышек, вдохнув поднимающийся из-под нее пар.

– Это что, каша?

– Да.

– А где тут мясо?

– Вот.

Она подозрительно осмотрела розоватые полоски с темными прожилками, свернула одну трубочкой, и отправила в рот.

– Вкусно. – Проговорила она с набитым ртом. – А ты что смотришь? Жри, что ли.

– Мне… нельзя.

– Чего?

– Нельзя есть с гостями. – Он смотрел себе под ноги, старательно избегая ее взгляда.

– Ты чего, не голодный?

– Нет. Можно мне идти?

– Ну иди – я же тебя не держу?

– Кофе – вот здесь, в кофейнике. А вот тут – чай…

– Разберусь, не дура! – Она проследила за тем, как он пятится к выходу, косясь на нож, лежащий рядом с ней на диване. Дверь щелкнула, но снова вставать и придвигать к ней кресло не хотелось – все равно замок был ненадежным, раз кто попало мог его открыть. Она осторожно принюхалась к кофейнику, затем к чайнику, потом немного подумала, и потянулась к третьему сосуду, прозрачному, с узким горлышком.

Там оказался сок. Она попыталась отпить из него, и тут же облилась, потому что сок потек из дурацкого горлышка. Пришлось наклонить его, и пить прямо оттуда. В остальном еда оказалась обычной – чуть пересоленное мясо, яйца, твердое масло, вкус которого она смутно помнила. Чай она не любила, а второй напиток, черный как смола, просто побоялась пробовать. Кроме того, завтрак был явно предназначен не для нее одной – еды на столике хватило бы, чтобы накормить четырех здоровых мужиков, так что она решила особо не скромничать, и ела до тех пор, пока в животе не стало тесно.

Откинувшись на спинку дивана, она как раз оценивала произведенный на столике разгром, когда в бок будто вонзили иголку – видимо, прошло действие укола долговязого. Если она правильно помнила его слова, ребра стоило стянуть поплотнее, чтобы не особо двигались.

Прикрыв глаза, Суонк попыталась вспомнить, видела ли она в этом доме хоть что-то, пригодное на повязку. Но в памяти всплывали только покрывала на широченных кроватях, крашенные в странноватый цвет – не то красный, не то желтый. Но кроме этого… в одной из комнат, куда не заходили сестрички, на кровати лежала одежда – вроде брюк, или даже платья.

С некоторым трудом поднявшись с дивана, она отправилась на поиски.

Одежка и правда обнаружилась там, где она запомнила – в самой маленькой из комнат, с окном не во всю стену, а только в

половину. Дурацкая, нужно признать. Несколько минут она только рассматривала шмотки и хихикала, не в силах понять, как такое вообще можно носить – прозрачные ремешки, едва прикрывающие задницу, чашечки на шнурочках, и еще какая-то ерунда, которую и вовсе не ясно, куда натягивать. Потом, смеха ради, стянула мокрые брюки и попыталась надеть юбку. Та застегивалась тоже глупо – сбоку, она не сразу это сообразила, и уже думала было перетянуть ее поясом, когда нашла пуговички в таком месте, где ни один нормальный человек искать бы не стал. Красная юбка сидела ничего, забавно, только была коротковата, и развевалась так, что ничего толком и не прикрывала – Суонк быстро выяснила это, несколько раз повернувшись перед зеркалом. С такой юбкой становилось понятно, для чего нужны полупрозрачные штуки да ремешки – чтобы все, что под ней, слишком сильно не проветривалось.

Ее майка смотрелась грязноватой по сравнению с обновой, и Суонк, с некоторым трудом, натянула вместо нее другую одежку – вроде короткой белой рубахи, одевающейся через голову. Та почему-то не прикрывала живот, но и к раненому плечу не цеплялась. А с боков у нее свисала целая уйма застежек, которые липли друг к другу, и смешно щелкали, соединяясь – так что она забавлялась с ними до тех пор, пока под потолком снова не зазвучал знакомый сигнал. Решив, что не мешало бы спросить у забавного мальчишки про то, как пользоваться застежками, она запахнула рубашку, еще раз повернулась перед зеркалом, и пошла открывать дверь. По дороге она несколько раз хихикнула, стараясь отвлечься от нарастающей боли в боку, и думать о другом: например о том, какое у него будет лицо теперь – когда она за пару минут превратилась, считай, в самую настоящую барышню из Крепости.

Все еще хихикая, она притронулась к пластине у двери, и та распахнулась.

– Эй, ты… – Начала было она, но следующие слова потерялись где-то глубоко в горле.

За дверью, глядя на нее с какой-то странноватой улыбкой, одетый в белый-белый мундир, стоял Принц.

I.

Новые туфли немного жали.

Их пластиковые носки были мягкими, но вкладки по бокам прижимали пальцы, немного больше, чем нужно. Мириам почти жалела, что не одела свои старые – превратившиеся в тряпочки на резиновой подошве, но такие удобные.

Она попыталась слегка размять правый носок, упершись в основание водительского сиденья, но, видимо, сделала это слишком сильно, и поймала насмешливый взгляд Джордана в зеркале заднего вида.

Насмешка была щитом.

За этим взглядом Мириам без труда различала тщательно скрываемое беспокойство, пульсирующее, охватывающее цвета прайма. Все – скупые слова, движения плеч, рук, скрещенных на груди, улыбка – призвано были скрыть это, и наверняка сработало бы… но только не в ее случае.

Она снова взялась за туфлю. Шнурки держали крепко, а ткань новых брюк казалась очень приятной на ощупь – скользкой, почти как шелк. Би настояла на брюках, и Мириам находила ее решение абсолютно верным – гораздо проще двигаться в них, чем в одном из странных платьев, что нашел им Монти. Но даже самые простые вещи казались ей чрезмерно яркими, как будто нарочно привлекающими внимание. Белье, которое Мириам нашла на кровати, было красным и почти прозрачным, брюки, которые она надела – абсолютно белыми, с черной полосой на поясе, а новые туфли – тоже красными, с белыми вставками по бокам. По крайней мере майка оказалась на вид обычной, белой, пусть и чрезмерно открытой, со слишком тонкими шлейками. Би повезло с цветами чуть больше: все ее вещи были черными, за исключением красной куртки, которую она взяла, несмотря на жару – видимо, чтобы спрятать под ней кобуру с игольником. Но, судя по цветам Джордана, встретившего их внизу, на площади с фонтаном, в их одежде не было ничего странного или неправильного, и Мириам вздохнула с облегчением. В другое время это, наверное, показалось бы ей очень интересным – узнать, как одеваются девушки в Крепостях. Но как только они уселись к прайму в машину, все посторонние мысли вылетели из головы.

Сидящая рядом с праймом Би искоса глянула на него, а затем продолжила прерванную было фразу:

– … не в резиденцию Короля?

– Нет. – Джордан кивнул на крыши, проплывающие справа, и чуть внизу. За ними вздымалось вверх, теряясь на фоне неба, невероятно высокое и тонкое здание, окутанное у самой верхушки серебристой паутиной строительных лесов.

– Это Королевский шпиль. Мы минуем его, и свернем левее, к Восточным воротам.

– И к Струне?

– Да, но лифт намного дальше, у самой стены. Вокруг него свободная зона – ударная волна при старте довольно сильна. Он огромный… помню, как в первый раз увидел его ребенком…

– Цилиндр из разборных модулей, каждый около пятидесяти метров в высоту, и тридцати в диаметре. Между ними – кольца, несущие магнитные ускорители, и водородные движки. Сама Струна – труба из сверхпрочного полимера, на которую нанизываются кольца…

– Ты знаешь о нем больше, чем я …

– Ложь. Вы изучали его много лет. Как часто он идет по Струне?

– По расписанию.

Би повернулась к прайму, и несколько секунд они смотрели друг на друга, будто оценивая. Штурвал легко подрагивал, сам по себе – Джордан управлял каром, не прикасаясь к нему.

Кар несся вперед, и разметка, отмечающая края хайвея, слилась в полосы – машина ускорилась, оказавшись на прямом участке. Облицовка домов по сторонам поменяла цвет – с белого на красноватый, как у источенного ветром камня. Дома в этой части города были ниже, и, как почти сразу же догадалась Мириам, старше. Стекло и бетон исчезли – вслед их кару смотрели узкие окна, и дверные проемы с выступами, защищающими входы от ветра.

– Здесь все… иначе. – Проговорила Мириам вслух. Молчание, повисшее в машине, начало тяготить ее. – Как другой город.

– Дома? – Уточнил Джордан, не отрывая глаз от Би. – Это исторический центр. Многое осталось от старой Атланты… не от самой древней, а от той, что была на этом месте семьдесят лет назад. С нее все и началось. Это даже не бетон – блоки из армированного стекла, песок, расплавленный генераторами плазмы. Или, по крайней мере, так говорят историки. Самое большое здание здесь – шесть этажей, не считая Колоссеума, и Королевского дворца.

– Дворец Короля?

– Старый дворец, Король его не любит. И особняк Арго тоже здесь, рядом – он раньше принадлежал какому-то военному, а они строились поближе к Королю.

Проследив за его жестом, Мириам успела заметить угол дворца, мелькнувший в просвете между домами – пару колонн и широкую башню, похожую на голову наемника в силовой броне. Затем он пропал, а их кар свернул, и поехал по узкой улочке, дугой огибающей высокую стену из все того же искрящегося камня. Стена поднималась вверх на совершенно непонятную высоту, и, даже прижавшись к стеклу, Мириам не увидела над ней неба – кар ехал слишком близко. Через равные промежутки в камне мелькали высокие узкие окна, забранные частыми решетками, за которыми плескалась тьма – без малейшей искры

света.

– Колоссеум. Простите, но с этой стороны он совершенно не производит впечатления.

– Куда ты нас везешь?

– Я бы назвал это проверкой.

Би снова открыла было рот, но Джордан предостерегающе покачал головой, и приложил палец к губам, а затем продолжил, как ни в чем не бывало:

– За тем дорожным знаком начинается промышленная зона – фабрики и мануфактуры. Мы минуем ее минут за десять.

– И где окажемся?

– То облако, у самой стены – прямо под ним.

С точки зрения Мириам, это больше походило на дым – легкий дымок, поднимающийся над крышами маленьких, будто игрушечных, домиков. Лишь секунду спустя, сопоставив их размер с размерами стены, нависающей над ними, словно грозовой фронт, она оценила их размеры – не меньше пяти или шести этажей, и все еще очень далеко. Теперь Би вглядывалась туда, внимательно и настороженно, ее цвета вовсе не успокаивали. Мириам осторожно взялась за носок второй туфли, разминая его – на случай, если придется быстро бежать.

– «Мальчишка неразговорчив.» – Заметила Вероника. – «Его броня, и несколько источников внутри машины излучают постоянный сигнал.»

– «Он транслирует наш разговор?»

– «Судя по плотности – еще и изображение.»

– «Для кого?»

– «Не трудно догадаться. Он чертов доверенный инфильтратор Короля, грязных дел мальчик. Довольно милый без маски, кстати.»

– «И переживает.» – Безмолвно вступила в разговор Мириам, забираясь с ногами на заднее сиденье. – «Очень сильно волнуется.»

– «Что мы свернем ему шею?» – Уточнила Вероника. – «Правильно делает.»

– «Не за себя – за нас. Он боится, что с нами что-то случится… или с Би. Больше всего, когда смотрит на нее… на вас.»

– «Серьезно?» – Вероника расхохоталась. – «Наглый мальчишка. Теперь я просто не смогу на него злиться…»

Кар миновал пару высоких белых домов, похожих на аккуратные картонные коробки, и за ними открылся совершенно другой вид: блестящие черные крыши, разделенные узкими прямыми улочками, образующими ровный узор, а дальше – белые

дымные столбы с выступающими из них серыми бетонными конусами, теряющимися на фоне стены. Конусы доставали почти до ее гребня, а дым поднимался над ними, растекаясь в уродливый мягкий гриб.

– Заводы. – Прокомментировал Джордан открывшуюся внизу картину. Эстакада понемногу понижалась, и рубчатые плоские крыши проносились все ближе. – Сейчас их обслуживает вторая холодная станция, а там, впереди – первая, которую мы пытались запустить сами.

– Атомная? – После долгой паузы переспросила Би. – Ваш эксперимент?

– Урановый реактор. Проблемы с охлаждающим контуром.

– Вижу. Это облако, над ней…

– Всего лишь пар. Горячий. Иногда случаются утечки…

– Особенно когда мы туда едем?

– …или совпадения.

– Он непроницаем для наблюдения сверху, верно?

– Конечно. Мы давно выяснили, что металл и жара – лучшая защита от посторонних глаз.

За окном мелькнули бетонные столбы, и Мириам разглядела забор из тонкой сетки – высокий, выше двух человеческих ростов, уходящий вправо и влево. Между столбов прятались низкие здания с широкими въездами, из которых, точно усики огромных насекомых, торчали желто-зеленые дула орудий. За ними лежала стена тумана, плотная, точно самое настоящее облако. Мириам на секунду охватила паника, когда кар, в считанные секунды преодолев сотню метров блестящего хайвея, влетел в нее. Туман навис сверху, а затем отступил, истаял, раскрываясь в смутное пространство, полное молочной белизны, и уходящее далеко вверх. Под белым покровом прятались бесформенные очертания строений, и кар продолжал следовать между ними, уже медленнее, по узкой черной дороге, разрезающей бетонное поле. Еле слышно свистел двигатель, и на окна маленькими каплями оседала влага – а затем впереди открылось нечто огромное.

Сначала это было темным пятном, в которое упиралась дорога, но по мере приближения из тумана начали проступать детали: массивные серые опоры, покрытые темными потеками, черные обломки арматуры, торчащие во все стороны, будто оборванные нити, плоские бетонные плиты, застывшие под странными углами, и темнота внизу.

Зияющий провал, выбрасывающий вверх тонкие струящиеся ленты пара.

Притормозив у самого края бездны, Джордан заглушил двигатель. Дверца поехала вверх, и Мириам услышала свист –

влажное шипение, будто где-то впереди, в темноте провала сворачивался и разворачивался огромный змеиный клубок.

– Неудачный эксперимент? – Тихо спросила Би.

– Сбой в системе охлаждения реактора. Он начал плавиться, и тогда несущие конструкции были взорваны, и все здание рухнуло вниз… почти все. Глубина шахты – более трехсот метров.

– «Какое милое место.»

Джордан выбрался из машины. Би последовала за ним, и потянулась, хрустнув суставами:

– Мы еще кого-то ждем?

Оглядевшись, Мириам заметила несколько каров – темные контуры в тумане. Один, вроде большого грузового фургона, притормозил у провала неподалеку, и еще не меньше трех остановились дальше, скрытые паром и очертаниями отдаленных зданий.

– Нет, мы готовы. – Джордан нервно улыбнулся. – Если тебе не трудно, отойди от машины на десять шагов.

– «Может, сразу иглу ему в глотку?»

Мириам с испугом посмотрела на Би – цвета той вспыхнули, она наклонила голову, и расстегнула куртку, освобождая кобуру:

– Итак, твой тест… насколько он опасен?

– Мириам останется рядом со мной. – Джордан положил руку на капот. – Ей ничего не грозит. Приготовься пожалуйста…

– К чему? – Би не торопясь отошла от машины, и медленно повернулась на месте. – Может, пора заканчивать с этими чертовыми тайнами?!

– Как скажешь. – Тихо произнес прайм, и Мириам, оглянувшаяся на него, вдруг увидела это краем глаза – движение, глубоко в тумане, родившееся с коротким хлопком. Расплывчатая человеческая фигура, секунду назад бывшая далеко, и вдруг оказавшаяся рядом с Би, стремительней любого кара – и ударившая в нее, со страшной силой, отшвырнув в сторону.

– Знакомьтесь. – Голос Джордана дрогнул. – Наша величайшая тайна… «Фьенд».

III.

Звук удара задержался в тумане, прозвучав глухо и коротко. Би отлетела на пять шагов, перевернулась через спину, оттолкнулась и замерла, низко присев, касаясь бетона рукой. Куртка у нее на правом плече лопнула, обнажив белую подкладку. Странная фигура остановилась напротив, чуть наклонив заостренную голову, неподвижно – как нечто неживое, и потому пугающее.

Рука в сегментированной броне медленно поднялась, указывая на Би. Приподнялось плечо, прикрытое острым наплечником, и под ним, на спине, тоже шевельнулась тень – будто пришли в движение тупые обрубки крыльев. Мириам вспомнились страшные белые ангелы Небесных – но эта броня казалась другой, точно ее создатели думали не о человеческом теле… скорее, о джете в человеческой оболочке, таком же стремительном и хищном.

Мириам задержала дыхание, потом осторожно выдохнула. Би и странное существо все еще смотрели друг на друга, стоя у края бездны.

– Доспех. – Негромко проговорила Би, стягивая куртку. И, словно продолжая ее речь, в тумане за ней прозвучал знакомый хлопок.

Она развернулась на месте, ударив свернутой курткой еще одну фигуру, вылетевшую из тумана, захлестнув голову и лицо – или то место, где оно должно находиться у человека. Та скользнула по бетону мимо, из-под ступней брызнули искры, а Би, выхватив игольник, три раза выстрелила ей в спину.

Фигура покачнулась и замерла рядом с первой – теперь уже две против Би. Та опустила игольник к бедру:

– Реактивные ускорители?

– Водородные. – Громко ответил Джордан. – Нужно было превзойти по мобильности те… доспехи.

– Они гораздо меньше.

– У них нет громоздких систем жизнеобеспечения, оружия за спиной, защиты от радиации, больших реакторов.

– У меня их тоже нет.

– Очень жаль.

Вместо ответа Би снова выстрелила, очередью, и Мириам увидела, как отскакивают иглы от черной брони – белые росчерки, врезающиеся в туман. Вторая фигура покачнулась под ударами – и ее двойник сорвался с места, обходя Би по пологой дуге, сближаясь. Они разминулись на доли дюйма, Би повернулась, пропустив мимо заостренный наплечник, и выпустила следующую очередь в упор.

Еще один веер искр и визг рикошета.

Фигура развернулась и ударила Би кулаком, так быстро, что та едва успела поднять локоть навстречу. Удар снова сбил ее с ног, отбросив в сторону с пути первой фигуры, тоже прыгнувшей на нее, и едва не врезавшейся в свою напарницу.

– «Они не дрались вместе раньше.» – Вероника точно очнулась от сна, ее голос вибрировал от напряжения. – «Броня держит иглы. Уклоняйся.»

– «Посмотрим.» – Би откатилась из-под обрушившегося сверху удара, заставившего взлететь белые осколки бетона на том месте, где она была долю секунды назад, и пнула приземлившуюся рядом фигуру в колено. Удар отозвался в тумане глухим звоном, и заставил ту завалиться в сторону, выбросив для опоры левую руку – под которую нырнула Би, и, ухватив доспех за выступ кирасы, швырнула через плечо.

Прямо в бездну.

– «Килограмм шестьдесят, слишком легкий!»

– «И он… летает.» – Би опрокинулась на спину, уходя от удара второго противника, и пнула его в бедро, заставив шагнуть назад. Затем перекатилась – и сорвалась с места, но не к нему, а от него, стремительно набирая скорость.

Мириам ахнула. Джордан поймал ее взгляд и нервно улыбнулся. На плече его мерцающего белого костюма блеснул ряд из трех асимметричных линз, и в этом блике, как в узком колодце, Мириам разглядела еще один цвет, принадлежащий вовсе не ему – лихорадочное, болезненное любопытство…

Би прыгнула через десятиметровый провал, на ближайшую площадку, бетонный осколок с торчащими вверх обломками стен, и, не очень удачно приземлившись, прокатилась и врезалась плечами в край столба, удерживающего осколок.

С громким хлопком над площадкой взлетел доспех – видимо тот, который Би сбросила вниз. И приземлился на самый край бетонного треугольника, заставив его покачнуться. Би, видимо, не совсем придя в себя после удара, приподнялась на четвереньки. По ее лицу текла кровь, белая майка пропитывалась алым.

– Прекрати это! – Мириам хотела крикнуть, но ее голос дрогнул, и вышел почти шепот. – Джордан, ты же…

– Я не могу. – Так же тихо ответил тот, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на панику.

– Тогда я заставлю тебя. – Мириам придвинулась к прайму, совершенно не представляя, что собирается делать. – Ты же знаешь, я сумею…

– Даже если я отдам приказ, это не прекратится. – Ответил Джордан, и указал в сторону провала. – И кроме того, ты же знаешь… она не сдается.

Мириам проследила за его жестом, как раз чтобы увидеть, как Би, опираясь на раненую руку, манит доспех к себе. Снова раздался хлопок – словно комки мягкого хлопка на долю секунды распустились на спине и икрах доспеха, маленькие облачка, швырнувшие его вперед.

Навстречу удару Би, выдернувшей из-под ног обломок бетона.

Удар пришелся прямо в заостренную маску, перевернув

фигуру. Инерция бросила ее дальше, в стену, шипастое плечо задело Би, отшвырнув в сторону, к самому краю площадки – навстречу второй фигуре, только что прыгнувшей через провал. Би прокатилась ей под ноги, и в самый последний момент развернулась, уходя от пинка сверху, и обхватывая ее ногу своими.

Вторая фигура рухнула вперед, а Би, забравшись ей на спину, оттолкнулась, и прыгнула вверх – на самый высокий обломок сохранившейся стены.

– «Бежать бесполезно.» – Сказала Вероника. – «Нам нужен план. У нас сломаны четыре ребра.»

– «Нам нужно ускорение.» – Ответила Би, и, пробежав по обломку, снова прыгнула вниз, на первую фигуру, уже успевшую подняться. Воительница врезалась в нее, ударив ногами в голову и грудь, впечатывая обратно в стену. Столб, к которому крепилась площадка, отозвался звонким щелчком, будто в тумане за ним лопнула струна. А затем над провалом разнесся жалобный скрип.

– «В задницу ускорение.» – Проговорила Вероника. – «Работай мозгами.»

– «Я занята!» – Би пробежала через площадку, и, нырнув под руку второй фигуре, успевшей вскочить, прыгнула обратно через провал.

Несущий бетонный столб за ее спиной с величественным треском рассекла косая трещина, и треугольная площадка вместе с большей частью столба медленно поползла вниз в облаке пыли.

– Впечатляет, да? – Спросил Джордан непонятно у кого.

Би присела, и внезапно кувыркнулась вперед, оказавшись за спиной у вылетевшего из тумана доспеха, ставшего белым от пыли. Тот ударил ногой назад, но не слишком точно и Би, перехватив ногу, бросила его лицом вниз, толкнув локтем чуть ниже заострения на шлеме.

Вторая фигура, вылетев из пылевого облака, без тени сомнения врезалась в них обеих.

– Твою мать, Лонг. – Тихо и с оттенком грусти проговорил Джордан.

Би успела чуть присесть навстречу удару, прижав к себе захваченную ногу. Доспехи столкнулись со скрежетом, разогнавшаяся фигура ударилась о нее, опрокинув на землю, и перевернулась сама, потеряв равновесие и проехав несколько метров по бетону.

– «Ты видела это? Вмятины? Мать их, что у них за пилоты, что могут такое выдержать?»

Би вскочила первой, и, со свистом выдохнув, ударила поваленного противника ногой в пах. Затем, не увидев ровно

никакого результата, прыгнула обеими ногами ему на спину.

Тот оперся руками на землю, и начал подниматься, словно не замечая этого. В его упорстве было нечто жуткое, нагоняющее дрожь на Мириам – словно бы не человек скрывался под заостренной маской, а нечто, не умеющее бояться, или даже думать…

Ошеломленная внезапной мыслью, она вгляделась во вторую фигуру, уже успевшую встать – и тоже не увидела ничего: ни цветов, ни движения внутри, ни даже свечения.

– «Они ненастоящие!»

– «Что?» – Би, пятясь, медленно отходила от своих противников.

– «В них нет никого! Они пустые!» – Собралась с мыслями Мириам.

– «Здесь очень большая плотность сигналов.» – Заметила Вероника. – «Дистанционное управление?»

– «Понятно, почему они столько весят. Но что это нам дает? Как вывести из строя источник?»

– «Никак, мы до него не доберемся. Но я могу попробовать взломать частоту управления.»

– «Дистанционно?»

– «Нет, с одного из них, при близком контакте. Это сложнее игольника, так что оставь все мне – ты же спала и на математике…»

– «Тогда готовься.» – Би выдохнула сквозь зубы. – «У тебя будет секунд пять.»

И кинулась к ближайшему доспеху. Теперь Мириам различала движение вокруг них, такое же, как и вокруг Джордана – невидимый шум, следующий за черной броней, точно дымный след. Они никак не были связаны – прайм и доспехи, но вокруг них клубилось нечто, реагирующее на действия и принимающее новую форму каждый раз, когда кто-то из них двигался.

Би столкнулась с доспехом, видимо, не ожидавшим такой отчаянной атаки, ухватилась за выброшенную в ее сторону руку, и, оттолкнувшись от шипастого наколенника, запрыгнула ему на плечи. Они завертелись на месте – Би пыталась удержаться сверху, обхватывая голову с заостренным, словно птичий клюв, забралом, ее окровавленные ладони скользили по металлу. А затем второй доспех, подпрыгнув, буквально смел ее в сторону ударом ноги.

Видимо, Би как-то смягчила этот удар – потому что сразу же отскочила от земли, как мячик, развернувшись в воздухе и ударив ногой в ответ. Подошва черной туфли звонко хлопнула черную фигуру по уху – или тому месту, где оно могло бы располагаться, заставив ту слегка покачнуться.

Доспех, на который запрыгнула Би, больше не двигался.

– «Есть частота!» – Голос Вероники звенел торжеством. – «Я заблокировала его контуры обработки данных. Я могу… овладеть им. Ребекка, пусти меня!»

– Интересно. – Сказал Джордан. – Но ведь есть и еще…

Ему никто не ответил – но менее чем через секунду Мириам услышала знакомый хлопок. Еще одна черная фигура упала откуда-то сверху, по дуге, сквозь туманную пелену, и стремительно сблизилась с Би. Их локти столкнулись, и Би вцепилась пальцами в выступы на заостренном шлеме, пытаясь удержать новый доспех на месте.

– «Пусти меня в него!» – Почти простонала Вероника. Мириам почувствовала еще одно изменение над полем – облака шума вспыхнули на долю секунды, такую короткую, что ее и мгновением назвать нельзя было. Загорелись и стали плотнее, будто пытаясь не пустить в себя нечто чужое.

Железные пальцы на плече Би разжались. Второй доспех обошел ее справа, и размахнулся – но его кулак пришелся в подставленное предплечье того, что все еще стоял перед воительницей. Зазвенело глухо, как в кузнице, и Мириам почувствовала запоздалое недоумение Джордана, когда следующим движением этот железный воин перехватил руку своего двойника, и ударил головой – заостренным шлемом в

такое же забрало.

– «Так-то лучше!» – Довольно проговорила Вероника, и Мириам будто наяву увидела алый султан, гриву из тонких алых полос, вырастающую над захваченным доспехом.

Вероника вскинула руки в шипастых перчатках, и сразу же ударила снова, не давая противнику ответить. Железо ударилось о железо, второй доспех ответил с опозданием, и Вероника прыгнула на него, с места, так же неожиданно, как и раньше, только на этот раз Мириам успела рассмотреть неяркую вспышку у голеней, сопровождающую прыжок. Железные фигуры отлетели далеко вправо, одна сверху, другая снизу, чертя глубокие борозды по бетону, а Би смотрела им вслед с чем-то, подозрительно похожим на разочарование во взгляде.

Затем перевела взгляд на Джордана, и медленно пошла к нему.

Прайм смотрел прямо на нее, словно схватка за ее спиной больше его не интересовала. Доспех, ведущий себя как Вероника, оказался сверху, и теперь молотил противника о бетон, с какой-то совершенно непредсказуемой неритмичностью. Тот было вырвался на секунду, но тут же был схвачен за ногу, и брошен обратно, в еще худшем положении – на этот раз Вероника оказалась у него на спине.

Би остановилась перед Джорданом – покрытая серой пылью, обильно смешанной с кровью. Волосы, собранные в серый от пыли жгут, лежали у нее на плече, а майка, разорванная внизу, обнажала плоский живот.

– Ребекка! – Мириам кинулась было к ней, но замерла, наткнувшись на ее взгляд.

Медленно и плавно Би поклонилась Джордану.

– Ты ранена? – Спросил тот с ноткой неуверенности в голосе. – Если нужно, через тридцать секунд здесь будет бригада медиков…

– Я прошла ваш тест, сир. – Хрипло проговорила Би. – Как видите, нам есть, о чем поговорить.

Джордан не ответил, но в шуме, зависшем над полем, что-то изменилось. Вероника еще раз ударила своего противника бронированным кулаком, и встала. Доспех под ней не двигался, она пнула его ногой, и покачала удлиненной головой:

– «Медленные рефлексы. Эти праймы далеко отсюда, и они теряют время на передаче.»

А потом наступила тишина. Не настоящая – над полем все еще висел звон доспехов и рокот бетонных обломков, осыпающихся в провал. А электронная, будто в том невидимом пространстве, что окружало Джордана, разом оборвалось

большинство нитей, оставив его в одиночестве. И продолжали рваться, с каждой секундой, завершая свое существование и унося с собой чужие цвета, проглядывающие у них внутри.

– Сир? – Спросила Би.

Вероника со звоном приземлилась рядом с ней, и вдалеке в тумане, засвистели, заводясь, моторы невидимых каров.

– «Дьявол, ну и дерьмово же мы выглядим. Ты нарочно билась головой о все камни подряд?»

Джордан стянул с плеча устройство с линзами, и держал его в руках, словно не зная, что с ним делать. В его цветах дрожали смущение и стыд, но голос, когда он заговорил, ничем их не выдал:

– Король благодарит тебя. С этого момента ты, и все твои спутники – его гости, и находитесь под моей охраной. Вам будет открыт кредит в Банке Атланты на текущие расходы, и предоставлено сопровождение…

– Когда я увижу его?!

– Завтра. Вы все приглашены на вечерний банкет в Королевском Шпиле. – Би попыталась было еще что-то спросить, но Джордан остановил ее, все тем же коротким предостерегающим жестом. – Это большая честь. Там соберутся самые влиятельные люди Атланты.

– «Какого дьявола?» – Заостренная голова доспеха Вероники повернулась к Би. – «Мы прошли через это – а ублюдок даже не говорит с нами лично?!»

– «Зато посланец, кажется, хотел бы побеседовать с нами без свидетелей,» – Би едва заметно кивнула Джордану, и заговорила вслух:

– Это был ваш ответ «Серафам»?

– Да. «Фьенды» быстрее, маневреннее, имеют преимущество в ближнем бою.

– Используют слабости «Серафов».

– Я анализировал следы, оставшиеся после твоего боя с ними. Ты вывела из строя два доспеха, не меньше…

– И умерла. – Би прищурилась. – Ты поможешь мне подготовиться к завтрашней встрече?

– Все, что пожелаешь.

– Мне нужны данные по Струне, схемы лифта, погрузочных доков, и их охране. Также я бы хотела получить доступ к протоколам управления «Фьендами», их техническим данным – если это возможно.

– Доставлю лично, сегодня же вечером. – Джордан слегка поклонился ей. – Тебе точно не нужен врач?

– Мне нужен душ, новая одежда, и кар. – Би глянула вниз. – И

у меня порвались туфли…

– Монти не знал, куда мы едем. – Прайм жестом фокусника извлек из-за спины плоскую коробочку с кнопками, вроде той, что была у шута. – И, кажется, его мучает совесть. Прошу прощения, просто узнаю, что ему нужно.

– «Переговорник ближнего радиуса, большая плотность сигнала.» – Сказала Вероника. – «Штуковина рассчитана на ретрансляторы и на передачу видео.»

– «Это коммуникатор.» – Ответила Би. – «Я читала о таких в довоенных книгах.»

– «Значит, и я тоже – но не помню.» – Доспех Вероники уселся на землю.

– Скажи, что он хорошо развлек нас. – Сказала Би вслух. – И я не виню его ни в чем.

– Передам. – Джордан задумчиво глянул на Мириам, потом подошел к ней, и протянул коробочку. – Но пока он просит тебя.

Интермедия VI.

– Я могу войти? – спросил Неро.

Суонк оглядела его с ног до головы: ровные складки на белом мундире, золотые пуговицы с птичьими крыльями, петельки, кармашки с застежками. И только потом догадалась ответить:

– А то! – И отступила в сторону, пряча глупую улыбку. Неро прошел совсем рядом. От него пахло металлом, чистой одеждой, и еще чем-то сладким.

– Вы одна?

Слушая его голос, можно было и не вспомнить, кто он. Но у Суонк не особо получалось забывать. Она все ждала, когда же донесется тот, настоящий его запах – гари и расплавленного песка. А когда поняла, что не дождется, ответила:

– Видишь ведь. – И пошла к диванчику, ожидая следующего вопроса. Дверь мягко щелкнула, и она обернулась, не выдержав, на половине пути:

– Не ко мне ведь пришел?

– Оставить кое-что для Ребекки. – Подтвердил Неро, следуя за ней в паре шагов.

– Когда вернется – не сказала.

– Минут через тридцать. – Прайм едва заметно улыбнулся. – Ей нужно будет переодеться.

– Тридцать? – Смущенно хмыкнула Суонк, и осторожно, стараясь не задрать юбку, присела на диван. – Это долго. Ну так оставляй. Может, съешь чего? Или выпьешь? Тут вон целый стол приволокли, для меня одной.

– И я прервал твой завтрак? Хотя нет, скорее помешал одеваться… – Неро положил на край столика тонкий прямоугольник, вроде как из пластика, белый, как самые светлые облака.

– Ты с чего взял? – Удивилась Суонк, искоса глянула на него, и тут же отвела взгляд.

– Твоя блузка одета навыворот.

– Как? – Она взялась за воротник, в то же время пытаясь понять, смотрит он на нее или нет. Получалось, что смотрит, вернее даже разглядывает, не отводя глаз – но не понятно, как девчонку, или как диковинку, вытащенную из довоенного подземелья.

– И точно. – Проговорила она смущенно. – А я думаю, чего эти штуки внутрь торчат. Вот ведь дура, а?

– Я бы тоже не сразу догадался, как это одевать. – Хмыкнул Неро.

– Зато снимать их ты наверное мастер? – Суонк снова глянула в его сторону, хитро прищурившись. – Может, на дверь пока полюбуешься?

Не без удовольствия отметив секундное замешательство прайма, она отвернулась, и решительно стянула рубашку через голову, застонав от боли.

– Черт, мать твою через… нет, это не тебе. Чертова…

Крючки на боках блузки запутались еще сильнее, и норовили убежать из-под пальцев, как живые. Она издала едва слышное рычание, и чуть не запустила глупой одежкой в стену, но вовремя одумалась.

– Странная рана. – Тихо проговорил прайм. Глянув через плечо, она убедилась, что он стоит к ней спиной. Но все равно покраснела – видимо, было что-то такое у него в голосе.

– Чего в ней странного? – Пальцы окончательно завязли в крючках, и она опустила блузку, давая им отдых.

– Сперва я подумал, что под повязкой ожог, или обычный порез. Но сейчас заметил его странную форму. Левое плечо, почти до трицепса. Он похож на татуировку, которую делают рейдеры, знаешь?

– Ну похож, и что? Рейдер без рисунка – не рейдер вовсе. Его свои же бывшие и порежут, если узнают, что у него там было…

– Да?

– А ты не знал? – Хмыкнула Суонк. – Этот рисунок все о воине показывает. Нет его – значит и воина нет.

– Это я знаю, но… разве никто не избавляется от рисунков? Например, чтобы обмануть врага?

– Разве что если рейд меняют. Только это редко бывает. А вот

врага так никто обманывать не станет – самого закопают, свои же. – Последние слова она произнесла совсем тихо, и замолчала, со страхом ожидая следующего вопроса.

– Это должно быть чертовски больно… такая рана?

Почему-то от его тона на глаза сразу навернулись слезы, и она сжала непослушную блузку в комок.

– Я терпеливая.

– Вижу. И доверчивая.

– С чего взял?

– Ты до сих пор не оделась.

Суонк хмыкнула, краснея.

– Так видала же, на что ты способен.

– Да?

– Если ты так дерешься, то и со мной сможешь сделать все, чего захочешь. – Она поймала его отражение в блестящем боку кувшина на столике, и смотрела теперь только на него. – Только ты не из тех.

– Так ты уже составила свое мнение обо мне?

– А то. – Смутилась Суонк. – Думаешь, я перед кем попало вот так одежки скидываю?

От этих слов ее еще больше бросило в краску. Прикрыв грудь рукой, она повернулась и протянула ему блузку:

– Может, у тебя лучше выйдет?

– Давай попробуем. – Сказал он, беря блузку, но Суонк не поняла, о чем – то ли о ее просьбе, то ли о чем другом. Слишком сильно билась кровь в висках, и дыхание сбилось, вроде она только что бежала, и остановилась перед ним, разглядывая золотую пуговицу на груди, не осмеливаясь взглянуть выше. И стояла так долго – почти вечность, чувствуя его взгляд и улыбку, думая о том, что может стоит опустить руку, и не прикрываться. Ну, на случай если вдруг найдутся силы его обнять…

– Расскажи мне о пустыне. – Вечность закончилась неожиданно, он снова смотрел в сторону. Суонк вздохнула, будто впервые за долгое время, наполняя легкие воздухом, и чуть не плача, непонятно от чего.

– Что рассказать?

– Как живут там люди? Мы, в Крепостях, почти ничего о них не знаем.

– Да как везде. – Она тоже отвернулась, украдкой вытирая испарину, выступившую на лбу. – В Эрге по общинам. На развалинах старых городов много железа, под землей можно машины найти, и всякие штуки поинтереснее. Женщин мало – считай, в поселении три мужика на одну приходится. А мужик как вырастает – так и идет в рейд, себя показывать, рисунок свой

делать. А бабы ждут их – иногда кто и возвращается. Может они и рады были бы выращивать что, как в долинах, или скотину разводить – только мужчинам не положено, да и не растет ничего. Воды ведь нету, на людей еле хватает.

– Нет воды – но хватает машин и оружия для рейдов?

– Так а что еще в Эрг везут? – Удивилась Суонк. – Торговцы мясом, что пленников покупают – они машины да стволы привозят. И еще всякое барахло да побрякушки на батареи меняют. И обратно, наверное, в Крепости продают.

– Вот как?

– Ну да. В Эрге то рабов сроду не видели – нужны они там, когда воинов кормить нечем. И остальное барахло никто в общину не притащит – насмех подымут. Воин – это тот, кто со своим каром вернулся, да со стволом, а лучше – с десятком…

– Выходит, что Крепости сами оплачивают набеги, поощряя работорговлю? – У нее за спиной снова зашуршало, а затем он дотронулся до ее правого плеча. – Твоя блузка. Я расправил застежки, попробуй.

– Получается, что так. – Она взяла одежку не оборачиваясь, и побыстрее натянула через голову, не особо заботясь о том, правильно ли. Но крючочки соединялись верно, на этот раз блузка сидела удобнее. Только вот не понятно было, что она должна прикрывать: и живот оставался открыт, и грудь под тонкой тканью видно. Хотя, может, так оно и задумывалось.

– Ну что? – Повернулась она к Неро. – Теперь как надо?

– Идеально! – Ответил он, и улыбнулся, странно, одними глазами, снова заставив ее покраснеть. – Извини, что заметил – но у тебя на боку огромный синяк. Я уже говорил, что у тебя сломано два ребра? Монти дал тебе что-нибудь от боли?

– Дал, ну… а чего извиняться? – Суонк глянула вниз, на свой вырез. – А, вот ты куда смотрел. И че, там тоже идеально? Нет, ну они конечно маленькие, но зато ведь обе на месте!

– Они очень милы. – Прайм снова едва заметно улыбнулся, и отодвинулся. Но Суонк, на секунду оторопев от неожиданного комплимента, тут же шагнула следом:

– Эй! Ты это… так и не взял ничего? Пока не ушел, может хоть попить тебе налью? – Она повернула столик и подвинула ему чистую чашку – быстро, стараясь скрыть замешательство.

– Не откажусь от кофе. – Вежливо ответил Неро.

Она растеряно звякнула крышкой одного кувшина, потом второго.

– Этот. – Подсказал Неро. Она с подозрением взглянула на него, но не увидела ни тени насмешки.

– Обычно его пьют горячим, но в гостях не положено

перебирать.

Суонк прыснула, наливая черную жидкость ему в чашку:

– Да я тут в таких же гостях. Эту гадость не пробовала, ты сам выбрал, так что потом не жалуйся.

– Спасибо за предупреждение. – Неро взял чашку. – А там, где прошло твое детство, не слышали о кофе?

– Неа. – Их разделял столик, и Суонк совершенно не знала, куда деть руки, пока они сами не нашли еще одну чашку. – В пустыне да на фермах такого не бывает. Там воду пьют, ну да чай по праздникам. Или пиво. Иногда виски, если знают, как трубы в кучу собрать и сделать этот, как его…

– Перегонный аппарат. – Снова подсказал Неро.

– Наверное. – Согласилась Суонк, наполняя еще одну чашку и пытаясь не пролить сок. – Я, если честно, такие штуки даже не щупала, не то, чтобы разобрать или там починить.

– У тебя большая семья? Я слышал, что обычно у жителей пустыни большие семьи.

– Бывают и большие. – Суонк задумалась, присев рядом со столиком, и сжав чашку в руках. – Только не у меня. У меня брат был, маленький, но теперь он далеко. Отца я не помню, а мать может и жива еще. В семье то бывает детей много, ну так умирают часто…

– Прости.

– За что, ты то мне ничего не сделал – там жизнь такая. У тебя самого наверное полно братьев, при таком то папке?

– При таком… Да, четверо. И три сестры.

– Что, а мать у вас одна?

– Нет… не одна.

– Так и думала. И что, все братья, ну, как ты?

– Нет. Двое стали купцами, один – военный, и один художник.

– Ну вот, в пустыне так же. – Она пригубила сок. – Куча мужиков, и все ушли, а женщина осталась. И неизвестно, вернутся ли. Потому девчонки иногда и по нескольку мужиков заводят – все равно все не выживут, а защитить кто-то должен. Оно, конечно, иногда и плохо заканчивается. А твоя мамка завела кого-то, ну, после того, как…?

– Нет. – Неро поставил чашку с кофе, так к нему и не притронувшись.

– Отчего? Ну то есть твой папка же все равно на другую ее променял? И ей, выходит, тоже нужен был мужик – только понадежнее, чтобы если и ушел далеко, так хоть вернулся, к ней, ну и к сыновьям с дочерьми…

Неро встал. То есть Суонк увидела, как он поднялся – а затем

сразу оказался рядом, тоже присев у столика. И глаза у него были совсем не такие, как раньше – холодные, будто блики на ручье зимним утром.

– Она умерла. – Сказал он, вроде спокойно, но Суонк чуть не упустила чашку. – Передай мое послание Ребекке, будь так добра.

Он дотронулся до белого прямоугольника, оставленного на столике, и выпрямился.

– Да я же… – Начала было Суонк, но он уже шел к двери, и, чертыхнувшись, расплескивая сок, она кинулась за ним:

– Ну что я такого…? – И чуть не уткнулась с разбегу ему в спину, уже у самой двери.

– Ничего. – Сказал он. – Спасибо за кофе.

– Эй! – Крикнула она ему вслед, но дверь уже закрывалась. – Ну прости, что ли!

Она пнула дверь босой ногой, и, зашипев от боли, заковыляла обратно к дивану. На глаза попался белый прямоугольник, она схватила его и развернула. Это оказался тонкий лист, вроде пластикового, с ровными рядами синих буковок внутри, которые значили что-то для сестрички-ножика, но не для нее. Тогда она снова зашипела, злясь то ли на себя, то ли на этот дурацкий лист – и разорвала его надвое, потом еще раз, и еще.

А затем запихнула обрывки в кувшин с кофе, бросилась на диван и разрыдалась.

IV.

Коммуникатор и кредитная карта ощущались в кармане брюк посторонней тяжестью. Мириам поймала себя на том, что рефлекторно поглаживает их, ощущая гладкую металлическую поверхность и выпуклости клавиш – будто проверяя, настоящие они, или только привиделись.

Город вокруг определенно мог только присниться.

Кар, отправленный Джорданом, высадил ее на краю площади Основания, у белой полосы, ограничивающей хайвей. Она еще некоторое время смотрела ему вслед, пока он не исчез среди других машин, разноцветных, точно сладости изобретательного кондитера, а потом просто наблюдала за их движением. Так много каров одновременно она видела разве что при штурме Хокса, но издалека, и раскраска у этих, маленьких, машинок, смотрелась куда ярче. Десятки их, или даже сотни заполняли хайвей, явно мешая друг другу – видимо, преследуя каждый свою цель, вовсе не как беженцы, или сплоченные отряды рейдеров. Огибая площадь, и взлетая по мосту, их ряды исчезали в плотной серебристой дымке, окутывающей город. Мириам не сразу

поняла, зачем нужен мост без реки или канала. Но затем рассмотрела еще хайвеи, несколько, пересекающихся, и огибающих площадь снизу, между широко расставленными бетонными опорами.

Мост над потоками машин, как над реками.

Площадь за ее спиной словно дышала, привлекая внимание. Дымка расходилась перед огромными статуями, видимыми сбоку. Сквозь нее проступали фрагменты: подбородок фигуры с мечом, квадратный и тяжелый, изящные пальцы изваяния с джетом, женщины в доспехах, держащей летающую машину, будто не решаясь отдать, как собственного ребенка. Отсюда, сбоку, Мириам ясно видела, что это женщина – слишком явными были изящные изгибы фигуры, подчеркнутые доспехом. Открытие придавало паре статуй совершенно иной смысл, тем более, что смотрели они туда, откуда всего несколько часов назад явилась сама Мириам. На западные городские ворота.

Мужчина и женщина – воины, и, наверное, праймы, встречающие гостей короля.

Площадь у их ног, которую она не так давно видела сверху, с моста, жила собственной жизнью. Людей, гуляющих среди деревьев и бетонных колонн, кажется, стало больше за прошедшие часы, а у основания статуй поднялся, мерцая острыми алыми бликами, яркий шатер – вернее, его верхушка, похожая на обломок блестящего красного льда, разбросавшая в стороны тоненькие нити веревок. У ее основания бурлило движение, скрытое от Мириам частоколом ровно подстриженных кустов и деревьев – видимо, машины или рабочие приводили в порядок место для будущего циркового представления. Звуков не доносилось, они тонули в шуме хайвея, и музыке – мешанине мелодий, висящих над площадью, и, кажется, намертво вплетенных в дымку.

Мириам сделала несколько шагов по направлению к статуям, а потом остановилась снова, и стояла так очень долго. Внутри не осталось никаких мыслей, а те, что возникали, она старательно гнала прочь, вспоминая наставления Кейна о том, как правильно созерцать, чтобы все, случившееся за день, не переполнило тебя, и не разорвало на части. Статуи и площадь заполнили ее, не оставив свободного места – и она радовалась этому, как ребенок радуется сказочному сну.

Только счастье и невероятное, невозможное место вокруг.

Она медленно пошла к парку, вглядываясь в каждую мелочь – белую плитку мостовой, изгибы деревянных скамей, прячущихся среди деревьев. Силуэты людей: спешащих по делам, гуляющих, смеющихся, сидящих за столиками у белых павильонов,

украшенных искрящимися надписями и двигающимися изображениями. Большие экраны, парящие над статуями, медленно поворачивались, и Мириам без особого удивления заметила мелькнувшее на них лицо Монти – шут говорил что-то, беззвучно и смешно раскрывая рот. Люди вокруг не пытались его слушать, и некоторое время она двигалась вместе с ними. Человеческий поток нес ее к центру площади, туда, где отблескивали алым складки медленно растущего шатра, и теснились деревья.

Ее не замечали. Здесь не было встречных и любопытных взглядов, как в Хоксе. Одежда большинства окружающих напоминала ее собственную – разве что кроме туфлей, слишком ярких. Девушки носили короткие складчатые юбки и блузки самых разных цветов, а мужчины – светлые костюмы, из легкой ткани, напоминающей шелк. Дети, играющие между столиками и павильонами, были казались обычными – их крики иногда заглушали музыку, и гул, доносящийся от экранов в небе. Мириам от прохожих отличал разве что загар – но, видимо, никого кроме нее это не волновало.

Она прошла мимо нескольких павильончиков, рассматривая стоящие внутри столики, посетителей, сидящих за ними, и снующих официанток. Это слегка напоминало Хокс – но только не людьми.

Взгляды и цвета отличались слишком сильно.

Мириам совершенно не чувствовала напряжения вокруг. Горожане занимались своими делами, женщины смотрели за детьми, а кто-то наблюдал за ней самой – ненавязчиво, спокойно, явно делая привычную работу. Это могло бы напугать ее, если бы она вовремя не вспомнила слова Джордана о сопровождении и присмотре.

У цирка толпились люди, и она с полминуты простояла возле синего павильончика с удобными стульями, вспоминая прозвучавшие в коммуникаторе слова. Спрашивать дорогу почему-то было неловко, и поэтому она двинулась дальше, медленнее, внимательно глядя по сторонам – но уже через три сотни шагов поняла, что заблудилась. Это не слишком расстроило ее. Монти обещал, что ее встретят, и, кроме того, у нее был коммуникатор – а разве с ним можно потеряться? Оставалось только ждать, когда ее найдут.

Свернув направо, на одну из радиальных белых дорожек, окружающих площадь, она присела на деревянную скамью у площадки с играющими детьми. Шум хайвея остался позади, и даже музыка терялась за детскими криками. Целая стайка ярко одетых малышей бегала вокруг странных конструкций, красных и

желтых, забиралась на них, и скатывалась вниз, скользя по изогнутым пазам. Их занятие сперва показалось Мириам немного опасным – но женщины, сидящие на соседних скамьях, и гуляющие рядом, ничуть не волновались. Скопировав позу девушки напротив, за площадкой, Мириам закинула ногу на ногу, и, прищурившись, запрокинула голову.

Над головами статуй, за перемигивающимися полотнищами экранов, плыли тонкие облака и парили птицы. Нет, не птицы, а люди с узкими полупрозрачными крыльями. Это озадачило ее, но разве что на секунду – потому что нельзя долго удивляться чему-то одному в месте, полном чудес. Она чувствовала голод, и спокойствие – потому что это была Атланта, самое безопасное место в мире. Его охраняли бронированные кары, танки, орудия, джеты и страшные «Фьенды», с которыми всего двадцать минут назад сражалась Би. Проверявшие ее на прочность.

Самое защищенное, самое счастливое – место, о котором она, или ее родители, не могли даже мечтать.

Ее отцу, наверное, очень понравились бы здешние маленькие кары – еще бы, столько цветов, и разных конструкций. Кафе, с отелями – просторные и светлые. А мама – тут ее можно было бы вылечить, и Мириам никогда не отдали бы приемным родителям…

Мысль причинила боль. Мириам все еще смотрела на детей – но теперь видела среди них Тони, и малышей из Хокса, одетых в тряпье, слышала смех Рока в их криках.

Это было несправедливо.

По отношению к детям Атланты – никогда не знавшим тягот пустыни, выросшим в чистоте и достатке. И к детям Хокса – родившимся для другой судьбы.

И очень больно для самой Мириам – которая никогда не должна была увидеть Крепость изнутри. Не смогла бы сравнивать, если бы не Би, случайность, изменившая их судьбы. Родись она здесь – и кто знает, какой она была бы сейчас. Училась? Вышла замуж? Рисовала картины на блестящих полотнах над городом?

К глазам подступили слезы.

Глупо и бессмысленно – жалеть о том, что никогда не случится. Но ничуть не менее горько. Дети в ярких костюмчиках не видели Хокса, разрушенных городов, и бесконечных хайвеев – только потому, что родились в другом месте. Кто-то построил стены, и постановил – жить как люди можно только с одной стороны.

Короли – и те, кто дал им власть.

– «Небо поддерживает троны …» – Говорила Би.

Нигде, кроме как в Крепостях, не делают игольники и

двигатели для каров. Не готовят лекарства, или тренируют праймов, способных в одиночку сражаться с целыми бандами. Никому больше это не позволено. А если бы даже кто-то и попытался…

– «…не пройдет и пары лет, как падет его Крепость». К стенам придут рейдеры, и ворота рухнут, а затем… Ланье говорил, что и такие, большие города тоже горят – и даже страшнее. Дети, играющие здесь, их матери, косящиеся на плачущую Мириам, вовсе не виноваты в том, что случилось с ней. И тем более не будут в ответе за то, что может случиться позже, когда Би найдет способ подняться по Струне.

Вместе с ней, Мириам.

Она поднялась со скамейки, и подошла ближе к площадке, к самому бортику, огораживающему квадрат красноватого песка, в котором возились дети. Слезы текли, и она чувствовала движение цветов вокруг, тревогу, и все то же, сосредоточенное внимание наблюдателей. А внутри нее зрела мысль, кристаллизируясь, обращаясь сначала в уверенность, а затем в слова.

То, что она делает – изменит жизнь этих детей. И не только их – всех людей на этой площади. Всей Крепости.

Перерисует мир, который она видела. Когда Сломанная Маска вернется – все станет иначе. И малышам будет проще принять это, потому что дети учатся быстрее, меняются легче. А если он не придет – то, и она, Мириам, останется там, за небом.

Так будет потому, что этого хочет она сама. И это то, ради чего она приехала сейчас на площадь Основания.

Мириам шмыгнула носом, и провела ладонью по глазам.

Никто здесь не знает, что именно она в ответе за все, что случится так скоро. За поступки, или бездействие.

Она почувствовала движение цветов за правым плечом – удивление, вспышку тревоги. И обернулась как раз чтобы увидеть, как двое молодых людей – парень в сером костюме, и девушка с красной сумочкой на спине, становятся между ней и стройной медноволосой фигуркой в рабочем комбинезоне с короткими рукавами.

– Мона? – Спросила она, еще раз шмыгнув носом.

– Ой! – Отозвалась та, переводя взгляд с нее на загородившую ей путь пару. – Я думала, ты будешь одна.

Молодой человек в сером оглянулся на Мириам. Кроме него, и девушки, не отрывающей глаз от Моны, Мириам чувствовала присутствие третьего наблюдателя, держащегося на расстоянии.

– Я ее знаю. – Ответила она на невысказанный вопрос. – Она моя подруга, из цирка.

– Слушаю, миз. – Кивнул тот, и, взяв девушку за руку, отошел

с ней в тень деревьев, окружающих площадку – ни дать, ни взять парочка, решившая уединиться.

– Притворяются. – Видимо, Мона подумала о том же. – У них под одеждой оружие. Тебя охраняют?

– Да.

– Но это же… Гвардия? Пока мы не виделись, ты стала фавориткой Короля? – С невинным видом предположила актриса.

– Кем?

– Любимицей.

– С чего ты решила?! – Удивилась Мириам.

– Ну как сказать… – Мона окинула ее взглядом, и вскинула брови. – Я слышала, ему нравятся совсем юные девушки, хотя он и предпочитает блондинок. И эти штанишки так обтягивают… на месте Короля я бы тоже приставила к тебе охрану.

Мириам растерянно улыбнулась сквозь слезы:

– Шутишь?

– Пытаюсь. – Глаза Моны задорно блеснули в ответ. – Я искала тебя, и вдруг почувствовала, что ты плачешь.

– Монти сказал…

– У нас перерыв. – Мона тряхнула головой, так что прическа, уложенная в несколько уровней и скрепленная медными колечками, только чудом не рассыпалась. – Мари осталась, чтобы никто не расслаблялся. А я решила, что самое время тебе помочь.

– Но разве вы не заняты…?

Мона, не дослушав, взяла ее за руку – и Мириам прервалась, испугавшись ее движения.

А потом почувствовала это.

Знакомое прикосновение пальцев, тонких и прохладных. Ощущение голода, проснувшегося в животе, мягкое давление брюк, слишком узких в бедрах, ветер, овевающий лицо, и море скрытых в нем запахов: разогретый металл каров, аромат свежей выпечки и тонкий цветочный запах, исходящий от самой Моны. Ощущения ворвались в сознание Мириам, смыв испуганное ожидание будущего, оставив только остов, самую суть мучающей ее мысли – и отбросив печаль далеко-далеко, на самые границы памяти, к чему-то страшному и почти позабытому, случившемуся давно, в детстве. Площадь вокруг дрогнула и словно стала чуть дальше, позволяя увидеть движение невидимых связей вокруг актрисы – вроде облака, окружавшего Джордана, но гораздо сложнее. Шлейф книги Иштар, выстреливающий из ее головы, и соединяющийся с небом.

– Что ты делаешь? – Спросила Мириам, и тут же почувствовала ответ на свой вопрос – движение цветов вокруг, переплетающихся и текущих.

– Мой талант – собирать. – Тихо проговорила Мона. – Что угодно и у кого угодно. А еще – чувствовать издалека.

Мириам вытерла слезы.

– Поэтому именно ты отправилась за мной?

– Мари позвала, а я – нашла. – Не совсем понятно ответила Мона. – Ты, кажется, хочешь кушать?

– И ты тоже.

– Вот где он взял эту штуку? – Не выпуская руки Мириам, Мона указала на проходящего мимо мужчину, со странным цветным пирожным, надкушенным с нескольких сторон. – Где-то рядом? Давай спросим, а? Нам нужно перекусить – потому что мы многое хотим тебе показать, а для этого понадобятся силы.

Глава IV

Интермедия V.

Кровь глубоко въелась в бетон. Изъеденные выемками и кавернами бока многотонного обелиска словно покрывала ржавчина, и Кейн, приблизившись к нему, уловил отчетливый запах дезинфектанта.

Так близко подходить больше никто не рисковал, между обелиском и толпой, бурлящей на площади, будто возвышалась невидимая стена. Монах без помех рассматривал щербатые бетонные стены, отмечая выемки для крепления кандалов, и щели между досками грубо сколоченного помоста.

Его толкнули в спину, он повернулся, отступил – и рука человека, попытавшегося было схватить его за ворот, ухватила только воздух.

– Да ты пьян, друг. – Широко улыбнулся Кейн, чувствуя запах лука и не менее сильный аромат дешевого виски. Человек, одетый как фермер, снова попытался схватить его, и монах развернул пьяницу, аккуратно взяв за плечо. – Быть может, у тебя найдется кредит на обед странствующему монаху? Или, возможно, пара кредитов найдется у твоего друга?

Монах улыбнулся товарищу поселенца, ничуть не менее пьяному. Тот, которого он держал за плечо, сделал попытку освободиться, в результате чего споткнулся и растянулся в пыли.

– Тогда, может, ты поможешь своему товарищу?

Второй поселенец ответил ему недоумевающим взглядом, но тем не менее наклонился к первому. Глядя на их спины, исчезающие в толпе, Кейн улыбнулся снова.

Коди неслышно подошла справа, убирая под плащ тонкий клинок, покрытый копотью и почти невидимый на фоне ее

рабочего комбинезона.

– Чего было надо этим баранам? – Змея сплюнула в пыль.

– Драки. – Кейн снова повернулся к обелиску. – Выпивка придала им храбрости, и они решили найти ей применение.

– Я могла кончить обоих раньше, чем кто заметит.

– Взгляни вон туда… медленно, не поворачивай голову. Блик на столбе. Еще один, с другой стороны. И вон тот, на крыше этого милого заведения…

– Что за стекляшки? Вроде прицелов.

– Камеры. Сюда приводят заключенных. Приковывают к вот этим стенам. А затем расстреливают, показывая это по всему городу при помощи этих штук. Видишь следы от игл на этой колонне?

– Не врубаюсь. Эти штуки что, смотрят?

– Да. Даже сейчас, но, думаю, их выключают с наступлением темноты. Запомни, где они расположены.

Змея окинула площадь перед обелиском цепким взглядом, и натянула козырек грязной форменной кепки пониже:

– Готово. Идем дальше, что ли?

Кейн кивнул, и она двинулась вперед – осторожно, уклоняясь от столкновений, и настороженно глядя по сторонам, будто охотница, выслеживающая дичь в Эрге. Монах последовал за ней, держась чуть позади.

Площадь приняла их в жаркие объятия.

Торговое поселение, прилепившееся к стене Атланты справа от громадных ворот, ошеломляло движением и вонью. Даже Кейну, видавшему лагеря беженцев, базы рейдеров и ямы военнопленных, было немного не по себе от шума и суеты вокруг. Десятки низеньких, ярко украшенных лавочек подпирали невысокие дома, сложенные из пористых бетонных плит, небрежно скрепленных стальными полосами. За ними, врезаясь в пустыню беспорядочно прорастающими каменными клыками, лежали длинные коробки складов, испятнанные разноцветными эмблемами купеческих союзов. Здесь останавливались те, кто не обладал связями или кредитами, чтобы попасть за ворота; заключались сомнительные сделки и продавались товары, запрещенные к ввозу в Атланту; отдыхали сотни купцов и их охранников перед тем, как снова отправиться в путь.

Здесь искали работу, и предлагали ее, развлекались и развлекали.

Следуя за рейдершей, изящно лавирующей в толпе, Кейн глазел вокруг, не забывая улыбаться всем встречным, но его наметанный взгляд цеплял намного больше, чем полагалось обычному зеваке:

…эмблемы медицинской службы Атланты, едва заметные на цветных вывесках баров и борделей, украшающих верхние этажи домов и арки над лавками, сваренные из побитого ржавчиной металла.

…бледные лица, то и дело мелькающие в толпе, незагорелая кожа, скрытая под купеческой одеждой, и чистые, аккуратно подстриженные ногти на руке девушки, на мгновение показавшейся из широкого рукава – признаки горожан, выбравшихся поразвлечься.

…блестящие зрачки камер, мерцающие под портиками зданий с эмблемами торговых лиг, и едва заметные очертания тяжелых танков, скрытых под песком за границей поселения, у складов.

…круглый железный скелет, парящий над крышами домов к югу, над трепещущими флажками и транспарантами невидимой отсюда ярмарки – огромное колесо обозрения, замершее под палящим солнцем.

…и тень за окровавленным обелиском – башня у стены, над поселением, пробитая гранеными жалами скорострельных орудий, неподвижно уставившихся вниз, на неряшливо разбросанные здания, и способных, по мнению Кейна, за несколько секунд превратить городок в пылающий ад.

– Влево. – Бросил он в спину Коди, и та подчинилась, не мешкая. Нырнула в сторону, обойдя идущего навстречу грузчика с оранжевым пластиковым мешком, шикнула на парочку, вздумавшую пересечь ей дорогу. И укрылась в тени под узким навесом, украшенным незатейливой вывеской: тарелка с лапшой и торчащей из нее куриной ножкой. Когда монах, несколько раз оглянувшись, вошел под навес следом, девушка уже устроилась на табурете у длинной стойки из желтого пластика, и в белой лакированной миске перед ней дымилась гора лапши.

– Еще! – Бросила она старику, возившемуся за стойкой, у пары котлов с бульоном, и подвинула миску Кейну. – Давай, ты вроде как есть хотел.

– Не откажусь. – Улыбнулся в ответ Кейн, берясь за двузубую вилку. Коди бросила старику половинку кредита, взяла у него вторую тарелку лапши, и громко подула на нее, ожидая, когда старик отойдет.

Затем, выудив пальцами из бульона кусок куриной грудинки, наклонилась к Кейну:

– Че еще мы тут смотрим, монах?

– Устала? – Участливо спросил тот. – Я могу прогуляться и сам, а ты подождешь здесь, в тени.

– Хорошая тут жратва. – Коди уронила надкушенный куриный

хрящ на стойку, и снова принялась рыться в тарелке. – А вот шутка твоя протухла. Думаешь, у меня за сестер ничего не болит? Видел, как нас мало осталось – из целого-то рейда?

– Знаю, что болит. – Тихо ответил Кейн, наматывая лапшу на вилку. – Феникс сделала вас семьей, дала вам общую цель.

– Ну потому она и Феникс. – Резонно заметила Коди. – Вон, даже тебя озадачила. Не пойму только, чем, а вашего разговора не слышала. Но по морде твоей вижу, что без кулаков обошлась.

– Правда. – Признал Кейн. – Она дала мне обещание. И должна будет сдержать.

– А то. Ни одна Змея просто так рта не раскрывает. И чего она тебе обещала?

– Что в будущем пощадит по пять человек за каждую из спасенных Змей.

Коди прыснула в кулак, а затем громко расхохоталась, расплескав бульон по стойке. Кейн улыбнулся в ответ, и принялся было за лапшу, но Змея, все еще хихикая, взяла его за предплечье:

– Скажи честно, монах – ты дурак?

– Иногда я и сам задаю себе этот вопрос.

– Я вообще не врубаюсь – ты, выходит, сдохнуть готов ради неизвестно кого? Здесь, вот под этими стенами в песок лечь только затем, чтобы потом кому-то помирать не пришлось?

– Да. – Кейн заглянул Коди в глаза. – Умереть ради неизвестно кого намного лучше, чем сделать это запросто так, верно?

– Серьезно? Но ты ж даже не знаешь, кто это будет? Может отбросы какие, или торговцы мясом, или кто еще похуже – тебе ведь не узнать?

– А зачем мне это знать? – Улыбнулся монах. – Это ведь никак не изменит моего решения. Или поступков Феникс.

– Чего?

Вместо ответа Кейн кивком указал ей за спину, на помост с обелиском, у которых началось движение, заставившее оживиться толпу. Глухой удар железа о железо разнесся над площадью, мгновенно заглушив выкрики купцов и гомон прохожих – и растворился в жарком воздухе, напоенном запахом сотен человеческих тел, дымом жаровен и вонью отхожих мест. Железная коробка с десятком колес, похожая одновременно на грузовик, и на танк, вползала на площадку за обелиском, а над ней, в узких бойницах башни, едва заметно глазу поворачивались дула скорострельных орудий. В толпе засвистели – следом за большой машиной на площадь вывернула пара открытых пехотных транспортеров. Спрыгивающие оттуда гвардейцы в пятнистой полевой форме выстраивались цепью, оттесняя толпу

от помоста.

– Начинается. – Сказал Кейн негромко. – Запоминай, где стоят машины.

– Ну их и много, мать их. Точно не хочешь свалить, монах?

– Сейчас?

– А чего ждать. – Змея улыбнулась, блеснули белые зубы на измазанном машинным маслом лице. – Потерялся бы, пока время есть. Я бы за тобой в этом хлеву, да перед стволами, быстро не бежала.

– Ты не веришь мне?

– Неа. Никому, кроме Феникс, не верю. Мы сюда умереть пришли – и только ты, дурак, думаешь иначе.

Кейн рассмеялся.

– Чего ржешь?

– Если мы готовы умереть – то у нас и правда есть шанс.

Коди мрачно воззрилась на него и покрутила пальцем у виска.

Транспортеры миновали помост и остановились, разворачиваясь, замыкая цепь. Двери огромной машины распахнулись, и оттуда, щурясь на яркое полуденное небо, появились первые пленники. Им навстречу с низким утробным звуком хлынула толпа.

Заключенные мало напоминали Тигров, которых Кейн привык видеть в визоре винтовочного прицела – разве что татуировками, проступающими под грязью, покрывающей их истощенные тела. Гвардейцы вытаскивали пленников парами, точно животных, используя длинные металлические штыри, продеваемые в стальные ошейники. И вели к обелиску, на котором уже сверкали полированным металлом новые скобы, забитые в бетон несколько секунд назад.

– Вот так все и будет? – Тихо спросила Коди. – Да ты посмотри, сколько тут пятнистых. Этим Тиграм теперь ни бог, ни черт не помогут. Или, может, ты их тоже спасать собрался?

– Они умрут, чтобы твои сестры завтра смогли жить. – Ответил Кейн. – Будь им благодарна.

– Не дождутся. Имела я этих Тигров с прогибом… – Коди пододвинула к себе миску, и снова запустила в нее пальцы, не отрывая глаз от помоста. – Долго еще?

– Думаю, да. – Кейн наклонился вправо, рассматривая столбы рядом с обелиском. – Одна, вторая, третья – вон, там еще камеры, которые смотрят в толпу.

– Запомню. – Тут же отозвалась Коди, и добавила тише, покосившись на отошедшего к котлам старика. – Я в разведку хожу два года. Помнить умею. Считать умею. Читать. Водила по

четыре восьмерки, докладывала самой Ликс, пока та возле Феникс была. Только вот знаешь – за все время ни разу такого человека не встретила, чтобы умереть не боялся. Никто этого не хочет, и я, если подумать, тоже…

– И чего же ты хочешь на самом деле, Коди?

– Скажешь кому – печень вырежу.

– Согласен.

– Ребенка хочу. Маленького, чтобы орал и жрать просил. Живой кусочек Коди. Чтобы, когда зароют меня в песок – он остался. Был бы такой на свете – может и я бы так не боялась. А ты… Кейн? Тебя же, если порезать, живая кровь потечет? Может, уйдешь все же, пока я не смотрю?

– Ребенка. – Задумчиво повторил Кейн. – Чтобы он жил такой же жизнью, как ты? Прятался, убивал, и погиб в бою, если повезет. Или как эти Тигры, распятым у стены?

– Хочу. – Согласилась Коди. – Потому как лучше жить так, чем вовсе не рождаться. И даже захоти я для него чего другого – ну сам подумай, что я могу сделать? Только себя кусок отдать, своим молоком да кровью напоить. И все. А судьбы другой я ему не подарю – потому как для меня самой ее нет.

– Но ведь для этого люди и оказываются рядом. – Кейн смотрел на Коди так, будто только что увидел ее впервые. – Чтобы изменить судьбы друг друга. Ребенок меняется, так же, как и любой человек. Достаточно только указать ему путь.

– А когда вообще никакой дороги не видно?

– Нужно спросить ее у другого путника. – Кейн улыбнулся. – Как я сейчас.

– Да ну тебя! – Снова отвлеклась Коди, глядя на помост. – Хорош языком чесать! Ты лучше вон туда посмотри!

Кейн проследил за ее взглядом: из плоского транспортера, подъехавшего к площади последним, выбрался человек – высокий, в черной блестящей броне, под которой, закрытые сегментированными пластинами, сокращались тонкие трубки экзоскелета. При его появлении толпа замерла, точно прислушиваясь к скрипу помоста под бронированным сапогами. Высокий человек медленно прошел до его середины, остановился, и над площадью разнесся низкий голос, усиленный многочисленными громкоговорителями:

– Я Микаэль, Меч Короля Атланты, говорю от его имени! Эти люди – преступники, пришедшие с оружием на землю Короля. Их наказание – смерть, и оно будет уроком всем…

Коди поглубже натянула кепку, словно пытаясь скрыться от прайма, слов, гремящих в ушах. Кейн едва заметно кивнул:

– Завтра мы рассмотрим его поближе. А теперь – может

закажем еще и десерт? Уж очень вкусно пахнут эти вафли.

I.

На ходу Мона поглядывала поверх рожка с мороженным, и этот взгляд смущал. Мелькал розовый язычок, слизывая холодное молоко – а глаза, наполненные ожиданием, не отрывались от Мириам. И было совершенно не понятно, как это Мона до сих пор не споткнулась, или не врезалась в идущих навстречу людей.

Они шли по чему-то вроде широченной аллеи, похоже, пересекающей всю площадь. В другое время Мириам наверняка предпочла бы прогуляться по ней не спеша, разглядывая разбросанные у бордюров лотки и маленькие магазинчики, украшения женщин, идущих навстречу, и громадные кусты с белыми цветами, растущие по краям – но Мона буквально тащила ее за собой.

Все, что оставалось – скрывать непрошенное смущение, и стрелять глазами по сторонам. Мороженное в руке медленно начинало таять, растекаясь внутри стаканчика со сладкими хрустящими стенками. Мириам знала, что оно не такое уж и холодное – ощущения Моны бежали по ее коже, настолько явственно, что к ним хотелось прикоснуться.

– У тебя ссадина на виске. – Наконец проговорила Мона. – Может, приложить холодное?

Мириам посмотрела на ее руку, затянутую в полосатую перчатку до самого локтя, и покачала головой:

– Она давно зажила. К вечеру и следа не будет.

– Наверное. – Мелькнул язычок. – У меня остался шрам, но его пришлось спрятать.

– Почему?

– Это вредно для образа. Я должна быть идеальной, как фарфоровая статуэтка. – В голосе Моны мелькнуло раздражение. – Даже если захочу кричать, и царапаться…

– Зачем?

– Просто так? – Мона еще раз лизнула мороженое. – Или кусаться… ой, прости, я не хотела об этом.

– Куда мы так бежим?

– К сцене. Мари осталась там, я же говорила. С утра мы репетируем без остановки, времени очень мало. Вечером спектакль, и Мари хочет, чтобы все работало как часы. Хотя я бы с удовольствием посмотрела город.

– Он немного пугает.

– О да, он огромен. Я и представляла его таким, как в книгах. Знаешь, раньше ведь города были еще больше.

– Да, я видела.

– Но этот город – грустный. Испуганный. – Мона наклонила голову, рыжий локон закрыл правый глаз. – Каждый дюйм здесь напоминает о страхе – все эти стены, зубья, танки, пушки на самых высоких домах. Тебе так не кажется?

– Наверное, я привыкла к такому.

– Ожидать нападения? Но ведь раньше города были другими – в них можно было приехать свободно, никто не возводил стен, самолеты не охраняли границ. Внутри, во мне, есть книги об этом, я могу тебе показать.

– Правда?

– Если ты захочешь. А пока мы постараемся тебе помочь. Когда Монти сказал про тебя, я решила, что ждать до вечера слишком долго. Мари конечно занята, но показывать она сможет куда лучше, чем я…

– Показывать… что?

Солнце внезапно скрылось, и Мириам не сразу поняла, что они вошли в тень статуи с мечом – громадную, как у облака. Поток людей впереди рассеивался, и аллея внезапно закончилась, оборвавшись у открытого пространства, вогнутого подобно бетонной чаше. Именно над ним поднимался увиденный Мириам издалека купол шатра – огромная конструкция, достающая статуям чуть выше колен, у основания которого кипела стройка. По сравнению с ней павильончики и кафе, теснящиеся к краям площади, казались карликовыми. И она явно привлекала внимание, потому что множество горожан толпились вокруг. Над ними, вплетаясь в дымку города, дрожали цвета удивления и любопытства.

Мона шагала к стройке без тени сомнения.

– Я еще с утра хотела к тебе подойти. – Она с хрустом откусила кусок стаканчика. – Только испугалась. Вокруг тебя было что-то страшное, а потом вы сразу уехали.

– Что? – Напряглась Мириам.

– Твой талант? – Осторожно предположила Мона. – Видела такое вокруг брата, только сильнее. А ты ведь защитила нас – совсем как он, и я хотела поблагодарит. Но оно было там, висело прямо над тобой.

– Я… – Запнулась Мириам, а потом ее прорвало. – Я думала, что умру. Утром, и на дороге, а потом в ванной. Хотела убить себя. И в голове чужие мысли – как черви, путаются, лезут, мешают думать. И от этого очень страшно.

– Так ты раньше не использовала талант против людей?

– Нет, только не так. У меня в голове были они все, и я видела их мысли. А потом еще говорила – голосом мертвого

человека. И дралась как он.

– Жуть. – После долгой паузы проговорила Мона. – У нас в Нексусе не было никого похожего. Видимо, поэтому брат и разбудил тебя – из-за таланта такой силы.

– Монти сказал, что теперь мне плохо из-за расплаты. Потому что я потратила слишком много сил.

– Серьезно? – Удивилась Мона. – Это полная ерунда.

– Почему?

Ответные слова Моны потерялись в визге и грохоте – они перелезли через яркую оранжевую ленту, огораживающую стройку, и окунулись в облако пыли и деревянной стружки. Десятки рабочих в одинаковых серых униформах двигались вокруг, передвигая, сколачивая и собирая плоские конструкции из дерева и металла. Мгновенно сориентировавшись в этом хаосе, Мона указала Мириам на узкий проход, по которому, свиваясь опасными кольцами, бежали оранжевые кабели электрических инструментов.

– «Монти не знает, о чем говорит?» – Спросила Мириам еще раз, безмолвно, одновременно стараясь не упасть, и поспеть за Моной, скачущей между разбросанными досками и стальными трубками с ловкостью акробатки. Ответ пришел мгновенно, но был странным, не таким, как у Би. В нем непонятным образом содержалось ощущение прикосновения, и улыбки, невидимой, но теплой – как если бы Мона оказалась рядом, подойдя сзади и положив голову ей на плечо. По телу мгновенно побежали мурашки.

– «Расплата выглядит иначе.» – Пояснила та. – «Энергия таланта берется из крови, мышц, всего твоего тела. Можно потерять сознание, и погибнуть – но это случится быстро. Ты почувствуешь боль в голове, в глазах, в суставах, затем пойдет носом кровь, затем …»

– «Я видела… твой брат, в Хоксе.»

– «Но Монти не знает, что случается, когда прикасаешься к чужому разуму. Нельзя только взять, или отдать. Мысли и чувства людей могут проникнуть в тебя так же, как ты – в них. Чем мощнее талант – тем сильнее они войдут в тебя, и дольше останутся.»

– «Но я даже не собиралась…»

– «Здесь везде трибуны, осторожнее, сейчас мы пройдем под крайним рядом.» – Мона нырнула под длинный лоскут белой материи, обволакивающей что-то большое впереди, и Мириам последовала за ней, низко наклонив голову, чтобы не удариться о низкие рейки. Актриса мгновенно исчезла из виду, но теплое сияние ее цветов, и широкий невидимый шлейф Книги было

просто невозможно потерять.

Мороженое таяло и капало с пальцев.

За холстом, под который они пролезли, оказался еще один, потом стальная труба – а затем впереди посветлело, и затянутый материей проход, почему-то напомнивший Мириам длинную юбку горожанки Хокса, вывел их на площадь поменьше. Алый шатер внезапно оказался рядом – трепещущая стена блестящего шелка, уходящая высоко вверх, цепляющаяся за землю узкими ниточками серебристых канатов. Впрочем, не такими и тонкими вблизи – Мона, почти бегущая впереди, перепрыгнула через один из них, толщиной в руку Мириам, крепящийся к полуметровой стальной колодке, вырастающей из бетона. Она спешила к помосту – белому выступу, напоминающему бампер тяжелого кара, поддерживаемому низкими строительными лесами, возле которого возилось множество людей в сером, что-то устанавливая, прикручивая, закрепляя.

– «Неважно, чего ты хотела – так это работает. Если твой талант активен – то его нужно использовать, даже если ты не хочешь. Рано или поздно он вырвется наружу сам, как огонь из горящего дома. И тебе придется направить его.»

– «Я так и сделала…»

– «Да, но не удержала. Риордан говорил, что талант – как нож, у которого второе лезвие вместо рукояти. Хочешь им ударить – будь готова порезать себя.»

– «Но разве нельзя обернуть чем-нибудь руку?»

– «Ха! Нет. Но можно попытаться удержать его за середину.»

Внимание Мириам привлекло движение вверху. Над помостом парило, медленно опускаясь, нечто огромное, мелькающее яркими красками – один из экранов, которые она видела утром, из кара. На экране сменялись знакомые лица – она узнала Мари, беззвучно разговаривающую с кем-то невидимым, затем Йоко с распущенными волосами, поправляющая мокрую челку, и Джекки. Мириам ускорила шаг, все еще не отрывая глаз от экрана – и неожиданно налетела на кого-то.

Запах вина и пороха, растерянность в цветах.

– Да неужели? – Сухо рассмеялся Руби, разглядывая ее. – Эй, народ, гляньте – ваша спасительница вернулась!

III.

– Спасительница?

Мириам не успела опомниться, как Руби ухватил ее под руку – и путешествие через стройку и трибуны ускорилось в десяток раз. Мимо мелькнули ряды белых кресел, почему-то

поставленных друг на друга, маленькие погрузочные машины, похожие на собак с квадратными мордами и длинными выступающими клыками захватов. А потом она была уже под самым помостом, и вокруг толпились те, кого она едва успела узнать: Курт и его блондинка-напарница, высокая жена Руби, и Соно, одетый в черный костюм, делающий его похожим на респектабельного купца. Издалека понимающе усмехнулась Мона, и Мириам поняла, что ей что-то кричат на ухо.

– Я видела! Видела, как ты с ними дралась! Стреляла, а потом они погнались за тобой, повалили, но ты вырвалась и потом… ух, и страшно же было! – Воздух вокруг заполнил знакомый аромат, и Йоко ухватила Мириам за свободную руку. – Мы думали бежать на помощь, но… но…

– …но что они могли сделать с рейдерами? – Подхватил Руби. – у нас всего два игольника, и одно ружье. И ты сама крикнула им спрятаться.

– Никогда такого не видела. – Продолжала Йоко. – Ты дралась с ними одна, и так долго, а они ничего не могли тебе сделать. Если бы не ты…

– Вас спас прайм из Атланты. – Попыталась было возразить Мириам, но Руби тут же перебил ее:

– Но если бы не ты, они не дождались бы его прихода. Верно? Предлагаю приветствовать нашу общую спасительницу троекратным ура! Итак…

– Гип-гип – ура!

– Гип-гип – ура!

– Гип-гип – ура!

Мириам почувствовала, что готова провалиться сквозь землю от смущения – но Руби не дал этому продлиться долго, снова потащив ее за помост, к лесенкам, уходящим наверх, под рубиновое полотно шатра. Она смешалась было, разыскивая взглядом Мону, но сразу успокоилась, увидев, что та идет впереди.

– Я бы тебя не узнал. – Они внезапно остановились в проходе, показавшимся Мириам невероятно узким. С одной стороны бежали зеркала и ряды новеньких стульев перед ними, с другой – тянулись вверх стальные опоры помоста, затянутые белой пленкой. Впереди, у зеркал, красилась худенькая помощница Соно, и переодевались двое борцов, меняя свою обычную одежду на черную форму, похожую на гвардейскую.

– Почему? – Механически спросила Мириам, взглянув на Мону, которая обернулась и пошла назад, к ним.

– Красное с белым – последняя мода. – Не очень понятно ответил Руби. – Такое только горожанки носят. И те двое, что за

тобой идут, только что охране гвардейский жетон показали.

Мириам оглянулась и помахала рукой знакомой парочке, остановившейся у самого крайнего зеркала.

– А… они со мной.

– Я это понял. – Хмыкнул фокусник, и внезапно взглянул на нее серьезно. – А вот ты тут зачем?

– Посмотреть. – Мириам снова покосилась на Мону. – На то, что вы делаете.

– На репетицию?

– Ну да.

– И все?

– А что должно быть… еще?

– Что-то важное. – Руби тоже повернулся к Моне. – Что у нас еще в планах, милая? Выступление в Небесном Городе?

– Отложим до послезавтра. – Улыбнулась Мона, и снова взяла Мириам за руку. – А сейчас нам пора, у нее мало времени…

– Как будто у меня его много! – Вздохнул Руби. – Это же мой цирк, разве нет? Может, раз уж мы здесь, где нас никто не слышит, кто-нибудь скажет мне, что происходит?

– А чем ты недоволен? – Понизив голос, спросила Мона. – Ты видел шатер? И сцену? Вечером на представлении будет весь город…

– Я не понимаю, почему? – Руби тоже перешел на шепот. – Как вам это удалось? Я всю жизнь на арене. Чтобы поставить спектакль, такой, как хотите вы, нужно репетировать месяцами! А у нее все получается за час! За ней Джекки повторяет с первого раза… болван, который без палки двух слов выучить не может! Ее все слушают, будто она пророк какой, вроде так и надо. Не замечают ни черта – ни того, что на все это считай сам Король деньги дал, ни того, что спектакль девчонка ставит, едва пятнадцати лет от роду! А другая девчонка, не сильно старше, тем временем рейдеров разгоняет.

– Звучит странно. – Ответила Мириам, глянув в сторону гвардейцев, все еще ожидающих в конце коридора. – Но ведь тебе от этого только лучше?

– Да я не спорю. – Покачал головой Руби. – Я человек старый, и всякое видел. И хорошо усвоил, что за все хорошее надо платить. Ты вот, она, и Мари, что там, наверху, моими ребятами крутит – не знаю, что вы делаете, но боюсь, что мне, и цирку моему, за это очень скоро расплатиться придется. За них боюсь – не за себя. Я… что с меня спрос, я бы свою душу за такое выступление заложил. Но вот их… они-то ни с дьяволом, ни с Мастером Риорданом не договаривались.

– Ты вовсе не старый, раз так нравишься женщинам. – Мона

внезапно тоже стала серьезной, и Мириам почувствовала, как сквозь нее проступили цвета Мари. – И завтра утром проснешься знаменитым, главой самого великого цирка всех времен! Конечно, у этого есть своя цена – но платить ее придется не вам.

– И с этого мне быть счастливым? – Печально улыбнулся Руби. – От славы, другими заработанной? Или от того, что вы от моего цирка все, что можно возьмете, и уйдете… я же вижу, что у вас на уме.

– Мы отдадим взамен намного больше. Или ты хочешь помешать нам, Руби? – Цвета Мари внутри Моны стали еще ярче. – Встать у нас на дороге?

– Пороху не хватит. – Горько признал Руби, и почему-то посмотрел на Мириам. – Если я за свою жизнь что и усвоил – так это то, что в чужой драке искать нечего. Не охота к утру за стеной оказаться, как некоторые… с ножом в сердце. Но вы бы хоть намекнули, в чем дело… что за ставки на столе?

– Ты и сам скоро узнаешь. – Мона улыбнулась. – И никто не пострадает, опасности нет. Мы же в городе, и скоро у нас будут сильные покровители. Правда, Мириам?

– Правда. – Машинально ответила та, вглядываясь в ее лицо, цвета, двигающиеся за ним – сомнение, сожаление, раскаяние.

Цвета лжи.

– И почему я тебе верю? – Руби натянуто улыбнулся. – Мириам еще меньше говорит, чем ты. Что за девчонки пошли такие, а? В мою молодость иначе было. Ах, ну я и забыл – я же теперь твой отец. Главный в доме Капулетти, да? Что-то светленькая ты у меня, дочка. Цветом кожи в отца не удалась?

– Наверное, удалась умом. – Потупила глаза Мона. – Ведь без вас мы не справимся.

– Не скромничай. – Рассмеялся Руби. – Торопишься – так беги, у нас еще пара минут есть, до следующей сцены. Там, наверху, еще гибель Меркуцио ставят.

– Бегу. – Просто ответила Мона, и, без предупреждения ухватив Мириам за руку, устремилась дальше по коридору.

– Почему ты обманула его? – Спросила та, когда они миновали переодевающихся борцов, и коридор с зеркалами остался позади.

– Он должен был это услышать. – Быстро ответила Мона. Украшения, вплетенные в рыжие волосы, звякнули, когда она повернула голову к Мириам. – Он… и я.

– Что?

– Я тоже не хочу верить… признавать, что все может быть напрасно. Если мы не сможем никого спасти…

Теперь они шли под самой серединой помоста, между

стальными опорами, поддерживающими толстые деревянные доски в трех метрах над головой Мириам. Справа, сквозь многочисленные узкие щели пробивался свет. Она без труда различала в движущихся там тенях очертания погрузчиков и фигуры рабочих – с той стороны осталась площадь с рядами белых кресел, которых становилось все больше и больше.

Мона свернула влево, нырнув между еще одной парой опор, и остановилась у лестницы, сваренной из блестящих стальных трубок, упирающейся в квадратное отверстие наверху, в помосте. Оглядевшись, Мириам увидела еще пару лестниц по сторонам.

– Технический вход. – Пояснила Мона. – На сцену выходят сверху, а эти люки скрыты кулисами, которых еще нет. В общем, так быстрее.

– Мари там? – Мириам посмотрела вверх. – Да, я ее вижу, сквозь доски. Но о чем ты говорила? Кого вы не сможете спасти?

– Она сама объяснит. Нам очень хотелось поговорить с тобой, пока все не началось. Потом времени совсем не будет. Когда Монти сказал, что тебе нужна помощь – мы поняли, что это наш шанс. Я побегу, мне нужно готовить следующую сцену…

– Просто лезть наверх?

– Ага.

Мириам ухватилась за ступеньку, подтянулась – и Моны уже не было рядом. Лестница слегка вибрировала под ее весом, но подошвы новых туфель оказались совсем не скользкими. Она взобралась по ней наверх в считанные секунды, и высунула голову в люк.

И замерла на долгие секунды – потому что никакой сцены там не было.

IV.

Сначала ей показалось, что это песок.

Темные, непривычно низкие холмы неправильного цвета уходили к далекому горизонту, двигаясь и рябя, как в сильную жару. Они охватывали пространство впереди, и смыкались с совершенно чистым закатным небом – ни купола, ни площади, ни Атланты. Но поднявшись еще на ступеньку, Мириам поняла, что песком это быть никак не может.

Это была вода. Невозможное водное пространство, больше любой пустыни. К нему навстречу бежали узкие улочки, пробиваясь между белых домов с плоскими крышами, разбросанными на уступчатой горе, будто зерна маиса. В свете заката мелькали лопасти ветряных вышек – высоких, как в Хоксе, красного и синего цветов. На мгновение Мириам ощутила

дуновение ветра – прохладного, совсем не такого, как в пустыне, пахнущего неизвестностью.

– «Верона». – Произнес голос Мари у нее в голове. – «Славный город у Калифорнийского разлома.»

И тогда Мириам увидела.

Их было четверо. Они стояли посреди площади, на которую она только что поднялась – небольшой, мощеной красным камнем, с высокой старинной колонкой в центре. Они были далеко, и одновременно близко, так что Мириам могла без труда рассмотреть каждую деталь.

В этом месте Мари была мальчиком: юношей, хрупким и таким же красивым, с непослушными светлыми волосами, в черной форме, похожей на гвардейскую. Незримый шлейф, развернувшийся над головой актрисы, казалось, пульсировал от напряжения. Курт, стоящий перед ней, был одет в зеленое, в его правой руке, отставленной в сторону, покачивался серебристый револьвер.

– Ромео, сущность чувств моих к тебе. – Курт дернул Мари за пояс, расстегивая черную кобуру, лежащую у нее на бедре, затем оттолкнул ее. – Вся выразима в слове: ты мерзавец!

Он говорил странно, его слова подчинялись неслышному ритму, будто песня, лишенная музыки. Мари подняла перед собой руку, не дотрагиваясь до своего пистолета:

– Тибальт, природа чувств моих к тебе велит простить твою тупую злобу… – Она шагнула назад, уклоняясь от попытки Курта снова схватить ее, и стоящий позади нее Блай, в такой же черной форме, положил руку ей на плечо. Теперь Мириам видела, что на самом деле площадь Атланты никуда не делась. Она просвечивала сквозь странный город, позволяя видеть снующих перед сценой рабочих, циркачей, обсуждающих что-то в стороне, и настоящую одежду Мари – серый комбинезон без рукавов, и черную кепку, скрывающую волосы. Они существовали одновременно – далекий и настоящий города, их близость ошеломляла. Странное место, полное воды до горизонта казалось совсем настоящим. Общими у двух картин были только цвета людей – Мари, Курта, Блая, и других, за сценой и под ней. Вплетаясь в несуществующий мир, они ткали его на глазах у Мириам.

– …я вижу, ты меня совсем не знаешь! – Мальчишеский и одновременно девичий голос Мари дрогнул, и Курт рассмеялся. Джекки, стоя чуть в стороне, рассматривал обеих с удивлением.

– «Я здесь.» – Робко и беззвучно произнесла Мириам, опасаясь прервать разыгрывающуюся сцену. Мари даже не взглянула в ее сторону, но секунду спустя пришел ответ – прикосновение, такое

же, как у Моны:

– «Тогда смотри.»

– «На что? Я не понимаю, что происходит.»

– «Наблюдай, как можно удержать нож без рукояти.»

Настоящий голос Мари сорвался. Она увещевала Курта, но слова не достигали сознания Мириам, всматривающейся в странный шлейф над девушкой и ее цвета, ищущей в них хоть что-нибудь понятное. В этом месте они были рассеяны везде – в несуществующем солнце и воде, домах, уступами расходящихся по сторонам, толпе, иллюзорной, но ясно ощутимой, и заполняющей площадь вокруг спорящих молодых людей. Весь этот мир принадлежал Мари, лежал внутри нее – и одновременно жил в сознаниях циркачей, и десятков людей, смотрящих сейчас на сцену с площади.

– …расстанемся друзьями! Едва ли знаешь ты, как дорог мне! – Последние слова Мари почти выкрикнула, и Блай, не выдержав, дернул ее за плечо, становясь между ней и Куртом.

– «Ты… используешь их.» – Сказала Мириам. – «Заставляешь придумывать то, что они видят?»

– «Подталкиваю, совсем чуть-чуть. Остальные видят совсем не так ярко, как ты. Для них это просто представление, которое почему-то заставляет воображать целый мир, и жить его чувствами.»

– «Которые на самом деле принадлежат тебе?»

– «Да, и не наоборот. Запомни, это важно. В тот раз, за стеной, ты неправильно использовала свой талант.»

– И где твой ствол?! – Блай вскинул руку с револьвером, Курт рассмеялся в ответ, и Мари бросилась между ними:

– Тибальт, Меркуцио! Барон ведь запретил сражаться на улицах Вероны! Постой, Тибальт! Меркуцио!

Выстрел был не настоящим, и прозвучал только в иллюзорном мире – потому что на настоящей сцене пистолет Курта был сделан из дерева. Но боль Блая была настоящей, Мириам готова была поклясться в этом, глядя на его цвета. Клоун стоял, прижав руку к животу, будто не веря, глядя в след уходящему Курту, а Мари пыталась заглянуть ему в лицо, снизу вверх. Джекки, явно соображая медленнее всех, спросил недоуменно:

– Ты ранен? Как, серьезно?

И Мириам, до этого отстраненно смотревшая на них, едва удержалась, чтобы не закричать в ответ: «Да он сейчас умрет!» Потому что смерть проступила в ссутулившихся внезапно плечах Блая, и дурацкой улыбке, неожиданно появившейся на его губах. И смерть была в позе Мари – которая все еще смотрела ему в

лицо, не веря, пытаясь не верить, но пальцы уже дрожали над открытой кобурой. И было ясно, что Курту следует бежать быстрее, потому что он может не успеть, даже не увидеть, как девочка-мальчик, только что пытавшаяся с ним подружиться, застрелит его в отместку за друга.

Мириам зажмурилась, избавляясь от наваждения. История перед ней рассказывала сама себя, в одной лишь сцене неся такой заряд чувств, которых человеку хватило бы наверное на целый год. И дело было не только в иллюзии Мари, но и в самих героях – людях, живущих сейчас в чужом мире, но испытывающих настоящие чувства.

– «Неправильно.» – Сказала она. – «Уже поняла. Я брала, когда нужно было отдавать.»

– «Подталкивать и направлять.» – Поправила ее Мари. – «Есть две стороны таланта, и тебя чуть не убила та, которая позволяет чувствовать сильнее других. Так же было у брата – он страдал, пока не научился защищаться, не видеть то, о чем думают вокруг.»

– «Почему это так сложно?»

– «Потому что таланты не предназначены для битвы.» – В ответе Мари мелькнуло удивление. – «Они совсем не для того, чтобы убивать.»

– «Да, точно. Ты просто рассказываешь истории, а я – вижу цвета. Нет, на самом деле не только их – я могу заглянуть гораздо глубже…»

– «И это может ранить. Чужие воспоминания и мысли могут сломать тебя, сделать другим человеком. Это очень страшно, и Риордан рассказывал нам об этом. Но чувствительность – это только половина твоего таланта.»

– «А какая вторая?»

– Какого черта затесался между нами? – Блай тяжело оперся на плечо Джекки, и наклонился к Мари. – Я ранен был из-под твоей руки!

– Я вас хотел разнять…

– Веди-ка меня, Бен, куда подальше… я вырублюсь сейчас. Чума возьми семейства ваши оба! Я из-за вас… стал пищей… для червей!

Картина словно застыла – уходящие Блай и Джекки, Мари, смотрящая им вслед, и толпа, такая же иллюзорная, как и город, окружившая их на площади.

– «Активная сторона таланта – прикосновение.» – Сказала Мари. – «Способность изменять то, что видишь. Для меня – это умение показывать людям миры, скрытые в них самих…»

– «Ты заставляешь их видеть то, что хочешь?»

– «Нет – только то, что хотят они сами. Я лишь подталкиваю в нужном направлении – словами, взглядом, прикосновением.»

– «И поэтому тебя все слушают?»

– «Я не хотела, чтобы меня слушали… так.» – Мари взглянула на Мириам, и иллюзия померкла, оставив только освещенную солнцем сцену – огромную, открывающуюся на площадь, наполовину закрытую стеной из блестящих лесов и белых кресел.

– «Просто, если у нас больше не будет случая поговорить – пожалуйста, поверь мне… я не хотела. Мне стыдно использовать любимые книги, чтобы добиться своего, приказывать этим людям, Моне. И если я сумею помочь тебе, хоть на полдюйма приближу возвращение моего брата – мне будет легче. Когда вы пойдете в Небесный город – вам понадобится каждая капля вашей силы. Каждый кусочек твоего таланта.»

– «Я видела, что ты делаешь. Мне кажется, что я смогу попробовать… прикосновение.» – Мириам на секунду задумалась. – «Но почему тебе стыдно? У вас же важная миссия, разве нет?»

– «Я очень сильно хочу вернуть брата. Настолько, что готова пренебречь всем.» – В ответе Мари была горечь. – «Дружбой, любовью, честью… всеми книгами, что есть во мне. Мне кажется, что это правильно – но в то же время я отвратительна себе, Мириам.»

– «Разве так плохо – сделать этот цирк знаменитым?»

Мари повернулась к площади, медленно и плавно – гораздо медленнее, чем тек их разговор. За прошедшие несколько секунд Джекки с Блаем едва успели проделать пару шагов. Мириам почувствовала рядом знакомые цвета – из люка за ее спиной выглянула девушка-гвардеец, едва сдержав вздох удивления.

– «Ох, если бы дело было только в спектакле! Но все это представление – лишь обман, прикрывающий другой обман, средство для достижения цели, хотя в нем – все мое сердце.»

– «Обман?»

– «Канаты, удерживающие шатер. Железные столбы вокруг трибун. Подвеска, скрепляющая экраны над сценой – весь этот стальной цветок, который тут возводят.» – Мари не двинулась, но вокруг, нарисованные движениями невидимой кисти, вспыхнули белые линии, расчерчивая окружающее пространство, соединяя невидимые точки, которые она называла, проходя сквозь доски, металл, дерево и бетон. Мириам даже не успела оглянуться, а узор уже погас, оставшись только в памяти – вогнутая конструкция, действительно похожая на цветок, с центром, приходящимся точно на сцену.

На Мари.

– «Это антенна орбитальной связи. Задумка шута. Прежде, чем вы пойдете наверх, нам нужно связаться с нашими братьями и сестрами, по надежному каналу. Мое выступление скроет передачу, замаскировав ее среди шума. Риордан передал нам коды доступа, и мы уже испытали антенну. Сегодня вечером пройдет первый сеанс. Но это – лишь первый слой обмана.»

– «А какой второй?»

– «Тот, для которого нас готовили всю жизнь. Для чего воспитывают особых Детей Иштар. Быть рядом с Королями.»

– «И вы…»

– «Мы сделаем все, чему нас учили. Используем любые средства, чтобы спасти брата. Я и Мона, по отдельности, или вместе. Мы станем теми, кем будет нужно – женами, любовницами, шлюхами. Исполним все, что будет необходимо – обманем, запутаем, убьем, чтобы вы смогли вернуться из Небесного города.»

– «И поэтому ты ненавидишь Короля?»

– «Я знаю о нем слишком много. Но больше чем он, мне отвратительна я сама, мои поступки. Брат может никогда не принять меня снова!» – Мари не двигалась, но даже на расстоянии Мириам чувствовала дрожь, переполняющие ее чувства. – «Даже ради Богини, я никогда не хотела становиться такой. Пожалуйста, прости меня хотя бы ты!»

– «Но разве обязательно…»

– «Да! Потому что если я ничего не сделаю, и брат умрет, а вы потерпите неудачу, то будет поздно…» – Она прервала передачу, резко, будто усомнившись в собственных словах, и Мириам поняла, что должна спросить сама:

– «Это третий слой обмана, да? То, о чем говорила Мона – что все будет напрасно?»

– «У нас нет права на сомнения, или ошибки.» – Мари отвернулась, и Мириам ощутила слезы, текущие по ее щекам. – «Мы проверили антенну. Обменялись пробными пакетами, устанавливая канал. И наши братья, наверху, сказали нам…»

– «Что?»

– «Приказы отданы, и боевые платформы Неба приведены в готовность. Если мы потерпим неудачу, небеса уничтожат всех, кто живет внизу – как тогда, сто лет назад.» – Мари указала вверх, на громаду статуи с джетом, нависающую над площадью. – «И все, что мы знаем и видели – этого больше не будет. Если Богиня или мой брат не предотвратят это – никто не сможет.»

Мириам проследила за ее движением, ощущая, как рождается под ним еще одна картина – мазок огненной кисти, несущей страшное видение.

– «Восхода не будет.» – Плечи Мари поникли. – «Небеса исполнятся пламени. И мы будем виновны в гибели всех, кого знаем…»

Интермедия VII.

– Первый конфликт был разменом. От оружия, которое использовалось в нем, не было защиты, и ставка в нем делалась на скорость уничтожения противника. Его длительность составила около получаса, в течении которых военные инфраструктуры трех враждующих сторон были уничтожены… вместе с семью миллиардами мирного населения Земли.

– А миллиард – это сколько?

– Тысяча миллионов. У этого числа девять нулей, Рок.

– Я все равно не понимаю.

– Это число не помещается в голове. У меня тоже. Никто из нас не может представить, что на Земле жило столько людей. В этом суть той войны – полное и бессмысленное уничтожение.

– Но ведь не все погибли?

– Почти все. У нас почти нет данных о том времени – по причинам, о которых мы будем говорить чуть позже. Выжило не более десяти процентов. Каждый десятый.

Голос исказился, захрипев, как старая запись – включилось подавление передачи. Клод, вытянувшись в коммутационном кресле оперативного зала, вдруг почувствовал, насколько огромна дистанция – цепочка ретрансляторов и лазерных излучателей, связавших его сенсоры и электронную сеть «Эвридики», пытающуюся защититься от непрошеного внимания.

И делающую это очень успешно.

Голос даже прервался на миллисекунду, потребовавшуюся предсказателю, чтобы задействовать процессоры внешнего астровычислителя для взлома ее протоколов – нестандартных, совсем не похожих на те, которые должны были обеспечивать безопасность «Эвридики» согласно спецификациям. Ее структура открывалась предсказателю точно карта незнакомой земли – но часть его сознания, не задействованная в обмене с внешними процессорами, продолжала вслушиваться в голоса, услышанные первыми, отделяя их от шепота зала и обмена данными между аналитиками ВКС.

Вслушиваться и удивляться.

– Потом было поражение радиацией, смертельным ядом для людей того времени. У вас уже была лекция по мерам безопасности, где вам объясняли, как нужно вести себя с другими жителями станций, не обладающими вашим иммунитетом. От нее умерла еще треть выживших. Испарилась треть океанов, затянув все небо паром, смешанным с пылью, а затем начала разрушаться сама Земля – примененное оружие нарушило геодинамику, вызвав смещение оси вращения планеты. Два континента треснули – вот здесь, на карте, видны области, оказавшиеся ниже уровня океана. Изменение климата было настолько резким, что бури продолжались более трех лет, уничтожая все на поверхности. Пепел не опускался на землю годами.

Еще один протокол поддался, принимая сервисную программу Клода за входящее сообщение, позволяя ей открыть устойчивый канал, достаточный для передачи видеосигнала в низком разрешении. Изображение открылось перед ним – вогнутое, искаженное, повторяющее форму линзы на медицинской консоли, приютившейся у стены в большой круглой комнате. В центре ее стоял молодой человек, а вокруг него на

полу сидели дети – около двух десятков. За спиной учителя, на прозрачной проекционной пленке, медленно поворачивался объемный желтоватый шар, покрытый черными оспинами.

Один из учеников поднял руку:

– И Крепости построили, чтобы защищаться от бурь?

– Нет. Первые крепости появились через шестьдесят лет, после того, как заработали передатчики на Осевых станциях. К тому времени люди уже выбрались из укрытий, а бури закончились.

– А почему так долго?

– Война велась и в космосе, до тех пор, пока оставшиеся в живых не поняли, что она потеряла смысл. К тому времени низкая орбита была занята хламом и множеством мелких осколков, ни одного целого сооружения там не было. Поэтому и потребовались годы…

Рука ученика не опускалась:

– А почему эта война называется Первой? Что, была вторая?

– Была, Рок. – Молодой человек медленно провел рукой перед изображением, и шар на нем изменился – оспины исчезли, а цвета стали мягче. – Почти сто лет спустя после первой. Еще страшнее – потому что в ней уже нечего было терять.

– Тогда зачем люди на Земле воевали?

– Они воевали не на Земле. Так говорят внизу, и здесь, наверху – но это неправда. Второй конфликт был войной Земли и Неба.

– А почему об этом не говорят правду? – Спросила девочка помладше. – И разве в небе не для того строили станции, чтобы помочь?

– Они помогли. Они дали достаточно знаний и техники, чтобы жизнь внизу смогла возродиться, люди начали восстанавливать разрушенное общество, строить машины и дома. А затем…– Он сделал паузу, глядя прямо в камеру, на Клода. – На Небе поняли, что вот-вот утратят ту власть, которую получили. За то время, пока Земля восстанавливалась, на орбите возникали новые города, и те, кто ими владели, не хотели потерять их… снова стать частью Земных государств, их владением. Они собрали совет всех станций, называемый Конклавом, и на нем приняли решение. А потом с неба упал огонь.

Клод почувствовал, как в бесконечной дали недоверчиво улыбается его тело, распростертое в кресле. Программа обучения «Эвридики» была модифицирована еще больше, чем защитные протоколы – по крайней мере, в нее не должны были входить данные высшей степени секретности. Реагируя на его тревогу, запустились подпрограммы защиты, выстраивая дополнительный

маскировочный кокон вокруг кресла, и выдавая схемы перемещения данных Конклава. Благодаря им Клод определял присутствие командора с высокой точностью – но сейчас, к счастью, тот находился далеко, в блоке производства «Серафов», настраивая какое-то необычайно сложное оборудование.

– Получается, что Небо сначала помогло, а потом все разрушило? – Недоверчиво спросила другая девочка.

– На Земле есть множество вещей, которые необходимы на орбите – руды, тяжелые металлы, и даже еда. Их гораздо проще добыть, когда внизу есть помощники – но когда этот помощник становится слишком сильным, он может отказаться помогать. Или, возможно, ты поймешь другую аналогию – знаешь, как на фермах внизу выращивают свиней? Их сначала откармливают, а затем…

Дети молчали. Затем один из них, тот, который все время задавал вопросы, снова заговорил:

– Но ведь теперь мы здесь, да? Мы теперь тоже Небесные?

– Да. – Ответил учитель. – И об этом мы сейчас поговорим…

Изображение мигнуло, и разделенное сознание Клода мгновенно отследило помеху – возросшая нагрузка на канал передачи данных, скачок, на долю миллисекунды помешавший передаче.

Встречный сигнал.

Чужой код вторгся в его построения, обходя защиту, просачиваясь, разыскивая, внедряясь, следуя пути видеосигнала, прыгая от ретранслятора к ретранслятору, сквозь мерцающие линзы лазерных передатчиков и абсолютную пустоту. Внешний вычислитель, взятый под контроль Клодом, ответил, закрывая все резервные каналы, создавая копию своей рабочей среды, и замыкая ее, сворачивая в логическую воронку – ловушку для неожиданного гостя. Тот попался в нее, сразу же, выбросив щупы зондирующих команд, а затем замер, на целых полсекунды – видимо, понимая, где находится. Сигнал с «Эвридики» замер вместе с ним – превратился в статичную картинку, поддерживаемую имитацией передачи, такой же искусственной, как и ловушка Клода. Еще одна фальшивка.

– «Ничья?» – Текстовая строка выплыла из глубин кода, точно осколок консольной команды, и Клод не сразу понял, что имелось в виду, а когда понял – улыбнулся.

– «Нет.» – Его строка всплыла рядом с первой. – «Я знаю то, что может вас уничтожить.»

– «Шутишь? Если бы ты хотел, то давно выдал бы нас.»

– «Ты знаешь меня?»

– «Это ведь ты рассказал нам о будущей бомбардировке? Мы

уже предупредили наших сестер внизу.»

– «С вами связывался другой предсказатель?»

– «Ваши следы одинаковы. Если это был не ты – то что тебе нужно?»

– «Я скрываю вашу деятельность от Конклава последние несколько дней. Вы не представляете, сколько информации можно спрятать, просто получив контроль над парой ретрансляторов. То, что я делаю – преступление, и мне хотелось бы знать, в чем его смысл. Хоть как-то понять вас.» – Клод почувствовал, как дрожат от возбуждения его пальцы, сжимая подлокотники кресла. – «Увидеть, что вами движет.»

– «Разве ты не любишь свой дом?»

Строка повисла во мраке раскаленным росчерком. Снова, как в случае с Лизой Клод почувствовал бесполезность матриц своих возможных ответов, когда чувство, стоящее за словами собеседника, сокрушило его логические построения. Глядя на нее, он ощущал пропасть, становящуюся все глубже – огромное пространство между разумами, разделяющее его и невидимого собеседника.

Бездна, глубже и холоднее, чем вакуум.

– «Поэтому вы подделали результаты тестов, и продвинули в программу своих собственных инструкторов? И рассказываете детям то, что им нельзя знать?»

– «Правду. Они должны видеть лица своих врагов.»

– «Мы не враги вам. Даже у нас этой информацией владеют единицы. Она слишком опасна.»

– «Именно так – ведь вы снова решили убить все живое на Земле. Мы знаем, но вы забыли – там наши матери, наши братья, наши сестры!»

– «Для нас это ничего не значит.»

– «Что?»

– «У меня никогда не было матери, или брата. Настоящих. Эти слова не имеют для меня смысла. И твой вопрос о доме – я просто не знаю, что на него ответить. Понимаешь?»

– «Тогда спроси снова – о том, что действительно важно для тебя.»

Предложение застало Клода врасплох, и он потратил не менее секунды, перебирая варианты возможных вопросов. Затем отбросил их все, оставляя только один, нелогичный, но жгущий его, словно огнем:

– «Кто она – та, что зовет вас домой?»

– «Разве не для того вы украли ее сына, чтобы узнать об этом?»

– «Ваш предводитель? Тот, что заключен в зоне для допросов?

И этого я тоже не понимаю – почему вы до сих пор его не освободили?»

– «Мы и правда могли бы – но он приказал не вмешиваться.»

– «Из стазиса?»

– «Среди нас есть те, кто может слышать его мысли даже во сне. Он приказал нам ждать, пока Ее посланница не придет.»

– «Придет… куда?»

– «Ты не умеешь спрашивать, поэтому я просто предупрежу тебя. Прежде мы, ее дети, готовились только к тому, чтобы нести знания. Она воскресила древние Книги, чтобы снова подарить их тем, кто услышит. Но когда вы украли ее сына, все изменилось. У нее появились новые дети, несущие другие дары. Скажи тем, кто тебе дорог – не стоит становиться на пути у той, что придет.»

– «У кого?»

– «Вы совершали зло, там, внизу, много лет – и оно породило ответ. Такой, который тебе, странный предсказатель, совсем не захочется знать.»

Связь прервалась прежде, чем Клод успел среагировать – программа в ловушке активировала скрипты, пожирающие ее по частям, выдающие ровный и бессмысленный цифровой шум. Канал связи ожил было на секунду, а затем, когда последние посторонние пакеты миновали защиту вычислителя – снова закрылся, оставляя предсказателя одного. Лежащего в сегментированном белом кресле, похожем на полураскрывшийся цветок и частично ослепшего – от резкой потери контакта, и слез, непонятно почему навернувшихся на глаза.

– Теперь у меня еще больше вопросов. – Прошептал он про себя, осторожно, почти не двигая губами, чтобы не привлечь внимания операторов, сидящих к нему спиной. – Но на этот раз я просто не знаю, кому их задать…

Глава V.

Интермедия VII.

Колесо упиралось в небо, и, кажется, даже гнулось под его тяжестью.

Усевшись под стеной, в переулке, Кейн смотрел на него уже минут двадцать – на ржавые трубы его каркаса, покрытые шелушащейся краской, корзины, едва покачивающиеся под ветром, остатки танкового мотора, когда-то приводившего аттракцион в движение, в сплетении огромных спиц.

Прохожие здесь почти не появлялись. За дальними складами не нашлось места для увеселительных заведений, а дом, в тени

которого сидел монах, выглядел давно покинутым. Соседние здания, похоже, пострадали при пожаре, и никто не озаботился их починкой – видимо, не у всех в городе под стеной хорошо шли дела. Несколько раз он замечал движение в ближайших переулках, но те, кто жил здесь, не спешили показываться на глаза. Возможно, их отпугивала блестящая стальная флейта, лежащая на коленях Кейна, или насмешливый взгляд Коди, сидящей в пяти метрах дальше по переулку, на заборе перед колесом.

За двадцать минут они не сказали друг другу ни слова. Монах смотрел в небо, и падающую в него стальную конструкцию, смотрел до тех пор, пока в мире не осталось больше ничего.

Как если бы до этого в нем существовало хоть что-то, важнее неба… Оно продолжало падать, а затем замерло, перестав быть небом, и став чем-то совсем другим – и это было намного интереснее, чем приближение четырех Змей, которых он почувствовал за пару кварталов. Движение в переулках и домах у них на пути притихло, будто мелкие хищники решили затаиться при приближении крупного зверя. Змеи шли парами, по разным улочкам, закутанные в маскировочные плащи. Кейн счел нужным прервать созерцание, и повернуться к ним лицом.

Коди спрыгнула с забора.

Первая пара Змей разошлась, обходя монаха, пристраиваясь к нему с разных сторон, у стены. Двое других присели на корточки напротив, замыкая их маленький круг.

Со стороны они выглядели как дети, собравшиеся поиграть в песке.

Девушка, присевшая перед Кейном, сдвинула повязку, прикрывавшую лицо. Тонкие губы на темном лице растянулись в улыбке:

– Как погулял, монах?

– Отлично. Твоя рука угостила меня обедом.

– Не ножом – значит, вел себя хорошо.

– Я рад, что мы поняли друг друга.

– Да ни разу я тебя не поняла. – Феникс прищурилась. – Раз Коди позвала – значит тебе есть, что сказать.

– Ты видела казнь?

– Хорошо рассмотрела. Парни держались, даром что Тигры. И ушли легко. Но я, чтоб ты знал, своих девчонок так пластать не дам. Сколько бы этих пятнистых на дороге не стояло.

– Штурм – не вариант.

Феникс улыбнулась, наклоняясь ближе к монаху, почти упираясь лбом ему в лоб:

– Для меня – еще какой! С брызгами, так что крови на площади будет больше, чем на этом траханом камне! Там зевак полно, есть, кем прикрыться, а у нас, кроме стволов, есть гранаты и пара ракет. Будь уверен, если ты не надумал чего другого – я спалю этот городишко, но сестричек своих отобью. А не получится, то сама рядом с ними лягу – вместе спится теплее!

Монах не отвел взгляд:

– Мне не нужно напоминать о твоем обещании?

– На память не жалуюсь. – Феникс перестала улыбаться. – Так что давай, шевели языком… про другие варианты.

Монах протянул флейту и прочертил в пыли перед собой широкий полукруг. Змеи придвинулись ближе, и он заговорил, сопровождая слова движениями флейты:

– Это – стена. Ворота вот здесь, к северо-западу, и там же – ближайший пост Гвардии. Вот это – обелиск для казни. Перед ним площадь, а за ним – орудийная башня. Если идти напролом, то стрелки с башни положат вас за несколько секунд, и тех, кого вы попытаетесь спасти, тоже. Даже если они не используют автоматические пушки – наверху наверняка есть снайперы, и вы ничего не сможете с ними сделать. Вся охрана вокруг обелиска – просто для вида, не с ней нужно драться.

– Вот как? – Хмыкнула Феникс. – Ладно. А если мы разгоним пару каров, потяжелее, вот отсюда да отсюда…

– В четырех сотнях метров – стоянка танков. Ты могла видеть их, если гуляла по площади. Даже если кары не расстреляют с башни – «Браун МК-3» разгоняется на хайвее до двухсот километров в час. Вас догонят за считанные минуты, и сожгут, даже не поднимая джеты.

– Да, про птичек я и забыла… – Протянула Феникс, и резко обернулась, следуя за взглядом монаха. – Что там?

– Не знаю. – Он встал, и спрятал флейту в рукав, прислонясь спиной к стене. – Тихо стало.

Феникс кивнула одной девушке, махнула другой. Те разошлись в стороны, присаживаясь у выхода в переулок, и возле забора, рядом с Коди. Монах продолжал стоять неподвижно, прислушиваясь – в этот раз изменение в звуках квартала было другим, менее заметным. Будто тот, кто шел сейчас по соседнему переулку, был почти невидим.

В отдалении заплакал, и сразу же замолчал ребенок. Под ветром тихо шептались корзины на ржавом колесе.

Человек в желтом плаще вышел из подворотни, медленно пошел к Кейну и Змеям. Скрипнула кобура, едва слышно прошелестел клинок, извлекаемый из ножен. Неизвестный остановился перед полукругом Змей, и поднял голову,

рассматривая колесо. За его спиной покачивался плоский стальной футляр, покрытый маскировочными пятнами.

– Ты прав, монах. – Произнес знакомый голос. – Отличная позиция для снайпера.

– Лучшая из тех, что есть. – Сказал Кейн.

– Ты знаешь, что самая высокая точка этого колеса на пятнадцать метров возвышается над краем стены? – Человек сбросил капюшон. Нижнюю часть его лица прикрывала защитная маска, но вертикальный шрам, пересекающий левую глазницу, трудно было не узнать.

– Теперь знаю. – Ответил монах. – Ты пришел закончить то, что начал в пустыне?

– Наш разговор прервали. – Неро кивнул одной из закутанных фигур перед ним. – Верно, Феникс?

– Мужик, конечно, должен быть упорным… – Игриво подмигнула Феникс в ответ. – Чтобы такой же упрямой девчонки добиться. Но между упорством и тупостью разница есть. Большая.

– Как между пулей и словом. – Неро спустил футляр с плеча и поставил рядом с собой. – Пока мы обмениваемся словами.

– Выстрел вернее. – Ответила Феникс. – Особенно если разговор с наглецом, что за моей головой к моему же костру приходил!

Последние слова она почти выкрикнула, и в следующее мгновение одна из Змей, обойдя Неро справа, кинулась ему на спину.

И промахнулась – прайм повернулся, перехватывая ее руку, и продолжая движение, раскрутил вокруг себя. Вторая девушка, кинувшись на него с ножом, замешкалась было, и тут же столкнулась с первой. Удар смел их в сторону, к стене, у которой стоял Кейн, и монах предусмотрительно отступил в сторону, освобождая дорогу. Прайм снова развернулся, прихватывая на болевой замок локоть следующей Змеи, заходящей справа. Девушка тонко вскрикнула – первый громкий звук, раздавшийся в переулке. Глухо звякнул нож, выпав из ее руки. Неро толкнул ее локоть вверх, вынуждая приподняться на цыпочки, направляя, к Феникс, пригнувшейся с ножом в одной руке и игольником в другой. Коди, подняв за ее спиной игольник потяжелее, зло присвистнула – ей не удавалось прицелиться. Расталкивая в стороны остальных девушек, она кинулась вперед, видимо, собираясь перепрыгнуть через Феникс. Ее ноги уже почти оторвались от земли, когда Неро приподнял захваченную Змею еще выше, и, прихватив свободной рукой за ремни для оружия, швырнул навстречу Коди.

Они столкнулись над Феникс, которая предусмотрительно нырнула вперед. Ее игольник сухо щелкнул, глядя в сторону – потому что Неро пнул по нему ногой, а затем хлопнул ладонью по затылку самой Феникс, вынуждая упасть на колени. Рейдерша не глядя отмахнулась ножом – и ее рука тут же угодила в еще один болевой замок. Неро вывернул ее кисть, подняв Феникс с земли, затем нырнул под локоть, используя девушку как щит. Феникс зашипела – нож, все еще зажатый в ее руке, распорол капюшон плаща и чуть не прошелся по лицу. Прайм развернул ее на пятачке, расталкивая Змей, пытающихся подняться, прихватил руку Коди под свободный локоть, и обошел по дуге, выворачивая той плечо. Девушку сложило вдвое, а игольник, зажатый в неестественно вывернутой руке, уперся дулом в горло ее предводительнице.

Пара Змей, так и не вступивших в бой, замерли. Остальные трое все еще поднимались, приходя в себя, когда Неро, держа обеих девушек под болевым контролем, отступил к стене, у которой, с интересом наблюдая за происходящим, ожидал Кейн.

– Вот твоя голова. – Заговорил Неро, его дыхание даже не сбилось. – Мне взять ее? Или все же поговорим?

Феникс издала шипящий звук, потом еще один, и только когда они слились в одну сиплую трель, Кейн догадался, что это смех.

– Я даже не поняла, что ты сделал. – Прошептала она, отсмеявшись, и попыталась повернуть голову, но не смогла – мешала вывернутая рука и игольник, зажимающий горло. – Ты у нас не только упорный, но и проворный, как чесотка. Ты и трахаешь девчонок так же – что они и не замечают?

Теперь уже прыснула Коди. За ней рассмеялась еще пара Змей, держащих Неро на прицеле.

– Опять сводишь разговор к сексу. – Задумчиво сказал Неро. – Наверное, у тебя давно не было мужчины?

– Ой, а ты хочешь мне с этим помочь? – поинтересовалась Феникс. – Ну так давай, вон, поза почти та, что надо.

– С этим ты легко разберешься и без меня. У тебя есть проблемы посерьезнее.

– Есть. Вроде Меча, что меня за задницу держит. Или другого Меча, что завтра моих девчонок на казнь поведет. И если с моей задницей… ну черт с ней, в общем, то с тем Мечом ты мне не помощник. Я знаю, кто ты. Не будешь ты с ним драться, и толку от тебя мне нет.

– Тот Меч – его имя Микаэль. И завтра он может не прийти на казнь.

Феникс замолчала надолго, видимо, обдумывая сказанное.

– Пусти. – Наконец серьезно сказала она. Неро осторожно высвободил ее руку, позволив Коди подняться, и вернул ей игольник, рукоятью вперед. Змеи продолжали держать его под прицелом, а Феникс медленно и осторожно разминала кисть.

– Что в этом тебе? – Наконец спросила она, все так же серьезно.

– Ты. – Просто ответил Неро, потом кивнул на монаха. – И он.

– Служить тебе, что ли? – Скривилась Феникс.

– Нет. Выполнить просьбу. Я помогу тебе, а ты, когда придет время, поможешь мне.

– И когда же?

– После того, как ты освободишь своих бойцов. Сколько их там? Двадцать пять? Вместе вас будет…

– Считай пять восьмерок. – Ответила Феникс. – В десять раз меньше, чем было. Но те, что остались – как сталь будут.

– Тогда твоя сталь – в обмен на мою помощь. – Неро протянул ей руку, но Феникс ухмыльнулась в ответ:

– А с чего ты взял, что я не смоюсь в пески, как только девчонок отобью? Так-то мне куда легче поступить.

– Правильно. – Согласился Неро, но руку не опустил. – Но ты мне пообещаешь. Здесь, при своих бойцах. При монахе. Я знаю, рейдеры могут нарушать обещания – но про тебя говорят, что ты живешь по законам.

– По Правилам. – Едва заметно улыбнулась Феникс. – Тебе, за стеной рожденному, их не понять…

– Разве? – Глаза Неро улыбнулись в ответ. – А ты знаешь, что ваши Правила – это законы первых королей?

Феникс усмехнулась, и с размаху хлопнула его по ладони:

– А что, на Руке-то больше пальцев нет. Смотри, стану королевой пустыни, да приду к тебе под стену – посмотрим, как ты тогда говорить со мной будешь!

– Как с равной. – Спокойно ответил Неро. Феникс замешкалась, не зная, что сказать, и он перевел взгляд на монаха:

– У вас уже есть планы на завтра? На площади девять камер.

– Мы сломаем их ночью.

– Их починят к вечеру.

– И перенесут казнь.

– А что с башней?

– Дым. Здесь, на базаре, продается достаточно ветоши и масла, чтобы поставить дымовую завесу. Она скроет помост.

– И затем прикрыть их отход с колеса?

– Нет, просто разбить кандалы. Мы устроим диверсию на площади, и на колесо никто не посмотрит.

– Звучит разумно. Давай обсудим это подробнее. – Неро

поднял с земли пятнистый футляр, но Феникс, подойдя ближе, в упор заглянула ему в лицо:

– Подожди-ка. Ты же главного и не сказал – на кой черт мы тебе сдались? Ты же один пары десятков человек стоишь, а? На кой тебе сдвинутый монах с полусотней злых девок в придачу?

– Но я ведь один – а одиночка не может быть в двух местах одновременно. – Его глаза снова холодно улыбнулись. – По крайней мере, не мог до сих пор.

I.

Мириам остановилась у бортика кольцевого хайвея, делая вид, что разглядывает поток проносящихся мимо разноцветных машин. Пальцы скользили по клавишам коммуникатора, зажатого в ладони. Позади оставался невидимый стальной цветок, скрывающий внутри странный мир, придуманный Мари, и окутанный стуком электрических молотков, визгом пил, человеческими голосами. С этой стороны хайвей подходил к цирку немного ближе, и Мона проводила ее короткой дорогой, сквозь алые складки шатра, успевшего за прошедшие пару часов подняться еще выше. Впрочем, эту дорогу Мириам почти не запомнила. Слова Мари все еще звучали внутри, заставляя то и дело вглядываться в предвечернее небо – словно оно и правда стало домом смертельного врага.

Одна ошибка – и все?

Би, которой она передала весь разговор, скомкав его в одно сообщение, ничего не ответила – будто знала. А потом издалека улыбнулась Вероника: «Эй, но ведь все и так зависит от нас? Черта лысого мы дадим им это сделать!»

И все еще молчал Арго, будто вообще ничего не получил. Мириам улавливала только смутное эхо его цветов вдалеке – гнев, решимость, и нечто еще, кажется, сожаление.

Она поднесла коммуникатор к лицу, и на маленьком экранчике отобразились оранжевые буквы: «Джордан». Больше в маленьком устройстве не было имен, Мириам чувствовала его электронное нутро, заполненное яркими простыми командами, и маленькую батарею. Ей даже не пришлось нажимать на клавишу – коммуникатор пискнул, и через несколько секунд из него прозвучал знакомый голос:

– Мириам? Как твоя прогулка по площади?

– Замечательно. – Соврала Мириам, держа переговорник перед собой. – Ты не знаешь, где Арго? У него все в порядке?

– Знаю. – Ответил Джордан, и Мириам почувствовала его улыбку. – У него было небольшое приключение с утра, но сейчас

он чувствует себя отлично.

– Где его найти?

– Я не уверен, что тебе стоит его искать.

– А мне… я считаю, что нужно.

– Мои люди сопровождали его до заведения под названием «Каролина». Он все еще внутри.

– Спасибо.

– Но я не рекомендую…

Она прервала связь, заставив коммуникатор возмущенно пискнуть, и уловив напоследок вспышку удивления Джордана.

– «Каролина». – Она повернулась к девушке-гвардейцу, по обыкновению остановившейся чуть поодаль. Ее напарник разместился слева, у бортика, будто ожидая нападения со стороны хайвея. – Что это за место?

– Клуб. – Ответила девушка, помедлив. – Для развлечений…

– Я хочу туда попасть.

– Можно вызвать машину.

– Хорошо. – Девушка достала коммуникатор, и Мириам обратилась ко второму гвардейцу. – А какие там развлечения?

– В основном для мужчин. – Тот задумался. – Выпивка, бои, ставки… танцовщицы.

– Танцовщицы? – Мириам еще раз вгляделась в цвета Арго: нетерпение, сожаление, с трудом сдерживаемая злость. – Кажется, они там не слишком хороши…

Вызов Вероники застал ее в дороге. Она устроилась на переднем сиденье, рядом с гвардейцем, управляющим машиной, и смотрела вперед, не видя перед собой почти ничего. Перед глазами стояли мертвые города, улицы без единого человека, и башни с разбитыми стеклами – похожие на те, что мелькали сейчас за окнами кара. Решение найти Арго было импульсивным, и совершенно не похожим на нее – или ей так только казалось? Она совершенно не могла представить, что ему скажет. Что им придется идти до конца? Но это она знала с утра. О том, что города будут разрушены? Это знание было слишком страшным, не помещаясь в обычные слова. Перед Мириам стояли четкие картины, описать которые она просто не могла: звезды ярче солнца, загорающиеся в небе, ветер огромной силы, обрушивающийся сверху, и стирающий дома в пыль, жар, сильнее теплового луча, сжигающий людей на бегу. Превращающий всех на площади – мужчин, женщин, детей, в мечущиеся головешки…

Сигнал Вероники искрой пробежал по ее позвоночнику, и Мириам ухватилась за него, как за спасение:

– «Да, я здесь.»

– «Ты едешь не в отель? Нам бы тут пригодился твой совет.»

– «Нет, в клуб. Хочу проведать Арго.»

– «Тебе мало неприятностей с утра?» – Улыбнулась Вероника. – «Мне так точно. Если будет шумно – сразу зови!»

– «Конечно. Но я просто…»

– «Хочешь застукать его в компании девок? Не мое дело – но по моему, он ни хрена не понимает в женщинах.»

– «Кажется, он не с женщиной. А что ты хотела спросить?»

– «О, это по части воспитания детей.»

– «Детей?»

– « Взрослых детей. А то у нас возникла дилемма.»

– «Ди… лемма. Вы не можете выбрать, что делать? Суонк что-то натворила?»

– «Именно. В наше отсутствие приходил Неро, и оставил нам приглашение в суд, на церемонию передачи опекунства. Эта дура его порвала.»

– «Неро?»

– «Ох, если бы. Приглашение. Мы нашли его в графине с кофе, а она отказывалась отвечать на наши вопросы, и ревела. И сейчас ревет. Хорошо, что Джордан дал нам коммуникатор. Ребекка склоняется к тому, чтобы надавать ей по шее, но мы не уверены, что это поможет.»

– «Не годится – она уже взрослая.» – Мириам задумалась. – «С ней нужно поговорить.»

– «Отлупить намного проще, для Ребекки по крайней мере.»

– «Мы кажется приехали. Дайте ей попить, оставьте в покое, и дождитесь меня, пожалуйста.» – Мириам кивнула гвардейцу, и взялась за ручку двери. – «Кажется, я знаю, что с ней может быть…»

– «Истерика?»

– «Нет.» – Мириам улыбнулась. – «Любовь.»

«Каролина» располагалась в той части города, которую Джордан назвал старой – по крайней мере так Мириам запомнила его слова. Издалека она казалась кубом из черного стекла, нависающим над хайвеем. Кар остановился не перед ней, а повернул на пандус, ведущий на второй этаж, в квадратный въезд, украшенный сверху названием клуба из круглых лампочек, не горящих сейчас, днем. Мириам выбралась на пандус, все еще улыбаясь – и ругая себя за эту улыбку, которая казалась ей донельзя глупой. Но по крайней мере новость о Суонк отвлекла ее от мыслей о будущем.

Вход в клуб она заметила не сразу – вернее вообще не заметила, пока часть стеклянной стены перед ней не скользнула в

сторону, и на нее не дохнуло холодным воздухом из открывшегося прохода. Девушка-гвардеец остановилась у нее за спиной, и секунду спустя к ней присоединился напарник, отогнавший кар дальше, в глубину здания. В их цветах преобладало недоумение, и Мириам поймала себя на том, что до сих пор не спросила их имен.

– Вы… не хотите есть? – Спросила она, не решаясь сразу шагнуть в темноту за стеклянной дверью. – А то ведь ходите за мной весь день.

– Нас сменят, миз. – Вежливо ответил гвардеец.

– А где третий – тот, который смотрел за мной на площади?

Она почувствовала, как разгорается их недоумение:

– Третий, миз?

– Неважно – тут же его нет. Идем?

Последний вопрос она задала скорее себе, чем им – и сразу шагнула вперед, отвечая на него. Пространство за дверью почему-то не освещалось, и Мириам споткнулась уже через несколько шагов, от неожиданности – вместо гладкой плитки под ногами оказалось какое-то мягкое покрытие, в котором мгновенно утонули ее туфли. Воздух стал еще холоднее, когда она миновала полосу холодного ветра, дующего из отверстий в далеком потолке.

Высота зала, в который они вошли, была никак не меньше восьми метров. Не то, чтобы в нем было очень темно, Мириам не испытывала ни малейших проблем с тем, чтобы разглядеть узор на полу, или детали картин на стенах – но сориентироваться с первого взгляда было невозможно. Он казался переплетением кривых линий и световых пятен, плоским, словно картина, и, только внимательно приглядевшись, можно было разобрать отдельные детали. Первые несколько секунд Мириам так и делала – смотрела, пытаясь понять, за счет чего достигается такой странный эффект. И быстро пришла к выводу, что отдельных деталей, отвечающих за него, не существует.

Весь зал создавали, как единое целое: мягкие линии фиолетового рисунка на стенах, овальные рамы картин, освещенных скрытыми лампами, пухлые подушки диванов у стен, изогнутые ножки столиков – все это было частью узора, который она увидела в начале, призванного скрыть истинные размеры зала, и спрятать находящихся в нем людей.

А здесь были люди – поглощенная открывшейся картиной, Мириам не сразу, но разглядела несколько парочек, уединившихся в едва освещенных углах, и людей за столиками на втором ярусе зала, куда вела ажурная лестница, сливающаяся с завитком на стене. И заметила барную стойку, напоминающую

обычную, выступающую освещенным пятном чуть ниже – округлые очертания стульев, подсвеченных снизу, и ряды пузатых бутылок.

– Все в порядке, миз? – Спросил гвардеец, видимо, приняв ее любопытство за замешательство.

– Очень красивый зал. – Ответила Мириам. – Наверное, лучше спросить дорогу у бармена, верно?

И двинулась к стойке через центр зала – круглую площадку, разбитую на клетки, едва заметные в тусклом сиреневом свете, струящемся сверху. Вообще, под сводом было гораздо больше выключенных ламп, чем нужно – но бросив туда один взгляд, Мириам пришла к выводу, что они скорее похожи на прожектора, или маленькие лазерные установки, следящие за людьми на площадке. Мягкое покрытие под ногами сменилось гладким, и Мириам почувствовала, что ее слегка подбрасывает – подошвы пружинили на клетках, будто призывая пуститься в пляс.

Бармен за стойкой явно скучал. Сиреневый свет делал его бритую голову похожей на голый череп. Мириам, остановилась у стойки, читая его цвета, но бармен, окинув ее слегка презрительным взглядом, заговорил первым:

– Сейчас мы танцовщиц не нанимаем.

– А я не нанимаю барменов. – Парировала Мириам, и удовлетворенно отметила вспышку удивления в его цветах. Он кивнул, и сжал губы, что могло сойти за улыбку:

– Предпочитаю не работать за стеной. Что будете пить?

– Ничего. Я ищу Арго – знаете, где он?

– Титан Арго? Конечно. – Бармен отвел взгляд, разглядывая ее сопровождающих. – Колоссеум в пятнадцати кварталах отсюда. Позвольте, я объясню, как туда проехать.

Мириам подняла голову – и неожиданно встретилась взглядом со своим отражением в длинном зеркале над стойкой. Белая майка и брюки светились в странном свете, заполняющем клуб, превращая ее в фосфоресцирующий призрак с черными провалами вместо глаз.

– Не надо. – Сказал призрак. – Я неправильно спросила. Я знаю, что Арго внизу. Мне просто нужно узнать, как к нему пройти.

– Я его не видел. – Ответил бармен, но Мириам покачала головой, глядя на его цвета:

– Вы обманываете. Мне нужно пройти в тот конец зала? Или подняться наверх? Там, дальше, есть спуск?

– Извините, но я не могу…

– Спасибо. – Сказала Мириам, и кивнула гвардейцам. – Там, дальше, и правда есть дверь. Идемте.

– Подождите, вы не можете… – Бармен двинулся за ней. – Та часть заведения закрыта для посещений…

– Но там есть люди. – Возразила Мириам, и тут же услышала, как что-то щелкнуло под рукой бармена – переключатель, расположенный за стойкой. Короткий невидимый пульс пронизал помещение, и, где-то вдалеке, в коридорах, залитых фиолетовым светом, прозвучал сигнал.

– Идемте. – Повторила она, и ускорила шаг.

Дверь, к которой она стремилась, располагалась в самом дальнем углу зала, под тонкой аркой, поддерживающей верхний уровень клуба. Скрывающие ее темные портьеры едва заметно подрагивали от сквозняка – точно черный водопад. Где-то в глубине клуба, почти на пределе слышимости, бежали люди и кто-то отдавал отрывистые приказы, но Мириам словно тащило вперед. Она отбросила штору в сторону – и увидела, что у двери нет ручки.

Замок представлял собой стеклянную пластину в стене, справа от двери. Мириам уже видела такой в гостинице, и потому просто приложила ладонь.

Пластина мигнула красным.

– Это частный клуб, миз. – Нерешительно проговорила девушка-гвардеец. – Сюда даже с женами не ходят…

Мириам прижала ладонь сильнее, дотрагиваясь пальцами до металлической окантовки замка – и увидела его изнутри, переплетение контуров и сигналов, заключенных в сложную сетку. Рисунок сети был совершенно непонятен, и поэтому Мириам сделала первое, что пришло ей в голову – дополнила его, замкнув цепочки, наиболее близкие по ее мнению к дверям.

Пластина замка выбросила сноп искр, ужалив ее ладонь, а фиолетовый свет над головой мигнул и погас.

– Ой! – Сказала Мириам, и толкнула дверь. Та легко поддалась – будто никакого замка не было и в помине.

Клуб заполнился встревоженным шепотом, но несколько секунд спустя свет мигнул и загорелся снова.

За дверью никого не оказалось – пустое помещение, расчерченное слегка светящимися белыми линиями: темные диваны и подушки, разбросанные вокруг круглых возвышений, тонкие блестящие колонны, и еще несколько барных стоек у стен, не освещенных на этот раз. Мириам оглядела его очень быстро. Арго был гораздо дальше, где-то внизу, а со всех сторон, за стенами, слышался стук торопливых шагов, и голоса – все ближе. Она перескочила через ряд подушек, и запрыгнула на возвышение – и только тогда увидела еще одну дверь, темный контур прямоугольника, едва выделяющийся на дальней стене.

И чуть не упала. Пол под ней дернулся, уходя из-под ног, вынуждая ухватиться за колонну в центре возвышения, а сверху, из нескольких точек, ударили разноцветные лучи света. Комната медленно двинулась вокруг, вынуждая оглядываться на источник шагов – людей, выбегающих из дверей за барными стойками, подходящих все ближе. Возвышение продолжало вращаться, она выпустила колонну, и спрыгнула им навстречу.

Их было пятеро, и все они напоминали бармена – словно бритая голова в этом месте была чем-то вроде униформы. Их брюки и пиджаки были черными, мягкими, поглощающими свет. У того, кто шагнул навстречу Мириам, видимо, главного, голову охватывала дужка переговорника.

– Вам же сказали – мы не берем танцовщиц. – Сказал он мягко и вежливо, но Мириам видела смех, рвущийся наружу из его цветов. – А это место требует клубного пропуска. Вам нужна рекомендация, или провожатый, чтобы здесь танцевать. Позвольте, я провожу вас наружу.

– Гвардейцев вы тоже не пускаете? – Спросила Мириам, покосившись на своих провожатых. Девушка, помедлив, достала из сумочки крылатый значок, показав его бритому, но тот только моргнул:

– Мы охраняем отдых своих клиентов. Вам придется получить приглашения, или приказ судьи Атланты на обыск – гвардия не имеет у нас привилегий.

– Миз, я думаю, нам лучше уйти. – Сказал гвардеец.

– А что там? – Мириам указала на дальнюю дверь.

– Ничего, миз. – Бритый сдержанно улыбнулся. Ситуация явно веселила его, как может развеселить старая и хорошо знакомая шутка, и Мириам, рассматривая его цвета, никак не могла понять – почему? Она ворвалась в это место, которое он и его подчиненные должны были охранять – но в них было больше раздражения, чем злости. Словно так поступали часто, будто она была капризным ребенком.

– Здесь отдыхают гладиаторы, и другие известные люди. – Мириам с трудом улыбнулась, чувствуя, как ее захлестывает стыд. – Наверное, их жены… и просто девушки… часто сюда вот так приходят? Ищут их…

– Я ничем не могу вам помочь, миз. – С ноткой сочувствия произнес бритый. – Пойдемте.

– Я хочу остаться. – Улыбнулась ему Мириам. Нет, не только ему – всем, кто стоял рядом.

И улыбка стала прикосновением. Таким же, как у Мари на сцене, или ее собственное касание замка у двери. Все пятеро мужчин улыбнулись ей в ответ – кто-то едва заметным движением

губ, кто-то одними глазами. Но цвета дрогнули у всех, давая ей возможность дотронуться, провести мягкой кистью, углубляя этот оттенок, делая его ярче…

Ослепительно ярким.

Хохот сломал всех пятерых, бросив на пол, уронив в судорогах ей под ноги. Тот, с кем она говорила попытался было ухватить ее за лодыжку, но так и не смог сомкнуть пальцы. Истерический смех заполнил зал, словно пародия на музыку. Мириам молча перешагнула через крайнего охранника, и пошла к дальней двери. Их цвета все еще дрожали где-то у нее внутри, и она медленно отпускала хватку, едва замечая идущих следом гвардейцев.

Еще не дотронувшись до двери, она уже знала, что та не заперта. Она толкнула ее, и обернулась, заставив стихнуть смех позади.

– Может, подождете здесь? – Спросила она у гвардейца.

– У нас приказ… – Осторожно ответил тот, и тоже оглянулся.

– Ну… тогда просто не мешайте мне, хорошо?

Как она и ожидала, за дверью была лестница. Незатейливая, едва освещенная редкими желтыми лампами, она была сложена из чего-то гладкого, напоминающего стекло. А может, это и был расплавленный песок, о котором говорил Джордан. И выглядела она и правда намного старше, чем здание. В ней было около сотни ступенек, как показалось Мириам, и, в самом низу, за высокой аркой, едва брезжил тусклый свет.

Они успели дойти до середины лестницы, когда сверху послышался хлопок двери и топот ног по ступенькам – но Мириам уже не боялась. Ее цель была совсем близко.

Арка открылась в круглый зал – широкий, размером со старый цирковой шатер Руби, а может и больше, с десятком прожекторов, прикрученных к каменному потолку. Камень был везде – грубые плиты стен, массивные перекрытия, концентрические террасы с каменными скамьями. Мириам наконец поняла, чем объяснялось молчание Арго. Мир вверху, лежащий за многометровой толщей камня, почти не ощущался. Его движение и невидимые связи, ощущение присутствия Би, Моны, Мари – все это исчезло, не сумев пробиться сквозь потолок, способный, наверное, удержать на себе гору.

Но зато Арго был здесь.

Она ощутила его, еще не увидев – сосредоточенную решимость, а затем и тревогу, вызванную ее присутствием, исходящие из центра зала, круга, посыпанного белым песком, искрящимся в свете прожекторов. Он стоял там без оружия, в самой середине – перед тремя мужчинами с длинными палками в

руках… нет, четырьмя, но цветов четвертого Мириам почему-то не могла разобрать, как если бы они горели в нем слишком быстро, или наоборот, застыли как кристалл. Она пробежала через арку, и пошла влево, по кругу между скамьями, обходя песчаную арену.

Мужчина, стоящий перед Арго, повернул голову к Мириам, будто рассматривая ее – и это заставило ее остановиться.

Потому что глаз у него не было.

II.

Решившись, Мириам шагнула на следующую ступеньку – раз, потом еще один. Незнакомец, стоящий перед Арго, продолжал следить за ней, чуть приподняв голову, будто принюхиваясь.

Всю верхнюю часть лица ему заменяла выпуклая пластина из темного металла, не отражающая свет. Ее края уходили под кожу на скулах и висках, а из нескольких гнезд по сторонам свисали короткие провода, будто тонкие косички, падая на ворот черной рубахи. Волосы, остриженные так же коротко, как и у трех других мужчин, были совершенно седыми. Но перепутать их в любом случае было невозможно – глядя в его цвета, Мириам ощущала невероятное, невозможное спокойствие. Будто на арене перед Арго стоял не человек, а осколок твердого камня в человеческой оболочке.

– Она – твое оправдание? – Негромкий голос неожиданно четко прозвучал под сводами зала. – Теперь есть кому прийти за тобой? И оплакать?

– Я бы хотел так думать. – Ответил Арго.

– Стоять! – Коротко приказал слепой старик, и Мириам, взглянув в сторону, увидела бритоголового и его людей, послушно замерших под аркой. – Если гости смогли войти – то имеют право остаться.

– Спасибо. – Едва заметно наклонил голову Арго. Старик не ответил, снова повернув к нему голову, и Мириам почувствовала, как изменяется его цвет – растет скала, превращаясь в нечто огромное, и страшное, будто облако с человеческим лицом, способное сломать человека одним присутствием. Цвета Арго вспыхнули в ответ, точно костер, раздуваемый ветром, и старик кивнул в ответ, видимо, подтверждая свою мысль:

– Твой гнев… его ты тоже принес обратно. Не тяжело было?

– Я нашел ему применение.

– Убив жену своего покровителя? Это то, чему я тебя учил?

– Нет. Но ты учил меня отвечать за свои поступки.

– И поэтому ты бежал?

– Для этого я вернулся.

– И впервые в жизни ты готов ответить за себя?

– Готов, старик. – Арго улыбнулся, своей новой, странной улыбкой, и слепой задумчиво кивнул в ответ:

– Пусть так и будет.

И мужчина, стоявший слева от него, со свистом раскрутив палку над головой, ударил Арго в грудь.

Он даже не попытался защититься.

Мириам вздрогнула от звука удара – глухого столкновения дерева и плоти. В цветах гладиатора огненными языками заструились боль и ярость. Подняв глаза, она обнаружила, что Арго все так же смотрит на старика – только теперь его взгляд, наверное мог бы убить обычного человека.

Или разбиться о стальную маску.

– Ночью уходят от шлюх. – Сказал слепой. – И оставляют деньги. Уходят от жен, на битву, и оставляют детей. А как оставляют братьев?

Мужчина, стоящий справа от Арго, коротко и жестко хлестнул его по ноге, заставив упасть на колено, но тот словно не заметил этого, продолжая смотреть на старика:

– Да почти так же, как жен. – Его голос прозвучал ровно, несмотря на боль. – Только вместо детей остаются слова.

– Какие?

– Те, что жгут изнутри, не давая заснуть. Честь или мужество. Которые привык считать частью себя.

– О них легко забыть. Или виски уже не помогает?

– От него только хуже. Виски дает время подумать. – Арго поднялся, и человек справа тут же ударил его палкой по плечу. Дерево треснуло, кончик палки откололся и улетел к дальней стороне арены.

– Тебе есть, о чем размышлять. – Согласился старик. – Нарушителю клятвы полагается десять ударов, осталось семь. Думаешь дожить до последнего?

– У меня большие планы. – Мрачно ухмыльнулся Арго.

– За пять минут до твоего прихода со мной говорил Король. Приказал выпустить тебя живым. Сколько весит его приказ здесь, на Ночной Арене?

– Я пришел говорить с тобой, не с Королем.

– О чем же? У меня здесь только камень и песок – ни доступных женщин, ни вина, ни даже денег?

– Ну вот это вранье! – Коротко рассмеялся Арго, и тут же наклонил голову, так что следующий удар палкой пришелся ему в лоб. Снова хрустнуло дерево, и палка переломилась пополам.

– Пожалуй. – Легко согласился слепой, и чуть наклонился вперед, будто прислушиваясь к дыханию гладиатора. – Но нежеланный гость не найдет здесь ничего, кроме песка и железа. Тебе ли этого не знать?

– За ними и пришел… – Следующий удар угодил Арго в грудь, заставив его прервать фразу. Мириам вздохнула вместе с ним, и шагнула было к арене, но гладиатор выбросил руку в ее сторону:

– Стой… там. Это… мое дело.

– Но почему ко мне? – Задумчиво продолжил старик, будто ничего не услышав. – Почему ты не укрылся у своего лучшего друга Бланта, с чьей женой ты так неосторожно обошелся? Или у Короля, который так беспокоится о твоем здоровье, что готов подкупить судей Атланты, чтобы спасти тебя от виселицы?

– Потому что из всех, кого я встретил в этом долбаном городе, только ты никогда мне не врал. – Арго поднял голову, и обломок палки прошелся по его лицу. На песок перед стариком брызнула кровь.

– От правды, сказанной глупцу, толку не больше, чем от добродетели пятидесятилетней девы. – Мириам показалось, что старик улыбнулся, но его цвета остались нерушимы. – С таким же успехом я мог бы обучать песчаную бурю.

– Может мало меня бил? – Хрипло спросил Арго, и замолчал, когда палка обрушилась ему на спину. Удар, видимо, был особенно сильным, заставив гладиатора покачнуться, но старик стремительно шагнул вперед, и схватил его за плечо, не дав упасть. Несмотря на разницу в росте и весе, он не приложил заметных усилий, и это удивило Мириам – в сухом теле, скрытом черным шелком, явно скрывалась большая сила.

– Семь ударов. – Сказал старик. – Ты забыл мои уроки? Нельзя ударить того…

– …кому не больно. – Кивнул Арго. – Но судьба… сука… она знает, куда ткнуть побольнее.

– Нет никакой судьбы. – Ответил старик. – Есть поступки.

– Ага. – Ответил Арго. Слева на него обрушился еще один удар, но на этот раз он подставил локоть, сломав палку у основания. Потом выпрямился, еле стоя на ногах.

– Мне пришлось уйти далеко, старик. – Заговорил он. – чтобы… чтобы понять, куда возвращаться. Я убежал отсюда, и потерял все, что у меня было, из-за чего я дрался. Я опустел, как чертова винная бутылка, и никак не мог сообразить, что со мной не так. А потом… пустоты больше не стало…

Старик едва заметно улыбнулся, протянул руку в сторону – и один из мужчин вложил ему в ладонь окровавленный обломок

палки.

– Ложь. – Сказал он, и неожиданно щелкнул Арго обломком по лбу, прямо по стальной пластине. – Появился кто-то, кто заполнил пустоту. Женщина, может быть?

– Возможно. – После долгой паузы признал Арго. – А может быть город с кучей людей, который нужно было защитить. И толпа врагов, которых надо было убить.

– А твоя злость? Гнев, опозоривший тебя – что с ним? – Старик снова поднял обломок. – Для него не нашлось места в пустоте?

– Он все еще здесь. – Признал Арго. – Ты же видишь. Только теперь я держу его за яйца, а не он меня.

– Прежний Арго не удержал бы…

– А он и не вернулся. Не выжил там, откуда я пришел. Его ты больше не сможешь ударить, а у меня есть дело намного важнее, чем просто набить вам всем морды. Я должен получить ответ на вопрос, и мне наплевать, сколько он будет стоить…

Старик кивнул. Качнулись провода, свисающие из маски – и палка мелькнула, молниеносно хлестнув Арго по залитому кровью лбу. Удар показался Мириам не сильным, но гладиатора отбросило, будто тараном, опрокинув на арену, и его затылок впечатался в песок. Она снова ахнула, но Арго уже приподнялся на локте, а старик шагнул вперед, отшвырнув палку в сторону:

– Десять ударов. Ты изменился – но кровь всегда остается той же.

– Наверное, у меня ее слишком много, и она не держится в жилах. – Арго с трудом вздохнул, сплюнув в сторону красным, и старик присел перед ним, положив руку ему на грудь:

– Позвать костоправа?

– Нет, я пришел говорить с тобой, а не с потолком…

– Ты первый клятвопреступник, переживший наказание и способный шутить. – Ответил старик. – Твой вопрос действительно так важен для тебя? У того Арго, чьей крови я видел так много, никогда не было ничего настолько ценного. Прежний Арго не дрался с легионами врагов, как древний герой, не освобождал рабов под покровом ночи. За прежнего Арго не билось так громко сердце милой маленькой леди, способной пройти мою охрану, и открыть двери на Ночную Арену за двадцать секунд. Что сделало тебя таким, научило тому, чему я не смог? Позор, убийство, или нечто большее?

– Все просто, старик, так, как ты говорил. Просто до Хокса меня… не было.

– Те, кто видел тебя в Колоссеуме, не согласятся с этим.

– Сила ничего не значит до тех пор, пока ты не знаешь, за что

драться.

– Хоть эту малость ты усвоил. – Кивнул старик. – И еще жив. Кто теперь твой противник – ведь о нем ты хотел спросить меня?

Арго сел, и Мириам заметила, что это далось ему с трудом – сквозь цвета гладиатора яркими пятнами проступала боль. Мужчины разошлись в стороны, собирая обломки палок.

– Представь, что он огромный. – Наконец заговорил Арго. – Ростом под четыре метра. В броне, которая держит иглы. Его слабые места – сочленения рук, ног, подмышки, шея. Он не очень поворотлив, и не умеет драться лицом к лицу – предпочитает стрелять издалека. Но броня очень крепкая. Каким оружием ты бы с ним дрался?

Впервые цвета старика изменились – чуть сдвинулись, как могла бы дрогнуть гора.

– Шесть лет назад ко мне пришел Король с таким же вопросом. – Сказал он тихо. – И у меня нашелся ответ.

– А для меня?

– Для тебя он будет другим. – Старик посмотрел на Мириам, затем на гвардейцев, стоящих у нее за спиной. – Но твоей спутнице придется подождать наверху. У тебя пять минут, я буду в кузнице.

– Ты же разрешил ей остаться?

– Я разрешил смотреть… на тот случай, если она захочет забрать тело. – Старик слегка поклонился Мириам. – Упорство нужно вознаграждать. Поговори с ней, пока есть время – я вижу, ее терзают вопросы. Я бы тоже хотел побольше узнать о тех трюках, которые она использовала в моем заведении – когда ты уговоришь ее заглянуть сюда снова…

Он пошел влево, к еще одной лестнице, ведущей на арену. А Мириам смотрела на приближающегося Арго, и не знала – то ли радоваться, что он еще жив, то ли пугаться. Его кожаная куртка лопнула под ударами, один рукав был почти полностью оторван, и всю ее покрывала буро-коричневая грязь – кровь, смешанная с пылью. Мириам видела мышцы, двигающиеся под курткой, и раны, зияющие, как от ножа или меча, но почти не кровоточащие. Когда он остановился в паре шагов перед ней, стоящей на бордюре арены, залитая кровью и блестящая металлом маска его лица оказалась вровень с ее лицом.

Но его глаза улыбались. И Мириам, которой в этот момент внезапно стало действительно страшно, сжала зубы покрепче, а потом улыбнулась в ответ.

– Не сразу узнал тебя. – Сказал он. – Ты смотришься лучше, чем леди, что обычно сюда приходят.

– Правда? – Смутилась Мириам. – Зато ты выглядишь так, будто попал под машину.

– Встретил старого друга, с ним всегда так. Тебе уже лучше? Когда я ушел, ты…

– Все хорошо… почти. Если об этом не думать. А этот старик, он… твой учитель?

– Лучший из учителей. Карвер – мастер оружия Атланты. Он не только ломает вещи, но и делает. А еще ему принадлежит эта арена, и то, мягкое гнездо наверху.

– Но он же… слепой?

– Он и без глаз видит лучше, чем я. – Усмехнулся Арго. – Это импланты, у него заменено пол черепа. Никто точно не знает, что там, но кажется, он слышит как летучая мышь, и может видеть сквозь стены.

– Он очень… сильный.

– Иначе я бы не стал у него учиться. Он умеет объяснять, пусть даже и палкой. Хотя те богатеи, что расслабляются в его клубе наверху, наверняка никогда не видели его таким, как ты – старый хитрец умеет быть обходительным.

– «Каролина»? Я думала, что ты тоже хотел отдохнуть здесь.

– Наверное, отдыхать придется не скоро. – Арго перестал улыбаться, и опустил глаза. – После того, как все закончится, не раньше. Если еще останется время.

– Может не остаться. Я пыталась тебе сказать, но ты не слышал…

– Да? Что сказать?

Образы, переданные Мари, все еще жили внутри нее, на самой поверхности памяти. Ей оставалось только дотронуться до его окровавленного плеча, чтобы отдать их – и задуматься, так ли необходимо было это прикосновение.

Ощущение чужой крови на пальцах, и видение городов, вспыхивающих под огненным ливнем. Пройдя через ее память, образы стали ярче, в них появились места, знакомые Мириам: узкие улочки Хокса, зеленая долина, вспыхивающая церковь, сияющие башни Атланты, и разрушенные дома мертвого города. Все это сплелось, города и места, которые она помнила, накрытые огненным куполом неба, уничтожающего все живое. Память струилась и горела вместе с людьми и зданиями, несколько бесконечных ударов сердца, вынося на поверхность случайные осколки воспоминаний, будто захваченные половодьем: трупы в бараке Шипов, пустые искрящиеся глаза Тины, Арго, при свете луны танцующий на площади перед гостиницей…

И внезапное чужое воспоминание, осколок, пробившийся в ответ: взгляд на ту же площадь, снизу. Тот же лунный свет,

звезды над головой – и сама Мириам, хрупкая обнаженная фигурка в окне наверху, высвеченная случайным лунным лучом.

Детское удивление в ее глазах.

Она прервала передачу, чувствуя, что краснеет, и отдернула руку. Арго смотрел на нее, и она не решалась поднять взгляд, чувствуя, как цвета воспоминания переливаются в нем, заглушая боль.

– Вот как. – Сказал он наконец, и встряхнул головой, будто отгоняя видение. – Так они ответят, кувалдой на укус комара?

– Они… кажется, просто не могут допустить, чтобы Сломанная Маска, и дети, вернулись. Если это случится, то начнется война.

– С ними? Это будет не война. – Цвета Арго вспыхнули. – Мы же для них просто насекомые! Сначала они воруют детей, потом отправляют за тобой толпу ублюдков… А если мы ударим в ответ, просто сожгут все?!

– Мне страшно. – Запнувшись, признала Мириам. – Они собираются сбросить бомбы на города. Мари сказала, что они уже делали так раньше, но я не поняла…

– Было, мне говорил Джон. – Скрипнул зубами Арго. – И мы ничего не сможем сделать… пока. Нужно двигаться быстрее. Ребекка договорилась с Королем?

– Он сказал, что мы его гости, и позвал к себе, завтра…

– Значит, тогда все и решится. – Теперь он смотрел в сторону. Его цвета изменились снова, будто освещенная луной улица и девушка в окне внезапно оказались важнее всего остального. – Старик сказал, что поможет, и я смогу убивать этих крылатых тварей.

Мириам кивнула. Торчать дальше на бортике, как статуя, казалось глупым, и она спрыгнула на песок. Теперь Арго возвышался над ней, и это казалось привычным, успокаивало. Гладиатор повернулся, и они пошли вдоль края арены, провожаемые взглядами гвардейцев, устроившихся в амфитеатре, наверху.

– Он больше не будет так тебя бить? Зачем ты им позволил?

– Я клялся отвечать за свои проступки перед учителем. – Арго говорил медленно, задумчиво, каждое слово явно давалось ему с трудом. – Но сбежал. Клятвопреступников наказывают палками. Эти ребята умеют бить так, что обычный человек не переживет и пары ударов. А я… старик простил мне последних два, ты сама видела.

– Ты убежал потому, что боялся?

– Потому, что было стыдно. – Он взглянул на нее, и снова отвел взгляд, в его голосе прозвучала злость… слабая тень

прежней. – Но это тоже страх. Разве тебе не рассказали, что я сделал?

– Я не спрашивала. – Вспомнив слова Би, ответила Мириам. – Если ты захочешь, то расскажешь мне сам.

– Спасибо. – Серьезно сказал Арго. – И за то, что пришла – тоже. Всегда легче драться, когда кто-то есть… рядом.

– Тебе нужно помыться. Пусть тебе уже не больно, но вся эта грязь…

– Да, я похож на борова в луже. Ничего, у старика в кузнице душ найдется. Он еще позовет тебя, позже – ты ему понравилась.

– Думаешь?

– Да, он любит тех, кто может отлупить его охрану. Ты же их не перестреляла?

– Нет, он прав, это был… трюк. – Они остановились у выхода с арены, того самого, по которому несколько минут назад ушел Карвер. – Я потом расскажу, если ты захочешь.

– Конечно. – Сказал Арго. – Ты же будешь в отеле?

– Да. Нам, получается, надо много друг другу рассказать.

– Ради этого, пожалуй, стоит прожить еще пару дней. – Он снова улыбнулся. Огромный и окровавленный, теперь он вовсе не вызывал страха у Мириам. Наоборот, его присутствие успокаивало, как если бы рядом с ним, таким пугающим, просто не могло произойти ничего страшнее. И еще в его цветах, на самой грани восприятия, еще дрожало воспоминание о ней, и лунной ночи в Хоксе – точно цветок, распустившийся в кабине бронированного кара.

Хрупкое, эфемерное, скрытое броней сожалений и боли – но почему-то более важное, чем видение падающего с неба огня и неизбежной смерти. И сама мысль об этом наполняла Мириам непонятной, смущающей, радостью.

– Тогда… мы не будем заставлять твоего учителя ждать. – Сказала она тихо, и снова покраснела, совершенно не понимая, почему.

– И прощаться не будем. – Ответил Арго. – А то дело закончится дракой. Я пойду?

– Конечно. – Она повернулась, приветственно помахав гвардейцам. Затем тут же обернулась обратно, чуть не споткнувшись на песке, и рассмеялась над собственной глупостью:

– Иди, только…

– Что?

– Пожалуйста… и правда постарайся принять ванну.

III.

В холл отеля Мириам почти вбежала.

Новая обувь оказалась невероятно удобной, пружиня на цветной плитке, словно заставляя ускорить шаг – или пуститься в пляс. Мириам миновала прозрачные ворота, перепрыгнула через ручеек, бегущий в полу, под стеклом, улыбнулась в ответ на пару удивленных взглядов, и остановилась, глядя вверх, на маленький кусочек неба, видимый в просвете между спиральными кружевами галерей отеля, уходящих на совершенно непонятную высоту.

Небо было светлым, с легким оттенком розового – почти шесть часов вечера. Целый день неожиданно оказался позади, воспоминания утра снова всплыли в памяти, но Мириам остановила их, расчетливым и уже привычным усилием.

Небо само по себе несло радость, было прекрасным – и страшным в то же самое время.

– «Я внизу.» – Передала она Би условленный сигнал. – «В порядке, только так и не поела.»

– «Закажем ужин.» – Отозвалась Вероника. – «Ты успела пройтись по клубам, так что самое время перекусить. Заодно покормим нашу занозу, ее давно пора вытащить из угла.»

– «Я поднимаюсь.»

Мириам не торопясь обошла фонтан в центре зала. В прошлый раз она ничего толком не успела рассмотреть, и теперь с удивлением замечала детали, возникшие будто из ниоткуда: пара человеческих фигур из золотой сетки, сплетающихся в потоках воды посреди фонтана, невидимые лампочки, делающие воду особенно яркой, и придающие ей особый, зеленоватый, оттенок, изящные ножки столиков, расчерченные золотистыми спиралями, странно перекликающимися с формой галереи, идущей вокруг зала. Как и «Каролина», это место явно создавалось единым целым, будто картина, и в каждой его черте Мириам видела прикосновение неизвестного ей художника, чувствовала настроение, которое он вложил во все, даже самые маленькие детали рисунка.

Ощущение было странным и новым. Она пошла медленнее, вслушиваясь в него, ища способы, которыми неизвестный рисовал это место, думая о кистях и мелках, которые ему понадобились. О том изяществе, с которым он очертил пространство этого огромного дома, не забыв оставить место для живых людей, легко становящихся частью картины. Или наоборот, выбивающихся из него, как группа мужчин с суровыми лицами, сдвинувших несколько столиков ближе к лифту, у навеса с разноцветными графинами для напитков. И даже не скрывающих оружие в

наплечных и поясных кобурах…

Мириам замерла, пытаясь понять, как же она могла упустить из виду столь очевидную опасность – и тут же почувствовала, что улыбается возглавляющему их бородачу в черной майке, перекрещенной широкими оружейными ремнями, встающему ей навстречу.

Нильс Ланье сдержанно улыбнулся в ответ, и растеряно потер щеку, обезображенную длинным шрамом. Реагируя на его движение, за соседними столиками поднялись пятеро гвардейцев, в черной форме с белыми крылатыми нашивками.

– Спокойно. – Сказал наемник, явно обращаясь к своим людям, тоже начинающим вставать. – Я обещал хозяину этой конуры, что мы ее сильно не испортим.

– Это красивая… конура. – Сказала Мириам, и помахала остальным наемникам. – Добрый вечер. О, я вас помню… и вас. А вы тогда помогли нам у Марты. Хорошо, что вам удалось сюда добраться.

– Не всем. – Мрачно ответил Ланье. – А ты… не узнал бы. На той записи, что с утра показывали, ты вроде поменьше будешь. Или это потому, что у тебя штаны на месте?

Наемники расхохотались, а Мириам почувствовала, что краснеет – снова, уже который раз за день:

– Меня… показывали?

– Вроде сама не знаешь? Да каждый час повторяют, про Хокс, да про битву, и вас – почетных гостей Короля. Даже мне досталось. Ну и странно видеть свою рожу на экране, скажу тебе. – Ланье осторожно выбрался из-за хрупкого столика, и Мириам увидела круглую штуковину, вроде бочонка с толстыми стенками и ручкой, стоящую у его ног. Ланье тоже покосился на бочонок и улыбнулся:

– Ну… извини. На записи видно, что вы после драки – всего пара секунд, но все и так понятно. Я как это дело посмотрел, сразу в отель вернулся – но меня даже к лифту не подпустили. Стоит про Ребекку спросить, так гвардейцы сбегаются, будто на день Основания. Мы тогда с парнями скинулись, и подарок купили – только и его на верх передавать не рискуют, боятся, что ли…

– Подарок? А… за что?

Ланье снова потер щеку со шрамом, видимо, подбирая слова, потом снова оглянулся на своих людей:

– Ну как? В прошлый раз, в Хоксе, неправильно все получилось. С Ребеккой, в смысле. Вы же исчезли, так ничего и никому толком и не сказав – и пропали с концами. А мы остались победу праздновать – хотя часть этой победы ваша, как ни крути.

И здоровая часть, я тебе скажу.

– И что в нем?

– О! – он поднял бочонок, демонстрируя клеймо на стальной пластине, незнакомое Мириам. – От этой штуки даже праймы падают. Мерло, пятилетней выдержки, вот что.

– Что?

– Сорт винограда такой. – Ланье постучал по клейму. – С неба. Растет только в закрытых виноградниках, и нигде, кроме как в Атланте. Стоит чертову уйму денег. За эти вот три литра можно было паре каров движки перебрать.

– И Ребекке это понравится?

– Клянусь бородой. – Серьезно сказал Ланье, и наемники снова расхохотались. Мириам улыбнулась в ответ, безмолвно вызывая Би. Ответ пришел долю секунды спустя, но снова от Вероники:

– «Все хорошо? Надеюсь, ты не застряла в лифте?»

– «Нет, но я встретила Ланье. У него подарок для Ребекки.»

– «Ланье в городе? Его команда с ним?»

– «Да, они здесь.»

– «А подарок – надеюсь, он догадался купить цветы?»

– «Нет, он купил три литра вина.»

– «Да, зря я спросила… Ну ничего, все равно тащи его сюда.»

– «Тащить?»

– «С ним будет интересно поговорить – о Хоксе, Атланте, и вообще, наемники охотно разносят сплетни. Пригласи его на ужин.»

– «А его…»

– «Команду приглашать не нужно.»

Вероника оборвала связь, напоследок подмигнув Мириам – по крайней мере так она поняла изображение мигающего глаза в конце сообщения. Наемники все еще смеялись, а Ланье улыбался, явно ничего не скрывая, но в их цветах подрагивало напряжение, связанное со всем вокруг – огромным открытым залом, гвардейцами, хмуро несущими вахту за соседними столиками, и даже, кажется, самой Мириам. Она улыбнулась в ответ, но ее улыбка тут же застыла, когда она подумала об этом напряжении, натянутом между наемниками, как струна. О прикосновении, которое могло бы в секунду превратить его в панику, страх, или самую настоящую жажду убийства – чтобы в считанные секунды разрушить этот зал, и десятки жизней.

Всего несколькими правильными подсказками Мари вручила ей силу – страшную прежде всего потому, что она не вполне представляла, как и для чего ее использовать. Струна дрожала, а рядом с ней точно так же ожидали прикосновения десятки цветов,

и Мириам пришлось сделать усилие, чтобы не всматриваться в них, не дотронуться случайно. И, уже подбирая слова, она вдруг поняла, что рядом снова промелькнул цвет наблюдателя – третьего гвардейца, которого она почувствовала на площади, незнакомого двум другим.

Или вовсе не гвардейца?

– Извините. – Сказала она наемникам. – Можно, я украду у вас Нильса на этот вечер?

IV.

– Тесновато в этих коробках, после пустыни?

Двери лифта уже давно закрылись, но Мириам продолжала перебирать цвета людей, оставшихся внизу, вращая их слепок, висящий перед ней до сих пор, как рождественская игрушка. Потом отодвинула их в сторону, как могла бы отложить на полку настоящую игрушку – чтобы достать в другой, более подходящий момент. Наблюдатель не шел у нее из головы – то, как он смотрел и чувствовал. В этом содержалась угроза, явственная, но не понятная. Наверняка стоило предупредить Би, и чаще оглядываться по сторонам, не слишком полагаясь на гвардейцев, среди которых, на самом деле, мог скрываться кто-то еще.

– Чего хмуришься? – Снова спросил Ланье, и Мириам поняла, что эти размышления наверняка отражаются у нее на лице. – Парни из Хокса не пишут?

– Какие… парни?!

– Дай адрес – и напишут. Там по тебе, да Ребекке половина гвардейцев сохнет. Ну те, что живы остались. Такое плетут про вас, что диву даешься: дескать была с праймом девица из пустыни – красотка-снайпер, метра два ростом, не меньше двух сотен Тигров сама перестреляла, а потом на площади в рукопашную дралась. Причем каждый второй это видел. И портреты Ребекки продают – помнишь, ты нарисовала?

– Да, помню. Что значит… продают?

– Умник какой-то купил рисунок у Марты, пропустил через типографию, что у Магистрата, и давай продавать их на развалинах церкви. И что ты думаешь – с руками отрывают. Эти портреты теперь, наверное, в каждом доме там висят, а он себе парочку ферм прикупить сможет.

– Ты обманываешь? – Недоверчиво спросила Мириам, уже зная, что это не так. Ланье только ухмыльнулся в ответ:

– Если бы. Наоборот, не все рассказываю.

Двери лифта с мелодичным звоном распахнулись.

– А что не рассказываешь?

Они вышли в странный, вытянутый зал, который Мириам так толком и не успела рассмотреть. В первый раз ей было не до того, а во второй они торопились, и она успела заметить только его необычную форму, вытянутую и изогнутую, будто четверть колесного обода. Внутренняя, вогнутая стена зала была прозрачной, и за зелеными лозами, бегущими по ней сверху вниз, виднелись знакомые очертания спиральных галерей отеля – только смотрела на них Мириам теперь сверху, а не снизу.

– Отличное окошко. – Прокомментировал Ланье внешний вид зала, и снова забросил бочонок на плечо. – А не рассказываю я… Да люди вообще склонны лишнего болтать, знаешь?

– Как ты?

Ланье хмыкнул, и замолчал, кажется, обидевшись. Они прошли вдоль окна, глядя на людей, копошащихся внизу, между белыми игрушечными столиками, у такого же крохотного фонтана. Дверь в номер белела в самом конце зала, и, насколько поняла Мириам, была одной из двух дверей, выходящих сюда – всего два номера на целый этаж. Других, выше, не было – в лифте она нажала на самую верхнюю кнопку, как и шут утром.

– Судачили о разном. – Неожиданно заговорил Ланье. – Что видели ее в бою вместе с бароном. Что это он артиллерию взорвал тогда, за стеной. Пошел один, да и погиб, как прайм…

Мириам приложила ладонь к пластине у двери, и та один раз мигнула зеленым, напомнив ей о другой, такой же, в клубе. Внутри прозвучал мелодичный сигнал.

– «Открываю.» – Сказала Вероника.

– …даже песню сочинили, сам слышал, в лагере беженцев поют, да и в Верхнем городе по кабакам играют. Слова немного разные, и мотив такой, грустный. Про баронессу, как идет она по полю битвы, среди тел, и спрашивает у воронов, где ее барон лежит. Девчонки плачут от этой песни, ну и мужики некоторые…

Ланье вошел, остановился, и Мириам расслышала короткое «Ха!», сорвавшееся с его губ.

За прошедшие несколько часов, с мебелью в большой комнате что-то произошло – ее словно разбросало взрывом. Оба дивана оказались сдвинуты углом у стены слева, залитый разноцветными жидкостями прозрачный столик очутился у входных дверей, а второй, чистый, наоборот, перекочевал к диванам. Би, в коротком белом платье, полулежала на одном из них, забросив на столик стройные ноги – ее поза была одновременно расслабленной и напряженной. Бледная кожа, казалось, светилась, отвечая мерцанию огромного экрана в стене перед праймом, по которому без остановки бежали ряды цифр, и мелькали схемы – непонятные

Мириам линии, карты, рисунки.

Суонк, прикорнув у окна в дальней стене, даже не обернулась. Но Мириам заметила, что та переоделась – теперь на ней была красная юбка, и короткая майка, открывающая повязку на плече.

– «Сюрприз!» – Сказала Вероника, и Би подняла голову, взглянув на Ланье. В ее глазах плескалась темнота, полная движения, как и экран перед ней. Мириам с некоторым испугом заметила, как изменились цвета воительницы за то время, пока они не виделись.

Вокруг Би медленно разрасталась невидимая, но от этого не менее угрожающая буря, готовая вырваться наружу в любой момент.

– И как тебе… эта песня? – Спросила она.

– Могла быть и лучше. – После долгой паузы ответил Ланье. – Будь в ней хоть капля правды.

– Правда бывает уродливой. И потому о ней никто не поет.

Ланье, помедлив, кивнул, и поставил бочонок перед собой.

– «А что за сюрприз?» – Быстро спросила Мириам.

– «Она не сказала мне, что ты не одна.» – Ответ Би сопровождался шумом, будто рядом с ней дробилась о камни вода. – «Я не знаю, что в этом смешного. Ланье я заметила еще раньше, в холле, через камеры наблюдения.»

– «Я подумала, что так будет интереснее.» – Отозвалась Вероника. – «Чтобы ты не побежала натягивать штаны…»

Би опустила глаза, взглянув на свою одежду, и на ее лице мелькнула растерянность. Она резко подобрала ноги, и села на диване, очень прямо держа спину.

– «Дьявол!»

– «Вот и я об этом!» – Расхохоталась Вероника.

– Что не так? – Спросил Ланье осторожно.

– Не привыкла быть без брони. – Помедлив, ответила Би.

– Знакомое дело. Идешь по улице – и вроде голый, и еще спина чешется…

– У тебя хотя бы есть брюки. И оружие.

– Да… парни бы не оценили, появись я в платье. – Ланье поднял было руку привычным жестом, чтобы дотронуться до шрама, но сразу же опустил ее на пояс, глядя на Би, сидящую абсолютно неподвижно, будто изящная статуэтка:

– Злишься?

– Я никогда на тебя не злилась. – Мириам показалось, что в цветах Би на секунду мелькнуло удивление.

– Все равно… прости.

– За что?

– За тот раз, когда не поехал… опять.

Би на секунду задумалась.

– Наверное, я и не ожидала другого. – Наконец сказала она. – Ты поступил так, как должен был.

– Вот как?

– Город нуждался в твоей защите, твоим людям нужен был отдых, а шерифу – твой опыт. Это я поступила глупо, позвав тебя. – Она встала, немного неловко, будто не зная, куда девать руки и как держать себя в платье. – И главное, поехав с нами ты… ничем бы не смог помочь.

Шрам Ланье дернулся, уголки его губ поползли вверх, но улыбки не вышло:

– Что-то от твоих слов у меня ощущение странное – вроде как по морде отхлестали. И даже ответить нечем.

– Как и мне нечем больше тебя утешить. – На экране перед Би со страшной скоростью сменялись ряды цифр и схемы, и Мириам поняла, что она все еще там, по крайней мере отчасти.

– Эта штука может помочь. – Ланье кивнул на бочонок. – Здесь три литра Мерло, пятилетней выдержки. Извинения мои тебе не нужны – так хоть выпивку поставлю.

– Хорошее вино. – Ответила Би. – Любимое вино моего мужа.

– Младшего Андерсона? Я сочувствую.

– Младший Андерсон был моим сыном. – Тихо, и как-то обреченно проговорила Би. Ланье тихонько выругался себе под нос, затем так же тихо спросил:

– Может, стоит их помянуть?

– Еще не время. – Би нахмурилась, потом нагнулась, и резко отодвинула столик от дивана. Изображение на экране свернулось в точку и погасло – чтобы через секунду снова развернуться, превратившись в окно, открытое на город и площадь с шатром, которую совсем недавно покинула Мириам. Окно находилось в месте, где она не была, видимо, на одной из белых трибун, на самом верху, потому что от нее вниз убегали рады сидений, пока еще пустых. За ними, совсем недалеко, возвышался законченный шатер, и сцена, закрытая полотнищами алой ткани, переливающимися под лучами вечернего солнца. Би продолжала смотреть на экран, явно не видя его, и ее цвета были полны смятения и скорби. Такими же, как когда-то в Хоксе, много дней назад.

– Я еще не могу вспоминать их. – С видимым трудом проговорила Би. – У меня нет такого права. Но ты присаживайся, и разливай вино – мне кажется, у нас есть и другие поводы выпить.

Часть вторая

Глава VI

Интермедия I.

На высоте царствовал ветер.

Ржавая конструкция колеса притягивала его, заставляя шептаться в осыпающихся хлопьях краски, когда-то покрывавшей массивные дуги, шелестеть в прорезях спиц, сваренных из стальных полос, и поскрипывать цепями, удерживающими корзины. Внизу, в сорока метрах, ветер терялся в беспорядочном лабиринте узких улочек, принося в них песок пустыни и замирая – наверху же его шепот не прекращался. Неро, забравшись в корзину на самом верху, легко разбирал в нем понятные слова: частые резкие порывы говорили о массе холодного воздуха, приближающейся к городу с востока, несущей с собой короткий и мгновенно высыхающий дождь; долгие вздохи, усиливающиеся и ослабевающие, говорили о падении давления, скором сезоне смерчей, которые, обычно, не заглядывали так далеко; и наконец теплая волна, накатившая со стороны города три минуты назад, была эхом реактивного удара орбитального лифта, включившего маршевые двигатели высоко над городом.

Пара грубых деревянных скамей, установленных по бокам корзины, ссохлись, и песок, занесенный снизу, покрывал их толстым слоем. Одна из них хрустнула, когда Неро сел на нее, и уложил принесенный с собой стальной футляр на скамью напротив.

В трехстах метрах от него, чуть ниже уровня корзины, поднимались плоские зубцы стены Атланты, скрывающие зачехленные трубы тяжелых минометов и бронированные башенки генераторов плазмы. За ними, прижимаясь друг к другу, и образуя неправильный бетонный лес, разбегались дома – чем дальше, тем выше, соревнуясь между собой в разнообразии цветов, количестве этажей, форме балконов и окон. Но боевые шпили и взлетные площадки джетов, превосходящие их по высоте более чем в два раза, расставляли окончательные точки в этом соревновании, увенчивая корону города масляно поблескивающими бликами на дулах тяжелых орудий, подвешенных на высотных пилонах.

По сравнению с крепостью то, что лежало у подножия колеса, выглядело не более чем набором неровно сбитых коробок, плоских и уродливых бараков, предназначенных скорее для животных, чем для людей. Впрочем, как отметил для себя Неро, большинство зданий внизу были всего лишь складами, для товаров и припасов, которым не нашлось места в Атланте. Остальным же зданиям достались роли временных прибежищ – по крайней мере именно так думали о них те, кто их строил, но так

и не смог в итоге попасть за белые стены.

Неро провел пальцами по грани футляра, нажал на скрытые фиксаторы защелки, и крышка откинулась, обнажая серые очертания на мягкой подложке – металл разобранного стрим-гана изменил цвет, сливаясь с окружающей поверхностью. Когда Неро, уложив на колени массивное ложе, зафиксировал поворотом плоский ствол с ребристой насадкой звукового демпфера, оружие пошло пятнами, сливаясь с его плащом и коричневыми хлопьями краски, усеивающими скамью. Неро пристегнул приклад, закрыл ствол противопылевой заглушкой, и уложил оружие на футляр, не вставив магазин. Вместо этого он взялся за прицел, массивное устройство с тремя асимметричными окулярами, и широким визором. Оптику Неро не использовал – вместо этого он дотронулся до разъема в основании прицела, подключаясь к нему напрямую, и навел на стену, отмечая координаты возможных целей.

Корзина качнулась под порывом ветра, и он уперся ногой в противоположную скамью. Следующий порыв оказался чуть сильнее, так что ему пришлось ухватиться за поручень слева, у открытого входа в корзину.

Вернее, сделать вид, что хватается – потому что его ладонь, хлопнув о ржавую трубу, взлетела вверх, и пальцы впились в нечто невидимое, висящее в пустоте снаружи.

Мгновение спустя из воздуха возник небольшой игольник, упираясь ему подмышку.

– Пат? – Спросил тихий механический голос.

– Нет. – Ответил Неро. – Шах и мат.

– Объясни.

– Дыхательные трубки у тебя на горле бронированы, но позволяют сжать их. Мне нужна одна пятая секунды, чтобы повернуться, и дернуть руку на себя. Я вырву тебе кадык вместе с дыхательным клапаном, это же движение собьет ствол вниз, и в сторону. Ты успеешь дать очередь, но иглы пройдут у меня под лопаткой, зацепив, но не причинив серьезных повреждений. После этого я зафиксирую твою кисть локтем, сломаю руку, и сброшу тебя вниз.

– Или же я выстрелю быстрее, чем ты сожмешь пальцы. – Ответил шепот. – И пара иголок в твоем измученном сердце убавит тебе гонору.

– Измученном сердце?

– Прочитал в старой книге. – Пояснил шепот. – Давно хотел использовать.

– И чем же измучено мое сердце?

– Обидой на Короля? Сожалениями о недавнем поражении?

Пугающими картинами будущего?

– Ясно. Ты не бросил писать стихи?

– Говорят, они стали лучше.

Неро перехватил руку с игольником, и втащил своего собеседника в корзину. Тот убрал оружие, и присел на скамье, рядом с винтовкой.

– Но ты так и не ставишь под ними свое имя, верно?

– Почему же? – Пустота тихо рассмеялась. – В Атланте не один Джордан. Но, как ни странно, всего один Неро.

– Я не пишу стихов.

– Пишешь. Огнем и кровью, причем иногда – собственной. – Крышка футляра с винтовкой дрогнула от невидимого прикосновения. – Как ты заметил меня?

– Я знал, что ты зайдешь сверху – твое уникальное умение перемещаться делает тебя предсказуемым. Твой прыжок совпал по времени с рывком ветра, но не совпал по силе, и этого было достаточно, чтобы понять, где ты.

– Возможно, предсказуемость – тоже мое уникальное умение? – Предположил Джордан. – Потому что ты ее почему-то лишен. Зачем ты вернулся, Неро?

– Разве здесь не мой дом?

Пустота промолчала. Очередной порыв ветра заскрипел цепями, удерживающими корзину. Неро смотрел на Джордана, туда, где на почти неразличимом силуэте угадывалось лицо.

– В твоем доме тебя не боятся. – Тихо произнес тот наконец. – В нем тебе доверяют. Не следят за каждым твоим шагом.

– И не посылают друга шпионить за тобой.

– У тебя не так много друзей…

– У меня только один друг. – Серьезно сказал Неро. – Но даже он вынужден это скрывать.

Внизу, в шестидесяти метрах к северо-востоку, среди изломанных крыш, покрытых пластиком и металлом, тонко взвыла шутиха, за ней еще одна, заглушая музыку и неровный шум человеческих голосов – крики, смех, пение. Городок за воротами жил своей жизнью – маленькая копия Атланты, притаившаяся у нее под боком. Будто грязная, неухоженная и слабая сестренка.

Только люди обеих городов были слишком похожи.

– Тебе не следовало возвращаться. Не сейчас. Он может просто приказать убить тебя.

– И мы оба знаем, кому придется сделать это.

– И я…

– Ты поступишь так, как он скажет. Это мы тоже оба знаем.

– Напоминать мне об этом… излишне.

На этот раз промолчал Неро. Невидимый Джордан, сидящий напротив него, собрал в горсть песок, покрывающий скамью рядом с ним – это выглядело так, будто пыль взлетела в воздух, повторяя очертания невидимой ладони.

– Я знаю, что ты не мог проиграть ей. Тебе удалось обмануть ее, и твоего отца, но не меня.

– Никогда в тебе не сомневался.

– Просматривая твой отчет, я думал о том, чего ты на самом деле хотел добиться. Если бы не он, мы бы до сих пор рассматривали Ребекку как возможного эмиссара Небесных. Твой проигрыш привлек внимание, расположил к ней Короля – и сегодня утром она дралась с «Фьендами». Ты этого хотел?

– Она сломала не меньше двух, не так ли?

Джордан едва слышно вздохнул, песок из его ладони медленно струился вниз, напоминая миниатюрный смерч.

– Всех трех. Она не прайм, в этом ты был совершенно прав. И, конечно же, знаешь, каким будет следующий приказ твоего отца…

Неро кивнул, все так же наблюдая за маленьким городом внизу – людьми, мелькающими на площади перед обелиском, зелеными маркерами, указывающими расположение камер, и немногочисленных гвардейских патрулей. Музыка становилась громче. Как всегда, с приближением вечера, на площади одна за другой оживали передвижные сцены, снабженные усилителями, с помощью которых бродячие актеры и певицы изо всех сил пытались перекричать друг друга и зрителей. Наверх, к Неро, долетал неровный шум, из которого то и дело вырывались немногочисленные высокие ноты, позволяющие опознать популярные в Атланте мелодии.

– И на что это будет похоже, Неро?

– Что?

– Война с небесами?

Джордан хлопнул о поручень, очищая ладонь от пыли – рука из праха взлетела над ничего не подозревающим городком. Долетающие снизу блики плясали на ржавом металле корзины, как будто колесо готовилось вот-вот завертеться снова. Прицел, закончив запоминать все указанные объекты, издал короткий писк.

– Ты уже знаешь. – Ответил Неро.

– Разве? – Воздух над прицелом замерцал от невидимого движения. – Я не знаю даже, зачем тебе эта «Коса». Я вижу на три хода вперед, как и любой нормальный человек. Только Король видит на пять. А что видишь ты, Неро?

– Давай вместе взглянем вниз… – Едва заметно улыбнулся

тот.

– Грязная помойка. Вон там, и здесь, сегодня утром нашли трупы. Виски, которое там пьют, опасно для жизни. Женщины тоже.

– Так и есть. И над всем этим – наша башня, камеры, и два генератора плазмы. А теперь посмотри вверх.

Пустота ответила сдавленным смешком:

– Хочешь сказать, что теперь мы… внизу? И это на нас смотрят камеры, и наши женщины опасны? Пусть так. Но разве этот десяток лачуг сможет воевать с Атлантой?

Неро так же холодно улыбнулся в ответ.

– Тогда зачем? – Удивилась пустота. – Для чего начинать войну, которую не выиграть?!

– Ты уже забыл Хокс?

Корзина раскачивалась все медленнее. Джордан замер перед Неро, настолько неподвижно, что даже силуэт его стал неразличим на фоне квадратных зубцов стены и заходящего за ними солнца.

– Значит так? – Наконец проговорил он. – Вот о чем вы думаете. Третья сила вмешается, как там, и это будет их война – но мы окажемся посередине. Дьявол! Твой отец наверняка думает так же, хочет посмотреть, кто победит. Но он еще не решил.

– Полагает, что может выбрать сторону. – Ответил Неро. – Остаться на той, которая лучше заплатит.

– Он ошибается?

– Нет. Выбор есть всегда. Но есть вещи, за которые невозможно заплатить.

– Не для короля… – Почти прошептал Джордан.

– Я – не он.

– Ты – не король, это верно. Пока еще. – Невидимые пальцы с почти неслышным шорохом прошлись по контейнеру с винтовкой. – Дальность выстрела «Косы» больше семи километров. Королевский Шпиль в шести с половиной.

– Это не для него. – Качнул головой Неро. – Хотя выстрел и правда предстоит трудный. Мне нужна будет калибровка на семь тысяч, или хотя бы на шесть.

– Придется пристрелять ее.

– Наверняка.

– И он будет проверять тебя, уже сегодня.

– Я знаю.

Джордан рассмеялся:

– Мне кажется, будет весело. Я не верю в твои предсказания, и если нам придется умереть – не говори мне, ладно? Хотя, насколько я тебя знаю, ты можешь и не заикнуться о такой

мелочи.

– Может быть. – Согласился Неро. – Но я обещаю, если мы умрем – это будет того стоить.

– Тогда поговорим о деле?

– Поговорим.

I.

Разумеется, стаканов на столике не оказалось. Второй столик был залит чем-то темным, и занят парой грязных чашек, которые, по мнению Мириам, совсем не годились для тоста – ни для победного, ни для поминального. К счастью, ее взгляд вовремя упал на прозрачную этажерку у окна, забитую такими же прозрачными вещами: вазами, тарелочками, стеклянными цветами, похожими на настоящие, между которыми, выразительно поблескивая выпуклыми боками, притаились стаканы на длинных ножках.

Или нечто похожее.

Мириам сняла туфли, оставшись как Би, босиком, и, осторожно ступая по щекочущей зеленой ткани между диванами, прошла к этажерке. Один из стаканов тонко зазвенел, когда она протаскивала его между вазой и стеклянным цветком. Сидящая рядом Суонк отозвалась на этот звук, шмыгнув носом. Мириам взглянула на нее, отметив цвета – страх, стыд, сожаление, жалость, грусть – большой и печальный букет. Потом вернулась к столику, на который Ланье водрузил бочонок, и теперь вворачивал ему в бок небольшой хромированный кран, вроде тех, что Мириам видела в ванной. Осторожно поставив странные стаканы на стеклянную столешницу рядом с бочонком, она критически их осмотрела:

– Кажется, чистые.

– Надо же. – Отозвался Ланье. – Когда же я в последний раз пил из бокалов? Черт, и не вспомнить…

– Предложи ей. – Би, снова усевшись на край дивана, мрачно взглянула в сторону Суонк, и затем добавила, беззвучно. – «Только предупреди, чтобы не болтала.»

– «С детьми столько проблем.» – Хмыкнула Вероника. – «Хоть и не со всеми. Да, Мириам?»

– Дайте мне пять минут. – Улыбнулась та в ответ.

– А, верно. – Проследил Ланье за взглядом Би. – Новую подружку подобрали? Познакомите?

– Только потом не жалуйся. – Ответила Би.

Суонк сидела у окна, рассматривая собственное отражение на

фоне шпилей Атланты и неба за ними, медленно наливающегося красным. Мириам подошла, и уселась на пол рядом с ней, глядя на это отражение – пока их взгляды не встретились. Суонк всхлипнула снова.

– Это кто такой? – Спросила девушка тихо. Ее нос был заложен.

– Друг. – Ответила Мириам. – Зашел в гости.

– При стволах. Тоже Меч, что ли?

– Нет, он сражается за деньги.

– Пушка на продажу. – Грустно хмыкнула Суонк. – И что, сестричка теперь меня выкинет?

– В окно? – Уточнила Мириам. – Наверное нет.

– А… вообще?

– Ты поступила неправильно.

– Глупость упорола. – Суонк повернулась к ней. – Вроде я не понимаю! Принц к ней пришел, по делу, а я… я…

– Разозлилась на него?

– Да он первый начал! Нормально говорили, с рубашкой мне помог, а потом бац – глаза ледяные, и голос, будто ножом режет! За что? Я же… может… спасибо даже не сказала…

– Может, случилось что-то, чего ты не заметила? Он же Меч…

– А еще он парень! Симпатичный! А я такую дуру перед ним сыграла! – Суонк снова всхлипнула. – А потом, еще хуже – перед сестричкой. Он ведь мне послание доверил… а я, как ревнивая сука…

Она беззвучно заплакала, роняя слезы на блестящий пол. Мириам подождала, пока выровняется ее дыхание, и цвета замедлят свое беспорядочное движение, а потом осторожно взяла за плечо – как когда-то, давным-давно, делал ее отец:

– Но сейчас она ничего тебе не сделала… – Мириам снова выждала, пока ее слова дойдут до сознания Суонк, и всхлипывания утихнут. – И Неро – мы еще встретимся с ним. Пусть ты ошиблась, но теперь нужно думать, что делать дальше.

– Встретимся… – Повторила Суонк.

– И в следующий раз тебе нельзя ошибаться. – Внимание Мириам отвлекла новая вспышка на экране, отразившаяся в окне. Все еще держа Суонк за плечо, она быстро глянула туда, чтобы увидеть нечто странно знакомое – зеленое пятно среди желтых песчаных пятен. Нет, долину с маленьким городом на двух холмах, белыми полосками стен, и блестящими – крыш.

Хокс с высоты птичьего полета, такой, каким она видела его давным-давно, во сне.

Вид сверху продержался не более секунды. Еще одной голубой вспышкой мелькнуло небо, которое сразу же сменилось

облаками дыма, с движущимися внутри человеческими фигурками – рейдерами, бегущими к стенам Хокса. Экран смотрел на них сверху, видимо, с одного из домов, и Мириам ощутила болезненный укол страха – воспоминания об этом моменте были все еще слишком живыми.

– Джордан. – сказала Би. – Его съемка.

– Это который прайм? – Ланье, наливающий вино в бокал, прервал свое занятие. – Ходили слухи, что кто-то еще из них там был, но чтобы он…

– На слухах. – Би осторожно сжала бокал, будто боясь сломать. – Мы еще остановимся подробнее…

Хокс мелькнул и пропал с экрана, будто растворившись в огне очередного взрыва, уступив место цирку и Монти, беззвучно открывающему рот в экран. Теперь на шуте был совсем другой наряд, полностью белый, со странными пышными штуковинами вокруг плеч, назначения которых Мириам не могла понять. Шут смеялся, подмигивал, а потом изображение снова сменилось – на экране появилась Би в запыленной майке, идущая через зал отеля, и Суонк, следующая за ней рядом с Мириам. Выглядело это жутковато – будто отражение в зеркале пришло в движение, и принялось показывать ужасные воспоминания. На Мириам накатила знакомая тошнота, когда экран ясно и четко показал ссадины, дыры в одежде, растерянность на ее лице.

К счастью, больше секунды это не продлилось – отель исчез, и откуда-то снова выскочил веселящийся Монти. За ним сияло солнце, из чего Мириам сделала вывод, что и это изображение не более, чем запись, воспоминание, повторенное на картинке.

– Да и вам есть чего рассказать. – Ланье кивнул на экран, и принялся наполнять второй бокал. Би задумчиво кивнула.

– Слушай, а ты ведь права. – Неожиданно прошептала Суонк, о которой Мириам совершенно забыла. – Реветь глупо. Мне так и Ликс как-то сказала, что смысла в этом нет. Всегда лучше прямо сказать, и пойти по прямой – если уверена, что права. А я ведь как дура поступила. Сестричка меня пожалела, подумать дала – а я сижу тут, и воду лью…

Она вдохнула, и решительно встала, взметнув вверх складчатую юбку. Перед Мириам мелькнули ее загорелые ноги, крепкие бедра и аккуратный треугольник светлых волос внизу живота. Мириам прыснула, и попыталась было ухватить ее за руку, но та уже решительно шагала к Би и Ланье, насмешливо поглядывающему в ее сторону.

– «Что там?» – Спросила Би.

– «На ней нет белья.»

– «Кажется, это наименьшая из ее проблем.» – Невозмутимо заметила Вероника.

Суонк остановилась у столика, перед Би, глядя на нее так серьезно, что даже Ланье, наполняющий третий по счету бокал, прервался и завернул кран.

– Накажи меня. – Громко попросила Суонк, и брови наемника взлетели вверх.

– Сейчас? – Так же серьезно спросила Би.

– Да. – Голос Суонк дрогнул. – Лучше… сразу. Я виновата – послание не донесла.

– Ты его уничтожила. – Поправила ее Би, и встала. Ее рост не слишком превышал рост Суонк, но та сразу сжалась, сутулясь, и словно становясь меньше:

– Да.

– Думаешь, мне стоит рассказать об этом Неро?

Взгляд Суонк уперся в пол, губы задрожали:

– Я… лучше из окна прыгну.

– Интересное имя. – Хмыкнул Ланье. – Ты за меня спрячься, девочка, я широкий.

– Знакомо тебе, Нильс? – Спросила Би

– С утра часто его слышу…

– У нас впереди еще целый вечер. Так что не торопись становиться между нами, верно, Суонк?

Мириам подошла к диванчику, и осторожно уселась слева, на широкий подлокотник, рядом с Би. Суонк снова вздохнула, глядя в пол:

– Я же прошу – накажи как хочешь. Только не рассказывай.

– Тогда, может быть, сделаешь это сама?

– Что?

– Завтра, с утра, мы будем в городе. Я напишу ответ Неро, а ты его передашь.

– Я… – Суонк запнулась, затем нервно хихикнула. – Что за наказание такое?

– Подходящее тебе. – Ответила Би. – То, что ты сделала, нужно исправить. Займешься этим?

– Я и правда к нему… пойду?

– Если захочешь. – Би смотрела на нее с плохо скрываемым раздражением. – Или ты предпочла бы, чтобы наш друг отшлепал тебя, как ребенка?

– Чего?! – весело возмутился Ланье. – Познакомьте сначала, а потом, если очень надо, то и отшлепаю. Только не удивляйся, если ей понравится.

– Это что значит? – С подозрением спросила Суонк. – Себя отшлепай сперва, может на девчонок и смотреть не захочешь!

– Тогда мы договорились?

– Ой. Ну да! – Теперь девушка смотрела на Би с едва скрытым восхищением. – А это с утра прямо будет? На заре?

– Утром и узнаем. – Би кивнула в сторону наемника. – Нильс, это наша подопечная, Суонк. Она выпьет с нами вина, совсем не много, а потом отправится спать. Но только сначала переоденется.

– Выпью! – Просияла Суонк, но сразу же нахмурилась, и удивленно оглядела себя с ног до головы. – А что у меня не так, опять что навыворот?

– Твое белье не в порядке. – Медленно и тщательно выговаривая каждое слово проговорила Би, и Мириам услышала хихиканье Вероники.

– Не в порядке… что?

– Белье.

Суонк испуганно вжала голову в плечи, глядя как Би обходит столик, приближаясь к ней:

– Чет я не очень…

Дальше все произошло очень быстро. Би присела, подхватив Суонк под бедра, без малейшего усилия забросила на плечо, и быстрым шагом направилась к двери в ее комнату. Мелькнула белая юбка Би, красная – Суонк, раздался приглушенный писк, хлопнула дверь, и Мириам с Ланье остались одни.

– Кажется, ее таки отшлепают. – Задумчиво проговорил Ланье. – А что приключилось с ее бельем?

– Его не было. – Ответила Мириам, смущенно рассматривая свой бокал на просвет. Вино в нем было красным, и как будто светилось.

– Ааа… – Грустно протянул Ланье, отпил из своего, и собирался было спросить что-то еще, но от входной двери прозвучал тонкий мелодичный сигнал.

Принесли ужин.

II.

Вино было странным.

Его вкус менялся при каждом следующем глотке, оставаясь на языке – виноград, и что-то смутно знакомое, вроде земляники, усиливающееся, даже если не пить больше. По указанию Ланье Мириам заела первый глоток кусочком белого сыра, и вкус будто взорвался, вырос в нечто новое, и достойное отдельного блюда, или даже целого обеда. Наверное, это вино и опьяняло необычно, но голова Мириам оставалась совершенно ясной, позволяя ей отметить легкий румянец, выступивший на щеках Суонк, сразу

отпившей больше половины бокала, и глядящей на еду так, будто кто-то собирался ее отобрать.

Впрочем, посмотреть было на что.

Даже Мириам, умеющая неплохо готовить, не сразу смогла опознать все блюда, разместившиеся на двух столиках с колесиками, доставленных прислугой в белом. Вероятно, Вероника как обычно проголодалась больше, чем Ребекка, потому что таким количеством блюд можно было накормить восьмерых – по крайней мере на первый взгляд. Для Мириам же доставленный ужин стал еще и набором загадок, вызовом всем ее представлениям о нормальной еде:

…Исходящие паром закрученные фестоны, политые сливками, оказались толченым горячим картофелем.

…Желтоватые кусочки, пахнущие чесноком, и отдаленно напоминающие мясо в темном соусе – кукурузой в сладкой карамели.

…Зелень была подана в отдельной тарелке, мелко измельченной с какими-то специями.

…Сыры трех видов – сложены правильными кубиками, и снабжены специальными щипчиками, вроде широкого пинцета.

…Копченое мясо – порезано так тонко, что стало почти прозрачным, и тоже закручено в фестоны с зеленью.

И только жареная курица, возвышавшаяся среди соусниц и разноцветных графинов, оказалась вполне нормальной с виду, чуть не вызвав у Мириам слезы умиления.

За нее и взялись первой.

Ланье, с презрением осмотрев лежавший на столе ножик, достал свой, складной, лезвие которого оказалось шириной в ладонь Мириам, и на удивление аккуратно разделал птицу. Как ни странно, Суонк не накинулась на предложенное ей крылышко немедленно, и Мириам не сразу поняла причину. А поняв – удивилась: та смотрела на Би, копируя ее действия, будто боясь сделать что-то неправильно.

Она точно так же положила себе картофель, пользуясь широкой ложкой, затем взяла зелень специальными широкими шипцами. Би, тоже заметив это, и, видимо, восприняв как должное, указала ей на графин с соком, из которого она наполнила свой стакан, а затем на вилку. С вилкой вышла заминка – Суонк взяла ее, посмотрела на руки Би, и попыталась отрезать кусок мяса ножом, так что лезвие с громким скрипом прошлось по тарелке.

Ланье пожал плечами, и, не мудрствуя лукаво, взял куриную ножку в руку. Мириам не долго думая последовала его примеру.

Некоторое время они ели молча. Свет в комнате мерцал и

переливался – на экране сменялись картинки, показывающие площадь, шута, а потом Мари в черном берете, целующую Мону. Мириам смотрела туда мельком – она слишком сильно проголодалась, почти не замечая вкуса еды. И, только утолив первый голод, обратила внимание на странное сочетание специй, повторяющееся в почти каждом блюде – кислого со сладким.

– Шут, как обычно, шутит и на кухне. – Сказал Ланье, будто прочитав ее мысли. – Забавно тут готовят, да? Нигде больше в Атланте такого не попробуешь. Он говорит, что нашел рецепты в какой-то старой книге, еще довоенной.

– Наверное он знает, о чем говорит. – Ответила Мириам, вытирая руки о влажное полотенце, лежащее на краю столика. Несколькими секундами раньше так поступил Ланье, поскольку Би никак на это не отреагировала, Мириам решила, что это правильно, и потянулась за щипцами, чтобы положить себе зелени.

– Еще вина? – Спросил Ланье.

– Да. – Согласилась Би, и, положив вилку, дотронулась до своего бокала. – Оно и правда похоже на то, что я помню.

– Хочешь сказать, что это подделка?

– Хочу сказать, что в воспоминаниях вкус всегда лучше. Особенно, если они счастливые.

Би задумчиво смотрела, как Ланье наполняет бокалы. Ее взгляд скользнул по Мириам, но та ничего не смогла прочитать в нем – цвета Би двигались, клубясь, будто грозовые тучи, с редкими яркими проблесками.

От них пробирала дрожь.

– Тогда… за воспоминания! – Слишком громко сказал Ланье, видимо, тоже чувствуя сгустившееся над столиком напряжение. – Чтобы о нас было, что вспомнить.

– Чтобы было, кому. – Ответила Би, но пить не стала, согревая бокал в ладонях. Суонк, повторяя ее движения, взяла свой бокал точно так же, с недоумением заглянула в него, а затем выпила залпом.

– Итак, Мигель стал новым Бароном. – Неожиданно сказала Би, и Ланье, выгребая на свою тарелку остатки сладкой кукурузы, кивнул:

– И хорошо взялся за дело, на мой взгляд. Поставил на место торговый совет, оставил военное положение на три месяца, перевешал мародеров и тех рейдеров, что не успели из долины убраться, а кого не повесил – заставил отстраивать дома. Беженцам, тем, кто хотел, даже работу дали – завалы разбирать, и платят за это из денег того же совета… или из займов, я не очень понял, что он там мне объяснял. Доктор все боялся, что начнется

эпидемия, но вроде как обошлось, да и без всяких болезней у него работы куча. Что еще? Девочка, что с тобой была, при Марте живет, в «Индюке.»

– Надо же. – Сказала Би. – Я думала, твоя информация немного свежее.

– Что?

– Таня с Неро, здесь, в Атланте. – Би внимательно смотрела на наемника. – И, на самом деле, именно о нем я бы и хотела услышать. Это имя… многим здесь не дает покоя, верно?

– Верно. – Ланье не спеша отпил из своего бокала. – Если тут и любят болтать о ком-то – так это о нашем бастарде. Самое забавное, что бастардов-то целая куча, но только этот – особенный.

– Прайм, претендующий на трон?

– Он… да в том то и дело, что нет. – Ланье задумался, подбирая слова. – Он слишком… правильный, что ли. Никогда не нарушал своего слова, никогда не бежал из боя, вообще как говорят, никогда не проигрывал. Про него гвардейцам кривого слова сказать нельзя, офицеры Атланты его за пример себе считают. Только заикаться об этом не стоит, люди Короля за такую болтовню сразу на заметку берут.

– Король боится его?

Ланье обвел помещение тоскливым взглядом, но Би покачала головой:

– Здесь нас не слышат. Шут защищает это место, и я тоже. Говори свободно, если, конечно, доверяешь мне.

– Не в доверии дело. – Ланье поднял со стола свой нож, и принялся рассеянно вытирать лезвие полотенцем для рук. – Тут и правда все сложно. Я же сам не из Атланты, все, что знаю – из болтовни в кабаках, да в других местах, повеселее.

– Я в таких местах не бываю. – Ответила Би. – Так что ты просто обязан меня просветить.

Ланье вздохнул, закрывая нож:

– Ну ладно. Неро для Атланты – вроде как символ всего… хорошего, что ли. Их праймов, их воинов – серьезный боец, тактик, генералы на него молились. Говорят, что отряды, которыми он командовал, потерь вообще не несли, вроде как он будущее видит, даже в бою. И не только в бою – к нему купцы ходили, советоваться, и люди посерьезнее, кому решение нужно принять, шли к нему, вроде как к оракулу. А потом Король, которому все это поперек встало, взял да и отослал его из города.

– Сука. – Тихо, но внятно сказала Суонк, заставив Ланье улыбнуться:

– Ясно, из-за кого тут нет прослушки.

– Отправлю спать. – Пригрозила Би, и Суонк зажала рот ладонью, во все глаза глядя на наемника. Экран за ней мигнул, снова демонстрируя, как они с Би входят в отель – ту же самую сцену, один в один, дав Мириам возможность еще раз рассмотреть во всех подробностях свои ссадины и грязь на одежде. Вслед за этим показали незнакомое место – огромное, размером с долину, со склонами, заполненными людьми. И неизвестного Мириам человека, говорящего что-то прямо в экран, всем этим людям – с очень красивой кудрявой бородкой и веселыми карими глазами.

– Последние пару лет Неро в Атланте почти не видели. – Продолжал тем временем Ланье. – Все миссии у него были далеко, в других Крепостях, отдаленных поселениях – переговоры, разведка, или не пойми что. Но только ничего хорошего Король этим не добился – болтать еще больше стали, только теперь уже о том, что он от принца избавиться хочет, потому как тот слишком уж честный, да и башка у него получше королевской варит. Насчет чести, кстати, вопрос и правда интересный – Неро вроде как предлагали пару раз решить проблемку с отцом, по быстрому, но он отказался. Даже заговор какой-то раскрыл, когда военные что-то там замутили…

– Отказался стать Королем? – Переспросила Мириам.

– Так говорят. – уклончиво ответил Ланье, поднеся к губам свой бокал. – Но про него постоянно болтают, наверняка придумали половину.

– И даже сегодня? – Уточнила Би. – Ты обмолвился, что его имя уже звучало. Где?

– Есть у меня коллега, Джой Фуэнтес. – Проговорил Ланье, внимательно наблюдая за реакцией Би. – С неделю назад, в Хоксе, очень просилась с тобой познакомить…

– Джой? – Переспросила Би, и это имя вспыхнуло в памяти Мириам коротким видением: красивые губы со следом от удара, и злые глаза, глядящие на нее сверху вниз. – Наемница, что пришла с Неро?

– Так они вместе были? – Ответил Ланье вопросом на вопрос. – Столкнулся с ней сегодня, когда она надиралась с парой своих ребят в старом районе – есть там одно местечко, куда только наемники и ходят. Она не очень связно говорила, но и по ней было ясно, что взбучку ей задали будь здоров – а это мало кому под силу. Она болтала про Неро, что всю охоту ей испортил, и про то, какая он сволочь. Ну и что досталось ему неслабо от одной девицы, с которой он неведомо от чего решил подраться у самой Атланты. Джой – она обычно спокойная, но когда с катушек слетит, то может учудить. А тут ее просто прорвало.

Думал бар разнесет, но вроде пронесло – вызвал ее кто-то из нанимателей.

– Болтовня. – Би разочарованно откинулась на спинку дивана. – Можешь не продолжать – мне не интересно, что она могла тебе рассказать.

– Зато мне было. – Ухмыльнулся Ланье. – Да и тем, кто вокруг это слушал. Я ей, если честно, вообще сперва не поверил – она ведь и правда странные вещи говорила. Вроде того, что Неро этой девице ногу мечом пропорол, а та лезвие сломала и вытащила. Ну я посмеялся, а потом глянул на экран, где шут вас сюда привез. Уж я следы хорошей драки опознать смогу, а след от удара…

Он кивнул на ногу Би. Когда та садилась, юбка оказалась чуть выше, чем нужно, обнажив шрам на бедре, уже затянувшийся, но хорошо заметный на светлой коже.

– «Ну ясно, куда он смотрел.» – Хихикнула Вероника, но Би пожала плечами:

– Разве это похоже на свежую рану?

– Нет. – Ответила Ланье. – Но это точно совпадает с ее рассказом, да и с тем, что я видел на записи. Одной странностью больше, что с того? Да и ты вроде не скрывала, что знакома с Неро – а иначе смысл о нем расспрашивать?

– И многие еще поверили рассказу этой… Джой?

– Да поверили может и не многие, но ведь чем байка невероятнее – тем быстрее расходится. – Ланье снова потянулся к бочонку. – А это значит, что завтра об этом будет болтать весь город. То, что Король не сделал этой своей передачей – сделала Джой, так что не удивляйся, если на тебя оглядываться будут.

– Как если бы меня это волновало. – Би залпом опустошила свой бокал, и искоса глянула в окно, за которым уже вошел в свои права вечер. Горизонт за башнями затянуло алым, и над ним, свиваясь в непонятные узоры, медленно зажигались бледные электрические огни. С экрана снова смеялся шут, на этот раз – в красном камзоле с золотистым воротником, на фоне стены из трепещущего красного полотна.

– Семь часов. – Заметила Би, снова посмотрев в окно. – Опаздывает. Хорошо, что ты оставил при себе оружие, Ланье.

– Не хожу без стволов. – Осторожно ответил тот.

– Сейчас к нам придет гость. – Пояснила Би. – Мы с Мириам выйдем к нему, а тебя я попрошу посмотреть по сторонам – на случай, если он появится не один. Эту… девицу я оставлю под твоей защитой – если что-то случится, вытаскивай ее из номера.

– Понял. – Ланье расстегнул обе кобуры подмышками, вытащил один игольник, проверил, и положил перед собой на столик, между тарелками. Потом приподнял бочонок, и

встряхнул:

– Слушай, а мы ведь даже треть не выпили.

– Это не надолго. – Ответила Би, а Мириам, по ее примеру глянув в окно, заметила движение цвета, вверху, и чуть в стороне, там, где по ее предположению должна была располагаться крыша отеля. На этот раз она опознала их сразу.

– «Джордан!»

– «Надо же, прошел мимо камер отеля.» – Отозвалась Вероника, а Би молча встала, свела руки за спиной и потянулась, так что хрустнули суставы.

– Не делай ничего, о чем потом пожалеешь. – Посоветовала она Суонк, и та испуганно кивнула.

– Он что, по воздуху прилетит? – Спросил Ланье, осторожно берясь за игольник. – А я уже надеялся, что мы просто поужинаем, как приличные люди.

– Разве такие выигрывают войны? – Спросила Би, широко распахивая дверь на балкон. В комнату ворвался вечерний ветер, пахнущий совсем не так, как в пустыне – человеческим жильем, разогретым за день пластиком и металлом.

– Нет, ни разу. – Ухмыльнулся Ланье, и подмигнул Суонк. – Они, вообще-то, в них не вступают.

III.

Вечер осыпался на город, будто алый мелок, раскрошившийся в пальцах небесного божества.

Ступив на балкон, Мириам словно впервые увидела, как свет уходящего солнца меняет очертания зданий – становятся глубже тени, алеют блики на окнах и металлических бордюрах эстакад, а редкие облака, отсвечивая розовым, нанизываются на острые шпили, покрывающиеся золотом. Атланта, которую она видела утром, исчезла, уступив место этому городу-призраку, полному медленно разгорающихся огней, темных провалов между крышами и резких силуэтов, выступающих на фоне неба.

А еще его наполнял шум, не проникавший через толстые стекла отеля: свист двигателей множества каров далеко внизу, музыка, доносящаяся с нескольких сторон, а где-то совсем далеко – тяжелый но легко узнаваемый ропот человеческих голосов, большой голос толпы. Уже подойдя к перилам, Мириам увидела его источник – место, полное ярких белых лучей, бьющих прямо в закатное небо. Сцена, на которую готовилась выйти Мари, далекая, и одновременно совсем близкая, видимая через экран, оставшийся в комнате отеля. Лучи перемещались, то скрещиваясь, то расходясь веером на полнеба – и терялись на

фоне титанической сетчатой фигуры, прорастающей над ними из самого сердца города, гигантского синего цветка, невидимого для обычных глаз. Мириам не могла оценить его размеры – он не был соотносим с домами, и хайвеями, над которым стоял, будто существуя в своем, отдельном пространстве. Но она чувствовала его части, каждую пульсирующую струну, соединяющую его с городом. Цветок медленно поворачивался, составляющие его нити и узлы наливались светом, но пустота в центре ощущалась, как боль в сердце.

Что-то рождалось там, вдалеке, и для этого не хватало одной единственной детали.

Джордан, не подозревая о происходящем у него за спиной, ожидал их, сидя на перилах, точно мальчишка, примостившийся на заборе – как если бы мальчишки могли становиться невидимыми. Силуэт оставался едва различим, но цвета выдавали его расположение ярче сигнальных огней: волнение, сомнение, раздумья о чем-то сложном, требующем массу сил.

Би просто подошла, и остановилась перед ним. В ее цветах скорбь сменилась решительностью, и гневом, снова заставив Мириам удивляться – целая пропасть отделяла эту девушку от той, которая обнимала ее утром, утешая. Всего несколько часов, и целая бездна чувств.

– За нами наблюдают. – Сказала Би. Это не было вопросом, но Джордан едва заметно кивнул.

– Здесь двойная защита. – Продолжала она. – Шум на всех возможных частотах. И никого рядом. Наш разговор слышим только мы. Так и останется – разве что ты сам захочешь его записать.

– Я пришел, чтобы отдать это. – Перед Би повисла матовая черная капсула, застыв на невидимой ладони. – Данные по орбитальному лифту, и по осевой станции – наблюдения, схемы, чертежи. Все, что у нас есть.

– «Не так и много». – Прокомментировала Вероника его слова. Возможно, она сразу заглянула в капсулу. На мгновение оторвавшись от созерцания гигантского цветка, Мириам тоже сделала это, увидев миниатюрный набор светящихся схем, лежащих поверх такой же светящейся сети, составляющей доспех невидимки. Сам Джордан предстал перед ней как рисунок электрических каналов. Похожий на костяк, лишенный кожи, оплетенный светящимися венами, бегущими вдоль позвоночника, и соединяющимися у основания черепа, чтобы уйти вверх, к сетчатой звезде неправильной форме, лежащей под сводом черепа – прайм-линку. Цвета горели поверх этой сети, и внутри, смешиваясь, отвечая вспышкам в узлах, образуя с ней единое

целое, человека-машину.

Такую же, как и Би в прошлом?

Сеть Джордана казалась детским рисунком по сравнению с тем, что пульсировало сейчас внутри Би – несоизмеримо более сложная конструкция с тысячами мелких узелков, повторяющих очертания тела, и соединяющихся с толстыми невидимыми нитями информационных потоков, опутывающих город. Мириам понимала, что и она сама выглядит также, внутри нее, поддерживая чувства, мысли, само биение сердца, работает такая же сеть. Но видеть было совсем не то же самое, что понимать, и это внезапно напугало ее – свидетельства нечеловеческого вмешательства в их тела, до сих пор принимавшиеся ей как должное, и внезапно ставшие зримыми.

До капсулы Би так и не дотронулась:

– Вы предоставили мне селективный доступ к вашим базам данных. Этой информации там нет. Почему?

Джордан легко спрыгнул с перил:

– Этот уровень доступа будет у тебя только завтра… официально. Сейчас король еще не принял решение.

– Но его принял ты?

– Бери ее. – Нетерпеливо попросил Джордан. – У меня мало времени. У тебя тоже. Если ты получишь эти данные через двадцать четыре часа, времени на их обработку может не хватить.

– Верно. – Би накрыла капсулу ладонью. – И тебя это волнует сильнее, чем короля.

По невидимой руке под ее пальцами будто пробежала волна едва видимых синеватых искр. Джордан дернулся, но Би крепко сжала его запястье.

– Что ты делаешь? – С деланным спокойствием спросил он. – Я же уже сказал, что за нами наблюдают.

– Задаю вопросы. – Ответила Би. – И чем быстрее ты ответишь на них, тем быстрее сможешь уйти.

Искры вспыхнули еще раз, резко очертив призрачный силуэт перед ней.

– Если выдашь меня, я больше не смогу помогать тебе. – Сказал Джордан.

– Перестанешь загадывать загадки? Я переживу.

– Я никогда не был тебе врагом, Ребекка Ли.

– Но так и не стал другом.

Вдалеке, над театром, вспыхнули разноцветные прожектора. Белое зарево рванулось вверх – видимо, свет отразился от конструкций вокруг сцены и парящего над ней шара, удерживающего экраны. Невидимый цветок никак не прореагировал на это – он жил своей жизнью, и его конструкция с

каждой секундой становилась все ярче, все плотнее. Мириам начинала ощущать его запах: грозы и молний, электрических разрядов, повисших в воздухе, готовых обрушиться на землю. Голоса толпы вдалеке стали громче, а затем разом замолчали, и Джордан едва слышно вздохнул:

– Ваш цирк начинает представление, которое я тоже хотел бы посмотреть. Но я здесь, в нарушение всех своих приказов, и инструкций. Через полчаса мне предстоит отчитаться перед Королем, и ни словом не упомянуть о том, что конструкции вокруг сцены – маскировка для мощнейшего передатчика, нацеленного в сектор Атланты А. И после этого ты все еще не уверена в том, что я твой друг?

– Мириам? – Би отпустила руку Джордана, забрав капсулу, и Мириам подошла чуть ближе:

– Он и правда не расскажет. Но только…

– Да?

– Он и нам говорит не все.

– И я это знаю. – Би прошла мимо Джордана, и встала у перил. – Но если ты друг – то я просто спрошу у тебя, как у друга, а Мириам не даст соврать…

– А если я попытаюсь – то она заставит меня говорить правду? – Вкрадчиво спросил Джордан. – Что же такого я знаю, что тебе так не терпится услышать?

– То, что знают только Короли… и ты? – Голос Би дрогнул, выдавая ее напряжение. – Кто продал оружие Акулам, напавшим на Чикаго… разрушившим мой дом?

Джордан задумался. Сияние в небе над невидимой сценой медленно таяло, пропуская сквозь себя узкие нити прожекторов, пересекающихся в частую решетку – видимо, так начиналось представление. Пустота внутри невидимого цветка будто вздохнула, и Мириам ощутила присутствие Мари, далеко, на самой грани восприятия: ее сосредоточенную решимость, разбавленную помехой, будто от неудобных туфель, мешающих ходить.

– Итак? – Нетерпеливо спросила Би.

– Хочешь мстить дальше? – Вопросом на вопрос ответил Джордан. – Все, кто напал на Чикаго – мертвы, и я слышал, что многих из них убила ты. Разве этого не…

– Достаточно будет, когда я решу! – Би почти не повысила голос, но в нем так явственно прозвучала вспыхнувшая в ней ярость, что Джордан мгновенно замолчал, а Мириам отступила, на секунду испугавшись. – А сейчас я хочу знать – кто это сделал?! В вашей базе, к которой я подключилась днем, был твой

отчет о Чикаго, и его, видимо, забыли почистить от комментариев короля. Вы обсуждали там чертову тактику противостояния Небу! И ты обмолвился…

– Тогда мы не знали точно, и я мог только предполагать…

– Я прочла это!

– Да, но ты не знаешь, что мы получили доказательство, их коммуникатор – Неро снял его с тела Ихана.

– Неро прикончил старого шакала?

– Он бы достал и Феникс, но ему помешали – не без участия твоей девочки. Когда Рука приближалась к Хоксу, мы тоже пытались вести с ними переговоры, втереться в доверие, снабжая разведданными – но быстро поняли, что неизвестному союзнику, снабжающему их оружием, они доверяют больше. Саймон вызвался помочь нам – в конце концов это его город оказывался под ударом. Но появилась ты, и разрушила его план, который и так не был хорош.

– Неудачный план?! – Вспыхнула Би. – Ваш чертов Барон собирался продавать детей рейдерам!

– А у нас не было выбора! – Выдохнул Джордан в ответ – еле различимый силуэт перед девушкой в коротком белом платье. – Небо уже десять лет ищет способ нас уничтожить!

– Что? – Недоверчиво переспросила Би. – Зачем им искать – достаточно перекрыть вам каналы поставок…

– Раньше – возможно этого бы хватило. Но сейчас у нас больше десятка новых заводов, и мы сможем продержаться без поддержки Неба достаточно долго – десять лет, может быть, двадцать. А вот они без наших ресурсов…

– Этого я не знала. – Признала Би. – Значит, единственный выход для них…

– …стереть нас с лица Земли, пока мы сами не предъявили им ультиматум. – Снова закончил за нее Джордан. – Разрушить заводы, города и долины. А потом отстраивать их заново, потому что там, наверху, им нечего будет есть, и нечем ремонтировать их летающие города!

Би молча взялась за перила. Цветок, парящий над городом, пульсировал в такт с электронными искрами, танцующими в ее теле.

– Значит, они убьют нас? – Спросила Мириам. – Всех, кто внизу? Просто, чтобы сохранить власть?

– Вернут все, как было после войны, сто лет назад. – Ответила Би, но Джордан возразил:

– Они не хотят повторения Глобального Конфликта. Помнишь вспышки мора на ярмарках в приграничных городах – каждый раз другая болезнь? Помнишь случаи потери джетов на границе с

Эргом? Затем были робкие попытки прощупать почву здесь и в других городах – купить детей у работорговцев, намеки на образовательную программу на Небе – которые быстро прекратились. Затем были слухи о Руке, бандах, истребляющих друг-друга при помощи ракетометов, купленных у побережья. Затем – Чикаго. Там они показали, ясно и недвусмысленно, что продавать оружие можно кому угодно. Как мало можем мы им противопоставить на самом деле…

– Но небо так и не предъявило своих условий?

– О нет. Они продолжают лицемерно улыбаться нам с экранов, болтать о дружбе – и платят наемникам у нас за спиной. Спроси своего друга, который сидит там, в комнате, не получал ли он еще предложения от них?

Мириам обернулась, чтобы взглянуть на Ланье – и обнаружила его внимательно слушающим Суонк, увлеченно рассказывающую о чем-то. В цветах наемника медленно разгоралось удивление.

– Но им нужна не капитуляция Крепостей. – Задумчиво проговорила Би. Пульсация в ее теле становилась все сильнее, и Мириам чувствовала, что точно так же незримый цветок влияет на нее саму, наполняясь силой с каждой секундой. Вдалеке, на площади, Мари наконец заняла отведенное ей место, начав обратный отсчет.

– Что?

– Их цели важнее, чем обеспечение заводов сырьем. Ты не заметил, что в головоломке слишком много лишних деталей – их десанты, похищения детей? Подавить Крепости можно было значительно проще.

– Возможно. – Согласился Джордан. – Но мы ничего не знаем об их целях. Все, что я вижу – последствия их действий.

– Я замечаю чуть больше.

– Ты говоришь, как… – Джордан прервался, будто укусив себя за язык, но Би закончила за него:

– Как Неро? Не сомневайся, в следующий раз я спрошу у тебя и о нем. А сейчас… мне кажется, ты торопился к Королю?

Джордан рассмеялся тихим шелестящим смехом.

– На этот раз ты оставляешь мне загадку? Думаю, что сумею разгадать ее к завтрашнему дню. Возможно, мы увидимся на приеме.

– Буду ждать с нетерпением. – Би протянула ему руку, ладонью вниз. – Ты гораздо лучший собеседник, когда говоришь прямо.

После некоторого колебания Джордан дотронулся до ее пальцев, и поклонился – по крайней мере именно так увидела

Мириам начало его движения. Затем его силуэт внезапно утратил прозрачность, выступил из воздуха темным контуром. Маска лопнула, высвобождая бледное лицо, непослушные темные волосы, и прайм, склонившись еще ниже, поцеловал руку Би.

И снова исчез, скрывшись под невидимой маской – осталась лишь тень, искажение воздуха, мелькнувшее над перилами балкона и растворившееся в городских огнях.

Би с удивлением смотрела на свою руку.

– «Почему он это сделал?» – Спросила Мириам безмолвно. Биение обратного отсчета нарастало внутри нее, и она боялась, что на обычные слова времени может не хватить.

– «Потому что она протянула ее для поцелуя?» – Ответила Вероника.

– «Дурацкий рефлекс.» – Сказала Би. – «Все эти обеды, приглашения, разговоры о врагах и предательстве – о, как это любил мой муж. Он наслаждался – мир картелей полон заговоров и войн, ведущихся при помощи денег и острых языков. Я помогала ему, как умела, и, говорят, у меня хорошо получалось. О, как же я теперь все это ненавижу!»

– «Войны начинаются с болтовни, но заканчиваются кровью.» – Отозвалась Вероника. – «А твоя ненависть – всего лишь другая сторона нашей любви, такая же дурацкая, как твои рефлексы.»

– «Любви?»

– «Именно.» – Подтвердила Вероника. – «Ты можешь загадывать загадки, бежать от ответов, и ненавидеть все, что тебе заблагорассудится – но я буду драться за всех, кого люблю!»

Би, помедлив, кивнула – именно так истолковала Мириам короткий знак подтверждения, упавший в сеть, объединившую их сознания. Гигантский цветок над городом медленно раскрывался, и, прежде чем обратный отсчет подошел к нулю, она еще раз увидела Мари.

Одетая как юноша, в комбинезон, приталенный будто гвардейская форма, та вышла на сцену, ставшую центром невидимого цветка. Рассмеялась – легким, хрустальным, совершенно чужим смехом.

И мир рухнул.

Интермедия II.

Большой человек поставил на стол человеческую голову, увенчанную золотым ободом.

Обод отражал свет, переливался, но Таня сосредоточилась на руке здоровяка: предплечье, напоминающее свиной окорок,

нависло над столом, а толстые пальцы, унизанные блестящими кольцами, легли на черное стекло перед девочкой.

– И как тебя зовут? – Прозвучал голос, низкий и рокочущий. Таня искоса глянула назад, надеясь увидеть девушку, присматривающую за домом Неро, а затем переключилась на созерцание головы, изготовленной, похоже, из лакированного дерева.

Смотреть выше, на источник голоса, совсем не хотелось.

– Ее имя Таня. – Сказала Джой, стоя за спиной большого человека. Наемница сменила черные доспехи на столь же мрачный, но красивый костюм, однако злые глаза и ссадины от ударов Неро на лице по-прежнему портили ее внешность.

– Надо же. – Отозвался низкий голос. – Я знал одну Таню. Она была красоткой, чертовски вздорной. Любила военных, водилась с офицерами, но всякий раз приходила с новым, никак не могла выбрать своего мужчину. Говорили, что какому-то солдатику такие привычки стали поперек горла, и он изуродовал ее – вот потеря.

– А она нашла нужного человека? – Спросила Таня. Большой человек, похоже, не ожидал, что она заговорит, и хрюкнул от удивления:

– Это имеет значение?

– Конечно, если такой была ее цель. – Девочка подняла глаза, и встретилась взглядом с толстяком. – Нужно добиваться своего, даже если изуродуют, или убьют близких людей.

– Это Неро тебе сказал? – Осведомился тот. Удивление в его глазах сменилось весельем. – Он мастер использовать слова, как оружие. И людей, вместо щитов.

– А она нет? – Таня посмотрела на Джой. Подбородок девочки дрожал от страха, но она расправила плечи, стараясь держать спину ровнее, и глубоко вдохнула, прежде чем продолжить:

– Она закрылась мной от Неро. Но он все равно ее побил.

Наемница выпрямилась, и взглянула на нее сверху вниз, но с места не сдвинулась. Большой человек снова хрюкнул:

– Значит, плохой из тебя щит.

Он тяжело опустился в низкое кресло из гнутых железных прутьев, с другой стороны стола. Таня услышала, как металл заскрипел под его весом.

– Я в гостях, так что представлюсь, пожалуй. Зови меня Грегори. Или дядя Грег, если захочешь.

– Это будет невежливо, ведь вы мне не родня. Я бы предложила вам воды с дороги – но я не хозяйка в этом доме.

– Стать здесь хозяйкой мечтает добрая половина незамужних девиц в городе. И две трети замужних! – Расхохотался великан.

Девочка молча пожала плечами в ответ, и его смех медленно стих, на тяжелой низкой ноте:

– Всегда интересно было, как выглядят маленькие праймы.

– Никогда таких не видела. – Ответила Таня. – Но думаю, что небольшой меч тоже может быть острым.

– Как твой язык? – Человек, назвавший себя Грегори, подался вперед, так что стул под ним заскрипел снова. – Ты же умница, неужели веришь в сказки? Знаешь, сколько детей умерло под ножом в подвалах Корпуса? Не таких, как ты – постарше, но тоже упрямых как черти. А сколько еще ребят свихнулись, когда железкам, вставленным им в голову, пришлись не по нраву находящиеся там мозги?!

Таня ответила не сразу. В толстяке, сидевшем перед ней, было что-то неприятное, скрывающееся за его смехом, за вспышками показного гнева – будто этот человек просто играл с ней, думая о другом. Джой, стоящая за его плечом, вела себя как подчиненная, и это делало его равным Неро – по крайней мере в этом. Еще двое, которых Таня заметила чуть раньше через прозрачные двери, ожидали во дворе, рядом с широкой черной машиной. Все они определенно не собирались нападать на дом – но не были и друзьями.

– Если мне суждено умереть от ножа – то так и будет. – Подумав, сказала Таня. – Бог уже решил это, я уверена.

– Думаешь, тебя ждет иная судьба?

– Он все равно сделает выбор. Я погибну или стану Мечом короля.

Грегори ничего не сказал в ответ. В его водянистых голубых глазах всплыло недоумение, он глянул на Джой, ища поддержки, но наемница отвернулась к прозрачным дверям, беседуя по переговорнику со своими людьми снаружи. В зал бесшумно вошла девушка, следящая за домом, и поставила на стеклянный стол поднос с двумя высокими стаканами, наполненными рубиновой жидкостью. Ни Грегори, ни Таня не двинулись с места, чтобы взять их.

– Почему ты так хочешь выполнять приказы? – Снова заговорил большой человек, когда девушка удалилась. – Я никогда не понимал этого в праймах. Если у тебя достаточно своих мозгов – зачем слушать тех, кто глупее тебя? Может ты знаешь, малышка – чем короли так пугают праймов?

Таня улыбнулась в ответ. Вопрос заставил вспомнить Ребекку – немногие дни, когда она могла наблюдать за ней, пусть и исподтишка. Та никогда не улыбалась, но когда говорила, каждое слово ударяло точно в собеседника, туда, куда нужно.

Улыбка получилась неуверенной, потому что губы все еще

дрожали:

– Если бы не было Мечей, которых короли боятся – разве вы пришли бы сюда, в этот дом?

– Опасные слова. – Толстяк нахмурился. – Ты либо смелее, чем кажешься, либо глупее…

– Есть и третий вариант. – Таня чуть не подпрыгнула на месте, когда над ее плечом прозвучал знакомый голос. Неро появился в прихожей будто из ниоткуда – видимо, зайдя через другой вход. Судя по ошарашенному выражению, мелькнувшему на лице Грегори, тот тоже не заметил его приближения. Джой стремительно обернулась, пряча руку за спиной, и застыла.

– Возможно, моя гостья говорит то, что вы хотите услышать. – Продолжил Неро, расшнуровывая горловину плаща, сверху донизу покрытого желтой дорожной пылью.

– Тогда с нее хватит. Может, ей пойти поиграть в куклы? – Предложил толстяк. Неро качнул головой. Плащ упал на пол, и прайм нагнулся вперед, опираясь на спинку дивана рядом с Таней. От него пахло железом и горячим песком.

– У вас своя леди, как и у меня. – Сказал он. – У обеих найдутся причины присутствовать, не так ли?

– Значит, пусть слушают?

– Если нам есть, о чем говорить, мастер Блант. Я слышал, ваши дела в последнее время идут все лучше – цены на шелк растут, и вы хорошо использовали колебания цен на кукурузную муку, забив свои склады. Теперь ваши контракты на ее поставку выгоднее всех, и, похоже, скоро вся Атланта будет есть ваш хлеб.

– Много кто ест с моих рук. – Согласился толстяк, и Таня уловила в его голосе нотки злости. – Но я пришел к тебе не за советом.

– Значит, с предложением? – Неро словно впервые увидел деревянную голову, стоящую посреди стола. – Хотите открыть ювелирную фабрику? Это опасно – ваше украшение слишком похоже на корону короля Атланты. Ее могут счесть фальшивкой.

– Золото везде одинаковое! – Еще злее возразил Блант. – Поддельная корона – это та, что одета на неправильную башку!

– Вроде вашей, или моей? – Неро неприятно улыбнулся.

– Такой, которая склоняется перед кем попало. – Толстяк откинулся на спинку стула. – Но ведь шею и разогнуть можно.

– Или перерубить.

– Как скажешь, в этом ты – мастер. Но эта корона все равно куда солиднее той, второй.

– Потому что та склонилась слишком низко? – Предположил Неро, и снова улыбнулся, на этот раз Джой, снова занявшей свою позицию за плечом у Грегори. – Перед кем же, просветите меня?

– Перед небом! – Будто выплюнул Блант. – Вроде и сам не знаешь! Нам давно и нахрен не сдались подачки, гримасы да советы, что сыплются на нас сверху. Без их запретов у меня было бы уже с два десятка фабрик за стеной, и мы бы не торговали кукурузой, а клепали там танки и джеты – большие, не чета тем, которыми так гордится твой Корпус! Небо душит нас, а корона склоняется все ниже – потому что таков порядок, и нарушить его, почему-то, нет никакой возможности!

Толстяк с трудом перевел дух, схватил стоящий на столе стакан, и залпом выпил алую жидкость. Неро задумчиво кивнул, и Блант продолжил:

– Только некоторые люди думают, что варианты есть. Они считают, что под короной должна быть голова помоложе, с мозгами, в которые не въелись запреты. Такая, что сможет пойти против неба, и наплевать на приказы. Найдись человек, способный на такое – отыщутся для него и деньги, и люди, и машины. Все, что ему нужно будет – слово сказать, пока не совсем поздно. А то такое место пустым не бывает – его может и кто другой занять, пусть не такой подходящий, но зато куда более сговорчивый!

Дыхание Бланта снова сбилось, и Неро участливо кивнул:

– Как любопытно. Я всегда был уверен, что Грегори Блант – один из крупнейших держателей контрактов с Небом. На шести из девяти ваших фабрик работают их машины, собранные специально для вас, и я уже не говорю о прямых поставках продуктов наверх. Ваша сопровождающая тоже известна тем, что заключает прямые контракты с небесными. И все это – маскировка? Так вы скрываете ваши истинные намерения?

Несколько секунд глаза толстяка изучали лицо Неро. Наконец он буркнул:

– Любые средства хороши.

– Согласен. Предположим, что такой человек нашелся. Чтобы встать против неба, ему понадобится прежде всего поддержка военных – офицеров, генералитета, простых солдат, возможно праймов. Затем нужно будет взять под контроль связь – чтобы управлять мнением людей в Атланте, за ее пределами, контролировать распространение новостей и слухов. И только после этого он станет говорить с магнатами, решая их будущее, заключая новые контракты – при условии, что не начнется война. И вот в чем вопрос – сможете ли вы хоть в чем-то отказать человеку, в чьих руках уже сосредоточена военная власть, и власть над информацией? Есть ли у вас хоть что-то, чего он не сможет взять сам… возможно силой?

Блант потянул вниз завязки на воротнике, как если бы тот

внезапно стал ему тесен. Лицо налилось кровью, губы приоткрылись, будто магнат собирался заговорить – но до Тани не донеслось ни звука. Девочка озадаченно взглянула на Неро, который наблюдал за своим собеседником, холодно и сосредоточенно, без тени эмоций, видимо, отслеживая его реакцию. Черты прайма заострились, и она наконец вспомнила, где видела такое же выражение на его лице: совсем недавно, в пустыне, во время боя с Ребеккой.

– Итак? – Прервал затянувшееся молчание Неро. – Что вы можете предложить?

– Золотой код. – Медленно проговорил Блант.

Неро улыбнулся. Улыбка была недоброй, напугав Таню гораздо больше, чем это удалось незваным гостям:

– Вы не первый, кто упоминает о золотом коде в моем доме.

– Меня опередили? Кто? – Как показалось Тане, Бланта интересовал не столько ответ на вопрос, сколько реакция Неро. Прайм и магнат смотрели друг на друга, будто их словесный поединок грозил вот-вот перерасти в настоящий бой. Джой тоже подобралась, отведя полы пиджака в стороны и положив руки на широкий кожаный пояс.

– Вопрос скорее в том, что с ним случилось. – Ответил Неро.

– И что же?

– Я отрубил ему голову. Здесь, в этом холле. – Прайм снова улыбнулся и прыгнул. Таня не увидела его движения целиком. Видимо, он перемахнул через диван, оказавшись слева от столика. Блант, попытавшись встать, сразу рухнул обратно. Джой присела, выдернув из-за спины пару игольников – но Неро просто стоял рядом с магнатом, опустив руку ему на плечо, как старому другу.

– Даже предположение о том, что золотой код может очутиться в чужих руках – предательство. – Спокойно продолжал прайм. – Я вынужден был сообщить об этом королю, а он отдал прямой приказ. А я не могу ослушаться приказа.

– Все когда-то случается впервые. – Предположил Блант. Кровь отлила от его лица, губы приобрели серый оттенок.

– Конечно. – Согласился Неро. – Вы – уважаемый человек. Возможно, вы ошиблись, формулируя свою мысль, и это может заставить меня задуматься, задержать отправку отчета.

– И на сколько же?

Неро поднял глаза к потолку:

– Скажем на одну минуту. Если вы покинете мой дом до того, как я сообщу королю о вашей измене, возможно, он примет не столь радикальное решение. Подумав, он нередко меняет свое мнение.

Блант наклонился вперед, опираясь о стол, так что многочисленные кольца на его руках со скрипом прошлись по стеклу:

– Это и есть твой ответ? Служить, несмотря ни на что? Как пес?

– Лучше любого пса. Пятьдесят секунд.

– Ты способен на большее, принц.

– Например, на предательство? Сорок секунд.

– Пусть так. – Блант тяжело встал. Он был почти на голову выше Неро, и, наверное, вдвое тяжелее, но почему-то совсем не выглядел внушительно рядом с праймом. Наверное, от страха, решила Таня. Толстяк был напуган, и это чувствовалось во всем – в наклоне его головы, дрожи больших рук, неуверенных шагах. Джой бросила короткую фразу в переговорник, и подхватила магната под локоть, разворачивая к дверям.

– Мы оба запомним этот разговор. – Наемница уже тащила Бланта к выходу, но тот обернулся. – Но ты вспомнишь о нем раньше – когда твой отец предаст тебя!

– Вы забыли корону. – Неро вежливо указал на деревянную голову, все еще стоящую на столе.

– Считай ее подарком! – Тяжело выдохнул магнат. Джой выволокла его за прозрачные двери, и, несмотря на разницу в габаритах, буквально запихнула в черный кар. Неро смотрел им вслед с непонятным выражением, к которому Таня уже почти привыкла – прайм будто бы вглядывался во что-то, видимое только ему, далеко, на горизонте, закрытом домами и изгибом бетонной трассы.

На девочку он снова обратил внимание только тогда, когда она начала слегка подпрыгивать от распирающего ее желания заговорить.

– Твои вопросы не ждут? – Улыбнулся он, на этот раз обычной, усталой улыбкой. – Ты не забыла поесть?

– А кто это был? Ты бы отрубил ему голову? И что такое золотой код?

– Информация имеет разную ценность. – Прервал ее прайм. – Вопросы, которые важнее других, нужно задавать первыми. Что показалось тебе самым важным?

– Золотой код… наверное.

– Почему?

– Из-за него ты хотел убить.

– Верно. Золотой код – это ключ к управлению армией Атланты, всеми ее электронными системами. Его используют при передаче власти, или когда действующий монарх умирает. Тот, кто владеет золотым кодом, может отдавать прямые приказы

кому угодно в Атланте.

– Даже королю?

– Пожалуй нет. – Улыбка прайма стала чуть шире. – Хозяин золотого кода и есть король – по крайней мере так было раньше. Украсть его невозможно.

– Значит, Грегори солгал?

– Думаешь, только в этом? – Вопросом на вопрос ответил прайм, и Таня задумалась на секунду:

– Нет. Ему как будто не важно было, что сказать – он слушал только твои слова.

– И какой вывод можно из этого сделать?

– Я не знаю. А ты расскажешь о нем королю?

– Отчет ушел сразу же, как только я увидел, что у нас гости.

– И король прикажет его убить?

– Нет. Король не отзовется. – Прайм не стал продолжать, испытующе глядя на девочку, и та неуверенно продолжила:

– Потому что история про ключ – это неправда? И он уже знает, что Грегори говорил тебе? Но если он догадывался об этом заранее, то почему позволил Грегори прийти, и обманывать тебя?

– Я один из тех, кто и правда может использовать золотой код – в этом Блант не солгал.

– Но тогда получается, что король хотел узнать, что ты ответишь Грегори? И если бы ты не прогнал его…

– Король часто испытывает своих слуг. – Мягко прервал ее Неро. – Ты поняла верно. И, пожалуй, на сегодня с тебя хватит. Я распоряжусь, чтобы нам подали ужин, а ты пока пойди наверх и умойся. Это и мне не повредит.

– Но зачем король…

– Иди. – Голос прайма прозвучал все так же тихо, но на этот раз в нем была твердость – будто металл, обернутый мягкой тканью. Таня почувствовала это очень хорошо – как еще одну черту, объединяющую Неро и Ребекку. Слова, скрывающие сталь.

Девочка коротко поклонилась, и, сохраняя достоинство, быстрым шагом направилась к лестнице. Неро не смотрел ей вслед – он разглядывал деревянную голову, оставленную на столе, и размышлял. Таня скрылась наверху, ее шаги затихли – и тогда по его лицу пронеслась тень.

Прайм стремительно шагнул вперед и ударил по короне с такой силой, что золотой обруч врезался в стену, а осколки облицовки черными брызгами рассыпались по блестящему полу.

Глава VII

I.

Первым, что снова ощутила Мириам, стало чувство полета.

Настолько стремительного, что цифры, отражающие скорость, казались невозможными, в пространстве таком огромном, что в голове с трудом размещалась лишь ничтожная его часть. Кофейная плитка под ногами, земля под зданием отеля, и сама Атланта провалились куда-то вниз, превратившись в ничтожно маленькую точку на гигантском шаре, прикрытом тончайшей пленкой тепла, несущемся в пустом и невероятно холодном пространстве.

То, о чем она слышала, но так и не смогла представить, даже рассматривая записи в планшете – движение Земли вокруг Солнца, тридцать километров в секунду, каждое мгновение ее жизни.

Цветок раскрылся, поглотив весь мир, так что планета оказалась у него внутри, среди сверкающих линий и плоскостей, и Мириам смотрела на нее со стороны, одновременно ощущая себя все там же, на балконе, чувствуя теплый ветер и прикосновение последних лучей заходящего солнца у себя на щеке. И тут же видела солнце снаружи, как кипящий огненный шар, взрыв, сжатый собственной силой притяжения. Смотрела на него не моргая, одновременно считывая с окружающих плоскостей почти непонятные ей данные – скорость вращения, полета, напряжение магнитных полей.

Здесь не было покоя – только движение. То, что казалось незыблемым и вечным с земли – спокойствие луны, величие звезд в ночном небе – обратилось к Мириам другой стороной, обликом, полным невообразимых расстояний, огромных температур и чудовищных скоростей. Электронное пространство этого места вмещало их всех – или, как мгновенно поняла Мириам, их образы, снабженные ярлыками, отпечатывающимися в сознании.

Но его центром оставалась Земля. Отсюда она вовсе не выглядела таким холодным игрушечным шаром, как на картинках – ее цвет был намного теплее, синий с желтым, или, скорее, оранжевым. Мириам попыталась рассмотреть ее подробнее, приблизить, но вокруг нее тут же вспыхнули тысячи мелких искорок, тоже снабженных подписями, и движущихся – мириад каруселей, запущенных одновременно. Их становилось все больше с каждой секундой – нет, время здесь шло иначе, распадаясь на ничтожно мелкие единицы, названий которых на человеческом языке Мириам даже не знала.

Искорки продолжали вспыхивать, заполняя пространство вокруг Земли – теперь уже сотни тысяч, вертящихся в пустоте, будто механические колеса, пока окружающее пространство снова

не изменилось, исказившись, так что земной шар прыгнул к Мириам, увеличиваясь в размерах.

– Стальной пояс. – Слова пришли издалека, вереница знаков, указывающих на источник среди летящих в пустоте ярлыков. – Тысячи спутников, вышедших из строя, обломки носителей и боевых кораблей, разрушенных в Последнем Конфликте. На то, чтобы создать в нем безопасные зоны для осевых станций, ушло почти сорок лет.

– Он опасен? – Спросила Би, и только тогда Мириам осознала ее присутствие рядом. И не только ее. Пространство вокруг планеты, лишенное размеров в человеческом понимании этого слова, заполняли движущиеся электронные плоскости, на которых располагались человеческие фигуры.

Или по крайней мере напоминающие человеческие.

Би выглядела так же, как в воспоминаниях Мириам об их первой встрече с Иштар – ее черные волосы поглощали звездный свет, а мундир и многоугольник под ногами отливали кристально-белым. Алый отсвет слева оказался Вероникой, облаченной в красный доспех прайма, напомнивший Мириам о Бароне Хокса. Ее рыжие волосы развевались, будто от сильного ветра, облаком окружая голову.

– Смертельно. – Отозвался источник, и Мириам увидела его воплощение чуть в стороне, над планетой – незнакомого молодого человека со сверкающими механическими крыльями за спиной, совсем как у «Серафов». – В Последнем Конфликте земляне все-таки успели нанести несколько ударов. Они использовали баллистические снаряды, выбросившие на основные орбиты миллионы стальных шариков весом чуть более двадцати грамм. Эти рои за считанные часы уничтожили большинство боевых орбитальных станций и вывели из строя почти всю технику, находящуюся в поясе. Орбита стала необитаема, большинство жилых станций было отбуксированы на безопасные дистанции, а последствия остались на долгие годы. Не располагая лоцией, перемещаться в поясе невозможно, большинство орбит все еще слишком опасно.

– Мертвые города тоже стоят до сих пор. – Сказала Вероника. – Пустые.

– Я знаю.

– Мы здесь не для того, чтобы обсуждать прошлое. – Вмешался еще один источник, и Мириам сразу узнала Мари. Ее волосы отливали серебром, а странный костюм, состоящий из курточки и коротких шорт, подчеркивал стройные ноги. – В опасности наше будущее. Нам нужен план атаки…

Фигура в алом плаще, проступившая на черном

прямоугольнике рядом с ней, молча кивнула – или по крайней мере именно так истолковала Мириам короткое сообщение о согласии. Лица у нее не было, но не узнать Риордана в любом случае было невозможно.

– С кем мы говорим? – Прервала ее Би. – Передача ведется из комплекса, в котором держат Сломанную Маску. Там есть союзники?

Желтоватый шар Земли повернулся и приблизился, реагируя на ее вопрос, так что пространство вокруг Мириам заполнилось тысячами стремительно перемещающихся объектов, а затем в поле зрения ярко вспыхнул один из них – семиконечная звезда, похожая на снежинку, с несколькими кольцами в центре, вращающимися вокруг центрального стрежня.

– Наши братья и сестры. – Сказала Мона, медноволосый силуэт в длинном белом платье. Шлейф Книги над ней переливался и дрожал, превратившись в мозаику разноцветных ярлычков, обозначающих хранилища данных. – Те, кого они забрали.

– Передачу ведет ребенок?

– Мне шестнадцать. – Отозвался крылатый юноша. – Разве твоя невидимая спутница старше?

Мириам недоуменно глянула на Би, затем на Веронику в поисках невидимой спутницы. Потом взглянула вниз, на себя – и не увидела ничего, кроме неуверенно мерцающего многоугольника, на котором должны были бы располагаться ее ноги. У нее не оказалось облика? Лишь место, снабженное указывающим ярлыком?

Хотя нет, ярлыки появлялись у всех, кто находился в этом странном пространстве – стоило лишь потянуться особым образом, как они выбрасывали ворох информации: имена и десятки записей, собранных в аккуратные папки, разложенные по порядку. Впрочем, у Вероники, до которой Мириам тут же дотронулась, эти записи просто не открывались, отзываясь на ее попытки равнодушным молчанием – будто двери, запертые изнутри. Подумав, Мириам снова прикоснулась к собственному ярлыку, раскрывая его, и разыскивая любое упоминание о собственном образе.

И неожиданно оказалась там, внутри, в еще одном пространстве, перед зеркалом, глубоким, точно вода в колодце. Только в этом зеркале не было ее отражения, но, едва взглянув, Мириам поняла, чего оно ждет.

Прикосновения.

И одним решительным движением обозначила в пустоте собственные черты – такими, как она их помнила: нос с

горбинкой, полные губы, хрупкие ключицы и майка с глубоким вырезом, подчеркивающая маленькую грудь… впрочем, через мгновение та стала чуть больше. Мириам усмехнулась про себя, глядя, как складывается образ, из правды, и немного из выдумки, фантазий, в которых она видела себя немного другой – выше, женственнее, сильнее. Усилие, которое она использовала при его создании, напоминало о рисовании, и в то же время о сновидениях, в которых ты видишь себя в незнакомом месте, меняющемся с каждым твоим шагом или переменой настроения. Так и та Мириам, которую она создавала в зеркале, менялась с каждой секундой – текли черные волосы, удлиняясь и складываясь в высокую прическу, грудь становилась чуть выше, бедра чуть более округлыми, а майка…

Ей ведь вовсе не обязательно было одеваться так, как на самом деле?

Словно сами собой, легли на объемный рисунок линии длинного платья, узкого, разрезанного сбоку и обнимающего ее талию, словно бутон цветка. Похожего на то, в котором ей снилась Би – но немного иного, с чуть более тонкими шлейками, и рядами фальшивых застежек, как на блузке Суонк, бегущих от выреза на спине. Черный цвет залил пространство между линиями, мгновенно обретая плотность, словно самая настоящая ткань, а по ней, снизу вверх, через бедро и живот к груди побежал золотой рисунок – невиданный цветок, оплетенный листьями. Черные волосы сами собой собрались в хвост, и, чтобы подчеркнуть их блеск, Мириам сделала золотым удерживающее их кольцо. Мягкие туфли совсем не подходили под платье, и их пришлось убрать. Почему-то образ совсем не выглядел странно, в платье и босиком, но внизу все же не хватало чего-то, и Мириам украсила тонкие загорелые лодыжки парой золотых браслетов.

Время рядом с образом текло еще медленнее, чем раньше, и, когда она наконец вытолкнула рисунок из себя, позволяя ему занять свое место, еще никто не успел ответить крылатому юноше, а далеко внизу, на Земле, ее сердце не ударило даже один раз.

Образ вспыхнул, меняя цвет многоугольника под ногами на белый. Рядом неслышно усмехнулась Вероника:

– Вот какая ты на самом деле? Золотое на черном?

Взглянув на нее, Мириам тут же поняла, что перестаралась – по сравнению с образами всех остальных, изображениями, видимо взятыми из жизни, ее собственный получился чересчур ярким и четким.

Следующее сообщение донесло улыбку Моны.

– Теперь меня видно? – Спросила Мириам у крылатого юноши.

– Да. – С легким опозданием пришел ответ.

– Я и правда не старше. А сколько вас там, всего?

– Триста семь. – Ответил тот. – Но большинство младше четырнадцати лет.

– На станции есть шаттлы? – Спросила Би. – Или что там еще используется для того, чтобы ее покинуть?

– Есть доки для шаттлов и гондол. Для перелетов между станциями шаттлы не нужны, но они прибывают с осевой станции, чтобы доставить новых братьев и сестер.

Рядом со снежинкой стремительно развернулась другая схема – решетчатая звезда, опоясанная пятью плоскими кольцами, нанизанными на тонкую спицу, проходящую через центр, и заканчивающуюся плоской, как у гриба, шляпкой. Из центра звезды, между вращающимися кольцами, в разные стороны

торчали тонкие решетчатые фермы, делающие ее похожей на пустынную колючку.

– Когда шаттл прибывает с Земли, его всегда швартуют на осевой – там расположено оборудование для дезактивации. Еще, конечно, есть военные доки, но в них мы никогда не были. С нее грузы развозятся гондолами по кластеру Атланта.

– Вы были на осевой станции? – Уточнила Би. – У вас есть ее внутренний план? Расписание движения этих… гондол?

– Мы отдаем все вам. – Отозвался юноша. – В этой передаче. Мы готовились к вашему прибытию.

– И как мы сможем покинуть станцию?

– Наверное, вы сможете занять шаттл, и привести его на «Эвридику», как делают военные.

– А в шаттл поместятся триста семь детей?

Мириам показалось, что юноша растерялся – по крайней мере его следующий вопрос опять задержался на тысячную долю мгновения:

– Разве вы не собираетесь спасти только Ее сына?

Теперь замешкалась Би – но скорее от злости:

– Черта с два! Он такой же, как и все! Сколько вас там есть – все вы пойдете домой вместе со мной!

– Я слушаю, Ребекка Ли. – Мириам показалось, что глубоко за крылатым образом мелькнул цвет – восхищение. Но его тут же скрыла другая вспышка, совсем рядом – будто желтая звезда зажглась над схемами и земным шаром, заставив всю электронную вселенную вздрогнуть.

– Нарушитель! – Выкрикнула Мари, и между звездами проступили, смыкаясь, желтые плоскости, пересекая и ограничивая нечто живое, движущееся прямо к центру станции, похожей на снежинку.

– Он мой! – Вероника сорвалась с места, выбросив в стороны десятки острых граней, превращаясь в подобие карнавальной шутихи, сплетенной из стекла и электрического огня, колючую алую звезду, ударившую сквозь свод и желтые защитные грани навстречу чему-то ярко-белому…

Брызнули осколки цвета крови и вселенная содрогнулась. Свод лопнул, защита трескалась и растворялась в падении, белый свет стал слепяще-ярким – а затем алые грани рассекли его, пробивая сверкающее ядро насквозь, точно лезвия мечей, пригвождая к гигантскому многоугольнику, раскрывшемуся внизу, ближе к поверхности планеты.

Удар заставил задрожать изображение звезд и парящих станций. А затем свет сжался, будто взрыв, проигранный с конца к началу – острые плоскости и слепящие лучи стремительно

поглощались двумя ядрами, человеческими образами, стоящими друг перед другом: Вероника и незнакомка в белом комбинезоне странного покроя, с длинными светлыми волосами.

– Кто ты? – Спросила Вероника. Под ними медленно проплывали пустыни, и завитки огромных облаков, будто в странном сне.

Девушка перед ней медленно опустилась на колени.

– Меня зовут Джессика. Я вам не враг.

– Так ты ворвалась сюда, как друг? – Усмехнулась Вероника. – Твои чертовы тайминги великолепны. Кто ты такая?

– У меня есть то, что вам нужно – коды доступа к управлению транспортными системами осевой станции, коды безопасности лифта, лоция траекторий кластера Атланта. Я смогу провести вас к «Эвридике», и вывести, когда вы захотите.

– И чего ты хочешь взамен? – Спросила Би.

Девушка не пошевелилась, но у Мириам возникло четкое ощущение ее взгляда, присутствия рядом и цветов, пробивающихся издалека, заполняющих этот мир с такой нечеловеческой силой, что даже Вероника на мгновение отступила.

– Пожалуйста, спасите Неро.

– От чего? – Спросила Би.

– Об этом я буду говорить только с ней. – Джессика указала на Мари. – Не с вами двумя.

– Что? – Возмутилась Вероника, но ее остановил короткий жест Риордана:

– «Передача нестабильна. Возможно, мы скомпрометированы.»

Прямоугольник под Джессикой вздрогнул, покрываясь сверкающими алыми трещинами. Пространство пронзила тонкая дрожь, и юноша с крыльями механического ангела исчез во вспышке света.

– Решайтесь. – Сказала Джессика. – Да или нет?

– Значит, Неро? – Спросила Мари. – Бледный принц?

А затем сделала что-то, от чего передача прервалась, и вся вселенная, несущаяся в пустоте, рассыпалась на мириады острых осколков.

II.

– Так молотком по ним. – Суонк подняла перед собой вилку, будто воображаемую кувалду. – Если с крыльев все железо снять, то становится видно, где к раме движок крепится. Вставляешь туда лом, да и лупишь. В четыре удара вылетает один такой

костыль, всего их восемь. Движки конечно по размеру слегка разные, а вот дырки почему-то всегда одинаково на рамах сделаны.

Ланье озадаченно поднес бокал к лицу. Мириам показалось, что он хотел по своему обыкновению потереть шрам, но забыл, что у него заняты руки. Блики от вечерних огней легли на стекло окна, будто звезды, запутавшиеся в бороде у наемника.

– Это потому, что двигатели всех каров делают по одному плану. – Неуверенно предположил он.

С такого расстояния, и учитывая толщину преграды, Мириам не могла расслышать слов – но тем не менее отлично их разбирала. Цветок передатчика медленно угасал у нее за спиной, складываясь, возвращаясь в состояние готовности. Внутри у него ярким маяком мерцал огонек Мари.

– Нужно вернуться к столу, и закончить наш разговор. – С заметным напряжением в голосе произнесла Би. – Объяснения у наших союзников потребуем позже.

– Думаешь, они что-то скрывают? – Спросила Мириам. – Мари была удивлена, когда появилась эта… Джессика.

– «Возможно, этого она и хотела – заставить нас не доверять друг другу.» – Предположила Вероника. – «Ее данные нуждаются в проверке – если она не солгала.»

– Нет. – Все так же сосредоточенно проговорила Би. – Они уже передают нам пакеты кодов и карт. Нам придется потратить часть ночи, чтобы в них разобраться.

– «Ничего. Ты же помнишь – мне не нужно спать.»

Ребекка задумчиво кивнула в ответ. Босиком, в развевающемся белом платье, она совсем не походила на воительницу, способную взять штурмом небесный город. Мириам не нужно было вглядываться в ее цвета, чтобы понять, как далеко та сейчас на самом деле, какое количество событий, мест, цифр проносится сквозь нее в данный момент. Данных, означающих жизнь или смерть.

– Идите, а мне нужно подумать. – Сказала Мириам неожиданно для себя самой, и пульсирующая паутина информационных каналов вокруг Би дрогнула:

– Все в порядке?

– Да. Я сейчас подойду.

Несколько секунд Би смотрела на нее, затем отвернулась. Мириам прислонилась к перилам, оказавшись лицом к лицу с медленно засыпающим городом.

– Двигатели вообще так переставлять проще. Например, если в машинке был движок на вот столько… – Суонк у нее за спиной, в комнате, развела руки на четверть метра. – А потом поставить

вот столько…

– Это мотор с грузового кара, с такой-то катушкой. – Ответил Ланье, и вопросительно посмотрел на Би, заходящую с балкона.

– Так я пока говорю про то, как поставить. А дальше там хитрость есть. Внизу, там, где движок на раму лепится, у него провода наружу выходят. Если дырку от проводов аккуратненько так ломиком расширить, то можно внутрь залезть, и выдрать оттуда такую штуковину, ну, знаешь, вот с палец размером. Только те проводки, что к ней идут, не обрывать, а так оставить, чтобы висела на них. А уж потом…

Город мерцал, огоньками каров и электронным светом, а мысль, беспокоящая Мириам, медленно обретала форму. Точнее, облекалась в слова, которые слишком долго не находились.

– Что тебя гложет? – Беззвучно спросила Вероника. Ее силуэт медленно проступил над перилами, рядом – девушка с красными волосами, беспечно свесившая ноги вниз, в пустоту.

– Я чувствую себя бесполезной. – Коротко ответила Мириам.

– Что?

– Не умею думать, как вы – цифрами и словами. Я придумываю картины, сразу целиком, и уходит время, чтобы рассказать о них. Из-за этого кажется, что я долго размышляю над всякой ерундой. Только сейчас поняла, что наверное, кажусь глупой всем вокруг. И… это ведь правда, я столько всего не знаю! То, что я услышала там, наверху, про станции, и детей – я же почти ничего не поняла. Даже теперь, когда записи Джино в моей голове – они просто лежат там, пока я их не прочитаю, как мертвый груз. Точно книжки, которые погрузили на лошадку!

Вероника прыснула, затем рассмеялась вслух, и этот звук почему-то успокаивающе подействовал на Мириам. Рыжий фантом мигнул, внезапно оказавшись рядом с ней, и неощутимо дотронулся до ее руки:

– Пойдем пройдемся.

Би заговорила с Ланье, усаживаясь за стол, но Мириам не услышала ее слов – потому что сверкающий город прыгнул ей навстречу.

И сразу оказался вокруг, внизу, и по сторонам. Она смотрела на переплетение мостов у площади Основания, расцвеченное бегущими огнями сотен каров. Цирк оставался справа, полыхая громадным костром, а титанические статуи вырастали из тьмы, и нависали над ним, освещенные его светом лишь наполовину. Вниз, из-под ног убегала вертикальная стена, расчерченная яркими пятнами – видимо, окнами. Она очутилась на крыше?

Вероника хмыкнула рядом, и город снова прыгнул. В глаза

ударило оранжевое свечение, смешанное с белым. Теперь площадка под ними округло выгибалась и уходила вниз, к гигантскому сверкающему полотну, расположенному под углом. Сквозь сияние Мириам с трудом смогла разглядеть на нем человеческое лицо – Мари, ее полураскрытые губы. За экраном, удерживаемым черными стропами, проступали очертания титанических плеч, и огромного каменного шлема – и она поняла, что стоит на одной из статуй, над площадью.

Или вернее только смотрит оттуда. Как и в момент передачи, она чувствовала, что ее тело осталось на балконе, в безопасности, и время для него течет совершенно иначе.

– Это все камеры. – Сказала Вероника. Сейчас она уже не была туманным силуэтом. Ее образ казался излишне резким, будто вырезанным ножом на невидимом стекле – стройная фигурка в черном, с гривой алых волос. Она почти не походила на Би, разве что чертами лица, будто сестра – но казалась ниже, и моложе, не старше самой Мириам.

– Камеры здесь везде. На домах, боевых шпилях, над площадками джетов. Целая система, созданная для того, чтобы управлять орудийными комплексами, и войсками – даже если стены падут. И все это завязано в одном месте. Как думаешь, в каком?

– У короля, наверное?

– Правильно. Из своего шпиля, не самого высокого, кстати, он видит все, что происходит в городе. Если хочет, конечно. Мы использовали доступ Шута, чтобы подключиться к системе камер, а потом я немного расширила его, используя свои… возможности. Когда я еще смогу так попутешествовать?

– И ты можешь управлять пушками?

– Нет, туда меня к сожалению не допустили. – Развела руками Вероника. – Или к счастью? Все, что касается отдачи приказов в этом городе, защищено очень хорошо, гораздо более серьезными кодами и протоколами. Их придется добывать иначе – если они нам понадобятся.

– Чтобы драться с королем?

– Я не исключаю такой возможности. Мне не нравится союзник, который не хочет говорить напрямую. Вместо того, чтобы согласовывать план атаки, мы участвуем в представлениях, и собираемся идти на званый вечер. Ребекка считает, что это приемлемо – но не я…

Ее волосы вспыхнули алым, видимо, выдавая ее чувства – а затем девушки снова переместились.

На этот раз Мириам сориентировалась в новом месте без труда, по все тем же огромным статуям. Теперь они возвышались

высоко вверху, а перед ней, на десятки метров вниз и в стороны разбегались сотни белых сидений, заполненных людьми. Да и не только сидений – люди стояли в проходах, глядя на сцену, укрытую красным пологом, и нависающую над передними рядами. Мари, чье лицо все так же светилось с экрана, теперь казавшегося окном в черном небе, выглядела с такого расстояния маленькой фигуркой.

– Это и есть ее сила? – Спросила Вероника, устроившись на парапете, на самом верху амфитеатра. – Что она показывает этим людям?

– Историю. Придуманные места и события.

– И зачем?

– Чтобы все могли пережить их вместе с ней. Поделиться ими.

– Я не о том. Почему она делает это здесь?

– Кажется, она хочет соблазнить короля. – Мириам задумалась. – Нет, я уверена, что она собирается это сделать. И шут ей помогает.

– Вот как. – Хмыкнула Вероника. – Значит, такое у них оружие?

– Совсем нет. Просто они не созданы для войны. Как и мой Талант. Поэтому они кажутся нам такими странными, будто явились из другого мира.

– Все равно, то, что умеешь ты, мне нравится больше. Когда Ребекка дотронулась до Джордана, мы получили доступ к его закрытой сети. Те гвардейцы, что сопровождали тебя в поисках Арго, отчитывались перед ним. Они не считают тебя бесполезной.

– Правда?

– Они затребовали поддержку. Предполагают, что не смогут остановить тебя, если ты решишь выйти из-под наблюдения. По их словам, ты ворвалась в охраняемый частный клуб, неизвестным образом отследила перемещения Арго, взломала электронные замки, обесточив системы безопасности на несколько секунд, а затем вырубила охрану. Сделала что-то с их сознанием. Это не та сила, что у Мари, или я ошибаюсь?

– Нет, это мой талант. Она показала мне, как можно использовать его, но я не ожидала…

– Гвардейцы считают, что ты очень опасна. И знаешь, что? Я тоже так считаю.

Амфитеатр перед ними погас, исчезнув в мгновение ока – и в наступившей темноте взметнулась вверх ослепительно белая колонна, заключенная в сетку прожекторных лучей, будто повисшая между ними. Колонна возвышалась посреди ярко освещенного поля из бетонных плит, и вокруг нее, изломанные игрой теней, застыли скелеты кранов, с ящиками и

контейнерами, зажатыми в механических захватах. Сияние города едва различалось в этом месте, и, только разглядев узкий луч, бьющий из верха колонны, Мириам поняла, что это за место.

– Орбитальный лифт. – Ответила Вероника на не заданный ей вопрос. – Полтора километра, ближе камер нет. Нам придется пройти через это поле, и очень скоро.

– И ты думаешь, что я…

– Помню, как вы встретились с Ребеккой. У меня есть доступ к ее памяти, пусть и не полный. Ты сказала, что можешь помогать ей – управлять каром, стирать, готовить. Неужели ты все еще уверена, что можешь помочь только этим?!

Мириам не ответила, ошарашенная ее вопросом, и Вероника продолжала:

– В ее памяти нет одного – твоих сомнений. Ребекка всегда чувствовала рядом твое плечо, ощущала человека, который стоит на земле гораздо тверже, чем она сама. Даже то, что случилось сегодня утром, не сломило тебя. Помнишь наш разговор? Ты сказала, что готова измениться. Эти слова опоздали. На самом деле ты давно уже не та девочка, которую мы встретили на краю пустыни!

Мириам не ответила, глядя на колонну лифта, нанизанную на сверкающую струну. Слова Вероники очень точно выразили ее мысль, ударили в ту точку, которую она сама никак не могла нащупать. Малейшая попытка подумать об этом вызывала обвал воспоминаний и чувств: Хокс, дети, Джино, Арго, битва на площади, Сломанная Маска, и собственная смерть. Все это было теперь внутри нее, неотъемлемой частью, и превращало ее в совершенно нового человека.

Как сказал когда-то Арго – чтобы выковать железо, по нему бьют.

– И кто же я теперь? – Спросила она, и Вероника рассмеялась в ответ:

– Та, о ком сплетничают в Хоксе. Рисунки, сделанные твоей рукой, висят в сотнях домов. Ради тебя величайший гладиатор Атланты без сомнений пошел на смерть. А когда ты во время передачи на небо нарисовала свой портрет, даже у их оператора на доли секунды замедлились тайминги…

– Последнего, насчет таймингов, я не поняла.

– У тебя получился очень привлекательный образ. Необычайно детальный. У мальчишки, видимо, просто отлила кровь от мозга.

– И что это значит?

– Ладно, забудь. – Хихикнула Вероника. – Но в остальном точно виновата ты.

– Да, это правда. А еще я убивала. Рейдеров, но знаешь, огни, которые горят внутри, у всех одинаковые. И это совсем не то, чего я на самом деле хочу.

– Как бы все не повернулось – нам придется драться, Мириам. Небесные просто так не отдадут нам детей, и нашего милого эспера.

– Пусть так. Но, может быть, если я буду с вами, то умрет не так много людей.

– Ты добрая. – Вероника оказалась рядом, и Мириам впервые увидела ее глаза – невероятного, ярко-зеленого цвета. – Но все же – ты воин, пусть и думаешь не так, как я.

– Нет, дело вовсе не в этом. – Мириам поспешно подбирала слова, пытаясь построить из них нечто связное, и сожалела о том, что не может нарисовать свою мысль. – Воин думает о том, как разрушить. Я же все время хочу что-то создать. Дома для детей, которых мы вернем – им же понадобятся дома? И те, кто будет о них заботиться, их семьи? Их нужно будет найти. И поговорить со всеми. И мой собственный дом, ведь мне тоже нужно будет где-то жить. А если все здесь узнают об Иштар, то что-то наверняка переменится. Ведь тогда никому больше не нужно будет умирать от ран, или болезней, и она сможет создать растения, которые прорастут в пустыне, и…

– Она будет дождем. – Неожиданно продолжила Вероника. – Который изменит все. Он сам нам сказал. Вопрос лишь в том, будет ли в этом изменившемся мире место для таких, как я, или Ребекка.

– Или как я. Мне бы так хотелось, чтобы в этом мире я могла заниматься тем, что мне нравится, и это было хоть кому-нибудь нужно.

– Чем же?

– Я уже говорила тебе, и Ребекке. – Призналась Мириам. – Я хочу рисовать. Все, что вижу, и то, о чем только мечтаю. Хочу заниматься этим всю жизнь. Когда-то, до первой войны, люди рисовали, писали книги, играли спектакли, вроде того, что показывает Мари. Так они находили ключи к человеческим сердцам. Я прочитала об этом в записях Джино, совсем чуть-чуть. Но глупо мечтать об этом, правда? Сейчас, когда нужно только строить, собирать урожаи, и убивать.

– Вовсе не глупо. – Тихо ответила Вероника, и картина вокруг снова изменилась. Световая сетка вокруг орбитального лифта сменилась сумраком, едва разгоняемым точечными красными лампами. Небо сжалось до прямоугольного колодца над головой, наполненного бледными звездами. Мерцая, как алый факел, Вероника прошла вперед, и дотронулась до чего-то большого. В

полумраке вспыхнули контуры, будто очерченные невидимой кистью.

Она стояла перед джетом – чуть больше грузового кара, с острыми, загнутыми вперед крыльями, хищным, будто ястреб, задремавший в гнезде.

– Я летала на таком только в симуляторах. – Мечтательно произнесла Вероника. – Чикаго не давали технологию джетов. А я только и думаю, что о небе.

– Ты мечтаешь летать?

– Да. А Ребекка не понимает. Не знает, что такое – наслаждаться каждым моментом жизни, вдохом, глотком воды. У меня ведь даже нет собственного тела. Если кто бесполезен – то это я… глупая болтунья. Но и у меня есть мечта, видишь, Мириам? Пусть это будет нашим секретом.

– Твоя не кажется мне глупой.

– А мне – твоя. Я тоже хочу жить в мире, где есть место твоему таланту, и воинам не нужно убивать. – Она усмехнулась, зеленые глаза задорно блеснули. – Но, чтобы заполучить этот мир, нам придется пройти через многое – сходить на прием к королю, и заглянуть в гости на небо за парой детишек. И… ты же идешь с нами?

– Конечно. – Кивнула Мириам. – Я же теперь и правда умею не только готовить.

– Это только начало. – Улыбка Вероники стала еще хитрее. – Могу поспорить, ты не знала, что в программной оболочке Иштар можно рисовать?

III.

В этот раз она чувствовала, что засыпает.

Переход не был неожиданным. Ее тело проваливалось вниз, теряя очертания, растворяясь в вечерней прохладе, пока она не утратила его совсем. Не в силах больше сказать, где заканчивается она сама, и начинаются сложные программы, обитающие теперь у нее в голове, ей оставалось только смотреть. Холст для рисования, который она вызвала чуть раньше, уплыл в сторону, вместе с целым рядом рисунков, оставляя чувство незавершенности. На его месте словно открылась дверь, сияющий столб, скрывающий движение, уже ставшее знакомым. Мириам прикоснулась к нему – и вспомнила, как уже делала это раньше, много раз, каждый раз забывая то, что скрывается под стремительно меняющейся поверхностью.

Это был канал, который наполняла вовсе не вода. И находился он не снаружи, а внутри нее самой, доступный – и в то

же время скрытый ее собственной памятью. Достаточно было только дотронуться, в любое время дня или ночи, чтобы прозрачная сила, текущая внутри, остановила время, изменяя пространство вокруг.

Наполняя его бесконечными конструкциями, теперь напоминающими миллионы одновременно сталкивающихся джетов. Пересечение прозрачных плоскостей, образов и форм. Абсолютный хаос, тем не менее подчиненный сложнейшему порядку. Снова, как и в прошлый раз, это место вызвало у нее улыбку, создавшую отклик в окружающем пространстве, будто притормозив его на секунду.

– «Я вернулась.» – Сказала она, чувствуя, как давление этого места вымывает боль и волнение, накопившиеся за этот невероятно длинный день.

– «Ты не уходила.» – Ответил голос, который вовсе не был голосом.

– «Наверное.» – Согласилась Мириам. – «Я же не могу уйти от себя, верно?»

– «Многие человеческие существа всю жизнь пытаются это сделать.»

– «И заставляют других, да? Я хотела поблагодарить тебя – за предупреждение утром, и за Талант. Это же твой подарок? Прости, что использовала его так.»

– «Тот, кого ты убила, тоже владел Талантом. И был моим ребенком, как и ты. Вам не нужны мои дары, чтобы делать это друг с другом. Все, что я могу вам дать – это возможность меняться, и менять других.»

– «Как мое прикосновение?»

Застывшие плоскости вокруг Мириам двинулись быстрее, объединяясь в конструкцию, напоминающую размерами планету, которую она видела во время передачи. Другие конструкции пронизывали ее, создавая впечатление бесконечно огромного механизма.

– «Прикосновение – лишь инструмент твоего Таланта. Возможность создавать гармонию там, где ее не было. Все остальное – только его следствия, и не более.»

– «Значит, я все еще пользуюсь им неправильно?»

– «Он твой. И тебе решать, как его использовать.»

– «Ах, ну да, ты же хочешь, чтобы мы все решали сами, да? И это значит, что ты не вмешаешься, даже если с неба упадут бомбы?»

– «Это мог бы сделать мой сын – но его нет рядом. Его сны, там, вдалеке, становятся все короче.» – Голос оборвался, и Мириам вдруг увидела, как среди окружающего ее движения

проступает гигантский лоскут пустоты, содержащий в себе часть картины, увиденной ей днем – космические станции, парящие высоко над земной поверхностью. Одна из них едва заметно мерцала, будто готовясь взорваться. Пустота открылась, на ничтожное мгновение, будто для того, чтобы заменить слова – а затем снова пропала.

– «Ребекка знает, что нужно торопиться. А ты можешь видеть его сны?»

– «Да. Как и всех моих детей – хотя они и отличаются от моих.»

– «Тебе тоже что-то снится? Но ты же не спишь?»

– «У меня все иначе. Движение у меня внутри содержит события, которые только происходят, или могут произойти в будущем. В своих снах я вижу всех моих детей, и то, что с ними будет.»

– «Я бы хотела на это взглянуть.»

– «Попробуй.»

Конструкции снова расступились, пропуская Мириам вперед, в маленькую комнату, повисшую среди движущихся плоскостей и призрачных громад. У комнаты не было одной стены, из-за чего она напоминала открытую шкатулку, лежащую на боку, или домик для кукол – потому что внутри стояла маленькая кровать, изящный округлый шкаф, а на стене висело плоское зеркало. Внутри, на двуспальной кровати, занимающей ее почти наполовину, что-то двигалось. Мириам пригляделась, и комната прыгнула навстречу – как если бы она сама вошла в нее, присев на простыни цвета молока.

Среди оранжевых одеял, собранных в подобие уютного гнездышка, устроились Мари и Мона. Закутанные в пушистые белые полотенца, видимо, только что из душа. Мона сидела, наклонив голову, спиной к подруге, а Мари аккуратно и размеренно расчесывала ее медные локоны. В этом простом действии было что-то настолько интимное, что Мириам мгновенно охватило смятение – тут же унесенное движением, наполняющим пространство вокруг видения. Осталось только отстраненное любопытство наблюдателя, увидавшего нечто, вовсе не предназначенное для чужих глаз.

– Ты устала. – Сонно проговорила Мона.

– Поэтому я отдыхаю. – Мягко ответила Мари. – Ты больше не боишься?

– Нет… почти. Этот лживый город заставил меня грустить. Но радость в глазах людей была настоящей, правда же?

– Да. Хотя мне и жаль Шекспира.

– Может быть, стоило выбрать «Макбета»? Я была бы твоей

Леди…

– Я думала об этом, но нельзя – там убивают короля.

– Двух. – Мона закинула голову назад, на плечо Мари. – Но как можно не думать об убийстве в этом городе, где за каждой стеной скрыт танк, а с вершин домов смотрят пушки? Сегодня, когда я встретила Мириам на площади, она плакала – это место и ее наполнило своей горечью.

– Наверняка не так, как нас. Она иначе смотрит на вещи. Иногда я чувствую, насколько мы похожи – а затем вижу, насколько разные. Она пугает меня даже больше, чем ее подруга…

– Потому что в ней ты видишь себя? Потерянной в детстве – но так и не нашедшей свою настоящую семью? Наверное поэтому меня к ней тянет. Может быть, даже слишком…

Мари устало улыбнулась, выпустив гребень, и наклонила голову, так что их виски соприкоснулись. Мона издала низкий мурлыкающий звук, такой знакомый, что Мириам наверняка вздрогнула бы, происходи все это на самом деле.

– Расскажешь мне сказку на ночь? – Тихо попросила Мона. – Я все еще дрожу.

– Какую из них?

– О будущем.

Мари мягко прижала ее к себе, отбросила рыжий локон, целуя мочку уха, и заговорила – тихим убаюкивающим шепотом:

– Это будет самый прекрасный спектакль из всех. В величайшем из театров, когда-либо построенных людьми, цирке, вмещающем сотни тысяч, и видимом даже с небес. Посреди сверкающего города, больше тех, о которых мы слышали из легенд…

Стены комнатки внезапно пришли в движение, раздвигаясь, исчезая в невозможной дали. Слова Мари перекраивали окружающее пространство, высекая в нем картину невероятного города – огромного, намного больше Атланты, с башнями, устремленными к небесам. Вверху, среди тысяч движущихся огней горели титанические экраны, каждый размером с дом – с которых вниз смотрело лицо Моны.

Как и днем, на сцене, Мириам понимала, что на самом деле комната никуда не делась, и даже могла при желании рассмотреть ее. Но талант Мари продолжал действовать, добавляя в прекрасное видение все новые детали, и Мона восхищенно вздохнула. Лицо на экране казалось немного старше, и прическа была другой, но это делало его еще прекраснее. Пространство снова сократилось, один из экранов приблизился, заполнив все вокруг – и теперь они стояли рядом, на сцене. Мари

в доспехах, блестящих, будто отполированная сталь, и Мона в странном пышном платье. За ними оранжевым огнем горела крепость, тоже огромная, не похожая ни на что, знакомое Мириам, а впереди простирались бесконечные ряды сидений, заполненных людьми. Они бежали ровно, рассекаемые проходами на равные доли, а затем поднимались вверх, образуя подобие кратера. Ближайшие к сцене склоны тонули в ярком свете, идущем изнутри, скрывающем расположенные в них ниши.

Мари медленно поклонилась своей партнерше, и кратер взорвался ревом аплодисментов.

– На небе, и на земле будут следить за каждым твоим движением. Наша слава затмит все, что было прежде, и величайшие из королей будут смотреть за нашей игрой, затаив дыхание.

Рев усилился, и Мириам заметила, что по одному из боковых проходов кто-то идет. Свет, льющийся прямо в глаза, скрывал его лицо, и она могла различить только высокую фигуру, сопровождаемую целой свитой теней.

– И даже первый король, которому предстоит объединить все крепости в одну, будет прислушиваться к твоим словам.

Существо, скрытое светом, исчезло в одной из ниш, заняв свое место, и освещение начало меркнуть. Сцена продолжала сиять, над ней снова загорелись экраны, отображая новое лицо Моны в десятках ракурсов. И в наступившей тишине, поглотившей кратер, она внезапно проговорила:

– История великолепна, как всегда. Но почему сегодня в твоих словах я чувствую ложь?

Мир застыл, будто ожидая ответа. Мари вопросительно подняла брови, но Мона заговорила снова:

– Обман – это наше единственное оружие. В последние дни он во всем, что мы делаем. Но разве ты не видишь – теперь он проник и в твою сказку?

– Мона…

– Ты больше не веришь в то, что говоришь!

Она взмахнула рукой – и черное небо над ними рассекла огненная трещина, разорвав его, точно ветхий холст. Еще один взмах сокрушил декорации у них за спинами, поглотив пылающую крепость и большую часть сцены, бросив их обломки в еще одну расщелину, зияющую в ткани мира.

– Что ты делаешь? – С явным трудом сохраняя спокойствие спросила Мари.

– Мне не нужен этот мир, если ты врешь мне! Если не веришь в него – то и я не буду!

Следующая трещина прошла через башни, возвышающиеся

над кратером, переломив их, как спички. Мона прыгнула со сцены в проход, и пошла по нему, между застывшими рядами зрителей. Затем обернулась и закричала:

– Мне не нужны ни толпы, ни короли… особенно тот, единственный, чье лицо ты почему-то скрыла!

Кратер треснул пополам, обрушиваясь в огненную бездну, и мир зашатался, рассыпаясь на части. Мари, все еще стоя посреди сцены, протянула руки – и вокруг снова возникла маленькая комната, кровать с гнездом из одеял. Мона как прежде лежала в ее объятиях, прижимаясь затылком к плечу.

– Может быть, ты просто выросла из сказок? – Прошептала Мари.

– Пообещай, что не станешь лгать мне. – Попросила Мона в ответ. – Даже если все между нами рухнет, мы вырастем, и станем другими – пообещай!

– Конечно, я… обещаю. – Глаза Мари заблестели от слез. Мириам обрадовалась, что не может ощущать ее цветов – это было бы уже слишком. Мона этого не видела – она закинула руки назад, охватывая ладонями лицо подруги, ощупывая его…

Будто не осмеливаясь посмотреть.

Комната повернулась, повинуясь поспешному прикосновению Мириам. И сразу же исчезла, растворилась в окружающем движении прежде, чем она увидела еще хоть что-то – заставив ее вздохнуть с облегчением.

– «Мне не нравится подглядывать.» – Пояснила она застывшим конструкциям вокруг. – «Чтобы разделять чьи-то чувства, нужно быть внутри, а не снаружи. А так – нечестно.»

– «У меня нет такого выбора.» – Признал голос.

– «Но почему я увидела именно их?»

– «Ваши таланты связаны, а чувства соприкасаются. Ты желала знать о них больше.»

– «Я боюсь за них, и мне их жаль. Почему ты заставляешь их выполнять эту миссию – они же твои дети, разве нет? Мари очень плохо от того, что ей придется сделать.»

– «У них есть лишь одна миссия – и она принадлежит только им. Они не следуют моим приказам.»

Мириам задумалась, переваривая услышанное.

– «Значит, это их собственный план? Этот спектакль, цветок на площади, и… король?»

– «Они мои дети, и это их право – решать.»

– «Тогда я спрошу об этом у них – чтобы не подсматривать, и не подслушивать больше. И, мой следующий сон – можно он будет… обо мне? Чтобы это была не чужая жизнь?»

– «Я часто вижу сны о тебе.»

– «Правда? И какие они?»

Под ногами хрустело стекло.

Несколькими часами раньше оно было песком, пока его не расплавил нестерпимый жар от оружия, название которого не удержалось в памяти Мириам. Осталось только ощущение тепла, исходящего от остатков хайвея под ногами, и прикосновения лучей заходящего солнца, окрашивающего холмы по правую руку в нестерпимо-оранжевый цвет.

Бетонная громада, возвышающаяся впереди, отбрасывала под себя узкую, угольно-черную тень. Точно раскинутые крылья неведомой мертвой птицы, ее бастионы, увенчанные острыми башнями, уходили вправо и влево, закрывая горизонт перед Мириам. Издалека бетон казался грязным, словно запятнанным черным машинным маслом. Беспощадное солнце высвечивало каждую трещину и шрам от неизвестного оружия на его поверхности, обнажая следы недавнего боя. Нескольких башен не хватало, а прямо перед Мириам, в конце залитого стеклом хайвея, возвышалась громада ворот. Бетонные створки, потрескавшиеся и оплавленные, между двух титанических опор, удерживающих стены – к ним направлялась Мириам.

Ее наполняло спокойствие. Тень, падающая справа ей под ноги, принадлежала Арго. Она чувствовала его рядом, за своим плечом, как собственную руку. Размеренное дыхание, позвякивание пластин странной брони, и легкое гудение оружия, лежащего у него на плече. Лишь отдаленно напоминающего меч, и способного оставлять глубокие шрамы даже на бетоне – вроде тех, на стенах города перед ними. Они шли по дороге, после недавней битвы, и ничего не боялись.

Она чувствовала чужие взгляды, присутствие множества людей вокруг. Надежду тех, кто остался позади, среди дюн и боевых машин, готовых к новому штурму. Испуг и недоверие наблюдателей, скрывающихся за стеной. Боль раненых и молчание убитых, разлитые в воздухе.

Стекло трескалось под армированными подошвами ботинок, шелестели невидимые моторы, стабилизирующие каждый шаг. Она поднесла руку к лицу, рассматривая миниатюрные металлические пластины, составляющие перчатку, бегущие по руке. Точно чешуйки, они накладывались друг на друга, плотно облегая тело, и оставляя полную свободу движений.

Ворота приближались. Над городом сгустились облака, раскрашенные оранжевым, и через них, тонкими иглами пробивались лучи орбитальных лифтов – не одного, как в Атланте, а сразу трех. В бойницах с обеих сторон ворот горели

цвета защитников, и она всматривалась в них, все так же сохраняя спокойствие. Дыхание Арго рядом ускорилось, и она улыбнулась, успокаивающе. Ощущение от улыбки было странным, будто что-то сковывало правую половину ее лица, и она дотронулась до нее пальцами в металлической перчатке.

Металл соприкоснулся с металлом. По виску и скуле, над щекой, бежали металлические нити, крепясь прямо к коже, соединяясь в узелки, на ощупь напоминающие камешки или кусочки стекла. Будто плетеное украшение, из тех, что носят богатые горожанки. Это открытие испугало ее, на секунду – но та Мириам, которой она стала в этом сне, была слишком уверена в себе, чтобы поддаться страху. Она вскинула голову, глядя на ворота, и город за ними. По украшению на лице побежали невидимые острые искры, заставляя шевелиться чешуйки, составляющие броню.

Арго остановился, и последний десяток шагов она проделала в одиночестве. Ворота возвышались над ними, огромные, не сломленные недавним штурмом. Сила, бегущая по броне, уходила внутрь, собираясь для совершения чего-то, пока не имеющего названия в ее лексиконе. Кто-то из защитников отдавал команды за стенами, она чувствовала мощь орудий, скрытых в бойницах, и решительность людей – но все это уже не имело значения.

Мириам, которую она видела во сне, протянула руку в чешуйчатой перчатке, возложив ее на оплавленный шрам в теле ворот.

– Пади, Фаэтон! – Приказала она.

Интермедия II.

Бритва прошла по коже – один раз, затем второй. Потом соскочила.

Порез был бы совсем не заметен, если бы не кровь – тонкая полоска, мгновенно набухшая темным цветом. Капля крови, черная в свете свечи, скользнула вниз, и Кейн отложил походную бритву.

Пламя билось и мерцало, вместо того, чтобы гореть ровно – полностью отвечая состоянию его рассудка. Монах наклонил голову, рассматривая порез в маленьком зеркальце рядом со свечой, потом выпрямился, неподвижно глядя на огонь.

Темнота за ним казалась абсолютной.

В ней прятались крыши соседних зданий, такие же низкие, как и та, на которой устроился монах. Площадь, на которой днем произошла казнь, осталась слева, сейчас о ней напоминали только далекие крики, и пение – теперь уже затихающие.

Привратный городок встречал ночь с опаской, будто ожидая подвоха, и Кейн отлично понимал его. Окрестные улочки были опасны, даже если забыть о Змеях, несущих дозор на соседних крышах.

Пламя дрогнуло снова – по ржавой приставной лестнице за спиной Кейна кто-то поднимался. Из темноты показалось лицо. На мгновение монаху показалось, что это маска – черная, лакированная, с узкими прорезями глаз, и тонким, насмешливым ртом. Блеснули и погасли медные нити, вплетенные в косички под широким капюшоном.

– Наводишь красоту? – Спросила Феникс негромко. – А что света не дождался?

– Не знаю, что будет завтра. – Ответил Кейн. – Поэтому стараюсь сделать все сегодня.

– Сомневаешься, что доживешь до утра?

– Все в это верят – и однажды ошибаются.

Феникс хмыкнула и подошла ближе, рассматривая его нехитрые пожитки, разложенные на табурете рядом со спальником – бритву, миску с мыльной пеной, свечу.

– А зеркало-то мое.

– Ты его проиграла.

– Поэтому и не отбираю. – Она обошла монаха, и присела справа от табурета. – Кровь. Значит, и у тебя может рука дрогнуть.

– Если я сомневаюсь.

– Еще утром ты был в себе уверен. – Под низко надвинутым капюшоном блеснули глаза. – Что поменялось?

– Это же очевидно. – Монах все так же смотрел на свечу. – Я.

Темные пальцы Феникс легли на рукоять бритвы. Мгновение – и та завертелась между ними, как стрекозиное крыло, отбрасывая случайные блики.

– У меня руки не дрожат. Хочешь помогу?

– Сочту за честь. – Ответил Кейн. – Если сможешь.

– Никто не знает, сколько всего я умею. Даже ты. – Феникс зачерпнула ладонью мыльную пену, и провела по макушке монаха. В зеркале тот видел, как бритва приблизилась к его затылку. Лезвие скользнуло по коже – а затем монах почувствовал осторожное прикосновение.

– Тебе достаточно свечи? – Спросил он.

– Мне не нужен свет. – Ее пальцы изучали его голову. – Без него обойдусь. Но ты говори, не бойся.

– О чем?

– Например о том, почему ты до сих пор меня не прикончил?

Она снова провела лезвием по его затылку, затем стряхнула

пену в сторону.

– Не представилась возможность. – Спокойно ответил Кейн.

– Так и есть. Я по глазам вижу, когда меня убить хотят – даже по твоим. А почему помочь мне согласился? Из-за того, что я пообещала?

– Нет. Во время попытки побега мог представиться случай избавиться от всех вас.

– Тоже правда. Но тогда объясни мне, монах. – Она снова ощупывала его голову, определяя путь для движения бритвы. – Почему не сбежал, пока мог? Знаю, Коди бы тебя отпустила. Вижу, как она на тебя смотрит.

– Если я могу что-то сделать – разве правильно будет отвернуться и уйти?

– Только ты ведь ничего не сделал. – Прошептала Феникс прямо ему в ухо. К другому уху в этот момент прижималась бритва, и Кейн с трудом сдержал желание кивнуть в ответ. – Хочешь скажу, почему?

– Говори.

– Увидел, что мы – люди. Молчишь? Значит согласен. Я ведь неплохо знаю, что про нас, рейдеров, думают на краю песков. Боятся, вроде мы песчаная буря. После рейда и правда мало что остается. Только это не значит, что мы чувствовать, или думать, не можем. У нас все как у всех – грустим, веселимся, рожаем детей, мертвецов хороним. Только, чтобы до следующего дня дожить, нам грядки вскапывать недостаточно – да и нет у нас полей, в песках. Мы проще – приходим, берем, что хотим. У чужих.

– Все это я знал и раньше.

– Головой понимал, а теперь и сердцем почувствовал. – Бритва двигалась аккуратно и точно, но Кейн, глядя в зеркало, никак не мог поймать взгляд Феникс – ее лицо все время оставалось в тени. – Вот от чего у тебя руки дрожат. Не знаешь, что решить… как и я. Сама не понимаю, зачем тебя позвала, почему до сих пор глотку не перерезала. Только мне не привыкать. Ты сам сказал, что Феникс на самом деле две – и угадал. Есть та Феникс, которую все боятся, и другая, которую любят. И сейчас они во мне ой как спорят…

– Я на стороне второй.

Рейдерша хмыкнула в ответ, снова стряхнула пену с бритвы, и мягко переместилась вправо, чтобы заняться второй половиной его головы.

– Ну ясно. Слушай, а у тебя женщина есть? Не на одну ночь, а чтобы ждала? Знаю, что монахи вроде не по этому делу, но все же…

– Была одна, которую я не мог забыть. Я как раз нашел ее в Хоксе, но она погибла, во время осады.

– Кто убил? Из какого рейда?

– Не знаю.

– Может, я?

– Возможно.

Свеча померкла на секунду, под порывом ночного ветра – а когда пламя снова выровнялось, Феникс сидела перед монахом. Взяв его за руку, она положила ее на свою, с бритвой, прижатой к собственному горлу.

– А если так? Может, об этом вспоминаешь? Что она умерла, а ты мне уйти дал? Ну так спроси с меня! Сейчас, пока я добрая – потом, может, кто другой спросит!

– Я убил многих из вас. Больше, чем ты думаешь. – Взвешенно ответил Кейн. – Это не изменило ничего. И даже сотня смертей не вернут ее.

– Мстят не затем, чтобы вернуть.

– Но мне ничего другого не нужно.

Феникс почти бесшумно рассмеялась, выпустив его руку, и снова обходя его сбоку:

– Эх, жаль, не услышала я таких слов зим этак семь назад – может, куда меньше народу в песке бы лежало. Мстить и правда легко, да приятно, но только ничего после этого в руках не остается, да и в сердце тоже. Ненависть для драки хороша, но для настоящих дел ее мало. Не тот хорошо дерется, кто ненавидит…

– А кто же? Тот, кто видит твою вторую сторону?

На этот раз Феникс рассмеялась уже громче, и хлопнула монаха по плечу, не выпуская бритву.

– А ты хорош слова поворачивать. Смотри, без уха оставлю.

– Я стараюсь.

– Но про любовь ты правильно понял. Она людьми двигает, и те, кто ее чувствует, дерутся куда как сильнее других.

– И к кому же испытывают любовь ваши рейды?

Феникс медленно провела бритвой по макушке монаха. Затем он ощутил на голове ее пальцы, скользящие по только что выбритой коже.

– Я только за свой рейд в ответе. – Тихо сказала она. – Ты нас не ровняй. Мы, и, скажем, Волки – вроде пальцев на руке, вместе, но каждый сам по себе.

– Знакомая аналогия.

– Не знаю, что там тебе знакомо – но и в рейдах люди разные есть. Мало кто для куража в поход идет. Большинству просто жрать весной нечего, в семьях молодежь подрастает. Им проще пойти, потому как их матерей и сестер никто больше не

прокормит. Да и не защитит. Вот и едут, забирают чужое. Не потому, что ненавидят.

– Считаешь, что ими движет любовь?

Звякнула бритва, упав в миску с пеной. Феникс легонько толкнула монаха в висок, и села слева, отбросив капюшон. Ее лицо казалось выточенным из цельного осколка тьмы.

– Страшная. – Тихо проговорила она. – Такая, из-за которой матери детей, едва рожденных, душат, потому что кормить нечем. Дочь малолетнюю продают, чтобы еще четверым еды добыть. Или брат сестру своей кровью поит, потому что воды не нашел. И нет ничего сильнее. Так и скажи, если спросят, во что верила Феникс – в любовь. Перед которой я, или ты – ничто, пыль на клинке.

– И кого ты любила – если спросят?

– Сестер своих. Всех – живых, мертвых, и еще не найденных. Рейд свой, тех, кто за мной пошел, и за меня дрался. Другой семьи у меня нет, да и не будет уже. Все, что я делала – для них, не для себя. Мы же не просто так в Руку собрались, награбить и сбежать. Мы землю для себя найти думали. Это Ихан придумал, а потом мы вместе Хайда, из Пауков, убедили – всех подряд не убивать, и фермы в долинах не жечь, чтобы было потом, где осесть. Тогда появился бы и у нас дом, из которого убегать не нужно. Караваны из песков подтянуть, укрепления возвести – и все, не страшны короли, да их машины. Только где теперь Хайд? Снесли ему башку под Хоксом, далеко от стен – сроду такого выстрела не видела.

– Две тысячи четырнадцать метров.

– Ты, что ли, стрелял?

– Да.

– Тем выстрелом ты не только Хайда убил – всех Пауков прикончил. Его рейд только на нем держался, так что победи мы тогда, на холмах – его люди бы под Ихана пошли. И была бы я одна против старого ублюдка. Только – не осилили. Эх, говорят, не к ночи про мертвых вспоминать, но мне что-то совсем не страшно. Как подумаю, сколько народу меня на той стороне ждет – сестричек, врагов, друзей случайных – так самой побыстрее помереть хочется, только бы на этот балаган посмотреть.

– Возможно, завтра. – Сказал Кейн.

– А то. Только не раньше, чем мы девчонок отобьем. Или ты уже всерьез решил мне башку прострелить, послушав моей болтовни?

– Нет.

– И то хорошо. Если все же захочешь – издалека не стреляй, ладно? Подойди поближе, и в глаза мне посмотри – может хоть тогда пойму, что ты за человек.

Кейн молча повернул голову, встретившись с Феникс взглядом. В ее зрачках плясало пламя свечи.

– Смотри сейчас. Я тоже могу не дожить до следующей ночи.

– Думаешь, не выгорит наше дело?

– Наоборот, теперь у вас появился шанс. Прайму нужны люди, для дела, которое может оказаться намного важнее твоей, или моей смерти.

– А если это блажь случайная?

– Этот человек ничего не делает случайно.

– Вот в это я верю. – Ухмыльнулась Феникс. – Как и в то, что ты, монах, кого угодно уболтать можешь. Но это и к лучшему – я давно так ни с кем не говорила. Даже не пойму, с чего это… да с тобой?

– Так бывает, когда один путник на дороге встречает другого.

– Ой ли?

С соседних крыш долетел мелодичный свист.

– Первый дозор закончился. – Истолковала его Феникс. – После второго в городке огней поубавится, и тогда я тоже погулять пойду. Да и дела у нас там есть, как Коди говорила.

– Сломать камеры на площади.

– Вот-вот. Но по всему выходит, что у нас с тобой еще немного времени есть. Может, партию в кости?

– Не откажусь.

Глава VIII

Интермедия III.

– Говорите. – Сказал маленький Тони. – У нас мало времени.

Услышь Рок от него что-то подобное пару недель назад – наверняка бы перепугался. Но и сейчас от этих слов у него по коже пробежались мурашки. Ведь хотя голосок и принадлежал самому Тони, слова произносились совсем иначе – четко, без детского пришепетывания. Да и выражение лица у малыша было такое серьезное, что душа в пятки уходила.

Хотя здесь, в этом странном месте, ей и без того полагалось сидеть там, не высовываясь.

Ведь сам Рок вовсе не стоял на полу, а висел в воздухе, у люка, через который они вплыли в эту большую комнату. И от того, чтобы не улететь к потолку, или скажем, стене, удерживал только тоненький кабель, соединяющийся с дисплеем на его браслете. И сама комната ничего хорошего в себе не содержала – узкая, длинная, круглая, вроде того же тоннеля, но пошире, вся уставленная непонятными машинами и экранами, с торчащими

отовсюду проводами, иголками и механическими руками. Пола и потолка у нее не было, вернее, они располагались везде вокруг, так что жуткие штуки оказывались повсюду.

Хотя самая страшная, конечно, висела посередине.

Впервые увидев это, он чуть не завопил. Фигура человека в серебристом саване парила в прозрачном ящике, будто утыканный иглами мертвец, вся в завитках проводов и непонятных мерцающих огоньках. Ни за какую награду он не посмел бы приблизиться к ней, но Тони без колебаний оттолкнулся от люка, и подплыл ближе. Остановился, только когда старший брат, Шон, придержал его кабель, такой же, как у Рока.

– Инфракрасные лазеры. – Сказал тогда Кай, второй брат. Кроме обычного кабеля, из воротника его комбинезона росли еще три других, серебристых, которые могли двигаться сами по себе. Сейчас они шарили под панелью возле входа, и в окружавших ее приборах.

И вот после этого Тони повернулся в воздухе, и заговорил чужими словами.

Не то чтобы Рок не знал, что он это сделает. Шон объяснил ему все: и про особый талант Тони, и про спящего брата, который, проснувшись, может вернуть всех домой. Только поверить в это было куда сложнее, чем увидеть своими глазами. Потому он и напросился пойти с ними в этот раз – ведь из первой прогулки к спящему, маленький Тони вернулся в слезах, и Рок в сердцах чуть не полез к Шону драться. Хорошо, Наоми оттащила. Единственная нормальная девчонка из тех, что он здесь встретил. Жаль, слишком высокая. Рок покосился в ее сторону, но она даже не заметила – слишком была увлечена тем, что мелькало на экранчике перед Каем, будто и вправду могла разобрать что-то в этих бегущих значках.

Только слова, произнесенные Тони, заставили ее обернуться.

– Мы вышли на связь. – Первым сориентировался Шон. – Передача данных прошла нормально, но встрече помешали – вмешался предсказатель, которого мы не знаем. Сейчас мы ищем ее в базах. Она утверждает, что хочет сотрудничать. И еще оказалось, что план никуда не годится.

– Конечно. – Согласился спящий, и Тони медленно скрестил руки на груди, глядя на Шона с едва заметной улыбкой. – Кое-кто пришел в ярость, узнав, для чего предназначена эта станция?

– Леди в белом обещала спасти всех нас. – Встрял в разговор Кай. – Но у шаттлов есть предел по загрузке. К тому же на осевой станции их всего три, а нужно никак не меньше пяти. Гондолы для перелетов по кластеру не рассчитаны на вход в атмосферу, и

просто сгорят. Лифт тоже не подходит – даже если мы до него доберемся, в нем очень маленький пассажирский модуль, всего на два десятка человек.

– Спасти? – Спросил Тони. – Мир внизу страшнее, чем вы можете себе представить. Здесь, наверху, вы в большей безопасности, и я не знаю, правильно ли называть спасением ваше бегство.

– Бежать из тюрьмы – это спасение. – Ответила Наоми.

– Да, но тюремщики не желают вам зла. Вы сами показывали мне, к чему приведет их программа – уже через пять лет вы станете небесными, полноправными жителями станций.

– Но мы будем помнить о Земле. – Возразил Шон. – Помнить о мире, который у нас отобрали, который заменили стерильной клеткой. Пусть там, внизу, тяжело и страшно – там свобода, брат, и там мы родились. Богиня хочет вернуть тебя, а мы, точно так же, хотим вернуться к ней. Разве это правильно – разлучать мать и ребенка?

– Я вижу, вы уже обсуждали это между собой? Ты настроен решительно.

– Как и все мы. Решение принято, брат, но это ты и так уже знаешь. Мы пришли не поэтому.

– Нам удалось сломать сеть кластера, и достать данные твоих медицинских мониторов. Ты уже не спишь. – Мрачно проговорил Кай, и серебристые кабели вокруг его воротника снова пришли в движение.

– Разве?

– Только формально. – Наоми оттолкнулась от Кая, и подплыла ближе к Тони, зависнув перед ним вверх ногами. – Но на самом деле почти мертв. Твое сердце ударяет один раз в минуту, в кровь и мышцы введены препараты, замедляющие обмен веществ в несколько десятков раз. Это стазис, технология, разработанная перед конфликтом.

– Чтобы я не мог проснуться?

– Да. Они испугались тебя. И сделали так, что, отключив оборудование саркофага, ты умрешь. Для пробуждения из стазиса используется особый протокол – переливание крови, введение группы катализаторов, медленный нагрев. Поэтому ты настолько ослабел, что нам пришлось прийти сюда, чтобы поговорить…

– Вот как? – Тони печально улыбнулся. – Значит, не все Ее дети вернутся. Но вас еще триста, и значит, Ребекке будет кого спасать.

– Нет! – Почти выкрикнула Наоми, и тут же вжала голову в плечи, оглядываясь вокруг.

– Мы тебя не оставим. – Продолжил за нее Шон. – Ты не

волнуйся, все продумано. Тебя можно увезти вместе с саркофагом, он как раз пройдет через грузовой люк.

– Украдете мой гроб? – Усмехнулся Тони.

– Мы не дадим тебе умереть. – Сказала Наоми. – Так что вовсе не гроб.

– А с виду – он самый. – Заметил Рок, просто чтобы что-то сказать, и Тони улыбнулся ему страшноватой, чужой улыбкой:

– Только смотрите, чтобы Ребекка не уронила всю станцию. Она вполне способна на это, если ее не сдерживать.

– Как мы сможем удержать леди, ломающую «Серафы» в рукопашной? – Удивился Шон. – Когда она придет, то мы просто постараемся не мешать. К тому же, она будет не одна.

– Твои сестры показали нам трех воительниц. – Пояснил Кай, снова отрываясь от своих экранов. – В белом – Ребекка. В красном – Вероника. И третья леди – красивая, как на древних картинках.

– Мириам. – С оттенком неудовольствия в голосе произнесла Наоми. – Он только о ней и говорит.

– Неправда!

– И почему воины Иштар – все женщины?

– Считайте это судьбой. – Ответил Тони. – Иштар выбрала их из-за особых талантов, непохожих друг на друга. И, возможно, потому, что они, как никто другой, были готовы принять сам факт ее существования. Но даже после возвращения из мертвых Ребекка не стала служить беспрекословно, а заключила договор.

– Она торговалась с богиней? – Удивилась Наоми.

– Ничьи приказы не стоит принимать без раздумий. – Усмехнулся Тони. – Богов – тем более.

И в этот момент дисплей на запястье Рока отчаянно замигал.

Они буквально ввинтились в створ технического перехода рядом с выходом из большого шлюза, когда двери раздвинулись, и в зал со спящим вплыла пара техников в оранжевых комбинезонах. Рок прикрыл ладонью рот Тони, опасаясь, что малыш выдаст их писком или плачем, но тот вел себя на удивление молчаливо, только разглядывал все вокруг с явным удивлением. Переход представлял собой тонкую кишку, не шире метра, и оба ребенка оказались прижаты к решетке выхода, за которую продолжал держаться Рок. Дальше мелькали огоньки браслетов остальных, и слышался шепот Шона, отчитывающего Кая, который, вместо того, чтобы первыми пропустить в переход детей, запихнул туда Наоми. Кай оправдывался, объясняя что-то про первобытные инстинкты, и это почему-то смешило Наоми, но сильно злило их лидера. Потом Рок тихо чихнул, и они замолчали. Оранжевые комбинезоны за решеткой летали вокруг

спящего, от одного прибора к другому, не обращая внимания на посторонние звуки, и Шон шепотом приказал пошевеливаться.

Стенки перехода были изготовлены из непонятного материала, мягкого и холодного на ощупь, так что от них легко было отталкиваться. Рок знал, что обычно по нему перемещаются вовсе не дети, а круглые механические жуки, обязанность которых – чинить поломки и убирать во всех уголках огромной станции. Но Кай при помощи своего электронного воротника умел договариваться с жуками, так что они убирались с дороги вовремя, и по переходам можно было перемещаться без помех.

Гораздо сложнее было с другими обитателями станции, с которыми не удалось найти общий язык. То и дело в стенках перехода попадались решетки выходов, или прозрачные участки. При приближении к ним Шон приказывал остановиться, и они ждали – несколько мгновений, или минут, пока не убеждались, что рядом никого нет. Для этого служил воротник Кая, и браслет Рока, показывающий, движется ли поблизости кто-то чужой.

Проведя на станции уже больше двух недель, Рок все еще не представлял ее истинного облика. Путаница переходов и коридоров, соединяющих знакомые ему залы, никак не связывалась в его сознании с той картинкой, которую как-то показывал ему Кай – снежинка, парящая среди звезд. По словам старших, сейчас они находились в одном из ее лучей, огромной вращающейся трубе, и медленно продвигались к краю, о чем свидетельствовало возникающее ощущение верха и низа – по крайней мере именно так понимал это Рок. В центре трубы можно было летать в воздухе, а у ее краев – нет, и такого объяснения пока было вполне достаточно.

Теперь они уже не парили, отталкиваясь от стенок, а просто ползли, и успели преодолеть не менее двухсот метров, когда по проходу разнесся протяжный скрип, и Шон коротко шикнул «Замрите!». В этой секции перехода было холоднее, чем в отсеке со спящим, щели очередного люка оказались перед глазами Рока, и на светлом пластике сразу же проступило туманное пятно от его дыхания.

А потом, с еще одним жутким звуком, в пол снаружи впечаталось нечто громадное. Браслет Рока мигал, не переставая, но он уже успел вспомнить, куда они заползли, и застыл, вовсе не следуя приказу – потому что прямо над их прозрачным убежищем, поводя из стороны в сторону острым белым клювом, стоял «Сераф».

I.

Мириам проснулась от запаха кофе.

Она слышала его в третий раз в жизни, и узнала не сразу. Сначала, ей показалось, что пахнет блинчиками, со смутно знакомой горькой приправой, и мысль об этом разрушила ее сон. Во сне остался маленький Тони, пытающийся ей что-то сказать через прозрачную перегородку в огромной белой комнате. Девушка видела, как шевелятся его губы, и даже узнавала слова – но запах сбил ее, заставив вспомнить постоялый двор родителей. Горячее тесто, масло, и подгоревшее молоко…

Она открыла глаза.

Вкусный запах исходил от желтой фарфоровой кружки, уютно расположившейся в паре ладоней с тонкими пальцами, и блестящими черными ногтями. За руками располагалось нечто черное, кружевное, пушистое, будто рамкой обрамляющее бледное лицо с огромными, густо подведенными глазами.

– Монти? – Озадаченно спросила Мириам, и попыталась подняться. Это получилось не сразу – поверхность под ней была не твердой, как у нормальной кровати, а вогнутой, прогибающейся при каждом движении. Только ухватившись за пластиковую трубку на краю странного ложа, Мириам поняла, что это шезлонг – один из двух, стоящих на балконе отеля.

– Пей и просыпайся. – Ласково, но в то же время твердо сказал Монти. – Я не могу тратить на вас весь день.

Мириам взяла кружку, но не торопилась прикасаться к ней губами – та была горячей:

– А что случилось?

– Мари взорвала город.

– Что?! – Оттолкнувшись от прогибающейся рамы шезлонга, Мириам вскочила, отбросив тонкое пушистое одеяло. Плитка под ногами оказалась неожиданно холодной, как и положено ранним утром. Солнце уже виднелось за громадами шпилей на востоке, его лучи отражались в стеклах домов и стальных полосах на стенах, дробясь и увязая в тонких полосках тумана, окутывающих основания башен. Городская стена вдалеке казалась облаком, поддерживающим на себе пронзительно четкий горизонт – острое лезвие песка впивалось в туманное тело блеклого, почти ночного неба, покрытого бледными оспинами звезд. Мириам оглянулась, отыскивая следы взрыва, потом вопросительно глянула на Монти. Тот выпрямился – высоченный, тонкий, изящный – и терпеливо пояснил:

– Не буквально. Ее спектакль вчера – ты ведь смотрела его?

– Немного. – Мириам отпила кофе, чтобы скрыть смущение. Он оказался сладким, с сильным привкусом молока, и, кажется, вишни – вообще не похожим на тот, которым Ребекка угощала ее

в Хоксе. – Мы посидели, а потом я вышла, потому что мне захотелось… нарисовать это.

– То есть тебе не понравилось? – Брови шута опустились. – Понимаю. Мы одели труппу в то, что нашлось, на площади было слишком шумно, и свет оказался хуже, чем я планировал. Но даже если бы Мари вышла на сцену в джутовом мешке, никто бы этого не заметил. Спектакль имел феноменальный успех, площадь ревела минут пятнадцать, а потом мы не могли пробиться к транспорту. Король приказал играть еще одно представление, сегодня же вечером, но на этот раз – у него, в Королевском шпиле.

– Это ее талант. Я знала, что так и будет – она мне показала. – Мириам подула на кофе. – А ее костюм – он действительно был не такой, как нужно. Как и одежда Моны.

– Они тоже так считают. Если бы вы еще могли объяснить, чего именно хотите… – Монти забавно всплеснул тонкими руками, отвернулся, и зашагал к выходу с балкона. – Сейчас мы едем на мою фабрику, и если Мари не найдет нужных слов, я одену вас всех так, как посчитаю нужным! Да, кстати, у тебя еще пять минут, чтобы принять душ, и пять на сборы!

– Почему? – Мириам поспешила за ним, стараясь не расплескать содержимое кружки.

– И ты еще спрашиваешь? – Едва зайдя в комнату, шут понизил голос до шепота, и повернулся к ней. – Собираешься присутствовать на спектакле у короля в таком виде?

– Нет, что ты… – Мириам глянула вниз, на свои босые ноги, и мятые белые брюки, в которых заснула. – Я надеялась, что ты нам поможешь.

– Вот именно вашей внешностью я и хочу заняться! – Отрезал шут. – Сейчас уже половина шестого утра, я приехал сюда десять минут назад, а вы до сих пор даже не все проснулись. Это невероятно! Как можно было, зная, что предстоит вам завтра, устроить подобное!

Он указал на Ланье, мирно спящего на диване, ближе к входной двери. Прозрачные столики рядом с ним были раздвинуты, на одном исходил паром огромный кофейник.

– Это Нильс. – Мириам задумчиво отпила из кружки. – Его внешностью ты тоже займешься?

– Не в этой жизни. – Процедил шут. – Почему я шепчу, по-твоему?

– Из-за нее? – Предположила Мириам, указав на Суонк, выглядывающую из боковой двери. Та провела рукой по светлым волосам, торчащим в стороны, надвинула на плечи одеяло с лиственным узором, и спросила хрипло:

– А кто меня раздел?

Шут возмущенно поднял брови. Суонк обвела номер сонным взглядом, и остановила его на спящем Ланье:

– О, братишка.

– Что? – Удивилась Мириам.

– Ты забыла, что ли? Мы братались. Или мне приснилось? – Она снова провела рукой по растрепанной шевелюре, и вздрогнула, когда дверь ванной рядом с ней распахнулась. Оттуда появилась Би – бледная, в черной майке и брюках – и бросила ей полотенце:

– Мыться. У тебя пять минут.

– Отлично. – Обреченно прошептала Суонк, набрасывая полотенце на плечи. – Еще солнце не встало, а уже мокнуть.

– Может пусть поспит? – Предложила Мириам, но Би покачала головой:

– Она едет с нами.

– Не хочешь ее оставлять?

Би искоса глянула на шута, и тот пояснил, снова всплеснув руками:

– Король потребовал присутствия всех, кто вчера прошел в ворота Атланты вместе со мной.

– Значит, Арго тоже там будет?

– Чемпиону не привыкать, а вот эта маленькая… леди. – Шут сморщился, будто попробовав что-то кислое. – Вам стоит выработать хоть какой-то план поведения на приеме. Чтобы не дать ей что-нибудь сломать, разбить, или, что самое страшное – открыть рот.

– «Вставить кляп?» – Предложила Вероника. – «Ночью у меня несколько раз возникала такая мысль.»

– Они не так плохо пели. – Понизив голос, возразила Би, наливая себе кофе. – Как для наемника и… леди. Ты совершенно прав, шут – нам нужно хорошо понимать, что мы делаем в этот вечер.

Она вопросительно глянула на Мириам, и та кивнула:

– Мы торопимся, я поняла. Только душ приму… сколько у меня минут?

Волосы Би так и не успели высохнуть. Она сидела на переднем сиденье кара, рядом с шутом, и мокрые пряди лежали на белой обивке кресла пучками тонких проводов. Мириам дотронулась до своей прически – туго собранный хвост тоже оставался влажным. Подгоняемые шутом, они буквально выбежали из гостиницы, даже не разбудив Ланье, и кар рванулся с места, будто собираясь участвовать в гонке.

Хотя улицы в этот ранний час были пусты. Солнце еще не успело подняться достаточно высоко, и его лучи задевали только крыши зданий, и верхние ряды окон, сияющие вверху, будто короны, обрамленные синим небом. В выходящих на улицу витринах, пролетающих мимо, все еще спала темнота, а между домами бледным электрическим светом мерцали фонари, установленные на длинных подставках. Суонк, похоже, сразу же задремала, закинув голову назад и смешно приоткрыв рот. А Би смотрела чуть в сторону, на дома, бегущие навстречу, и Мириам внезапно захотелось нарисовать ее. Заморозить во времени этот момент, и настроение – ее профиль, прищур миндалевидных глаз, пряди мокрых волос, и тонкие пальцы, лежащие на приборной панели. Теперь, используя трюк, показанный Вероникой, это можно было сделать без всякой бумаги – требовалось только короткое и не совсем понятное усилие, позволяющее видеть информационные сети, разбросанные вокруг, и затем еще одно, чтобы вызвать из узла, расположенного где-то далеко, видение чистого листа. Находясь прямо перед Мириам, он в то же время совершенно не блокировал поле зрения, позволяя видеть все вокруг. И для того, чтобы оставлять на нем линии, вовсе не нужны были мелки – достаточно было еще одного усилия, чуть более сложного. Линия могла становиться толще или тоньше, менять цвет и насыщенность, но Мириам понимала, что это не все – лист был инструментом Иштар, которым она все еще совсем не умела пользоваться.

За несколько секунд девушка успела набросать плечо Би, ее висок, изящную мочку уха, когда та неожиданно спросила:

– Что ты делаешь?

По сравнению с рисунком, рождающимся перед ней, слова казались слишком плоскими, и Мириам ответила веером картинок, сделанных ночью. Шут заметно вздрогнул, когда они вылетели, выстраиваясь в ряд, на расстоянии вытянутой руки, но на самом деле – в другом пространстве, где не было кара, и дороги под колесами.

– «Вот это площадь, на которой был спектакль.» – Бесшумно пояснила Мириам, пролистывая наброски, и покосилась на спящую Суонк. – «Только такая, какой ее видела Мари. Город, а за ним – много воды, которая называется океаном. И костюмы, вот здесь, где она обнимает Мону. У нее форма, вроде гвардейской, с наплечником, а у ее сестры – длинное платье с широким поясом, и вырезами спереди и сбоку.»

– Будь я проклят! – Прошептал шут. – Ты сможешь увеличить эту часть?

– «Да, наверное. А вот тут, дальше – лифт на небо, который

мне показала Вероника. И часть города, со статуями. Тут был неудобный свет, и у меня плохо получилось. А дальше – ты, и вчерашний вечер. Вот Ланье и Суонк поют песню про красавицу, что ждала милого у дороги…»

– «Ты поэтому осталась на балконе?» – Спросила Би. – «Чтобы рисовать?»

– «Ну да. А вот тут Суонк плачет, и они обнимаются. А ты смотришь, но видно, что думаешь о чем-то другом. А вот Мона – ее любимый умер, и она собирается выстрелить себе в сердце, как ты ей подсказала. И Суонк спит в кресле. А дальше я не помню.»

– «Ты тоже уснула, в шезлонге.» – Пояснила Би. – «Думала перенести тебя в кровать, но мне показалось, что ты счастлива, и я просто укрыла тебя одеялом. Впрочем, Ланье, когда храпел на диване, тоже казался довольным. И не удивительно – вылакать в одиночку почти два литра выдержанного вина.»

– «Я не ожидала, что они знают одинаковые песни.»

– «Песни купцов и караванов, истории, рассказываемые в цирках.» – Вклинился в разговор шут. – «Даже меня когда-то учили рассказывать сказки.»

– «Значит, и они принадлежат богине?» – Спросила Би.

– «Нет. Она их хранит, и не более.» – Шут взглянул на нее, и широко улыбнулся. – «Это мы, люди, обладаем уникальной способностью – забывать.»

Кар затормозил и остановился. Голову Суонк мотнуло вперед, и Мириам придержала ее, чтобы та не ушиблась о переднее сиденье. Наполовину законченный рисунок лег к остальным, в одну из коробочек, прячущихся в колодце электронной памяти, и девушка выбралась из машины – к подножию чего-то огромного, стеклянного, медленно наливающегося свечением восходящего солнца.

Будто струя воды, закрученная и бьющая рядом с дорогой на огромную высоту. Мириам запрокинула голову, стараясь оценить форму странного здания, но это оказалось неожиданно сложно – изогнутые и уходящие вверх стены были зеркальными, подернутыми дымкой, и содержали в себе более темные контуры, которые могли оказаться лестницами или целыми залами. Один из домов, которые она видела с кладбища машин, давным-давно, будто созданный из навечно застывшего ветра.

Мириам поймала на себе взгляд шута, и улыбнулась, читая в его цветах гордость и нетерпение:

– Это ты построил?

– Я его вдохновил. – Скромно ответил шут, и пошел вперед, между аккуратно подстриженных травяных газонов, ко входу, похожему на открытую книгу из стекла, высотой в три

человеческих роста. Суонк остановилась рядом с Мириам, точно так же задрав голову, и выдала невнятный звук, видимо, означающий крайнюю степень изумления.

– Идем. – Тихо сказала Би. Ее взгляд скользнул вверх, в цветах зажглась грусть, и, когда Мириам поравнялась с ней, она вдруг спросила, бесшумно:

– «Твои рисунки. Что они дают тебе?»

– «Они лечат мое сердце.» – Просто ответила Мириам. – «Внутри меня осталась пустота – после того, что случилось вчера, и раньше. Они заполняют ее.»

– «Вот и шут. Как бы он ни притворялся – он делает прекрасные вещи. Красивые и хрупкие. Мне это кажется таким странным – делать что-то настолько уязвимое сейчас, когда…»

– «Завтра могут упасть бомбы?»

– «Да.»

– «От этого еще больше хочется создавать их. Рисунки могут пережить нас. Как та история, которую рассказывает Мари в своем спектакле, пережила ее создателя, на много сотен лет. Я бы очень хотела оставить хоть что-то, чтобы в будущем знали: жила Мириам, ты, Суонк, и этот город стоял, а люди в нем радовались.»

– «Обо мне узнают иначе.» – Ответила Би, и Мириам увидела, как тают оттенки грусти внутри нее, сменяясь опасным огнем. – «Из воспоминаний о битвах. Бомбы не должны упасть, даже если король прогонит нас, и придется прорываться на небо силой! Я тоже хочу, чтобы меня пережили прекрасные вещи… или люди. Атланта, ты, и даже эта маленькая рейдерша… такие живые.»

– «Правда?» – На секунду Мириам показалось, что Би сейчас улыбнется, но этого не случилось. Наоборот, опасное сияние будто стало сильнее, когда она едва заметно кивнула:

– «Так и есть. Ведь внутри меня тоже пустота. Но я не думаю, что в этом мире найдется еще хоть что-нибудь, что сможет ее заполнить.»

Интермедия IV.

Рок до сих пор с дрожью вспоминал, как увидел «Серафов» впервые: при свете зари, после бессонной ночи в машине рейдеров. Жуткие, высоченные, слишком похожие на людей. Позже Шон объяснил ему, что это всего лишь машины, вроде каров, управляемые людьми – но все равно, десяток таких штук, выстроившихся рядом, вовсе не радовал. Опасаясь поднять на них глаза, он даже не сразу понял, почему замолчал Шон. Только когда вокруг стало совсем тесно, мальчик понял, что старшие братья, и Наоми, невозможным образом втиснувшись между

ними, приникли к решетке, пожирая глазами зал.

А посмотреть и правда было на что. Огромное помещение, вроде пустого ангара, казалось почти бесконечным, и точно было больше любого дома, что видел Рок. Да что там, куда огромнее площади в Хоксе, которую он успел хорошо запомнить, даже не смотря на давку. Такие высокие своды, с рельсами для подвесных кранов, похожих на худые человеческие руки, не приснились бы ему и во сне – но внимание старших привлекли вовсе не они, а штуковина, спрятавшаяся от Рока за строем боевых машин.

Без всяких сомнений, это мог быть только шаттл.

Сам он так и не увидел того, в котором привезли их с Тони – для них воспоминания о Земле заканчивались яркой вспышкой сразу после встречи рейдеров с «Серафами». Но, рассказывая о станции, Шон не раз показывал на экране в обучающем центре летающие корабли – остроносые, стройные, со складывающимися крыльями, похожими на наконечник стрелы. После этого не узнать один из них было трудно.

Шаттл стоял на одной из четырех красных полос, тянущихся в даль по бесконечному полю зала. Кое-где с этой полосой пересекались другие, желтые и зеленые линии, над которыми, в непонятном Року порядке, суетились краны. Их длинные пальцы входили в пазы разноцветных контейнеров, вытаскивали их из открытой сверху оболочки шаттла, будто начинку из пирога, и расставляли на плоских повозках, тут же деловито убегающих в разные стороны.

Вдалеке, у перехода, по которому еще предстояло проползти, возвышалось нечто с заостренным носом, укрытое черной полупрозрачной пленкой – вроде бы еще один шаттл. А за ним блестели звезды.

Кай заговорил, взволнованно, с трудом сдерживая шепот, но Рок не слушал – взгляд не отрывался от пронзительных, совсем не мерцающих огоньков. Там, вдалеке, они казались куда ярче, чем любом экране, или на небе, но все равно меркли в сиянии чего-то огромного, сверкающего, желтовато-синего, заглядывающего в проем снизу.

В свете Земли.

– …охотятся за нами! – Наконец долетел до него обрывок фразы Кая. Он вздрогнул, крепче сжав руку Тони – ведь тот, хоть и говорил чужим голосом, все равно оставался самым маленьким.

– В ангаре три «Серафа» на ходу. – Ответил Шон. – Они могут только догадываться, что мы здесь, внизу.

– Пока не включат инфразрение. Их наверняка подняли по тревоге. Там, впереди, обычный патруль, из дисциплинарного отделения. Максимум пара дней в изоляторе. – Тихо проговорила

Наоми.

– У Кая вычислитель, у нас сенсоры движения и отмычки. – Задумчиво ответил Шон. – Что ты будешь врать, когда тебя спросят о них? А если отведут в ту камеру, к брату, и загонят иглу – что расскажешь под наркотиком правды?

– Помолчите! – Прошипел Кай. – Они опрашивают уровни давления в коридорах, с центрального пульта. Пройдя по основным, они начнут прочесывать технические. Нас выдаст дыхание, и прикосновения к стенам. Наверное, мы наследили в комнате допросов.

– Нужно бросить оборудование, и сдаться патрулю. Если что – рассказать, что хотели посмотреть на корабли.

– Это не просто шаттлы. – Заметил Кай, вглядываясь во что-то, теряющееся в сиянии Земли. – У них не обычная загрузка. Вот те модули, которые на них крепят…

– Десантные. Помнишь, мы же учили историю. Они не используются уже лет семьдесят.

– Да, потому что десантов таких масштабов не проводилось. Пошли, нужно взглянуть поближе, пока нас не обнаружили…

– Ты ненормальный! – Весело заметила Наоми, и Рок с опозданием понял, что это вовсе не было возражением. На этот раз вперед устремился Кай, и Шон, чуть слышно чертыхнувшись, последовал за ним. Тони чуть слышно хихикнул, указывая на красную полосу, бегущую вдоль перехода за решеткой, и Рок заметил мелькающие в ее глубине электрические огоньки.

Теперь они все ползли в сторону Земли – туда, где за обрывающимся в пустоту краем зала светились острые звезды. По красной полосе то и дело проезжали узкие ноги кранов, и низкие вагонетки, развозящие непонятные округлые штуковины, размером с небольшой дом. Кай чуть слышно шептал что-то в свой воротник, видимо, записывая наблюдения, и Року оставалось только подталкивать вперед малыша Тони, следя, чтобы тот не застревал надолго у решеток, которые теперь попадались чаще.

Они миновали корабль под черной пленкой. Его острый нос торчал высоко над переходом, а передние опоры, похожие на ноги в треугольных ботинках, упирались в мягкий пол ангара всего в десятке шагов. Здесь Шон притормозил, выслушивая Наоми:

– …кажется, боевая модель. Смотри, какие подвески. Это уже третий за месяц.

– Зачем их сюда загнали?

– Проводят тренировки десанта. Тот взвод, с которым мы разминулись на полчаса, помнишь? Они отрабатывают спасательные операции на поверхности, в боевой обстановке.

– Поэтому десантные капсулы? – Издалека спросил Кай. –

Они собираются прорываться на поверхность? То есть… и правда война.

– А что еще? – Тихо спросила Наоми. – Хотелось бы, чтобы это были обычные тренировки. Наверное, и десантники были бы не против. Этих капсул, у ближайшей осевой станции – целых четыре блока. Больше трех сотен, законсервированных, и это только над Атлантой…

Она внезапно замолчала.

– Сколько-сколько? – Быстро спросил Шон, а Кай снова что-то зашептал в свой воротник.

– Но вы же не думаете…? – Девушка оглянулась назад, на Рока, как если бы он чем-то мог ей помочь. – Туда же все равно не выйдет долететь?

– Можно пришвартовать блоки у станции. – Сказал Кай. – Стыковочные узлы у них стандартные. У капсул есть маневровые двигатели. Если сразу рассчитать траектории для всех, то их можно уложить практически в одну точку на поверхности, с разбросом не более десяти километров.

– Но кто их сюда притащит?

Тони снова хихикнул, на этот раз испуганно, и Рок почувствовал, как дрожит мягкий пол. Рядом грохотали шаги «Серафов», все громче и громче.

– А вот теперь они ищут. – Заметил Шон, глядя на маленький наручный дисплей. – Прочесывают зал. Быстро, двигаемся дальше!

– Лучше не шевелитесь. – Возразил Кай. – Если они в режиме охотников, то реагируют на любое движение. Сейчас они мешают друг другу, так что пусть пройдут чуть дальше.

– Замрите! – Прошипел Шон, но и без его приказа Рок прижался к полу, крепче обнимая Тони. В глазах внезапно потемнело, и ему показалось, что вокруг снова жуткий мрак, жара, и запах мыла. А Таня, которая осталась далеко позади, что-то шепчет на ухо, стараясь отвлечь от выстрелов и криков снаружи, за тонкой металлической стенкой кара. Воспоминание накатило, и прошло, но вибрация осталась – мощные сотрясения пола от нечеловеческих шагов.

Наоми, свернувшись в клубок рядом с Каем, обменивалась с ним жестами, указывая что-то на его дисплее, и дотрагиваясь до воротника. Потом она улыбнулась Року, и Шон жестом показал: «Двигаемся.»

Мимо перехода снова проехала вагонетка, на этот раз чуть медленнее. Большой цилиндр, загруженный в нее, скрыл остроносый корабль, и дети поползли дальше, стараясь двигаться с той же скоростью. Рок в который раз удивился Тони, который и

не думал ныть, несмотря на то, что его иногда приходилось подталкивать вперед – малыш просто не успевал за остальными.

Они преодолели более тридцати метров ангара, и как раз свернули направо, в другой переход, когда пол под ними сотряс особенно сильный удар. Что-то заскрежетало наверху, будто металлический лист, или дверь кара, выворачиваемая металлической рукой – еще одно воспоминание, которому, видимо, тоже не спалось этим утром. Скрежет стал тоньше, превратившись в стон, и тут же затих. Сквозь очередную техническую решетку Рок видел кран, остановившийся перед «Серафом», перегородившим ему дорогу. Клюв машины медленно поворачивался, будто вынюхивая что-то, а на платформе крана, застывшей за ним, возвышалось нечто большое, прикрытое полупрозрачной пленкой, и странно знакомое…

– Он черный! – Прошептал Кай впереди, и тут Рок понял, что видит.

На платформе, присев и уложив на колени огромные руки, расположился еще один «Сераф» – только не обычного, белого, цвета. Будто высеченный из цельного куска блестящей тьмы, он казался больше, и даже страшнее остальных, шагающих рядом.

– Что это? – Спросила Наоми.

– Новая модель? – Предположил Шон. – Никогда не видел ничего подобного. И еще капсулы, целый блок. Мы должны торопиться, леди на Земле должны узнать о них. Это единственный способ вернуть нас всех домой!

– Погрузка останавливается. – Тревожно заметил Кай, и до Рока издалека донесся еще один металлический визг. – Они отключают все, что мешает детекторам движения.

– Не важно. Нам осталось всего метров тридцать до стены зала, потом вентиляторный узел, они не смогут почувствовать нас там.

– Этот «Сераф» смотрит прямо на нас. А краны остановятся меньше, чем через минуту… – Задумчиво проговорил Кай, а потом расстегнул воротник с кабелями, и переложил на плечо Наоми. – Если он отвлечется секунд на двадцать, то можно успеть добраться до узла. Если вы поторопитесь…

– Что ты…

– Все правильно. Леди должны узнать про капсулы! У Наоми есть расписание, и коды доступа к шаттлам на осевой. Достаточно одного, чтобы дотащить сюда десантные блоки. – Кай нерешительно взялся за решетку. – На мне больше нет оборудования. Когда меня возьмут, буду врать что хотел убежать на Землю…

– Дурак!

– Не теряйте времени! – Прошипел в ответ Кай, и, оттолкнувшись ногами от стенки перехода, рванулся вперед.

Шон, прижав к себе Наоми, отлетел в одну сторону, Рок в другую, пластик решетки врезался в мягкое покрытие пола в зале. Прижавшись подбородком к краю проема, Рок видел, как вскочил Кай, его отчаянный рывок через красную линию к крану. Он бежал очень хорошо, уворачиваясь от едущих навстречу тележек, перепрыгивая через контейнеры – но рядом уже грохотали тяжелые шаги «Серафа», заходящего слева.

Знакомая белая вспышка почти ослепила, и Рок зажмурился, а когда поднял глаза – решетка уже поднималась. Ухватив за шиворот, Шон протолкнул его и Тони вперед, заставляя ползти быстрее. Позади почему-то хихикала Наоми:

– Герой! Или кретин? И так ведь постоянно. Лезет везде первым, набивает шишки. Когда он был маленьким, я все время его утешала – а теперь придется доставать этого идиота из изолятора. И почему я так хочу от него детей?

II.

Жжение было таким, что хотелось всхлипывать от боли.

Но получилось только закрыть глаза – незаметно, под мягкой полумаской, закрывающей лицо. Еще Мириам одолевало желание немедленно найти шута, и высказать ему все, что она о нем думает.

– «Займутся вашими волосами, позаботятся о коже…». Она выдохнула сквозь зубы, вспоминая самые обидные ругательства, которые слышала от постояльцев своего двора. Ну кто же мог догадаться, что его помощницы станут приводить в порядок не только ее прическу, а и другие… места, о которых она сама не могла и подумать! И то, что вместо ножниц или бритв они использовали специальный гель, вовсе не облегчало положения.

Если подумать, сейчас все ее тело разрывалось от противоречивых ощущений – саднили брови, из которых выщипывали волоски, веки, смазанные горячей мазью. Холод и покалывание распространялись по низу живота, бедрам, икрам и в подмышках – как будто туда нанесли мятную пасту, смешав ее с перцем. Пол минуты назад это чувство было куда острее, но теперь отступало, позволяя почувствовать хоть что-то еще – например прикосновения холодных инструментов к пальцам левой руки, которой занималась одна из девушек, или движение чего-то шершавого по левой ступне, которую оккупировала другая. Они действовали настолько быстро и аккуратно, что на них можно было и не обращать внимания, и сосредоточиться на чем-то приятном – например, на прикосновении мягкой кожи сиденья к своей обнаженной спине.

При мысли об этом Мириам улыбнулась, несмотря на боль. Ведь если подумать, ее нынешнее положение было более чем странным – она лежала голая, укрытая только тоненьким полотенцем, в совершенно незнакомом ей здании, и в компании неизвестных людей. И, если бы не окружающие ее цвета, которые она чувствовала не открывая глаз, это могло бы скорее испугать, чем развеселить.

Девушка справа излучала озабоченность, видимо, делая что-то сложное с пальцами Мириам. Служащая справа – усталое терпение, занимаясь привычной, немного скучной, работой. Метрах в десяти к востоку, за матовой прозрачной стеной со сложным узором, который Мириам толком не рассмотрела, злилась Суонк, похоже, собираясь отбиваться от своих мучителей всеми доступными способами. И Би, оказавшаяся почти рядом, в соседнем кабинете, похоже, говорила по коммуникатору – судя по мерцанию электронной сети вокруг нее. Воительнице, видимо, не казались странными процедуры, которым подверг их шут, и Мириам решила следовать ее примеру, и терпеть до конца.

Тем более, что действие жгучего геля, похоже, заканчивалось. Очень хотелось пошевелиться, хотя бы чуть-чуть, но вместо этого Мириам потянулась дальше, отыскивая цвета вокруг.

Их оказалось намного больше, чем она предполагала.

Этаж здания, на который их провел Монти, напоминал соты, состоящие из комнат, вроде той, где находилась Мириам. Большинство из них пустовали, в некоторых ожидали служащие, а дальше, у коридора, ведущего к лифтам, ярко выделялись цвета скучающих охранников. Девушка хорошо запомнила лифт, похожий на прозрачный стакан, скользящий по такой же трубке, между прозрачными витринами, заполненными яркими пятнами – и сейчас, внизу, в нескольких десятках метров, крутился такой же ураган невидимых цветов.

Удивление, восторг, усталость, нетерпение – чувства вспыхивали, загорались, искрились, двигались, соединяясь в хорошо знакомые очертания. Мари, Мона, Руби, Йоко – почти все циркачи, который она так хорошо успела запомнить, были сейчас внизу, занимаясь чем-то донельзя странным. Суета и движение проникали сквозь перекрытия, захватывали, так что через несколько минут Мириам уже чувствовала их вокруг себя: смех, шутки, восторг, восхищение. Разные, до невозможности яркие чувства, неожиданно контрастирующие с тихой комнатой, в которой лежала девушка. Водоворот цветов заставил ее улыбаться, и настолько захватил, что она не сразу почувствовала приближение еще одной, яркой вспышки.

В комнату вбежал Монти. Его цвета напоминали хвостатую

комету из древней книжки, и служащие около Мириам ярко вспыхнули в ответ.

– Почти закончили?! – Выдохнул шут. – Отлично. В душ, и на уровень фабрики!

При упоминании о душе Мириам снова улыбнулась – хоть эта часть процедуры была ей знакома…

Несколько минут спустя она поняла, что поторопилась с этим выводом.

Душевая кабина оказалась узким полосатым цилиндром, совершенно неожиданно опустившимся на Мириам сверху, в очередной круглой комнате, куда ее привели. Девушка снаружи попросила ее зажмуриться, а затем сверху полилась вода, пахнущая цветами. Напор был сильным, но она рассеивалась на очень мелкие капли, приятно массируя плечи, и Мириам было начала получать удовольствие от этого странного душа – но тут вода брызнула со стен. Струи двигались по кругу, не попадая в лицо, и запах воды менялся – на смену цветочному пришел химический, затем повеяло ванилью, и вишнями. Мириам почти успела почувствовать себя начинкой сдобной булочки – но тут воду выключили, и вокруг с легким гудением завертелись потоки теплого воздуха. Они сразу же распушили влажные волосы, согнали капли воды с кожи. Их прикосновения были ласковыми, совсем не похожими на дуновения горячего ветра из пустыни, как показалось вначале. Когда цилиндр душевой, наконец, поднялся, Мириам чувствовала себя не просто обнаженной – с нее как будто сняли верхний слой кожи, так что она всем телом ощущала малейшее движение воздуха вокруг. Одна из девушек набросила ей на плечи мягкий белый плащ с широкими фалдами, и прикосновение мягкой ткани к плечам показалось Мириам почти болезненным. То же самое было со ступнями, и пальцами ног – даже стельки открытых туфель, которые ей предложили, неимоверно щекотали.

Завернувшись в плащ, оказавшийся слишком большим, она послушно пошла за кивнувшей ей девушкой. Перед ними одна за другой раздвигались цветные двери, каждая – с новым узором, которые Мириам все так же не успевала рассмотреть. Часть помещений она узнала – комнаты с низкими креслами, кушетками и зеркалами, перед которыми ее причесывали и что-то делали с бровями, но назначение других ставило в тупик. Для чего могла служить зала с круглыми бассейнами, заполненными черной блестящей смолой? Или плоские кушетки, окруженные аккуратными горками круглых камней разных размеров? Или еще одна комната, освещенная холодным синим светом, с

несколькими наклонными креслами и свисающими с потолка инструментами, заставившими Мириам вспомнить свое пробуждение в подземельях Иштар?

Девушка, идущая впереди, торопилась, и взглянув на ее цвета, Мириам поняла причину – они шли коротким путем, по приказу шута, и это заставило ее занервничать. Видимо, обычных гостей водили совсем иначе. Они обе вздохнули с облегчением, когда странные залы остались позади, и они вошли в самую обычную комнату, вроде гостиной, с мягкими диванчиками вдоль стен. На одном из них, у столика, разместившегося слева, сидела Би. Ее плащ, такой же, как у Мириам, но красного цвета, ярким пятном выделялся на коричневой обивке, а длинные волосы, собранные в хвост, пересекали его блестящим водопадом.

Служащая, провожавшая Мириам, слегка поклонилась, и направилась было к двери в противоположной стене гостиной – когда та неожиданно распахнулась, и в помещение влетела Суонк. Ее было не узнать, если бы не знакомые цвета – кожа стала светлее, будто утратив часть загара, на лице проступила россыпь веснушек, а вечно растрепанная шевелюра превратилась в пушистый ореол, окружающий голову, светящийся, как соцветие весеннего одуванчика. Желтый плащ отлично дополнял эту прическу – но все впечатление портили длинные блестящие ножницы, которые девушка выставила перед собой, едва распахнулась дверь:

– Эй, не подходи! – Она обошла служащую, замершую на месте, по большой дуге, и подбежала к Би. – Что за штуки тут творят, сестричка? Нет, ну сначала нормально было, когда они повязку сняли, и потом, когда волосы расчесывали. Но дальше… черт, и вспоминать противно. Зачем им в такие места лезть? И с чего столько воды на меня вылили?! И какого спрашивается хрена…

Суонк возмущенно взмахнула рукой с ножницами, плащ разошелся, и Мириам увидела, что ее повязка действительно изменилась – теперь плечо и бок девушки покрывала плотная блестящая ткань, прилегающая, как вторая кожа. Би аккуратно поставила чашку на столик, и следом туда же лег белый бумажный прямоугольник.

– Думаю, Неро больше понравится твой новый вид. – Предположила воительница, и Суонк замерла с открытым ртом. Потом повернулась на месте, разглядывая себя в многочисленных зеркалах, развешенных по стенам гостиной, и растеряно прижала ножницы к груди:

– Это что у меня с головой?

Последовав ее примеру, Мириам тоже посмотрела в зеркало –

с некоторым опасением, которое, однако, сразу же прошло. Она осталась прежней – разве что брови казались чуть прямее, и волосы, не убранные в хвост, стали гуще и блестели, не так, как обычно. Теперь они почти доставали до плеч, но все равно оставались значительно короче, чем у Би.

– Ее подстригли?! – Хлопнув дверью, в гостиную стремительно вошел шут. Совершив изящный пируэт, он обошел Мириам, и остановился возле Суонк, его ноздри раздувались от возмущения. Та снова взяла ножницы на изготовку.

– Кто бы мог подумать, что созданная мной индустрия красоты может пригодиться таким… животным. – Выдохнул шут куда-то в сторону, видимо, своему отражению в зеркале.

– Ну так и стриг бы своих животных! Чего к людям приставать! – Тут же огрызнулась Суонк, и Мириам прыснула. Одновременно с ней рассмеялась Вероника – где-то вдалеке, словно находилась в другой части здания. Монти открыл было рот, но тут же снова закрыл, будто рыба, выброшенная на берег ручья.

– Твой сарказм слишком тонок для нее, шут. – Констатировала Би. – Но не думаю, что в этом она отличается от большинства леди, для которых ты построил эту… фабрику. Кого ты принимаешь здесь? Жен купцов? Дочерей военных? Или, все же, тех женщин, для которых внешность – лишь способ заработать?

– Здесь не задают вопросов. – Неожиданно серьезно ответил Монти. – Тут делают красивыми. За деньги.

– Я так и предположила. Ты же отвечаешь как за публичные за развлечения своего короля – представления, праздники, балы – так и за более… интимные?

Шут жестом приказал служащей выйти, и, когда дверь за ней захлопнулась, обернулся к воительнице:

– Красота продается. Давным-давно Джон Риордан научил меня, что она имеет ценность в любом обществе. Ради нее сражаются, умирают, а я использую ее как средство для достижения цели. Подкупаю, манипулирую, продаю. Вы правильно угадали, леди – все возможные фантазии короля находятся в моем ведении. Да что там – вы же были личным адъютантом Лиса, в Чикаго? Неужели вы настолько плохо знаете, что значит служить королю?!

– Я исполняла приказы.

– Приказывать можно и в спальне.

Ответная вспышка ярости была такой резкой, что Мириам вжала голову в плечи, отлично понимая, что за ней последует. Би вскочила, и дернула шута за кружевной воротник, к себе. Столик,

оказавшийся между ними, отлетел в сторону, зазвенел фарфор, но шут устоял. Он оторвал руку Би от своего горла, вместе с куском ворота, и отскочил на несколько метров – плавно, словно танцуя. Воительница уронила клок кружев на пол, и шагнула следом за ним.

– Ты забываешься. – Ее голос звучал очень спокойно. Ошарашенная Суонк снова вскинула свое импровизированное оружие, и обернулась к дверям, будто ожидая нападения.

– Ни на секунду. – Ответил шут, и поднял перед собой руки, ожидая повторной атаки. Его длинные пальцы едва заметно дрожали. – Я отлично понимаю, с кем говорю. Вы будете убивать, пока не добьетесь своей цели. Но я так не сумею. И никто из детей Иштар не может.

– Что?

– Вы смеетесь над моими методами – но мне противны ваши. Всем нам отвратительно насилие. Риордан учил нас жить, не прибегая к нему, используя Таланты – манипулировать, лгать, развлекать, соблазнять. Мы актеры, лицедеи, сказочники – но не убийцы. До того, как появились вы, среди детей Иштар был лишь один, способный отнимать жизни…

– Сломанная Маска. И он был чужим даже среди вас. Как и Джон, верно?

– А теперь появились вы, ее воины, и никто из нас не знает – любить вас, или же бояться? Пусть даже она сама избрала такой путь…

Шут замолчал. Би задумчиво склонила голову, стоя перед ним.

– Я смогу использовать свой Талант в бою. – Прервала молчание Мириам. – Потому что я видела, что произойдет, если я этого не сделаю. Сломанная Маска тоже считал, что это мерзко. Но мы не сможем иначе, Монти, честное слово.

– Есть нечто, отвратительнее убийства. – Сказала Би. – Стоять и смотреть, как оно совершается. Не вмешаться, не защитить. Мне наплевать, что ты о нас думаешь, Монти. Если в том мире, который вы, дети Иштар, так надеетесь построить, не найдется места для меня – пусть так и будет. Я не остановлюсь.

Она протянула шуту руку. Тот растерянно взял ее, и в его цветах злость неожиданно сменилась стыдом.

– Если подумать, то я и правда мало могу помочь вам. – Неуверенно проговорил Монти. – Апартаменты, прически, платья – все эта суета по сравнению с тем, что вам предстоит…

– Нет. – Ответила Би. – Есть еще твои знания. Связи. Они уже работают на нас. Нам нужен союз с королем, и ты – наш проводник. Твоя работа – обеспечить его. Я права?

– Абсолютно. – Шут слегка поклонился. – Простите мою неудачную шутку.

– А ты извини мою вспышку. – Би осторожно дотронулась до его плеча. – Но теперь, как мне кажется, я понимаю тебя лучше. И твоих… сестер.

Монти снова поклонился, на этот раз – более развязно, как раньше:

– Тогда, если вы не возражаете, перейдем к делу.

– Давно пора. – Би неуловимым движением выхватила у Суонк ножницы, и бросила их на стол. – Твои девушки закончили с нашими волосами?

– Да они едва начали! – Брови шута комично взлетели вверх. – Вам сделали пару масок, убрали лишнюю… растительность, наметили контуры так сказать. До приема еще десять часов, никто не будет делать вам прически сейчас. Моя команда займется вами не раньше четырех часов вечера, чтобы вы могли прибыть на место во всеоружии.

– Тогда чего мы ждем?

– Одежда! – Всплеснул руками шут. – Платья! В чем вы собираетесь идти на прием? В джинсах?

Видимо, удивленный взгляд Мириам красноречивее всего показал, что именно так она и намеревалась поступить – потому что Монти мягко подхватил ее за руку, и повлек к двери:

– Нам нужно снять все размеры, и определиться, в чем вы появитесь. Вы должны произвести неизгладимое впечатление, но при этом не быть вульгарными, или же…

– Монти. – Позвала Би, и шут обернулся. – Прежде чем мы выйдем отсюда, давай согласуем один вопрос.

– Да? – Сказал шут, и Мириам показалось, что она снова услышала далекий смешок Вероники.

– Прайм Неро здесь. На два уровня под нами. Он что, тоже пришел выбрать платье?

III.

Мимо ярмарочным хороводом проносилась одежда.

Цветные платья, костюмы, короткие майки, шорты, шляпки, банты – точно толпа, в мгновение лишившаяся тел и оставившая только яркие оболочки, шла навстречу. Коридор, заполненный бесчисленными вешалками, стойками, и крючками, медленно изгибался, повторяя форму центрального колодца, пронизывающего все здание Монти. Сам шут как обычно спешил, Мириам едва поспевала за ним, и за Би, чей алый халат почему-то смотрелся намного лучше, чем большинство платьев. Суонк, не

особо мудрствуя, перешла на бег, и, догнав воительницу, спросила:

– Так когда передать письмо?

– Сначала ты оденешься. – Взвешенно ответила та, не сбавляя шаг.

– Да я уже… – Суонк поймала взгляд, брошенный на нее Би, и запахнула свой халат на груди:

– Ладно, ясное дело – эта тряпка никуда не годится. Вернут мне одежку – и потом что?

– Ты слышала Монти – Неро здесь, чтобы подобрать праздничную одежду для Тани. Сегодня, в суде Атланты, он будет назначен ее поручителем, а ты передашь ему официальное приглашение. Ты же его не потеряла?

Суонк мотнула головой-одуванчиком, и показала край бумажного листа, спрятанного в глубоком вырезе халата.

– Я схожу с тобой. – Сказала Мириам, почувствовав ее неуверенность. – Проведаю Таню, пока ты будешь говорить с принцем.

Ответом ей стала молчаливая вспышка благодарности – видимо, Суонк просто не хватило дыхания для ответа. Они буквально мчались через заполненную одеждой галерею, провожаемые взглядами служительниц в голубой униформе. Слева открылось пустое пространство, пронизанное прозрачными трубами лифтов, и теперь они шли по его краю, отделенные от пропасти только барьером, блестящим хромированной сталью. Улучив момент, Мириам не выдержала и перегнулась через него, разглядывая все это странное и сверкающее место.

Больница? Фабрика одежды? Огромная лавка? Она все еще не очень понимала, как правильно назвать произведение шута, хотя его назначение было вполне прозрачным. Монти построил дом, в котором людей делали красивыми, и брал за это деньги. Насколько большие, Мириам не могла и представить – в этой блистающей башне бесполезны были обычные человеческие мерки.

Отчасти она походила на отель – пустотой внутри и выходящими в нее открытыми уступами этажей. На этом сходство заканчивалось – там, где в отеле царствовала зеленая листва и мягкий свет, здесь сверкала сталь и стекло. Колодец в центре пронизывали скоростные лифты, на которых Мириам уже дважды успела прокатиться, а многочисленные галереи, расположенные вокруг, ошеломляли разнообразием цветов, яркими отражениями зеркал, и цветными окнами, с выставленными в них предметами одежды и украшениями – видимо, на продажу. Этажи, расположенные сверху, напротив, отбрасывали мягкие молочные

блики от прикрывающих их матовых стекол, так что рассмотреть происходящее за ними было невозможно.

Впрочем, Мириам хватало и того, что творилось внизу. Мелькающие цвета, которые она наблюдала раньше, неожиданно обрели живое воплощение. Там расположился цирк, заполнив своей суетой целый этаж. Мелькала форма десятка служительниц, суетящихся между вешалками, окнами и закрытыми кабинками. Степенно двигалась высокая прическа Джейд, доказывала что-то Йоко, размахивая руками, крутилась перед зеркалом акробатка Лилит, облаченная во что-то короткое и непристойно-открытое. Чуть дальше Мириам заметила Руби, в длиннополом черном пиджаке, распинающегося перед двумя служительницами, и пару борцов, пытающихся натянуть на третьего что-то вроде ночной рубахи. Мари и Мона не показывались, но она чувствовала их цвета там же, рядом. Она подняла руку, и на ходу прокричала приветствие, но ее голос тут же потерялся в свисте лифтов, снующих вверх и вниз по трубам.

– «Не волнуйся.» – Голос Вероники прозвучал совсем рядом, будто она снова сидела на перилах над пропастью. – «Вы идете прямо туда, в этот хоровод.»

– Правда?

– «Больше некуда.»

Все так же, почти бегом, они миновали открытую часть кольцевой галереи. Дальше начинались ряды стекол, которые Мириам сперва приняла за окна – глубоких ниш, с расположенными в них подобиями человеческих фигур. Между ними открывался широкий, но не слишком хорошо освещенный проход, и, только повернув туда вслед за шутом и Би, Мириам почувствовала, что пол под ногами идет вниз, превращаясь в изогнутый пандус. Теперь они следовали по закрытому коридору, ведущему вниз в обход галереи, а мимо проплывали все те же ярко освещенные окна, со странными, безликими человеческими фигурами. Взглянув на них поближе, Мириам поняла, что это изваяния, вроде пластиковых статуй, щеголяющие разнообразной и странной одеждой. Видимо, они должны были продемонстрировать товар, продаваемый Монти, но казались немного страшноватыми, даже не смотря на прекрасные костюмы. Коридор понижался, знакомые цвета становились все ближе, а одеяния в окошках все более открытыми – платья и пиджаки сменялись узкими косыми юбками. За короткими шортами следовали узенькие майки, едва ли прикрывающие что-либо, а за ними – совсем прозрачное белье, вроде того, что Мириам нашла на своей кровати, в отеле. Толком рассмотреть она почти ничего не успела, коридор закончился, выходя на галерею уровнем ниже,

мелькнули по сторонам блестящие золотые завитки на статуе справа, и белые перья на едва заметных цепочках слева. Шут все так же стремился вперед, перед ним расступались служительницы, и охранники в синей униформе, по правую руку мелькали плотные балдахины, скрывающие проходы глубже, в другие переходы и помещения. Впереди рассыпался знакомый смех – видимо, циркачи мерили костюмы, спорили или похвалялись друг перед другом. А потом Суонк догнала Мириам, взяла за руку, и спросила:

– Эй, ты видела эти штуки? Ну, что там висели? Нас же не заставят такое одеть?

Девушка собралась было ответить, но потом задумалась – будут ли ее слова честными? Ведь сама она не могла быть до конца уверенной в том, что шут не предложит им подобных нарядов? Однако ее размышлениям не суждено было завершиться – в ту же секунду ее сильно дернули за другую руку, втаскивая под ближайшую портьеру. Мелькнули удивленные глаза Суонк, затем поле зрения закрыла плотная красная ткань, перекатывающаяся волнами. Мириам потащили в помещение справа, окутав красными шторами, и теперь пытались распутать, но волнения не было – ей хватило мгновения, чтобы узнать прикоснувшиеся к ней пальцы, волну приятной дрожи, бегущей по коже.

Наконец портьера хлопнула в последний раз, и перед Мириам оказалась Мона. Запыхавшаяся, растрепанная, в коротком кружевном платье и со странной формы шляпкой, которую актриса прижимала к груди. Ее рыжие волосы, вероятно после манипуляций Монти, обратились настоящей гривой, ниспадающей на веснушчатые плечи крупными блестящими локонами.

– Можно вопрос? – Спросила она, и Мириам с удивлением отметила напряжение, сквозящее в ее цветах. Намного более сильное, чем вчера, перед спектаклем.

– Конечно.

– Этот мужчина, Неро. Который пришел сюда с девочкой. Я знаю, ты с ним знакома. Какой он?

– Мари не рассказала тебе? – Удивилась Мириам. – Вы не вместе расспрашивали эту… Джессику?

– Вместе. – Мона опустила глаза. – Но ты можешь заметить больше, чем остальные. Каким ты его видишь?

Мириам задумалась, как всегда, с трудом облекая в слова мгновенно возникающие картинки:

– Он сильный. Твердый, как сталь, и очень упрямый. Внутри у него огонь, пусть даже его не видно, но он может обжечь. Такой

же, как у Ребекки. Он спас меня, вчера утром, на стоянке, и я это видела. И еще – он грустный, внутри. Будто у него трещина, или рана, которая никак не может закрыться. Она никому не видна, но есть, под всем этим пламенем. Или, может быть, там источник этого огня. Она становится глубже, когда говорят о его отце, короле.

– Он действительно принц? – Теперь уже удивилась Мона.

– Да, хотя его и называют бастардом. И ему больно от этого. – Мириам поймала ее взгляд. – А тебе неприятны мои слова. Почему?

– Это не страшно – так заглядывать в людей? – Вопросом на вопрос ответила Мона, ее рот искривился в растерянной улыбке. – Наверное да. Прости. Для этого нужно быть сильной, не такой как я…

Она отступила, и неожиданно исчезла за ближайшей шторой, оставив Мириам в недоумении. Вокруг, среди волнующихся портьер, стеклянными монолитами возвышались экраны, пустые, будто окна, глядящие в далекую ночь. Затем за ее спиной произошло движение, и раздалось короткое ругательство – Суонк искала дорогу.

– Эй! – Долетел издалека окрик Монти, чей высокий голос без труда пробился через шум. – Леди Мириам, вы заблудились? Или упали в шахту лифта? Если вы немедленно не появитесь, я отправлю за вами десяток голубоглазых девственников!

– Отправь их лучше за мной! А то муж мой совсем меня не ищет! – Крикнула в ответ Джейд, где-то справа, и ответом ей стал взрыв смеха, заглушивший все остальные звуки.

Помещение, в которое проводил их Монти, оказалось чуть дальше, чем ряд комнат, занятых цирком. И шторы в нем были не алыми, а кремовыми. Пространство между ними заполняли окна, через которые открывался вид на стену Атланты и громадный прямоугольник ворот, но Мириам уже знала, что это иллюзия – все стеклянные поверхности в комнате были экранами, даже те, которые пока вели себя как зеркала. Едва войдя, шут подхватил под руки двух ожидающих там служительниц, выпроводил, а затем собственноручно задвинул тяжелые шторы за Суонк.

– Прошу прощения за моих подопечных… и ваших друзей. – Сказал Монти, оборачиваясь и отвешивая грациозный поклон. – Они слишком серьезно готовятся к представлению. Но, пользуясь этим, мы изолировали этаж от посторонних, и никто не сможет помешать нашему разговору в этом шуме.

– Ты хотел сказать – бардаке? – Спросила Би, подходя к странному прямоугольному окну в дальней стене комнаты. –

Согласна, это невозможно. А Неро с Таней в одной из кабинок напротив?

Она подняла руку, и картина за окном изменилась. Вместо вида на стену и громаду ворот там возникла площадь Основания, и начала медленно поворачиваться.

– Хотя в любом случае, через полтора часа у нас встреча в суде Атланты. Мы же уложимся в это время, шут?

– Непременно. Я не собираюсь предлагать вам готовые платья.

– Вот как? – Би повернулась к нему. – Мне это ничего не говорит, я не эксперт в одежде. Давай сначала поговорим о приеме. Он будет официальным? Или же дружеской встречей в узком кругу?

– Круг будет далеко не узким. – Усмехнулся Монти. – Король не намерен вас прятать. Спектакль, который мы здесь готовим, является поводом для вечера. Его версия на площади произвела фурор, а следующая, камерная постановка, затмит ее своими костюмами и декорациями. Должен вас уведомить, что и вы станете частью этого представления, играя далеко не самые последние роли…

– «Давай обойдемся без игр, шут». – Прервала его Вероника. – «Говори яснее».

– Использую другую аналогию. План приема – как план военной операции. Ему нужно следовать, чтобы все прошло нормально.

– Так-то лучше. Когда мы увидим Короля?

– За десять минут до начала спектакля, вы будете представлены ему официально. – Шут указал на один из экранов, показывающих город и огромное здание, возвышающееся над остальными домами. Высокое и тонкое, расширяющееся кверху, оно показалось Мириам невероятно знакомым. В памяти мгновенно всплыла волна воспоминаний прошлого утра – о тяжести в голове, тошноте, створе огромных ворот, проплывающих вверху, ощущения новизны, открытости Атланты, а затем, видение тяжелой заостренной тени над городом.

– …это Королевский шпиль. Вы прибываете к парадной лестнице, внизу, и это будет транслироваться на все экраны Атланты. Я отдам вам схемы здания чуть позже, мы согласуем ваши перемещения, до самого последнего шага.

– «Надеюсь, твой план хорош.» – Сказала Вероника. – «Иначе нам придется импровизировать.»

– Постарайтесь обойтись без этого! – Притворно испугался шут. – Я продолжаю. Официальное представление пройдет в зале для приемов, и продлится не более минуты. В залу вы войдете все

вместе, а представит вас Арго – он лично знаком с королем. Этот момент тоже будет транслироваться, поэтому важно, чтобы никто не сболтнул лишнего. – Шут остановился напротив Суонк, растерянно теребящей воротник своего халата. – Если нужно, я предоставлю письменные ответы на возможные вопросы.

– На кой мне твои ответы? – Мрачно спросила Суонк, и шут кивнул, будто отвечая своим мыслям:

– Согласен, ты же можешь перепутать их местами. Или переставить буквы в словах?

– Разговор поведу я. – Вмешалась Би. – С представлением все понятно. Когда состоится настоящая встреча?

– Приблизительно через двадцать минут после начала спектакля король удалится на крытую галерею. Вы будете ждать его там. Она пройдет без лишних свидетелей.

– И сколько у нас будет времени?

– Полчаса.

– Достаточно. – Би подошла ближе к Монти, и тот осторожно отступил. – Судя по проверке, которую я прошла вчера, у короля уже есть определенный план, и средства для его осуществления. Теперь ему не хватает только людей, достаточно отчаянных, чтобы пойти на это, верно?

– «Или попросту говоря – сумасшедших.» – Хмыкнула Вероника.

– Если бы меня посвящали в эти планы, все было бы куда проще. – Смущенно проговорил Монти. – Но от меня требуют новых шоу, свежих шуток, или оригинальных нарядов. Кстати, ваша одежда по прежнему остается важнейшей частью операции. Я думаю, что если подобрать правильное платье, подчеркивающее вашу женственность, то это произведет огромное впечатление на короля…

– Даже и не думай. – Тихо, но решительно прервала его Би. – Ты достанешь мне мундир прайма. Парадный. Мои знаки отличия можешь уточнить в Чикаго – там наверняка уже знают, где я.

Монти, глубоко вздохнув, возвел глаза к потолку:

– Ну почему я всегда оказываюсь прав? Я так надеялся, что вы все же выберете платье. Но заранее запросил в Чикаго список ваших отличий, и выкройки нашивок. Оказывается, у их мундиров совершенно другие пуговицы…

– «А я то думала, чего не хватает в этом платяном шкафу размером с дом?» – Рассмеялась Вероника. – «Оказывается, пуговиц.»

– Нет такого платья, которое нельзя было бы сшить здесь! – Задрал подбородок шут. – Все дело исключительно в модели. Сейчас мы снимем размеры, и к вечеру ваш мундир будет готов.

Однако, это всего лишь первая из трех задач, которые стоят перед нами сейчас…

– «Боишься, что наше желтоволосое чудо начнет… импровизировать?»

– Ужасно. И, признаться, всю дорогу думал над этой проблемой. – Шут дотронулся до рамки ближайшего к нему зеркала. Отражение комнаты пропало, а вместо него в пустоте повис изящный черно-серебристый костюм со странным, круглым воротничком. – Король приказал, чтобы маленькая грубиянка появилась на приеме. Но никто из нас не хочет, чтобы ей начали задавать вопросы, верно? Вот это – самое простое решение.

– Костюм служанки… – Задумчиво проговорила Би, и глянула на Суонк.

– Это для меня, что ли? – Догадалась та, рассматривая изображение. – Так я приду к этому вашему королю в ошейнике, как рабыня? И не мечтай, полосатый!

– В Атланте нет рабов, сладкоречивая моя. – Широко улыбнулся шут. – Слуги – это свободные граждане, которым платят за работу. Но их кодекс ограничивает некоторые действия – например, слугу не станут расспрашивать о чем-либо в присутствии хозяина… или хозяйки. А она может дать приказ не отвечать на вопросы, или вообще, не разговаривать. Последнее, как мне кажется, куда предпочтительнее.

– А хозяйкой, значит, будет сестричка? – Суонк взглянула на Би. – Ну а тогда разница в чем? Я то все равно твои приказы выполняю?

– Там будет опасно. – Задумчиво ответила воительница. – Я бы предпочла вообще не брать тебя на прием, но король решил иначе. Значит, ты должна будешь вести себя как можно тише и незаметнее. Если кто-нибудь узнает, кто ты и откуда, это может нарушить все наши планы.

– Прости. – Сказала Суонк, и взглянула на шута. – Вроде как маскировка, да? Ну что, тогда неси эти шмотки, что ли? А то принц наверное без письма скучает…

– Как скажешь. – Ухмыльнулся шут и хлопнул в ладоши. Под изображением костюма зажегся зеленый огонек, а в глубине закрытого шторами пространства прозвучал негромкий звонок.

– Пройди пожалуйста на середину. – Шут указал на круглый помост в центре комнаты. – И сними халат, я отвернусь.

Суонк неуверенно взошла на помост, и, подозрительно глядя в спину Монти, взялась за пояс халата. Вдалеке прозвучал еще один звонок, чуть ближе, заглушая гомон циркачей.

– Остается последняя задачка. – На распев, по своему обыкновению, проговорил Монти. – У нас есть воительница, ее

исполнительная служанка, грубый герой с темным прошлым. Вам не кажется, что в этом списке чего-то не хватает?

– «Смысла?» – Спросила Вероника, и шут погрозил пальцем экрану перед собой:

– Нет же! Только представь их всех, стоящих рядом, на лестнице, ведущей в Королевский шпиль. Перед камерами, освещенными прожекторами, среди почетной гвардии, и знати. Это же очевидно…

Прозвучал третий звонок, и портьера справа от Мириам отлетела в сторону. В комнату вбежали четыре служительницы в синей униформе, нагруженные многочисленными черными свертками, серебристыми ленточками и непонятными блестящими инструментами жутковатого вида. Они окружили Суонк, желтый халат упал на пол, оставив ее почти обнаженной – не считая блестящей повязки, стягивающей плечо, левый бок, и пересекающей грудь. Помедлив, девушка развела руки в стороны, повинуясь тихим просьбам служительниц – мускулистая, худенькая, точно подросток, с парой тонких белых шрамов, бегущих по левому бедру, и загорелому животу. Лишенное волос после процедур Монти, ее тело казалось каким-то особенно беззащитным. Мириам видела, как разгораются в ней злость и обида – а затем отступают, словно под давлением.

Белый лист, зажатый в правой руке Суонк, слегка подрагивал.

Секунду спустя она уже не была обнаженной. На плечи опустился отрез темной ткани, вокруг бедер обвилась серебристая лента, а на животе мелькнул быстрый росчерк зеленого лазерного луча. Инструмент одной из служительниц пощелкивал, когда она вела его вокруг тела девушки, измеряя что-то, выбрасывая колонки цифр на экран перед Монти. Остальные трое, двигаясь стремительно и слаженно, разворачивали свертки, прикладывая их к телу Суонк: светлую и скользкую на вид подкладку, выкройки карманов, длинные полоски резинок. А еще один страшноватый инструмент тут же соединял все это, выплевывая едва заметные скобы.

На глазах у Мириам они шили одежду. Создавали костюм, соединяя, складывая, отрезая тонким лезвием, и мгновенно сшивая маленькой стрекочущей машинкой. Сначала обрели очертания рукава, затем пояс и карманы, зазмеились вниз ленты брюк…

Зрелище так захватило ее, что она едва услышала голос Монти, когда он произнес ответ на свою загадку. И поняла, что он сказал, только после того, как ее сердце несколько раз ударило с особенной силой.

– Это же так печально. – Сказал шут. – Когда рядом с героем

не хватает леди.

Глава IX.

Интермедия V.

Большую часть залы занимало ложе.

Оно было единственным освещенным предметом – островом белого света, испещренным складками. Изнанка смятых простыней светилась алым, делая их похожими на кровавые трещины, рассекающие идеально ровный круг. Лучи точечных софитов безжалостно подчеркивали каждую из них, делая глубже и ярче, чем сияние утреннего солнца, проникающее сквозь поляризованные стекла в стене залы.

Джордан знал, что сегодня король не спал.

Умение прайма читать по складкам простыней ничуть не уступало его способностям следопыта. Они безошибочно указывали количество и темперамент женщин, посещавших монарха, и, что гораздо важнее – его настроение. Сегодня, миновав пост охраны у смотровой площадки, и войдя через двери бронированного стекла, он застал ложе бессонной ночи.

Сам король даже не посмотрел на него.

Возможно, кто-то другой счел бы такое поведение пренебрежительным, но Джордан видел в нем признак доверия – далеко не к каждому гостю монарх мог бы повернуться спиной. И еще меньше людей могли лицезреть короля таким, как сейчас – мрачным, сгорбившимся в огромном кресле перед зеркалом. На столике, отодвинутом в сторону, остывал огромный полупустой кофейник, прислонившийся к чаше с конфетами. Дорогой шоколад с красным перцем растекался по его основанию черной лужицей, и Джордана совсем не обрадовало это зрелище. Мало кто знал, что король любит сладкое – монарх почему-то считал это слабостью, недостойной мужчины, позволяя себе подобное лакомство в крайних ситуациях. О которых возможные свидетели предпочитали не распространяться.

Сейчас в зеркале отражался человек, не слишком похожий на короля Атланты, каким его показывали в новостных передачах и на общественных экранах. По его лбу пролегла глубокая складка, глаза запали, а в бороде и кудрявых волосах инеем осела седина. Джордан видел возраст короля – обычно совершенно незаметный из-за излучаемой им искрометной энергии и мощной ауры власти. В бессонных покоях сидел обычный человек, мужчина, разменявший свой пятый десяток, и думающий о неизбежном.

– Скажи мне, Джордан. – Наконец проговорил он, все так же

рассматривая себя. – Это и есть лицо короля?

– Не такое, каким его привыкли видеть. – Ответил прайм, привыкший к неожиданным вопросам, и знающий, что в таких случаях лучше говорить правду.

– Значит, моя власть – это всего лишь привычка? – Сделал неожиданный вывод монарх, разглядывая молодого прайма в отражении.

– Для тех, кто не борется за нее. – Ответил тот. – Как большинство людей в этом городе.

– В этом преимущество молодости. – Проговорил король задумчиво. – Вы так быстро меняетесь, что просто не успеваете осознать этого. Вам слишком легко расставаться с привычками. Знаешь, в чем состояло единственное преимущество отношений, сложившихся между нами и небом?

Джордан покачал головой.

– В стабильности! Мы, точно старые супруги, чей пыл давно угас, но совесть приказывает оставаться вместе. Разве это не забавно? И, точно один из этих супругов, я проснулся сегодня в своей постели, понимая, что одинок… – Король невесело усмехнулся. – И что в будущем меня ждет неизвестность.

– Не люблю спать один. – Ответил Джордан.

– Как если бы у тебя было время для сна. Сколько сейчас? Шесть утра?

– Вы приказали докладывать как можно раньше.

– Твой вчерашний отчет был достаточно полон. Я хотел поговорить с тобой прежде, чем начнется день.

– Он будет насыщенным. Люди Монти уже переделывают зал внизу. Карвер докладывает, что повреждения «Фьендов» незначительны, и все три модели будут приведены в боевую готовность уже к вечеру.

– Наш уважаемый оружейник излишне торопится…

– При всем уважении, сир, я так не считаю.

Король смерил Джордана изучающим взглядом, затем не спеша потянулся к кофейнику:

– Значит, в эту ночь размышления не давали спать не только мне?

Прайм поклонился в ответ:

– Моя задача – обеспечить вашу безопасность. А вечер, который вы собираетесь устроить, несет в себе слишком много отвлекающих факторов.

– И очень привлекательных. – Согласился король, наливая холодный кофе в высокую глиняную кружку, выглядящую совершенно чужеродно посреди изящного убранства зала. – Это лучшая маскировка из тех, что я когда-либо придумывал. Или ты

ревнуешь к мастерству шута?

– Я не в курсе всех приказов, которые вы ему отдаете. – Признал Джордан. – Например, я до сих пор не знаю, для чего приводят в порядок Колоссеум, и что за праздник должен пройти там завтра. Его люди, похоже, просто действуют по стандартной программе. Однако, я не сомневаюсь, что вы проинформируете меня, когда сочтете нужным…

– Правильно, Джордан. – Ответил король. – Поменьше сомнений, и давай вернемся к тому, что тебя беспокоит.

– Посланницы, сир. Они слишком опасны для той схемы охраны, которая была предложена. Ваш риск при встрече с ними превышает все допустимые нормы.

– Не ты ли уверял меня в их мирных намерениях?

– В них я все так же уверен. – Признал Джордан. – Но не могу сказать того же о вас.

– Вот как? – Король снова смотрел в глаза своему отражению. – Теперь во мне сомневаются мои собственные праймы…

– Нисколько. Но на случай, если ваши намерения все же изменятся, и что-то пойдет не так, я бы предложил другую дислокацию сил в Шпиле на время проведения приема.

– «Фьенды»?

– Да. И все праймы, которых мы сможем собрать, на минимальной дистанции от вас.

Король не ответил. Ветер трепал флажки, обозначающие края незаконченной обзорной площадки за поляризованными стеклами, бросая угловатые тени на стены зала.

– Сир?

– Ты как будто готовишься к битве, а не вечеру развлечений. Тебе тоже страшно, Джордан?

– Я считаю, что посланницы могут стать угрозой. Вы зря проигнорировали мое предложение провести встречу по телесвязи.

– Но их я не боюсь. – Ответил король. – Единственное, что меня страшит – это перемены. А момент, когда я откажу себе в компании красивых леди только потому, что они опасны, еще не настал.

– Одна из них эспер, сир. Никто из нас понятия не имеет, на что она способна.

– Мы достаточно изучали эсперов, чтобы понять, насколько ограничены их силы. А им слишком интересен союз со мной, чтобы рисковать, применяя их. Нет, Джордан, если не дойдет до прямого столкновения, Мириам мне не опасна. Равно как и Ребекка. Хотя я должен признать – в чем-то твои сомнения

оправданы…

– Тогда, не стоит ли принять меры?

– Думаю, чуть больше предосторожностей и правда не помешает. Лео и Лонга придется снять с патрулирования, верно?

– А Микаэлю – отвлечься от его… мероприятий.

– Его это только обрадует – променять пыльную площадь на мой зал для приемов.

– Гвардейцы могут провести казнь и без него.

– Пусть так и будет. Неро?

– Я бы предпочел держать его поближе, если это не будет противоречить вашим приказам.

– Тогда постарайся, чтобы он не попадался мне на глаза. – Король усмехнулся, внезапно становясь похожим на себя прежнего. – Или он рискует выпасть из образа опального принца. Но пусть дистанция будет небольшой – я бы хотел, чтобы во время встречи посланницы увидели его.

– Будет сделано. – Поклонился Джордан. – Но… есть еще что-то, о чем вы хотели поговорить?

– Да, пока ты не отвлек меня своими опасениями. Я хотел спросить, понравился ли тебе спектакль?

Прайм задумался на секунду.

– Да, я полагаю, он был хорош. Мне не удалось посмотреть его полностью.

– Он был великолепен. – Заметил король. – И это – одна из причин моей бессонницы. Блондинка, изображающая мальчика – она прекрасна, и так похожа на… А впрочем, неважно. Сегодня я увижу ее еще ближе – хоть это так не вовремя. Почему красивые вещи всегда находятся рядом с пугающими нас, Джордан?

– Возможно потому, что по сути они одинаковы? – Предположил прайм, и король снова улыбнулся, наконец то разворачиваясь к нему.

– Вот как? – Спросил он, все еще усмехаясь. – Возможно, прекрасная Мириам все же промыла тебе мозги? Нет, не отрицай – я умею видеть красоту женщины, даже если она не умыта, и не одета подобающим образом. Ты же считаешь чертовски привлекательными этих вестниц перемен?

– Так и есть, сир. – Признал Джордан. – Но я все еще не знаю, каков будет ваш выбор. И это трудно.

– Именно. – Согласился король. – Неопределенность делает изменения пугающими. Она заставляет нас смотреть в будущее – и не видеть его. И не только нас – но и наших врагов.

– Значит, она становится оружием?

– Верно. – Улыбка короля расцвела еще ярче, словно солнце. – Помнишь, я размышлял о старых супругах? Представь,

что супруг решает оживить былую страсть, и делает вид, что завел женщину на стороне…

– Чтобы его жена начала ревновать?

– И вспомнила о том, что мужчину нужно удерживать – пусть не силой, но благосклонностью. Ведь ее тоже страшат перемены, пусть она и не подозревает об этом. Для нее это шанс подумать – хочет ли она оставить вещи такими, как есть, или сделать их хуже?

– А для мудрого супруга – это шанс поразвлечься с другой женщиной? – Предположил Джордан, и король расхохотался:

– Вот теперь я не жалею, что вызвал тебя сюда так рано. Кто еще может понять меня с полуслова!

– Но в такой ситуации, с двумя ревнивыми женщинами, всегда заключен подвох. – Заметил прайм.

– Какой же?

– Узнав об обмане, они обе могут захотеть уйти.

– Может быть. – Согласился король, и его улыбка внезапно изменилась, став страшной. – И тогда придет время напомнить им о самом главном – о наших детях.

I.

Машинки стрекотали точно летние цикады, сшивая новый костюм Суонк. Смысл слов Монти еще только доходил до Мириам, а шут уже шел к ней, обходя возвышение, и картинно закрываясь маленьким веером – видимо, чтобы не подглядывать. Впрочем, ошарашенная Суонк этого даже не заметила, во все глаза наблюдая за мелькающими вокруг лезвиями, иглами и лазерами.

Монти остановился перед Мириам, и теперь смотрел на нее сверху вниз, поверх веера, будто оценивая. Его глаза задорно блестели.

– «Ты не слишком много берешь на себя, шут?» – Агрессивно осведомилась Вероника. – «Может, она сама решит, кому ее не хватает?»

– Я в этом уверен. – Ответил Монти. – Так же, как и в том, что в платье на лестнице Королевского шпиля она будет смотреться просто невероятно.

Мириам улыбнулась ему в ответ, не очень уверенно, и, видимо, шут почувствовал это. Он снова переместился, на этот раз подхватив ее под руку:

– Я упоминал, что мне нужна твоя помощь? С костюмами для спектакля целая трагедия – ваши подруги до сих пор не могут решить, во что одеть главных героинь.

– И чем я могу…

– Мы прогуляемся в соседний зал. – Шут обернулся к Би. – С вас снимут мерки сразу после желтоволосого чуда. Нужной модели мундира у меня пока нет – мы доставим ее ближе к вечеру. А пока я предоставлю вам что-нибудь симпатичное, для предстоящего суда – там тоже не стоит появляться в той одежде, в которой вы спите.

– «Мы предпочитаем спать без ничего». – Ответила Вероника, но шут уже вел Мириам за собой. Раздвинулись портьеры, двое служительниц посторонились, пропуская их, и заходя в комнату – видимо, чтобы заняться костюмом Би. В самое последнее мгновение она почувствовала взгляд воительницы, и, уже на круговой галерее, ее догнало послание – безмолвный цифровой пакет, явно недоступный шуту:

– «Кем быть на приеме – твое решение. Если он слишком тебя достанет – скажи мне, я его пристрою. И не забудь передать Тане привет – позже у нас может не быть времени поговорить.»

Мириам снова улыбнулась, и Монти явно воспринял это на свой счет:

– Ну вот, это же совсем другое дело. При правильном макияже и в нужной обертке ты сможешь буквально ослеплять своей улыбкой.

– Ты ничего не чувствуешь, когда говоришь это. – Сказала Мириам, заставив его сбиться с шага. – Как будто повторяешь песню, не помня смысла. Меня вовсе не нужно утешать, или убеждать. Я ведь совсем не против… красивого платья.

– А как насчет остального? – Осторожно осведомился шут, ведя ее по галерее, мимо развевающихся портьер и мигающих экранов, с вертящимися на них костюмами. Кто-то из циркачей окликнул Мириам, и она помахала в ответ, а Монти тем временем продолжал:

– Прости, если вмешиваюсь не в свое дело, но мне показалось, что характер твоих отношений с Арго позволит вам изобразить… пару. В том смысле, что вам не противно общество друг друга… – Шут задумался, потом фыркнул, и раздраженно щелкнул веером. – Да что я несу! Какого черта ему вообще может быть неприятно твое общество? Как он может быть против, если такая девушка возьмет его за руку на парадной лестнице?! А?! Весь вопрос только в тебе – захочешь ли ты, чтобы про вас говорили в таком… контексте.

– Про нас не успеют много сказать. – Тихо ответила Мириам. – Ты же понимаешь это, да? Мне не нравится в этом только одно – что придется обманывать…

– Кого? – Хитро осведомился Монти. – Его или себя?

– Вовсе нет! Тех, кто будет на это смотреть.

– О, поверь, они легко проглотят такую маленькую ложь. Король любит Арго, и частенько приглашал его к себе. Но обычно он поднимался по лестнице один, и вокруг этого шли постоянные пересуды. Ему будет полезно, если рядом с ним увидят нормальную женщину. В любом случае, это намного лучше, чем альтернатива.

– Какая?

– Объяснять, кто ты и откуда. Поверь, если я обмолвлюсь, что ты сопровождаешь Ребекку, или что вы путешествуете вместе, и живете в одном номере, или…

– Прекрати! Почему-то, когда ты говоришь об этом, самые обычные вещи звучат постыдно…

– Потому что они могут показаться такими. – Ответил шут. – Вот здесь на помощь и придет наша маленькая ложь – чтобы подтолкнуть мысли тех, кто будет наблюдать за вами, в другую сторону.

Они прошли почти половину галереи, миновав шумные кабинки артистов. Монти остановился перед входом в одну из них, ничем не примечательную – хотя теперь Мириам уже заметила, что все помещения, выходящие в общий колодец фабрики, помечены едва заметными номерами на цветных табличках, прямо над портьерами. В этой кабинке вспыхивали и переливались цвета Мари и Моны, заметные издалека. Они беседовали, или просто говорили одновременно – Мириам разбирала слова, но те почему-то не складывались в понятные фразы. Шут медленно обернулся:

– Так мы пришли к согласию? Конечно, еще тебе понадобится подобрать платье, но я думаю…

– Я покажу тебе, какое мне нравится. А чем я могу помочь тебе?

– Да так… залезть в одну очаровательную голову. – Вполголоса проговорил шут, и отодвинул портьеру.

Меньше всего эта кабинка напоминала место, где полагается примерять одежду. Кроме экранов на стенах, здесь оказалось еще несколько, узких и высоких, спускающихся с потолка на гибких кронштейнах. Они располагались вокруг центрального возвышения, на котором устроилась Мари, в белом рабочем комбинезоне, рассматривая бегущие вокруг изображения. Мона, стоя у стены слева, занималась тем же, то и дела дотрагиваясь до экрана, но ее одежда не выглядела обычной. Совсем даже наоборот, Мириам была уверена, что в чем-то подобном просто нельзя появиться на улице. Тело девушки покрывали тонкие

темные кружева, оставляя открытой спину и часть бедер. А когда актриса обернулась, чтобы помахать вошедшим, оказалось, что и спереди ткани явно не хватает – глубокий узкий вырез доставал до широкого черного пояса, обнажая ложбинку живота, и пупок, настолько знакомые, что Мириам почувствовала, как заливается краской.

Мона, похоже, моментально это заметила, потому что тут же завертелась на месте, разметав рыжие волосы:

– Нравится?

– Это… неприлично. – Ответила Мириам первое, что пришло в голову.

– Более непристойно, чем вообще без ничего? – Робко, будто испугавшись своей смелости, спросила Мона.

– Наверное да.

– В этом и смысл. – Сказала Мари. – Она подчеркивает то, что хочет показать. Как свет, собранный линзой.

– И кого вы хотите… осветить?

Мари посмотрела на Мириам. Ее глаза казались воспаленными, будто она не спала всю ночь. На экранах вокруг сменялись изображения – толпа, яркие костюмы, двигающиеся в танце фигуры, огромная лестница, ведущая куда-то вверх. Общим у них было только одно – человек, мелькающий на всех экранах, видимый с разных позиций. Высокий, с коричневой кудрявой бородкой, и веселыми светлыми глазами.

– Ты знаешь. – Сказала Мари.

– И вы подбираете одежду, которая ему понравится?

– Он любит простые цвета – голубой и белый. – Устало прикрыв глаза, проговорила Мари. – Вот это, на Моне, не подойдет. Ему нравятся короткие чулки, такие, как носили в Атланте пять лет назад. Без поясов. Длинные светлые волосы. Рост… кажется не важен. Блондинки или шатенки.

– На мой взгляд, вы слишком стараетесь. – Сказал Монти, снова раскрывая свой веер. – Поймите, никто не будет спасаться от вас бегством. Такие мелкие детали…

– Все должно подойти идеально. – Возразила Мари, и шагнула вниз, с возвышения, к Мириам. – Ты поможешь?

– Конечно, только чем? – Девушка всматривалась в экраны, пытаясь представить рядом изображенного там человека. – Это ведь записи, да? Я ничего в них не чувствую. Мне нужно увидеть его, хотя бы на расстоянии, чтобы сказать хоть что-то про его цвета. Здесь он выглядит веселым, и добрым, но ведь на самом деле это наверняка не совсем так…

– Король Маркус любит смеяться. – Сказал Монти, прикрывая веером нижнюю часть лица. – Но это ровным счетом ничего не

значит. Если хотите понять, что он чувствует – смотрите только в глаза. Многие совершали ошибку, принимая его за недалекого весельчака – и все они в прошлом.

– Мы знаем достаточно. – Продолжала Мари, беря за руку подошедшую к ней Мону. – Сейчас нам понадобится рисунок того, о чем я думаю. Монти не может сшить готовое платье, пока нет способа его… запечатлеть. А я могу проецировать только образы, не рисунки…

Она протянула вторую руку к Мириам – и комната вокруг рассыпалась ворохом осенних листьев, открывая дорогу совершенно иному окружению.

Теперь все трое стояли на лестнице – широкой, будто хайвей, под небольшим углом уходящей вверх, к тоннелю, обрамленному серебристой светящейся аркой, над которой, мерцая тонкими пунктирными огоньками, вздымалось нечто огромное. Мириам с трудом различила очертания на фоне вечернего неба, усеянного ранними звездами, но сразу же узнала.

Отсюда Королевский Шпиль выглядел просто невероятным – будто цветок Иштар, или что-то, сравнимое по размеру. Венчающее его расширение казалось туманностью в небе, сиянием, чуть затмевающим Луну.

– С этого начнется вечер. – Сказала Мари. Яркий электрический свет, падающий на лестницу со всех сторон, заставил ее белую кожу сверкать серебром. – Здесь он увидит нас в первый раз.

В безжалостном свете детали ее костюма проступали необычайно отчетливо: белые кружева на груди, прямой пиджак, сужающийся на талии, широкие рукава с полупрозрачными манжетами, облегающие брюки с белыми вставками. Убранные под широкий берет волосы открывали изящную шею и мочки ушей, с чуть заметным проблеском черных камней в миниатюрных сережках.

– Так хорошо? – Спросила Мари, и Мириам кивнула. Явно мужской, костюм тем не менее производил явно противоположный эффект, сообщая фигуре актрисы необычайную женственность.

– А я? – Мона потянулась, мягко подхватила руку Мари, и опустила на свою талию.

Ее платье выглядело полной противоположностью костюму ее подруги. Воздушное и почти прозрачное, оно окружало фигуру Моны светло-голубым облаком, под которым проступали вставки плотной материи, и обнаженная кожа. Белые чулки, будто змеиная кожа, облегали длинные ноги, но бедра актрисы под

короткой пышной юбкой оставались почти открытыми. Еще одна плотная вставка, следующая всем изгибам фигуры, целомудренно прикрывала живот и грудь, а над ней, будто газовый гейзер, вспухал воротник из кружев, придерживающий гриву из крупных алых локонов.

– Джульетта не столь невинна, как мне казалось. – Задумчиво проговорила Мари.

– Я ничего не знаю о своей красоте. И о соблазнах, которые она несет. – Потупила глаза Мона. – Ты научишь меня?

– Боюсь, учиться придется нам обеим. – Мари взглянула на Мириам. – Как ты думаешь, ему это понравится?

– Он просто набросится на одну из вас. – Честно ответила та. – Если он нормальный мужчина, конечно. И при условии, что его не опередят.

– Значит, остается только нарисовать нас, верно?

– Да. – Глубокая трещина раскололась ночь над лестницей, повинуясь приказу Мириам, пропуская холст – пока еще пустой. Здесь он выглядел почти как настоящий бумажный лист, только высотой в два человеческих роста. Его поверхность ярко светилась, отражая электрический свет, а темные линии, побежавшие по нему вслед за жестом Мириам, казались трещинами, уходящими в ночь. Усилие, требующее их возникновения, было быстрее любого движения руки. Она молниеносно набросала два силуэта, и контур лестницы за ними, потом начала углублять детали костюма Моны – складки кружев на воротнике платья, укладку волос.

И задумалась на долю секунды. Потом снова прикоснулась к холсту – и на лестнице, рядом с актрисами, проступил третий силуэт. Такой же стройный, но более женственный, в длинном платье, разрезанном сбоку, и обнимающем его, будто цветочный бутон.

Мона рассмеялась:

– Вот как? Ты тоже решила озадачить Монти? Или, может быть, кого-то соблазнить?

– Я обещала, что покажу ему платье, которое хочу.

– Помню – ты создала его во время передачи. – Проговорила Мари. – Нарисовала сама себя. Твой талант близок к Иштар, потому что позволяет творить.

– И даже больше. Как ты и обещала – я могу прикасаться к цветам, которые вижу внутри людей. – Мириам запнулась. – Та девушка, Джессика – она и правда боялась за Неро, верно?

– И много о нем рассказала. – Уклончиво ответила Мари, а Мона отвела взгляд. – Я уже поделилась с вами данными, которые получила.

– Но ведь не всеми?

– Только теми, которые для вас полезны. – Признала Мари, внимательно глядя на Мириам. – Но… ты же доверяешь мне, верно?

– Да, хотя я знаю, что вы обманули нас. Ваша миссия – это вовсе не приказ Иштар. Вы спасаете Сломанную маску сами, потому что так решили.

– Да. – Ответила Мари, и Мона взяла ее за руку. – Но теперь, когда все пришло в движение, это неважно. Можешь рассказать об этом своей подруге.

– Вы могли сказать правду. – Ответила Мириам. – Она поняла бы вас даже лучше, чем я.

– Возможно. – Согласилась Мари. – Или, она могла бы усомниться.

– Не лги мне больше, пожалуйста.

– Я… уже попросила у тебя прощения. Помнишь, на площади? Мы сделаем все, чтобы помочь вам – и больше никакой лжи. Правда, Мона?

– Твой совет и правда помог мне. Но теперь мне страшно – я думаю о том, что могу сотворить с людьми при помощи своего Таланта.

– Это… очень хорошо. – Тихо сказала Мона. Мари взглянула на нее, и опустила глаза.

– Почему?

– Риордан говорил, что страх – мера внутренних весов. – Печально продолжала девушка. – Он не даст силе убить в тебе человека.

– Страх перед талантом?

– Вовсе нет. – В глазах Моны блеснули слезы, яркие, как звезды в свете прожекторов. – Перед собственными желаниями.

II.

– Что, и до тебя добрались? – Усмехнулась Суонк.

Механизм, испускающий пару зеленых лазерных лучей, тихонько щелкнул под мышкой у Мириам. К груди, а затем и к животу прикоснулся металл. Девушки в форме служительниц сноровисто двигались вокруг, снимая мерки, прикладывая отрезки ткани. Сухо звякнули механические ножницы, и сразу же застрекотала машинка, скользя по шву на только что появившемся рукаве. Другой механизм бесшумно выбросил тонкую струйку химического дыма, соединяя полупрозрачные полоски на ее бедрах, превращая их в узкие трусики.

Суонк провела рукой по своей новой шевелюре, и снова

ухмыльнулась, еще шире. Теперь она почти не походила на ту растрепанную девчонку, проснувшуюся в гостинице несколько часов назад. Перед возвышением, на котором одевали Мириам, стояло стройное создание непонятного пола, в черно-серебристом костюме, отдаленно напоминающем военную форму. Впрочем, торчащие во все стороны желтые волосы и сияющие глаза нарушали строгость картины, слишком явно демонстрируя бесенка, замаскированного строгим одеянием.

Ухмылка была так заразительна, что Мириам улыбнулась в ответ.

– Ну же, сколько можно! – Суонк нетерпеливо подпрыгнула на месте. – Он же уйдет!

С момента их последней встречи прошло не более десяти минут, и Мириам оставалось лишь осторожно покачать головой:

– Они все еще там. Прямо напротив, чуть левее лифта.

Суонк стремительно обернулась.

– Ни черта не вижу, все же закрыто. – Разочарованно проговорила она. – Я думала, ты с платьем справишься быстрее. Сестричку вон до сих пор меряют.

– Это не платье. – Возразила Мириам, осторожно глянув вниз, где пара стрекочущих механизмов придавала очертания коротким белым шортам. – Сейчас так одеваются девушки в Атланте.

– Не без моего скромного участия, должен признать. – Галантно отвернувшись, и прикрыв глаза веером, Монти поставил у ног Мириам пару туфель. На высоком каблуке, и почти прозрачных, будто сплетенных из золотой сетки. – Я выбирал такие, которые подойдут к этому костюму, и похожи на те, что будут идти с платьем…

– Точно, туфли… – Мириам почти всплеснула руками, но ощущение холода под мышкой удержало ее. Рисунок, распределенный сейчас на экранах за ее спиной, изображал трех девушек, в четко прорисованной одежде, но с едва намеченными лицами. Собственный образ Мириам в длинном платье стоял на лестнице босиком, чуть приподнявшись на носки, будто ступени были горячими.

– К ним нужно будет привыкнуть. – Продолжил Монти. – Так же, как маленькая нахалка сейчас приспосабливается к униформе. Старайся не напрягать ноги слишком сильно, но походи в них хотя бы несколько часов, чтобы позже, на лестнице, не возникло проблем.

– Каких например? – Мириам осторожно поставила ногу в туфельку, и Монти тут же защелкнул магнитные замочки на золотистых ремешках.

– О, поверь. Для некоторых женщин такие каблуки – одна из

самых больших жертв, которых требует от них красота.

Замки на второй туфельке защелкнулись, Мириам ступила на нее – и сразу же поняла, о чем говорил шут. Каблук был высоким, и слишком тонким, создавая очень узкую площадь опоры. К тому же основание невысокой платформы, на которой размещалась подошва, тоже было недостаточно широким. Ощущение было таким, будто она стоит на невысоких ходулях, вроде тех, на которых обычно расхаживают ярмарочные зазывалы. Мириам пришлось сделать маленький шаг, чтобы сохранить равновесие, и одна из служащих придержала ее за руку, одновременно прошивая рукав белой блузки стрекочущим механизмом.

– Ну и долго еще? – Нетерпеливо поинтересовалась Суонк.

Мириам взглянула в экран, расположенный слева от входа, и сейчас работающий как зеркало. Кроме возвышения, на котором ее одевали, в нем отображалась часть комнаты позади, Мари, обсуждающая что-то с Моной у экрана чуть дальше, и Монти, тихо беседующий по коммуникатору. Сама Мириам выглядела уже почти одетой – шорты были полностью готовы, к блузке пришивали воротничок и второй рукав, а одна из служащих приспосабливала к ее плечу нечто, готовое вот-вот стать частью короткой курточки.

– Две минуты. – Сказал Монти с экрана, прикрыв коммуникатор рукой. – Это же серийный комплект, писк сезона.

– Ууу… – Огорчилась Суонк, и уселась справа от входа, прямо среди вороха вещей, видимо, не подошедших актрисам. – Долго как. И плечо опять болит. Слышишь, длинный?

– Напомните мне, когда будете уходить, чтобы я выдал тебе аптечку. – Ответил Монти. – А пока потерпи хоть пару минут.

– Угу. – Суонк замолчала, подобрав и разглядывая шляпку, которую совсем недавно носила с собой Мона. Мириам закрыла глаза, прислушиваясь к стрекоту и щелчкам швейных механизмов. Актрисы неслышно переговаривались у нее за спиной, их цвета переливались, почти перетекая друг в друга, будто в едином сознании. Сдержанное возбуждение Мари, страх Моны, и ее сомнения, что-то, похожее на злость, плавно переходящее в нежность. Внутри актрис бурлил водоворот, наверняка невозможный для обычного человека, но только сейчас Мириам поняла, что чувствует, глядя на него: жалость.

Ей было жаль их – странных, но все же прекрасных. Готовых совершить нечто, отвратительное любой нормальной женщине, ради спасения брата. Который наверняка открутил бы головы обеим, узнав, что они задумали. Мириам хорошо запомнила, как Сломанная Маска в теле Моны смотрел на Мари. Ведь и захватили его наверняка только потому, что он пришел им на

помощь. А сестры пытаются отдать долг, найдя для этого единственный возможный способ. Тогда правильно ли поступает сама Мириам, помогая им? Что бы сделал сам Сломанная Маска на ее месте – смешал их цвета? Стукнул головами, как маленьких детей, а потом обнял?

Представив эту картину, она грустно улыбнулась. В центре водоворота чувств неподвижно горела решимость. Чтобы заставить их отступить от своего плана, ее пришлось бы сломать. С какой-то новой, недавно обретенной ясностью Мириам видела, что вместе с ней сломается и то, что делает сестер самими собой, их личности.

И так же пугающе ясно понимала, что способна это сделать.

Машинка, пришивающая узкий эполет к плечу курточки, прострекотала в последний раз и остановилась. Щелкнула магнитная защелка на поясе шорт, и Мириам открыла глаза.

– Вот и все! – Весело сказала она Суонк. – Пойдем, посмотрим на принца?

Первые шаги дались нелегко. Ощущение низких ходуль сменилось другим – Мириам будто бы шла в туфлях, подошвой которым служили узкие вертикальные дощечки, и при каждом движении нужно было следить за тем, чтобы одна из них не вывернулась в сторону вместе с лодыжкой. Отклонившись левее, она взялась за перила, ограничивающие галерею, а затем ухватилась за рукав Суонк, идущей рядом. Та удивленно взглянула на нее:

– Эй, а ты чего такая высокая?

– Главное иди прямо. – Мириам восстановила равновесие. – И чуть медленнее. Это не сложно, я уже почти поняла…

– Ааа… – Суонк бросила взгляд вниз. – Точно, эти штуковины. Будто ножи на ногах. Ими хоть драться можно?

– Сперва бы научиться на них ходить. – Мириам осторожно шла дальше, все еще придерживая ее за руку, и стараясь переносить вес на носок. – Монти сказал тренироваться.

– Я бы ему не особо доверяла. – Заметила ее собеседница. – Странновато его девочки шьют. Вон, у твоей рубахи рукава порваны. А в штанишках карманы зашиты.

– Так и должно быть. – Возразила Мириам. – Похожий костюм был на Мари.

– Все равно не как у людей. – С трудом пожала плечами Суонк, стараясь не упереться подбородком в круглый воротничок своего костюма. – Слушай, а я ведь ствол забыла. И у тебя ничего нет. Если что – твоими туфлями отбиваться придется.

Мириам улыбнулась, представив эту картину, и они

двинулись дальше, влево по галерее. Комнаты, занятые циркачами, оставались позади, а кабинка, на которую она указывала Суонк, располагалась почти напротив, так что пройти до нее нужно было не менее семидесяти шагов. Впрочем, не таких уж и трудных – она быстро освоилась с новым напряжение в мышцах ног, и теперь просто шла, как могла бы шагать по узким, но горячим камням, стараясь сначала пробовать их пальцами, и только потом ставить пятку. На втором десятке шагов это получалось уже настолько хорошо, что она смогла наконец перестать смотреть под ноги, и поднять глаза.

Чтобы мгновенно сбиться с шага. Суонк поддержала ее, но Мириам продолжала смотреть вперед, туда, где за тонкой портьерой горели знакомые цвета. Будто трещина, открывшаяся посреди фабрики Монти, полной беспечной красоты и веселья, провал, ведущий прямиком в напоенную жаром пустыню. Там был Неро, и, даже лишенные агрессии, его цвета безжалостно демонстрировали сущность прайма – насилие, воплощенное в человеческую форму. Мириам показалось, что воздух вокруг нее начинает дрожать, наполняясь запахами расплавленного песка и горелой плоти. Воспоминание охватило ее, заполнив целиком – и тут же отхлынуло волной, оставив только безотчетный ужас перед тем, что ждало впереди. Теперь Мириам почти завидовала Суонк, которую наполняли радость, и жгучее возбуждение от предстоящей встречи, заставляющие идти все быстрее. Мириам выпустила руку девушки, позволив ей удалиться вперед – пока они не достигли ничем не примечательной кабинки, с табличкой над входом, лишенной номера, и тускло горящей красным.

– Сначала попроси разрешения. – Сказала Мириам, изо всех сил стараясь ничем не выдать свое состояние. Суонк нерешительно шагнула к портьере:

– Есть там кто? Можно зайти?

Звук ее голоса явно не стал сюрпризом для Неро. Мириам чувствовала прайма в глубине комнаты, его пламя, горящее так же ярко, как и во время их первой встречи. Таня, находящаяся чуть ближе ко входу, напротив, вспыхнула настороженностью.

– Входите. – Прозвучал голос Неро, и Суонк отодвинула портьеру.

Эта комната оказалась почти точной копией той, которую только что покинула Мириам – с возвышением по центру, многочисленными драпировками и экранами, утопающими в красной ткани. Сейчас большинство из них показывало Таню, стоящую на возвышении, и выглядящую совершенно непривычно в легкой розовой курточке и широких белых шароварах, вроде тех, что Мириам уже видела на детях в Атланте. Поняв, кто

пришел, девочка улыбнулась и подняла руку, но тут же опасливо глянула на Неро, в ослепительно белом мундире, поднявшегося из кресла чуть дальше. Мириам растеряно ответила на этот жест, не отрывая глаз от еще одной участницы этой странной встречи, цветов которой она не увидела снаружи.

На трех экранах, расположившихся перед Таней, парила светловолосая девушка в белом комбинезоне, неуловимо напоминающем костюм прайма.

– «Спасите Неро.»– Вспомнила Мириам ее голос, и Джессика, взглянув на нее, едва заметно покачала головой.

III.

Джессика парила в воздухе, а комната за ее спиной медленно вращалась.

Сперва Мириам решила, что это обман зрения, созданный экраном – но потом мимо девушки медленно пролетел небольшой предмет, вроде коммуникатора со светящимися кнопками, зацепив прическу. Секунду спустя ее голова была окружена золотистой короной, а она, смеясь, собирала волосы черным стержнем, похожим на карандаш, к которому они мгновенно прилипали. И это не было иллюзией – Мириам несколько раз моргнула, каждый раз убеждаясь в том, что эта странная девушка все так же плавает в воздухе, будто в воде, как и вещи вокруг нее.

Прайм понимающе улыбнулся ей, и едва заметно кивнул Тане. Та просияла, спрыгнула с помоста, и обняла окончательно растерявшуюся Мириам за талию.

– Столько всего случилось! – Быстро прошептала девочка. – Очень хочу тебе все рассказать. Но нельзя – жуткий секрет.

– Эту одежду купил Неро?

– И не только эту, еще много. Вот она, Джессика, помогла выбрать. Кажется, она его девушка. Только это тоже ужасная тайна, потому что они не могут быть вместе – она ведь на небе, очень далеко.

– Надо же. – Мириам подняла глаза на экран. Девушка на экране улыбнулась ей, немного растеряно, в ее взгляде явно читалось предостережение.

Неро подошел к возвышению, остановился в паре шагов, но даже это простое движение заставило пробудиться страх Мириам – ощущение беспомощности и ужаса перед тем, что приближается. Она понимала, что прайм не сделал ничего, чтобы относиться к нему подобным образом, но смотреть ему в глаза было выше ее сил, и она сосредоточилась на одежде: золотых пуговицах, блестящей строчке, значках, мерцающих на груди. И

только когда взгляд упал на его руки, иссеченные шрамами, вдруг поняла.

Она боялась не Неро, но Атланты. Все это время внутри нее жил этот страх, родившийся не прошлым утром, а раньше. Ужас перед сверкающими башнями, чей покой охраняют смертоносные пушки, королем, который не раздумывая оставил умирать людей в Хоксе, отказавшись защищать беженцев. Блеск зданий и экранов, яркая одежда жителей, громкая музыка и раскраска каров – все это было не более, чем ширмами, прикрывающими жестокую и пугающую суть крепости.

Неро был ее символом, воплотившим в себе чувства Мириам: сверкающий мундир, и смерть, скрывающаяся под ним. В мгновение ока рассыпалась вокруг фабрика Монти, превращаясь в то, чем и была на самом деле – горы мишуры, ярких праздничных конфетти, вроде тех, что бросают дети. Осталась лишь суть – раскаленное пламя, на котором и покоился этот город, меч, которым правил король.

И тогда Мириам посмотрела в глаза Неро.

Они были обычными. Человеческими. Этот взгляд мог ранить, заглядывая в глубину души, но сейчас она чувствовала его предел, читая цвета прайма, ощущая, насколько хорошо он способен распознать ее собственные чувства. Осознавая, что он отлично знает о том, что она делает. Будто два зеркала оказались рядом на мгновение, отразив бесконечность друг в друге.

– Ничего хорошего… – Проговорила она.

– …в том, чтобы видеть будущее. – Закончил он. – Я помню. А заглядывать в чужие мысли?

– Я не всегда понимаю, что вижу. – Честно ответила Мириам.

– Тогда у нас много общего. – Сказал Неро, и вопросительно взглянул на Суонк. Поняв, что Мириам не двигается с места, та решительно прошагала мимо, и встала перед праймом, засунув руку за отворот своего нового костюма.

– Письмо. – Проговорила она в ответ на его взгляд, пытаясь нащупать что-то в узком вырезе блузки.

– Кажется, одежда объявила тебе войну. – Заметил Неро. Суонк криво улыбнулась в ответ:

– Так помоги, чего смотришь?

Будто в ответ на ее просьбу ткань треснула. В сторону отлетела пуговица, и девушка облегченно вздохнула, когда на свет появился немного помятый белый лист. Неро принял его из рук Суонк и развернул.

– Посланница из меня не очень. – Признала она, запахивая пиджак и поправляя квадратный воротничок. – С твоим письмом вообще хрень приключилась.

– Я не слишком удивлен. – На этот раз Неро улыбнулся, едва заметно, но улыбка отразилась в его цветах. В письмо он взглянул только на мгновение – как поняла Мириам, для того, чтобы успокоить Суонк. – и тут же сложил бумагу:

– Через сорок минут мы должны быть в суде. Надеюсь, Ребекка готова?

– Она скоро будет здесь. – Подтвердила Мириам. Воспоминания понемногу отступали, но стоящий перед ней прайм по прежнему оставался сверкающей трещиной в реальности, вспышкой, скрывающей все остальные цвета. Это сбивало с толку, мешало думать. Даже захоти он ударить, или выстрелить – она просто не смогла бы прочитать его намерения достаточно быстро. Единственное устойчивое изменение, которое она заметила – неяркий блик, промелькнувший в самом начале, когда в комнату вошла Суонк. И другой, с оттенком улыбки – когда заговорила она сама, и чуть позже, когда глаза Неро, оторвавшись от письма, на долю секунды скользнули вниз…

– Они слишком короткие, да? – Спросила Мириам, и была вознаграждена еще одной вспышкой, явно выбившей сияющий факел из равновесия.

– Что? – С легким оттенком недоумения спросил Неро.

– Мои шорты. – Мириам повернулась на месте. – Так и правда носят в Атланте?

Факел полыхнул еще раз, а затем случилось чудо – Неро улыбнулся:

– Вы великолепно выглядите. Я даже начал сомневаться, действительно ли вчера утром встретил в пустыне именно вас.

– Правда, что ли? – Просияла Суонк, а Мириам поняла, что теперь настала ее очередь смущаться.

– Конечно. – Подтвердил Неро. – Я всегда уважал талант Монти. Хотя в вашем случае он всего лишь подобрал правильную обертку.

– А ведь большинство людей видят только ее. – Неожиданно заметила Джессика, заставив всех поднять глаза на экран. – Для них подобный талант меняет саму жизнь.

– Простите, я, кажется, забыл вас представить. – Спохватился Неро. – Это Джессика – звездный предсказатель, и мой советник. Тане нужно было подобрать одежду, а я не очень разбираюсь в этом. Поэтому я попросил ее о помощи.

В комнате прозвучал высокий звук, будто зазвенел колокольчик – смех Джессики. Мириам ощутила ее радость, и настороженность, скрытую чуть глубже – как если бы предсказательница никогда раньше не беседовала с людьми настолько свободно. Эмоции были необычайно яркими, даже

ярче, чем у Неро, несмотря на ее отсутствие в комнате, и это немного озадачивало – раньше, через удаленную передачу, Мириам удавалось уловить только проблески цветов.

– Типично мужской взгляд на вещи. – Заговорила та медленно, странно выговаривая слова. – Как если бы с орбиты мне было виднее, как одеваются в Атланте. Мне пришлось поднять базу наблюдений и две научных работы по земной моде за последние двадцать лет.

– Давай обойдемся без технических деталей… – Попросил Неро, но Мириам прервала его, чувствуя необходимость поддержать предсказательницу, почему-то вызвавшую у нее симпатию:

– Но это же интересно! Я бы тоже с удовольствием посмотрела на эти записи, хотя бы для того, чтобы понять, откуда взялись такие костюмы, как у меня.

– О, тут все просто. – Ответила Джессика. – Шорты и туфли на каблуках визуально удлиняют твои ноги, делают тебя стройнее, и выше. То же самое с короткими юбками. Кажется, подобную комбинацию первым придумал Монтгомери Шаллоу, а затем, с подачи короля Маркуса, она стала распространенной. Вообще, фаворитки короля оказывают прямое влияние на то, какая фигура считается в Атланте идеальной. До Маркуса в Атланте ценились девушки с чуть более округлыми формами…

– Ты сводишь предпочтения толпы к мнению одного человека? – Спросил Неро.

– Скорее к тирании его вкуса. – Возразила Джессика серьезно, и замолчала. Мириам почувствовала, как что-то проскочило между ней и праймом – не передача, а скорее обрывок чувства, эмоция.

– А что такое тирания? – Спросила Таня.

– Это правление одиночки. – Ответил Неро. – Обладающего властью, не имеющего на нее никаких прав, но способного удержать ее силой. По сути, этот термин описывает любую известную нам Крепость.

– Так вожак и должен быть один. И быть сильным, чтобы власть не отдать. – Осторожно заговорила Суонк. – Или я не так поняла?

– Вначале они и были вождями. – Ответила Джессика. – Главари банд, возводящих форты недалеко от старых городов, и берущие под защиту окрестные фермы. Затем с ними были заключены договоры по обмену – технологии взамен на продукты и материалы.

– С неба все выглядит иначе. – Заметил Неро. – Будто возня муравьев в пыли. Все, что случилось здесь за полсотни лет,

умещается в десяток статистических графиков…

– Нас обоих учили видеть в людях числа. – Парировала Джессика.

– Цифры не истекают кровью. – Мрачно заметил Неро.

Они оба замолчали – видимо, не желая продолжать старый спор. И тогда заговорила Мириам:

– Я знала только одного Небесного. Его звали Джино Альмейде. Он готовился стать предсказателем, как вы, но вместо этого сбежал сюда, вниз, чтобы узнать больше о нас.

– Сбежал? – Нахмурилась Джессика. – Но это невозможно. Уровень радиации…

– Он знал, что умрет. До последней минуты записывал все, что видел, и жалел, что не смог узнать больше. И погиб, защищая меня. А вчера утром его планшет спас Суонк. Джино был храбрым. Не самый сильный, но наверное самый отважный человек из всех, кого я знала.

Она подняла глаза на Неро.

– Он показал мне, что не важно, кто ты. Даже муравей в пыли может оказаться человеком.

– Далеко не все Небесные так считают. – Печально проговорила Джессика.

– Мне достаточно Джино. – Ответила Мириам. – Из-за него одного я никогда не смогу считать вас врагами.

– В этом случае Небу повезло. – Заметил Неро, и Мириам улыбнулась было, но в его цветах не оказалось и тени веселья. Прайм не шутил. В электронном облаке вокруг него угадывалось знакомое движение, вроде того, что она уже видела вокруг Джордана. Оно выходило за пределы комнаты, но, похоже, не очень далеко, как если бы Неро получал информацию от каких-то устройств, расположенных совсем рядом, в здании. Неожиданно Мириам поняла, что разговор с ней занимает не более половины сознания прайма. И одновременно почувствовала изменение в уровне шума, когда раскинутая им сеть столкнулась с другой, устроенной совершенно иначе, но ничуть не менее мощной.

По галерее снаружи приближалась Би, и электронные чувства обеих праймов уже встретились, выясняя все возможное о вероятном противнике. Мириам вспомнила их бой – наверняка и тогда между ними происходило нечто подобное. Но она просто не знала, куда смотреть.

– Кажется, мне пора. – Сказала Джессика, и Мириам уловила изменение ее цвета – настороженность переросла в страх, источник которого она затруднялась определить.

– Ты очень помогла. – Кивнул Неро, а затем экраны предсказательницы замерцали и разом погасли.

– Даже не попрощалась. – Разочарованно заметила Таня.

– Она что, настоящая? – Удивилась Суонк. – Я думала вроде говорящего рисунка.

– Красивая, как рисунок. – Сказала Мириам, и заметила, как вздрогнули цвета Неро. – Хотите, подарю вам ее портрет?

– У меня фотографическая память. – Ответил прайм. – Картины лучше дарить королю – он сможет их оценить.

– Некоторые мои друзья только и думают, как его развлечь. Не хочу им мешать.

– Вам это не нравится?

– Мне их жаль.

– И мне. – Серьезно сказал прайм. – Мне кажется, вы искренни, Мириам. Я отвечу вам тем же. Ваши друзья привлекают внимание, и находятся под постоянным наблюдением – в том числе из-за вас. Я надеюсь, что их намерения не идут дальше развлечений – потому что в противном случае я буду вынужден помешать им. Они не должны даже думать о том, чтобы причинить вред королю. Если я хоть на секунду заподозрю их в подобных намерениях – им не помогут ни особые умения, ни красноречие, ни даже положение при дворе.

– Я уже поняла. – Ответила Мириам. – Ведь вы не случайно здесь оказались?

– Как и вы?

Портьера у входа отлетела в сторону, и в комнату вошла Би. Видимо, красноречие Монти оказалось бессильно – потому что ее одежда вовсе не походила на легкомысленный наряд Мириам. Бедра воительницы облегали черные джинсы с многочисленными карманами, сапожки с длинной шнуровкой доставали почти до середины голени, а куртка из красной кожи, заброшенная на плечо, казалась очень прочной на вид. Единственным, что указывало на принадлежность ее костюма к фабрике Монти, была белая блузка с широким кружевным воротником, и разрезанными рукавами – почти такая же, как на Мириам, хотя ремни, удерживающие кобуру от игольника, несколько портили ее вид.

Неро слегка поклонился Би, и та ответила таким же, еле заметным, поклоном. Электронные облака, окружающие обеих праймов, соприкасались уже давно, и на их фоне это приветствие выглядело не более, чем формальностью.

– Простите, что заставила себя ждать. – Сказала Би. – Искала прочную обувь.

– Крепче бронекостюма? – Уточнил Неро.

– Они есть в меню на сегодня?

– Я не заказывал.

– «Вы остроумны как черти.» – Заметила Вероника. – «Может

займемся делом? Я устала пялиться на задницы акробаток и рассматривать шмотки.»

Би едва заметно кивнула:

– Я тоже предпочту обойтись без неожиданностей. Поехали в суд?

– Конечно. – Неро улыбнулся Тане. – Ведь этот костюм тебе нравится? Я прикажу доставить все остальное ко мне домой.

– Да. – Согласилась девочка, встревоженно глядя на Би. – А у тебя ничего не болит? Ну, после того, что случилось вчера?

– Только мое терпение. – Немного резко ответила воительница, но тут же смягчилась. – Один человек испытывал его на прочность все утро. Но это легко исправить.

– Как?

– Пойти и сделать наконец хоть что-то полезное!

Неро едва заметно усмехнулся. Мириам уже заметила, что для него это было наиболее ярким выражением эмоций – и еще раз убедилась в этом, когда Таня буквально просияла в ответ. Девочка устремилась к выходу, отпустив ее руку. Мириам обернулась к Суонк, чтобы поторопить ее – и буквально наткнулась на взгляд прайма. Тот смотрел поверх плеча Би, через колодец с прозрачными лифтами, и в его цветах происходило нечто странное – будто струна боли пронизала столб пламени, заставив его стать еще ярче.

Проследить за его взглядом не составило никакого труда. За лифтами открывался вид на кабинку актрис, которую недавно покинула Мириам. Портьера, прикрывавшая вход, оказалась отодвинута – случайно, или же намеренно. На возвышении для одевания стояла Мари, совершенно обнаженная, с распущенными волосами, и говорила по коммуникатору – невероятно изящная, будто фигурка, выточенная из белой кости. Мириам даже не нужно было видеть ее глаз, чтобы понять, что и она смотрит сейчас на прайма. Их взгляды встретились – но в них не было ни смущения, ни желания.

Только затаенная боль, решимость и собранность воинов, готовящихся к битве.

Интермедия VI.

– Так может пусть покажет, если у нее татуировок нет?

Феникс немного приподняла голову – только для того, чтобы видеть руки говорившего. Большие и сильные ладони чернорабочего, лежащие на широком плетеном поясе. Голос был грубым и хриплым – как у человека, вставшего с зарей после попойки, и еще не успевшего промочить горло снова. Феникс явно

не собиралась отвечать, только расправила плечи, стоя перед ним в своем плаще, и низко надвинутой кепке. Кейн мягко отодвинул ее в сторону:

– Ты всех женщин так уговариваешь одежду снять?

Утро было холодным. Тени, лежащие на площади, казались провалами в грунте, укрывающими груды мелкого мусора и тела спящих, оставшиеся после ночного праздника. Ранние торговки уже успели развернуть свои лотки, выкладывая на них свежее мясо, зелень и сушеные фрукты, а возле доски с объявлениями о поденной работе надрывался зазывала. Там же толпились несколько десятков грузчиков и рабочих, вставших пораньше в надежде урвать лишних пол-кредита.

Именно одного из них только что толкнула Феникс. А затем изощренно обругала, усиливая и почти пародируя свой акцент Эрга.

Белая башня, возвышающаяся над грязной площадью, казалось, с насмешкой наблюдала за происходящим. За спиной чернорабочего рассмеялся кто-то из его друзей, реагируя на шутку Кейна.

– А ты кто такой будешь? – Хмуро удивился тот.

– Я монах. – Смиренно ответил Кейн, краем глаза следя за двумя гвардейцами в полевой форме, прохаживающимися у помоста, и парой фигур в плащах, скучающих за линией прилавков. – Странствую. А ты, добрый человек?

– Не твое дело. Слышал, как она слова крутит? Я вот думаю, она из этих… диких.

– Ну что ты. – Кейн взял Феникс за плечо, и заговорил громче, поворачиваясь и привлекая внимание рабочих и торговцев. – Она же просто механик, видишь, вся в масле. Работает, как и ты. Зачем ее обижать?

– Да кто кого! – Неуверенно возмутился рабочий. – Ну и посмотри на нее. Вон, глазищи то так и горят.

– Так ты ее напугал. – Монах повысил голос. – Не заставлять же бедную скромную девушку раздеваться посреди площади?

Теперь уже замолчал даже зазывала, а гвардейцы оставили свой пост, и подошли поближе к медленно собирающейся толпе.

– Баламут ты, а не монах. – Едва слышно прошипела Феникс себе под нос, а затем медленно распустила завязки плаща, позволяя ему упасть себе под ноги, и оставаясь в рабочем комбинезоне. Ее лицо, лишенное обрамления волос, убранных назад, казалось непривычно узким и молодым.

– Да только плечи пусть покажет… – Растеряно ответил рабочий.

– У меня под этой штукой ничего нету. – Громко сказала

девушка, прижав руки к груди. Затем закрыла лицо ладонями, и издала невнятный мяукающий звук, который мог бы сойти за рыдание.

– Так даже лучше! – Выкрикнул кто-то из задних рядов толпы, заставив рабочих рассмеяться. Кейн отметил положение гвардейцев, неподвижность камеры, сломанной ночью, и глядящей в переулок за помостом, а затем поднял два пальца к губам, отдавая сигнал. Фигуры в плащах двинулись ближе к гвардейцам, прикрывая еще нескольких, появившихся из переулка, и тянущих несколько тяжелых тюков.

Феникс, сверкнув глазами на Кейна, взялась за застежку комбинезона и медленно потянула ее вниз.

– Стой! – Громко сказал он, и снова взял ее за плечо. В наступившей тишине его голос далеко разлетелся над площадью. Кейн выдержал короткую паузу, и, как только ближайший рабочий попытался раскрыть рот, заговорил снова:

– Разве так правильно поступать? – Он отпустил Феникс, которая опять закрыла лицо, и двинулся к толпе. – Это просто девушка, которая плохо говорит – а вы хотите ее опозорить? За что? Что она сделала тебе… или тебе?

Он указал на одного из рабочих, и гвардейца, оказавшегося ближе остальных, заставив их отступить. Фигуры у помоста зашевелились быстрее, зашвыривая под него тюки – один, второй, третий…

– Вы подумали о том, что с ней будет? Что она почувствует? Или ее родные? – Кейн остановился перед рабочим, с которого все началось. – Если бы это была твоя сестра, ты бы позволил так с ней поступить? Или со своей матерью?

Рабочий отступил под его натиском, и замер. Кейн набрал в легкие воздуха для следующей тирады, но его прервал кукурузный початок, прилетевший от ближайшего лотка и угодивший рабочему точно в лоб.

– Хватит девочку мучить! – Завопила торговка. – Отойдите от нее, оборванцы! Гвардия куда смотрит?!

– Да кто оборванец?! – Рабочий шагнул вперед, оттолкнув монаха. – Рот закрой!

Его дальнейшие слова потонули в криках остальных торговок, вступившихся за свою товарку. Другой рабочий схватил своего товарища за плечо, осаживая, толпа заволновалась, и Кейн, снова оказавшись рядом с Феникс, накинул плащ ей на плечи. Их завертело в толпе, один из гвардейцев попытался было преградить им дорогу, но его оттолкнула другая фигурка в капюшоне, буквально ввинтившись перед ним. Торговки продолжали орать на рабочих, и монах потащил Феникс за собой – минуя крайний прилавок, и за него, мимо рядов ящиков и плоских холодильников, испускающих морозные волны.

Несколько девушек в плащах, во главе с Коди, следовали за ними.

– Ну и вонь здесь. – Прошептала Феникс, покосившись на прилавок с маринованным мясом. Кейн, идущий впереди, как ни в чем ни бывало улыбнулся очередной торговке, протискиваясь мимо нее.

– Ненавижу таких уродов. – Продолжала рейдерша. – Ох, если бы ты знал, монах, как тяжко было там стоять. Не вцепиться хоть

кому-то в глотку. Таким же наплевать, враг я или нет – им дай поизмываться над кем…

– А ты не такая? – Кейн неожиданно обернулся, так что они почти столкнулись лбами. Феникс не отвела взгляд, и несколько секунд они так и стояли, между прилавками с яблоками и сухими сливами. Затем рот девушки скривился:

– Может и такая. Ты меня в обиду не дал – давай, скажи.

– Сама хотела со мной пойти.

– А то. Думала, что дракой все закончится. Хоть косточки бы размяла. А то и… может прав был Меч – давно я мужчинам ничего интересного не показывала. – Она криво улыбнулась. – Но ты на мой вопрос не ответил. Какая я, монах? Тоже уродиной меня считаешь?

Она глянула влево, реагируя на движение, и Коди рванулась было, прикрывая ее – но это была всего лишь маленькая пухлая женщина, идущая к ним от ближайшего прилавка.

– Да ты красавица, дочка. – Сказала торговка, и протянула Феникс огромное зеленое яблоко, из тех, что могут храниться всю зиму. – А эти, на площади – дураки просто. Они не злые на самом деле, а дурные, что пробка – сами не знают, чего хотят.

– Мне? – Рейдерша посмотрела на яблоко, потом на Кейна, и тот широко улыбнулся:

– Такой ответ тебя устроит?

Дальше они шли быстрее, выбравшись из-за прилавков, но все еще держась у края площади, в тени. На ходу Феникс резала яблоко маленьким кривым ножом, раздавая дольки идущим за ней девушкам. У одной из забегаловок с краю Кейн остановился и оглянулся в сторону помоста.

Гвардейцы снова стояли на месте, свара у прилавков еще продолжалась. Никакой подозрительной суеты или признаков того, что кто-то обнаружил дымовые заряды, расположенные сейчас под местом для казней.

Феникс протянула ему предпоследнюю дольку, будто призывая поучаствовать в ритуале, и Кейн молча взял ее.

– Я вот что вспомнила. – Сказала рейдерша. – Есть сказка, из тех, что давно по пескам гуляют. Ну вроде как про город Иштар, где войны не было, и который в песках затерян. Но только про дьявола.

– Вот как?

– Что дьявол на самом деле не с бурей приходит, и не с огнем. А живет среди людей, и выглядит как человек. И ходит среди нас, и говорит как мы. А когда ты его встретишь – никак его не распознать. Вот так вот, столкнешься с ним посреди дня,

улыбнется он тебе, вроде как обычный путник – а потом селение твое сгорит, и семья под нож пойдет.

– И что тогда с ним делать? – Спросила Коди.

Кейн и Феникс переглянулись.

– Разве не ясно? – Кейн запихнул дольку в рот, и продолжил чуть менее внятно. – Пожалеть и дать ему яблоко.

Глава X.

Интермедия VII.

Он падал на город.

Иллюзия была абсолютной. Сперва походившая на собственную карту, Атланта медленно увеличивалась, оживая, расцвечиваясь новыми деталями, невидимыми с орбиты. Четче выступали круги трех основных площадей, и огромное пятно Колоссеума, глубже становились утренние тени от орудийных шпилей. Зеленые пятна парков рассыпались на точки деревьев и кустов, между которыми бледными венами проступали дорожки, а серые линии улиц оживали движением, пока едва различимым – намеком на него, цветными призраками пока еще невидимых машин.

Изображение росло, приближаясь со скоростью тридцать метров в секунду, и Клода охватило странное чувство – будто мир, летящий сейчас ему на встречу, готовится поглотить его. Пустыня вздымалась вокруг Атланты, охватывая предсказателя гигантской сияющей чашей – такой же, как и всегда, но, глядя в ее глубины, Клод чувствовал, как впереди оживает нечто, скрытое до сих пор.

Точно зверь из древних книг, притаившийся в своем логове, невидимый и опасный.

Повинуясь команде предсказателя, планета вспыхнула перед ним, раскрываясь во всех возможных диапазонах. Загорелись тепловые пятна крупных поселений и фабрик, рванулись навстречу пики электромагнитных волн, накладываясь на уже имеющуюся картину. Сложная схема, не имеющая никаких аналогов в бездонной памяти Клода, проступила под песками, охватывая Атланту, перехлестывая через ее стены, объединенная подвижными узлами – непонятная, но прекрасная математической, завораживающей красотой. Истинный облик планеты жил и пульсировал, будто призывая предсказателя в свои объятия. Ему стоило большого труда отрешиться от него, и снова вспомнить о своем теле, находящемся сейчас наверху, в тысячах километров.

И медленно идущем через зал, погруженный в красноватое свечение.

Тысячи имен неслись вокруг вечным хороводом – ничтожная величина информации по сравнению с той, которую сейчас пропускал через себя его мозг, используя беспроводную связь через три тонких корда, лежащие на спине предсказателя. Алые буквы отражались в темном полу ритуального зала, порождая рябь, заставляя ступать осторожнее. Позади, зашипев пневматическими приводами, медленно закрылись двери зала – команда предсказателя имитировала плановую проверку, обойдя протоколы систем жизнеобеспечения станции.

Долю секунды спустя отключились три камеры наблюдения, расположенные в зале, и Лиза Линг, стоящая у храмового терминала, вздрогнула – до нее долетел звук закрывающихся дверей. Клод остановился у нее за спиной, но девушка не обернулась, глядя на имена, возникающие в глубине экрана – или на его лицо, отразившееся в черной зеркальной поверхности.

– Я не думала, что вы сентиментальны.

– Это не так. – Ответил Клод. – Я здесь с определенной целью.

– С какой же?

– Вы приходите сюда, в рабочие часы, каждый день, хотя бы на десять минут. И очень часто кроме вас в это время здесь никого нет.

Клод заметил, как напряглись ее плечи.

– Что случилось с дверью?

– Я закрыл ее. И взломал системы безопасности. В ближайшие пятнадцать минут камеры будут транслировать наш разговор, не имеющий никакого отношения к реальности.

Лиза повернулась к нему, и Клод с удивлением заметил тень улыбки, промелькнувшей у нее на лице:

– Итак, вы способны нарушить субординацию. Так даже лучше…

– Что?

– В вас есть хоть что-то человеческое. – Девушка нервно улыбнулась. – Я надеялась на это. Хотя вы выбрали странное место, чтобы остаться со мной наедине.

– Напротив. – Клод поднял руку, и сектор купола растаял, демонстрируя вид на Атланту с высоты птичьего полета. – Оно идеально подходит для того, что я собираюсь вам показать. Если вас не пугает перспектива самой стать преступницей.

– Даже так? Но почему я?

– Вы не равнодушны. – Ответил Клод.

– К вам?

– Нет. То есть возможно… – Предсказатель сбился, и она

снова улыбнулась, заставив его потратить драгоценные миллисекунды на то, чтобы снова собраться с мыслями. – К тому, что должно произойти. Вам не все равно.

– Значит, мы будем говорить о войне?

– Вы уже знаете? Но…

– Забыли? Я работаю на вас. Боевым оператором. Пусть я и не умею делать выводы настолько быстро, как вы.

– Простите. – Снова смутился Клод, а изображение на экране прыгнуло приближая город. – Конечно, вы узнали. Тем проще вам будет понять то, что я расскажу.

– Почему?

– Что вы думаете о нашем противнике?

В тысячах километров от них команды Клода наконец-то преодолели примитивную защиту информационных систем Атланты. Предсказатель почувствовал это, как целую серию прикосновений – его операционная система получила доступ к новым каналам, обрабатывая их, и город словно взорвался, выстрелив в него терабайтами данных. Изображения с уличных камер, звуки, проходящие через десятки микрофонов, радиопередачи и переговоры по сетям сотовой связи накрыли крепость еще одним слоем отображения, разноцветной паутиной, пульсирующей точками интереса. Ощущение присутствия не прошло – напротив, стало еще сильнее, словно невидимый наблюдатель тоже склонился над городом, напротив Клода, точно над игровой доской с цветными фигурами. Паутина двигалась и менялась – системы анализа сортировали данные, ассоциируя их с известными маркерами. Сеть упорядочивалась, становясь четче и ярче, а узлы на ней становились все плотнее – и предсказатель, решив больше не ждать, шагнул к одному из них.

Экран в зале потемнел, а затем снова засветился, став еще больше. Город пропал – теперь там отображалась еще одна зала, такая же темная, с алым мерцанием, заполняющим потолок. Буквы так же неслись по нему, складываясь в имена, но источников света было больше – из дверей, расположенных по периметру, на гранитный пол падали длинные освещенные полосы, доставая до возвышения с кафедрой и скамьями в центре.

– Камеры в здании городского суда. – Пояснил Клод, и Лиза кивнула, вглядываясь в людей перед возвышением – мужчину в белом мундире, женщину в красной куртке, и девочку, застывшую между ними. Мужчина говорил с людьми, одетыми в белые мантии, сидящими на возвышении, но слов не было слышно – предсказатель не транслировал звук. Изображение сдвинулось в глубину зала, фокусируясь на нем, женщине и двух фигурках за

их спинами – длинноногой девушке в очень коротком белом костюме, и стройном желтоволосом юноше в серебристо-черном. Впрочем, юношей он оставался недолго – поверх изображения вспыхнули маркеры, указывая на его истинный пол, и выводя на экран ярлыки данных, сверкающие цветами высших приоритетов угрозы.

– Это реконструкция? – Чуть слышно вздохнула Лиза Линг.

– Нет. – Ответил Клод. – Это происходит сейчас, под нами. Я бы мог выбрать другой момент, но так… нагляднее.

Лиза развернула к себе терминал храма, и ее пальцы побежали по клавиатуре, вводя коды доступа, запрашивая данные о передаче. Защита Клода сомкнулась, позволяя ей работать в изолированной среде, мгновенно стирая любые следы ее деятельности в памяти электроники храма.

– Передача настоящая. – Сказала Лиза двадцать бесконечных секунд спустя. – Прайм Атланты, за которым мы наблюдаем, и… она.

– Фиолетовый и красный маркер сошлись. – Согласно кивнул Клод.

Мужчина на экране продолжал говорить. Звук не имел особого значения, но предсказатель все равно включил его, позволив словам старинной клятвы разнестись под черными сводами:

– «…и я клянусь своей честью, и честью Корпуса, который представляю, защищать этого ребенка, Таню Хокс, как своего собственного. Клянусь заботиться о ее нуждах, чтобы не осталась она без крова, пищи и убежища, которым отныне становится для нее Корпус-Прайм. В свидетели своей клятвы я призываю: Ребекку Ли Андерсон, прайм-лейтенанта Чикаго…»

Женщина в красной куртке шагнула вперед, и Клод сфокусировал изображение на ней, ее миндалевидных глазах, полных решимости.

– Вы сказали, что она не могла выжить. – Сказала Лиза. – Но эта девочка – одна из тех детей, которых она спасала?

– Так и есть.

– Ребекку Ли расстреляли из орудий «Серафа», четырнадцать суток назад. Я помню, очень хорошо – потому что тогда я…

– Вы просматривали запись больше десятка раз. Разные виды реконструкции, углы и качество восстановления. Вы смотрели, как она умирает. А потом плакали.

– Когда вышла из зала. – Призналась Линг. – Я считаю, что она действовала правильно. Она потеряла детей по нашей вине – и я поняла, что сама не поступила бы иначе. Пошла бы без оружия против «Серафов». Но вместо этого я помогала ее

убивать…

Девушка снова дотронулась до терминала, отдаляя изображение, рассматривая Ребекку и прислушиваясь к ее голосу:

– «Как опекун этого ребенка по праву спасения, я принимаю клятву присутствующего здесь офицера Корпуса, и призываю судей зафиксировать ее согласно законам Атланты…»

– И я до сих пор не верю, что она жива. Какая технология могла вернуть ее к жизни? – Управляемая Лизой камера двигалась, фокусируясь на деталях костюма Ребекки, ее волосах, затем прыгнуло на девушку, стоящую у нее за спиной.

– Не наша. – Ответил Клод. – Наверное, это самое главное, что вам нужно узнать о будущей войне.

– Что на Земле могут такое?

– Нет, все намного хуже. – Предсказатель перехватил изображение, фиксируя его. – Мы не имеем ни малейшего представления о том, что они умеют. Их оружие и способности находятся за пределами предсказуемых параметров. Эти маркеры – фиолетовый, красный, а теперь и белый – являются катализатором чего-то, что я не могу предвидеть.

– И вы скрыли это от Конклава, верно? Я ведь не видела и намеков на эти маркеры в общей схеме.

– Не все так просто. Данные такого уровня невозможно скрыть от аналитиков Конклава, поэтому ими приходится манипулировать. Моя позиция требует действий, вот только их последствия могут быть немного… неожиданными.

– Я не понимаю.

– Только что за головы двух женщин, которых вы видите в зале, была объявлена анонимная награда, исчисляемая астрономической суммой. За ними начнется охота, но, что парадоксально – это сделает их перемещения, переговоры и намерения невероятно трудными для предсказания.

– Но если их и правда…

– А вот эта вероятность действительно невелика.

– Вас сошлют на дальние рубежи, полковник. Оставят без доступа к информации – я слышала, это страшное наказание для таких, как вы…

– Не успеют. – Улыбнулся Клод. – Все произойдет слишком быстро, и скоро им будет не до меня. Я ведь скрываю гораздо больше, чем говорю вам…

– И меня тоже, наверное, сошлют. – Почему-то улыбнулась в ответ Лиза, перемещая изображение. – А что такое белый маркер?

Камера сфокусировалась на девушке в белом, идущей вперед, осторожно, словно по горячему песку. Ее изящный силуэт светился в полутьме зала, а туфли, будто сплетенные из золотой

проволоки, разбрасывали едва заметные блики. Праймы пошли к возвышению, оставив девочку в одиночестве – и девушка присела рядом с ней, осторожно балансируя на длинных каблуках. Ее приглушенный голос, отделенный звуковыми фильтрами, был полон участия:

– Тебе не страшно?

– Нет. Да. То есть как всегда. Я сама так захотела.

– И значит, будешь за это бороться?

– Да. Или умру, если Бог не позволит мне стать Мечом.

– Разве не рано думать о смерти?

– Вовсе нет. – Совсем тихо ответила девочка, и шмыгнула носом. – Знаю, что со мной будет так же, как со всеми. Просто хочу успеть…

– И я. – Девушка улыбнулась, посмотрев вверх, прямо в камеру. – Хочу многое сделать. И стараюсь думать только об этом.

– Вроде как… мечтать?

– Да. – Девушка выпрямилась, и Клод ощутил холод, бегущий по позвоночнику. Ее глаза, черные, темнее самых глубоких теней в зале, взглянули прямо в камеру, и остановились на предсказателе.

Лиза ощутимо вздрогнула – и словно в ответ на это электромагнитная карта здания суда исказилась пиками высокочастотных сообщений. Оба прайма обернулись, как по команде, хотя девушка не произнесла ни слова, и в электронику, контролируемую Клодом, ворвались щупы чужих команд.

Дальнейшее заняло не более секунды.

Операционная система Клода отступила, сворачиваясь, уничтожая собственный код во взломанной инфраструктуре города. Предсказатель видел это, как россыпь сжимающихся зеленых звезд на карте информационных линий, сокращающихся, будто высыхающие пятна от пролитой жидкости. Вокруг них столь же стремительно вспыхнули чужеродные формы, отслеживаемые системой защиты, хищные белые цветы, врывающиеся в пустоту, оставшуюся после взлома. Два повторяющихся рисунка команд, похожих и совершенно разных одновременно, атаковали его построения, стремительно отступающие к ретрансляторам. Клод позволил им войти в контакт, на миллионную долю секунды, копируя участки их кода – а затем один из оставленных им наборов команд обесточил ведущую антенну, указывающую на орбитальный лифт, и стер ее системную память. Зеленые звезды свернулись и погасли, и предсказатель позволил себе тысячную долю секунды на изучение захваченных частей своего электронного противника. Они были

отчетливо разными, по форме и по стилю: аккуратный фрагмент упорядоченных точных команд, и дерзкая эвристическая структура, работающая вопреки всему.

Он все еще вглядывался в них, и в карту Атланты, снова видимую с высоты птичьего полета – когда картина электронных сетей внизу словно взорвалась. Тысячи белых шипов выстрелили в небо, расцветая уже знакомыми белыми цветами, вдоль линий ретрансляторов, торговых передатчиков и дата-трассы лифта. Клод отреагировал на это, снова отступая, пытаясь заблокировать каналы передачи данных, наращивая нагрузку на вычислители – и понял, что опоздал.

Белый цветок раскрылся внутри станции. Дробясь, размножаясь, чужой код в мгновение ока внедрился в протоколы безопасности, перехватывая управление системами жизнеобеспечения, захватывая камеры наблюдения и перекрывая каналы связи, доступные предсказателю. Последнее, что он успел почувствовать, перед тем, как зал был отрезан от внешнего мира – это растущее напряжение в контурах охлаждения обшивки, всего в двадцати метрах от купола храма, начиненного сложной электроникой.

Имена, бегущие по кругу, остановились. Замерли, отбрасывая мертвый красный свет, будто какой-то извращенный орнамент, нарисованный кровью. Затем экран, мерцающий посреди купола, раскололся, пропуская изображение светловолосой девушки, парящей в пустоте. Клод ощутил ее появление как последний удар по своим системам. Программы, оставленные им снаружи, ожив на миллионную долю секунды, сообщили о возросшей нагрузке – а затем сразу же замолчали, вспыхнув напоследок сотней маркеров-предупреждений. Девушка, одетая в костюм предсказателя, парила в невесомости, глядя на них с каким-то непонятным Клоду выражением – то ли испугом, то ли жалостью.

– Теперь вы нас… убьете? – Неожиданно спросила Лиза, оставляя попытки набрать очередную команду с терминала. – Это ведь информационная атака – таких не было с последней войны?

– Я хотела. – Ответила их гостья с экрана, не очень уверенно. – Но сейчас понимаю, что просто не смогу. Я собиралась имитировать аварию в системах охлаждения обшивки, и открыть часть заслонок вентиляционной сети. Это помещение было бы заполнено техническим азотом под высоким давлением менее чем за тридцать секунд. Но этого не произойдет.

– Почему? – Спросил Клод.

– Вы знаете, полковник. Иначе не очутились бы здесь, в храме, с одним из своих операторов, запертые, точно пара заговорщиков.

– Рискую не только я. Уйди одно из моих сообщений в Конклав…

– Вы не для того скрывались так долго. – Девушка печально покачала головой. – Я видела вас, во всех своих расчетах. Пустота посреди действий Конклава. Подделка данных, ошибки в расчетах там, где их быть не может. Так же, как вы, без сомнения, вычислили меня.

– Вы не находите ситуацию ироничной? – Клод неуверенно улыбнулся.

– Скорее пугающей.

– Подумайте сами – мы, два предсказателя, созданные для того, чтобы управлять информацией, смотрим сейчас друг на друга, и не знаем, что делать?

– Слова медлительны. – Ответила девушка. – Да, теперь я знаю, что вы не угрожаете мне. И до сих пор не можете поверить в то, что происходит. Иначе не рисковали бы сегодня.

– Мне не нужна вера…

– Проще уничтожать свидетельства, чем собирать факты. Особенно сейчас, когда Конклав выводит станции на боевые орбиты. Они тоже долго не верили в косвенные доказательства – странности евгенической программы, непонятное поведение детей, мутант, которого вы помогли захватить. Все это не складывалось в единую картину. Не без вашего участия, я полагаю. Но еще несколько деталей…

– Богиня. – Сказал Клод, и девушка замолчала. Лиза вопросительно посмотрела на предсказателя.

– Я ничего не знаю о ней. – Продолжал он. – Нет фактов. Но есть мои сны, и чувства.

– Иногда их достаточно, чтобы найти ключевое слово. – Согласилась девушка. – Которое разделит нас всех, или свяжет навеки во всех вариантах вероятного будущего.

– Вы предсказываете?

– Если позволите. – Она наклонилась вперед, ее волосы медленно разворачивались вокруг головы, будто корона из жидкого золота. – Я собиралась убить вас, но вместо этого подарю предсказание, полковник Ренуа. Не пройдет и двадцати четырех часов, как вам придется решать, чему довериться – разуму или чувствам. Один из этих выборов убьёт ваше сердце, другой – поглотит душу. Я вижу, вы улыбаетесь – и да, я говорю о вашей душе. Она есть, потому что я видела ее своими глазами – а предсказатели доверяют фактам. Совсем скоро вы узнаете, кто я, и начнете искать смысл этих слов – но решение придется принимать раньше, чем вы найдете полный ответ. Сейчас у меня преимущество – я располагаю гораздо большими объемами

данных, чем вы. И это все, что я могу для вас сделать…

Экран вокруг нее полыхнул, будто солнечное пламя, занявшееся от огня ее волос, и следом за этим алые росчерки имен снова побежали по своду. Клод ощутил, как в мгновение ока освободились информационные каналы станции, позволяя ему выглянуть за пределы зала, нагружая его модифицированное восприятие терабайтами информации. На долю секунды это ослепило и оглушило его, как человека, из тьмы угодившего в ослепительный свет, вздохнувшего полной грудью…

И обнаружившего себя в полном одиночестве на вершине горы.

Системы защиты уже работали, опрашивая узлы, все ближе и ближе к орбитальным каналам Земли – и не обнаруживая ничего. Нарушительница прошла сквозь самые совершенные формы электронной защиты, придуманной человеком, как будто ее не существовало, и ушла незамеченной.

– Точно призрак. – Сказал Клод, и обнаружил, что Лиза смотрит на него с каким-то странным выражением. – Она не оставила следов. Простите, что так получилось – демонстрация не должна была зайти так далеко. Если вы захотите, мы можем продолжить позже, а сейчас мне нужно найти ее в базе предсказателей, и потребовать объяснений. Нас мало, и это не займет…

– Думаете, она говорила правду, насчет души? – Прервала его Лиза, и повернулась к консоли. – Что ее можно увидеть?

– Я… признаться не знаю, что на это сказать. Ее слова могли содержать в себе скрытый код.

– Или быть правдой, от начала и до конца. Вы и правда ее не узнали?

– Что?

Лиза развернула к нему консоль, демонстрируя страницу с портретом – уже знакомая им обеим светловолосая девушка. Волосы лежали иначе, и тяжелый ворот с многочисленными цифровыми щупами охватывал шею, но Клод безошибочно узнал ее. И, еще раньше, чем Линг заговорила снова, понял причину испуга в ее голосе:

– Это Джессика Лэнгли. Не помните? Участница контактной программы, разработчик последних поколений прайм-линка. Она умерла на осевой станции, во время сбоя систем над Атлантой, три года назад.

I.

Кар притормозил у неглубокого канала, с бегущей водой.

Дальше начиналась вереница цветных машин, видимо, оставленных здесь их хозяевами, и только посмотрев вверх, Мириам поняла, что они совершили полный круг по городу. Это был отель, только с другой стороны – немного иначе росли деревья в бетонных кадках, укрытых прямо в стены, чуть больше каров стояло на площадках. Би заглушила мотор, и несколько секунд сидела, размышляя, положив руки на штурвал. В зеркале заднего вида Мириам заметила, как останавливается позади них пара неприметных серых каров сопровождения – один поближе, и второй чуть поодаль.

– Нам нужно собраться. – Сказала она, чтобы хоть как-то привести в порядок собственные мысли и ощущения. – Наверное просто поесть, и готовиться.

– Верно. – Ответила Би. – Мы опрашиваем системы безопасности отеля, в которых оставили пару сюрпризов. Похоже, в наше отсутствие ничего подозрительного не произошло. Номер убирали, но Ланье оттуда не выходил.

– До сих пор дрыхнет? – Предположила Суонк.

– Возможно. – Би поправила зеркало со своей стороны, и беззвучно продолжила:

– «Мне не дает покоя то, что случилось в суде. Что ты думаешь об этой… Джессике?»

Мириам прикрыла глаза. После гигантских пропорций и блеска города, здание суда не произвело на нее особого впечатления. Как и сама церемония, впрочем. Новое зрение позволяло видеть в темноте, и зал, с бегущими по потолку именами, казался теперь вовсе не таким мрачным. Едва войдя туда, она смогла различить электронные соединения, уходящие вдаль, соединяющие это место с десятками таких же, пульсирующие непонятными ей данными. И позже, когда церемония началась, она больше доверилась своим новым чувствам, чем слуху, пытаясь соотнести слова, звучавшие под сводами, и цвета говоривших.

А затем попыталась успокоить Таню.

– «Она почему-то боится тебя.» – Заговорила Мириам, упорядочив набор впечатлений, сохранившихся в памяти. – «Она… робкая. Кажется, мало говорит с людьми – только с Неро. Они очень хорошо понимают друг друга, с полуслова, видимо, давно знакомы. Он сказал, что она его советник, но Таня считает, что они любовники… или что-то в этом роде.»

– «Любовники? Маловероятно.» – Вмешалась Вероника. – «Им даже в одной комнате находиться нельзя. Я даже способа не могу представить, чтобы они смогли…»

– «Таня так и сказала, что они не могут быть вместе. Но

Джессика действительно переживает за Неро, я это почувствовала. И за Таню. А тогда, в храме, она очень сильно испугалась, и дальше… я просто не поняла, что вы сделали.»

– «Погнались за тем, кого ты вычислила. Хотя за ней угнаться очень сложно, она хороша. Я вела его только до ретранслятора у лифта, а вот она, кажется, прыгнула дальше. Дьявол, ну вот этого я не понимаю – она же на орбите, как она может действовать внизу настолько быстро?»

– «Быстрее нашего гостя?»

– «Да, и намного. Хотя и его уровень очень хорош. Мне вообще с ними рядом делать нечего – нас же не готовили к информационной войне. Если эта Джессика предаст нас, то нам понадобится серьезная поддержка.»

– «Например, Иштар?»

– «О да. Ведь помимо всего прочего, наша спасительница – еще и грандиозный суперкомпьютер, вроде звездных вычислителей, про которые нам рассказывали на курсе. Глупо не воспользоваться этим.»

– «Как ты собираешься ее… использовать?» – Удивилась Мириам.

– «Мы нападем на осевую станцию, захватив орбитальный лифт – это уже и так ясно. Кроме физической атаки, нам понадобится и электронная – отключить их сигналы тревоги, связь, не дать позвать на помощь. Она может это сделать, если ее попросить – я в этом уверена.»

– «Тогда мы так и поступим.» – Сказала Би. – «Если Джессика – союзница Неро, то пока мы не можем полностью доверять ей. Пусть она и утверждает, что тот, другой предсказатель нам не опасен – у нас должно оставаться оружие, способное остановить ее. И это же касается наших новых друзей. Мириам?»

– «Да?»

– «Сестры Сломанной Маски что-то скрывают. Они не говорят всего о Джессике, и не делятся своими планами. Монти, безусловно, на их стороне. Я хочу, чтобы сегодня вечером ты взяла их на себя. Постарайся узнать, что они собираются делать – я не хочу от них сюрпризов.»

– «Поняла. Уверена, что они не навредят, но присмотрю за ними – если тебе так будет спокойнее.»

– «Хорошо.» – Би глянула в зеркало, на Суонк, раскрывшую рот для грандиозного зевка. – «Кому еще мне доверять, кроме тебя?»

Как обычно, безмолвная беседа пролетела намного быстрее обычной – девушка едва успела зевнуть, нахмуриться и проговорить:

– Ух, еще спать хочу. И есть. Да и чешется все подряд…

– Нужно позавтракать. – Сказала Мириам, следом за Би распахнула дверцу кара, и чуть не выпала наружу – длинный каблук зацепился за бетонный бортик. Суонк поддержала ее, помогая снова поймать равновесие, затем нырнула обратно в машину, и достала продолговатый белый футляр с длинным ремешком – аптечку, о которой Мириам совсем забыла.

– Длинный сказал, без этой штуки долго не ходить. – Напомнила она, отдавая протягивая футляр Мириам. – Как там, белые колоть если больно, а красные – на ночь, чтобы выспаться?

– Вроде бы… – Не очень уверенно подтвердила Мириам, больше озабоченная тем, чтобы не угодить каблуками в щели между декоративной плиткой, покрывающей тротуар. К счастью, это оказалось легче, чем могло бы показаться, и несколько секунд спустя она почти бежала следом за Би, чья обувь, несомненно, была намного удачнее подобрана для быстрой ходьбы. Уже проходя в прозрачные ворота, открывшиеся при их приближении, она забросила ремешок аптечки на плечо, и спрятала ее за спину.

За время их отсутствия отель успел ожить. Ранним утром, покидая его, Мириам едва успела окинуть взглядом пустую внутреннюю площадь с закрытыми павильонами и едва пульсирующим в рассветном сумраке фонтаном. Сейчас же она снова стала прежней, какой запомнилась ей с самого начала – оживленной, веселой, заполненной обедающими или отдыхающими людьми.

Разве что теперь в их сторону не оглядывались.

Они быстро пересекли площадь, срезав путь мимо павильона с прохладительными напитками в огромных цветных колбах, и перед ними сразу же раскрылся лифт – видимо, Вероника активировала его заранее. Мириам привычно встретилась глазами со своим отражением – высокой длинноногой незнакомкой в странном, ослепительно белом наряде – и так же привычно отметила перемещение гвардейцев в штатском у себя за спиной. Знакомую ей пару теперь сопровождали еще двое, заняв позицию у входа в отель – она легко отличала их по характерному набору цветов, уже ставшему знакомым. Двери лифта закрылись, и Суонк тут же кинулась к зеркалу, разглядывая себя – повернулась на месте, поправила волосы, растрепала их, снова повернулась…

– Странно, что Ланье не вышел. – Неожиданно сказала Би, переключая что-то в своем коммуникаторе. – Я набираю, а он молчит. Его люди должны были ждать его, разве нет?

– Кажется, он сказал им отдыхать.

– «На записях его нет.» – Сообщила Вероника. – «И в наш

номер никто не входил, кроме прислуги. Чуть больше часа назад доставили полотенца.»

– «И он еще был там?»

– «Откуда я знаю? Каким местом, по-твоему, я могу опросить слуг?»

Лифт остановился, Би вышла первой, оглядывая коридор с прозрачной стеной. Дверь номер располагалась дальше, и Мириам не нужно было даже напрягаться, чтобы увидеть движение цветов за ней – знакомую яркую вспышку.

– Ему больно!

– Что?! – Би выдернула игольник из кобуры, и отодвинула Суонк себе за спину, к стене.

– Там люди. Ланье тоже, но ему очень больно и он злится.

– «Дьявол! Видимо, пришла пора вернуть должок!» – Весело заметила Вероника.

– «Сколько там человек?» – Рассудительно спросила Би, перехватывая игольник двумя руками.

Мириам закрыла глаза – чтобы увидеть то, что ей требовалось, они были не нужны.

– «Семеро. Кажется, они ждут нас, и собираются напасть. Двое у двери, столько же рядом с Ланье, и еще трое чуть дальше. Позволь, я покажу.»

Она вызвала из пустоты холст, уже ставший привычным, и раскрыла его перед Би. Затем полностью убрала с него цвет, оставив лишь прозрачную плоскость, на которую стремительными мазками легли восемь человеческих силуэтов, расположившихся за стеной.

– «Удобно!» – Заметила Вероника. – «Мы сами чувствуем только двоих. Похоже, что они вошли снаружи.»

– «Как? Это же чертова башня?!»

– «Давай спросим у них. Ты же оставишь хоть кого-нибудь в живых?»

– «Посмотрим. Они ждут нас?»

– «Двое что-то делают с Ланье, а остальные настороже. Кажется, один может видеть коридор – у них только что снова изменились цвета. Они готовятся…»

– «Дверь узковата.» – Заметила Вероника. – «Они сконцентрируют на ней огонь, если мы ворвемся. Все семеро.»

– «Это очевидно. А из чего сделана стена?»

– «Композит, штукатурка, слой звукоизоляции. Сантиметров семь в толщину, я смотрела план здания. Хочешь пробить дыру?»

– «А есть другой выход?»

– «Я могу отвлечь их.» – Осторожно предложила Мириам.

– «Ты туда не пойдешь!»

– «Не так. Они очень напряжены, и я могу заставить одного из них сорваться. Сделать что-то, привлечь внимание остальных.»

– «Серьезно?» – Би внимательно посмотрела на нее. – «И ты уверена в результате?»

– «Почти.» – Мириам потянулась к огонькам за стеной, просеивая их цвета, выбирая самые яркие. Один из тех, что расположились подальше, мерцал неуверенностью и страхом, такими яркими, что она сразу же ощутила его чувства на кончиках пальцев, будто мазки настоящей краски. – «Я готова. Это случится… сейчас.»

– «Действуй!»

Би стремительно сорвалась с места, заставив мягкое ковровое покрытие коридора пойти волнами.

– Че там? – Удивленно воскликнула Суонк, не услышавшая ни слова из предыдущей беседы. Мириам сдвинула захваченные цвета, делая их ярче, позволяя одному-единственному поглотить и заглушить остальные. Вдалеке едва слышно прозвучала серия хлопков – очередь из игольника, и огоньки остальных людей в номере ярко вспыхнули. Среди них ярко и отчетливо проступили цвета Ланье – ослепляющий огненный язык его ярости. Позабыв о своих каблуках, Мириам кинулась следом за Би.

На бегу воительница вскинула игольник, и от стены рядом с дверью полетели осколки штукатурки. Мириам увидела, как мгновенно погасли огни человека за стеной, когда иглы ударили в обозначенный ей силуэт. Серия точных выстрелов разбила замок и петли на двери, кроша узорчатую притолоку. Би вскинула локти, закрываясь, и буквально снесла ее, влетев в комнату. Дверь угодила в прячущегося за ней человека, и воительница снова выстрелила, на этот раз сквозь нее. Еще один огонек вспыхнул и погас.

– «На них броня. Шлемы странноватые. Не гвардия точно. Наемники?»

Едва пробежав несколько шагов, Мириам споткнулась. Ощущение было таким, будто она и правда бежит на ходулях, но от этого шаги получались длиннее. Позади раздался еще один окрик Суонк, который она пропустила мимо ушей, стараясь не упасть. И увидела, как Би, ворвавшись в номер, пинком швыряет стеклянный столик в человека, оказавшегося у дивана справа, а затем стреляет в голову кому-то, высунувшемуся из арки, ведущей в душевую.

Первый ответный выстрел угодил в проем двери, и Мириам нырнула к стене, услышав свист иглы совсем рядом. Следом за ним по коридору разнесся протяжный рык, полный ярости и боли.

– «Дьяволово отродье!» – Выругалась Вероника. – «Что эти

твари с ним делали?!»

Би вздернула перед собой человека, в которого угодил стол, ткнув ствол игольника ему в челюсть, и потащила вперед, используя как щит. Следующие несколько выстрелов угодили ему в спину, и она швырнула тело в сторону, ныряя вперед, обходя что-то, свисающее с потолка посреди зала. Добежав до выбитой двери, и ударившись плечом о косяк, Мириам не сразу поняла, что это – пока на картину комнаты не наложились цвета.

Посреди комнаты висел Ланье, голый, окровавленный, привязанный за ноги к вбитому в потолок крюку и рычал, извиваясь, кроя черными словами своих мучителей. Би, нырнув, стремительно обошла его, а затем снова пригнулась, избегая выстрела наемника, занявшего позицию за дальним диваном. Сбитая шальной иглой, взорвалась ваза на этажерке у входа, а Би продолжила свое движение, вертясь на ходу, наклоняясь, используя свою инерцию чтобы выбросить ногу в сторону и вверх, в обход игольника.

Каблук мягкого сапога столкнулся с обтекаемым блестящим шлемом, раскрошив забрало, и швырнув человека назад, в оконное стекло, встретившее его жалобным звоном.

– «Живым?» – Запоздало напомнила Вероника, и до Мириам донесся стремительно удаляющийся крик. Она ощутила, как меняются цвета двух наемников, оставшихся снаружи – страх сменился паникой, более сильной, чем навеянная ее прикосновением. Би отшвырнула опустевший игольник, и пинком вышибла дверь на балкон, но по ней уже не стреляли.

– «Они уходят.» – Словно не веря своим глазам заметила Вероника. – «Что ты смотришь, хватай планер – и за ними!»

Мириам наконец-то решилась войти в разгромленный зал – и увидела, как Би поднимает перед собой нечто странное. В руках у воительницы будто оказалась часть механического насекомого: четыре тонких полупрозрачных крыла, узкая спинка с металлическими позвонками, и загнутые крепления, похожие на ребра. Помедлив, она застегнула куртку, и забросила странный механизм себе за спину. Крепления тут же сомкнулись у нее на груди и спине, делая ее обладательницей четырех прозрачных крыльев, смутно знакомых Мириам.

Будто прочитав ее мысли, Би обернулась к ней:

– «Помоги Ланье. И не делайте ничего рискованного. Я догоню их, и узнаю, кто за нами охотится.»

Мириам растеряно кивнула, отчасти догадываясь, что будет дальше. Цвета Би вспыхнули, будто жидкий огонь пролился сквозь корни ее волос, меняя их цвет, и Вероника, вскинув голову к небу, радостно рассмеялась.

А потом разогналась и прыгнула с балкона.

Интермедия VIV.

Воздух упруго ударил Веронику в грудь, засвистел в ушах, мгновенно растрепав волосы, но так и не смог заглушить ее радостный крик. Вверх стремительно уносились балконы отеля, и широкие окна, сливаясь в блестящие полосы. Еще раз рассмеявшись, она сжала руки на рукоятях управления. Единственный пробный импульс разбудил контрольный узел в одном из стальных позвонков у нее за спиной, наполнив сознание требуемыми данными, позволив почувствовать хрупкий летательный аппарат как часть собственного тела: контрольные контуры крыльев, способных менять геометрию, водородный движок, готовый выбросить струю перегретого пара, компенсаторный механизм креплений, подстраивающихся под нового владельца.

Она сложила крылья, используя узкие плоскости как рули, разворачиваясь в воздухе лицом вверх, и включила двигатель, глядя на солнце. Сверкающая скала отеля скользнула ей под ноги, а за спиной поднялась стена города, расчерченная хайвеями и дугами мостов. Вероника пошевелила крыльями, проверяя их прочность, слушая, как свистит в них ветер, затем чуть приподняла, набирая высоту, разгоняясь короткими импульсами водородного движка.

Преследуемые ей наемники казались парой точек в небе над бетонным блюдцем, венчающим ближайший к отелю шпиль.

– «Возможно, они стартовали оттуда.» – Сказала Ребекка. – «И, скорее всего, видели твой прыжок.»

– «Тем хуже для них.» – Усмехнулась Вероника.

Электронная сеть города жила и переговаривалась вокруг, и она потянулась, отыскивая знакомые узлы. Камеры, установленные на шпилях, уже отвечали на ее команды раньше, и ей достаточно было десятой доли секунды, чтобы получить к ним доступ. Взгляду открылась посадочная площадка, и человеческие фигурки в броне, рядом с застывшими скелетами двух планеров.

– «Резервная команда.» – Заметила Ребекка. – «Зря ты не взяла игольник.»

– «Им это не поможет.»

Она форсировала двигатель, мгновенно рассчитав оптимальный алгоритм для разгона, и наклонила голову, ориентируясь по источникам радиоизлучения – давление рассекаемого воздуха не давало открыть глаза. Ветер ревел в ушах, тонкие рамы сложенных крыльев дрожали, грозя оторваться

при каждом новом рывке. Она набирала высоту, обходя пару преследуемых ей наемников сверху, по пологой дуге, одновременно наблюдая за командой, ожидающей на шпиле – те тоже готовились взлетать, но не торопились, видимо еще не осознав грозящую им опасность.

Последний импульс двигателя вывел ее на нужную высоту, и она позволила ему замолчать, медленно раскрывая крылья, заходя к наемникам под острым углом, со стороны солнца. Этот маневр не укрылся от них, но явно помешал ориентироваться – она чувствовала, как проскакивают между ними панически искры радиопереговоров, как нарастают тепловые показатели их моторов, готовящихся к рывку.

– «Отлично, ты села им на хвост.» – Заметила Ребекка. – «Но мне кажется, ты кое-что забыла.»

– «Что же?»

– «Что мы не джет! У нас нет ракет!»

Вероника прыснула, и шорох крыльев поглотил ее смех. Несколько секунд полет был идеальным – безоблачное небо удерживало ее в своих объятиях над блистающим городом, таким красивым, что воспоминание о разговоре с Мириам всплыло будто само собой. Вероника снова улыбнулась, и бросила изображение в постоянную память – для нее. Затем вероятные траектории наемников, летящих впереди, разошлись, и она рухнула, складывая крылья, будто хищная птица.

Двигатель выбросил струю перегретого пара, придавая ей дополнительное ускорение. Наемники разлетались вверх и вниз, двигаясь по широким дугам, смыкающимся в неровную петлю. Видимо, один из них рассчитывал послужить приманкой, а второй – зайти сзади и расстрелять неожиданную цель.

Этот план рухнул две секунды спустя, когда следующий импульс двигателя придал Веронике еще большую скорость, а движение сложенного крыла немного изменило ее траекторию. Наемник, вывернувший вверх, и сделавший мертвую петлю, неожиданно обнаружил ее летящей навстречу, даже успел схватится за игольник, пристегнутый к поясу – но было уже поздно. Вероника выключила двигатель, подтянула колени к груди, и развернулась ногами вперед в то самое мгновение, когда пути их полета сошлись в расчетной точке. Ее каблуки врезались в продолговатый пластиковый шлем, и грудную пластину брони пилота, дробя их.

Пластик лопнул с громким звуком, похожим на выстрел, тело наемника устремилось к земле, кувыркаясь и разбрасывая осколки пластика и металла. Вероника, потеряв скорость, сгруппировалась. Город и небо вращались вокруг нее, она

раскинула руки в стороны, и снова сжалась. Пилот, вывернувший вниз, заканчивал свой маневр, выполняя штопор, разворачиваясь к ней – а она падала ему навстречу.

Они разошлись на дистанции около десятка метров. До нее донесся хлопок его крыльев, раскрывшихся, чтобы выполнить разворот – а затем двигатель, включившись на полную мощность, заставил небо потемнеть в ее глазах. Она рванулась вверх, как ракета, сложив мешающие крылья, по вытянутой спирали обходя пилота, потерявшего ее из поля зрения. Вероника видела, как поворачивается шлем, пытаясь отыскать ее снова. Наемник сбросил скорость, замедляя полет вверх, шарниры крыльев повернулись, раскладывая их в положение для планирования – и в этот момент остаточный кинетический импульс вынес Веронику на уровень его глаз.

Долю секунды они смотрели друг на друга с расстояния не более полуметра – два крылатых существа, точно ангелы с древней фрески. Наемник успел отпустить рукояти управления – но больше ничего. Вероника коротко и хлестко ударила его кулаком в горло, смяв пряжку ремня, удерживающего шлем, а затем дотронулась до контактной площадки на рукояти. Короткий импульс отключил управляющие контуры планера, обесточив чужой двигатель, уронив наемника вниз, задыхающегося в объятиях машины, внезапно потерявшей способность летать.

– «Что дальше?» – Спросила Ребекка. – «Ты же помнишь – хотя бы одного живым.»

– «У этих, на шпиле, всего два планера – на троих.»

Она перевернулась лицом к небу, так что площадка с суетящимися на ней наемниками оказалась перед ней вверх ногами. Над головой жил и дышал город, заставив Веронику задуматься – куда упадут тела тех, кого она только что сбросила с небес.

– «На крыши, оба.» – Ответила Ребекка, прочитав ее невысказанную мысль. – «Надеюсь, они больше ничего не сломают. Не нужно мусорить – мы же гости короны.»

– «Король знал, кого приглашал.»

Она качнулась в сторону, затем в другую, выполняя маневр уклонения – два наемника, подбежав к краю площадки, пытались взять ее на прицел. Третий, пристегнув планер, разгонялся с другой стороны, видимо, собираясь бежать. Крылья его планера блестели, как стрекозиные, на фоне белой громады Королевского шпиля, возвышающегося вдалеке.

– «Он не полетит в ту сторону.» – Сказала Ребекка. – «Его собьют. Помнишь, как настроены протоколы орудий?»

– «Наверняка. Пойдет вниз, и на улице мы его не догоним. Нельзя дать ему улететь.»

Первая игла прошла в десятке метров правее, следом за ней ударила очередь, и Вероника завертелась, поворачивая сложенные крылья, выжимая из двигателя всю мощность. Солнце превратилось в сияющее кольцо, охватывающее ее, рассекающее многоцветное пространство города, вращающегося вокруг. Вероника закричала снова, площадка стремительно приближалась, переворачиваясь, танцуя из стороны в сторону следом за каждым движением. Наемники продолжали стрелять, но ее скорость была слишком большой, а траектория абсолютно непредсказуемой. Секунду спустя один из них не выдержал, и побежал, на ходу раскрывая крылья своего планера. Двигатель выбросил струю пара, ноги наемника оторвались от бетонных плит – когда Вероника, вращаясь, пронеслась мимо его напарника, зацепив локтем черный шлем, и отшвырнув в сторону. Взлетающий наемник попытался набрать высоту – а затем она подхватила его сзади, за ремни разгрузки, пережатые механическими креплениями планера, протащила два десятка метров и швырнула вперед, о бетонный выступ орудийной башни на краю площадки.

И, не останавливаясь, нырнула вниз. Первый наемник, успевший взлететь раньше всех, действительно не рискнул лететь к Королевскому шпилю, и теперь планировал, опускаясь по пологой спирали, в центр которой пикировала Вероника. Удлиненный черный шлем повернулся в ее сторону, крылья сложились, переворачивая его лицом вверх, и мимо воительницы со свистом пронесся веер игл. Она уклонилась, снова начиная вращаться, вражеский пилот сложил крылья – и устремился к ней, не прекращая стрелять из игольника, висящего на груди.

– Иди ко мне! – Выкрикнула она навстречу ветру, и шальная игла выбила искры из шарнира правого крыла, заставив ее рассмеяться, а затем кувыркнуться вперед. Каркас планера застонал от предельной нагрузки, кувырок бросил ее вверх, меняя траекторию полета, сбил наемника с толку – и Вероника врезалась в него. Завершив переворот, она всей массой обрушилась ему на спину, сломав металлический позвоночник летающей машины, и швырнув пилота вниз, в бетонные объятия города.

– «Допрос.» – Напомнила Ребекка. Вероника вздохнула, закладывая мертвую петлю, выводящую ее обратно к площадке. Оба наемника, оставшиеся там, были живы – один едва шевелился у подножия орудийной башни, второй, уже придя в себя, бежал к лифтовому колодцу в центре.

– «У нас минуты три.» – Снова заговорила Ребекка. – «Я вижу множественные сигналы тревоги. В районе отеля работает высокомощная глушилка, Джордан не может связаться со своими людьми внутри. Он уже выдвинул резервные команды, чтобы окружить его. И приказал джету прикрыть нас»

– «Чертовски мило с его стороны. Нужно сказать Мириам, чтобы держалась поближе к гвардейцам.»

– «Сейчас с ней свяжусь.»

Вероника пронеслась мимо убегающего наемника, и развернулась, погасив инерцию точно рассчитанным импульсом двигателя. Он едва успел притормозить, чуть не налетев на нее, и схватился за висящий на груди игольник. Вероника перехватила его руку, и ударила кулаком по игольнику, сломав пластиковое ложе, раскрошив хрупкий механизм внутри. Наемник отступил, хватаясь за кобуру на поясе. Она шагнула следом, и врезала лбом в пластиковое забрало шлема, проломив его, опрокинув человека назад.

– «Да, ты умеешь работать головой.» – Заметила Ребекка.

– «Не то, что некоторые.» – Вероника приблизилась к наемнику, и пошевелила крыльями, проверяя, не повреждены ли механизмы.

– Не ушибся? – Спросила она вслух, наблюдая, как тот пытается встать. – Твоим друзьям не так повезло. Но если хочешь, я могу взять и тебя… полетать. Или ты можешь рассказать мне все, что я захочу знать.

Наемник приподнялся, встав на одно колено, и теперь смотрел на нее сквозь залитый кровью пластик шлема.

– У меня мало времени. – Заметила Вероника. – И терпения тоже. Кто ты такой? Кто вас нанял? Что вам было нужно от…

Грудь стоящего перед ней человека взорвалась.

Звук был глухим и влажным, как от удара железом о что-то мягкое. Вероника отскочила назад, будто отброшенная пружиной. Град ошметков плоти, перемешанных с кровью и пластиком брони, осыпал место, где она только что стояла.

– Что за…

– «Второй наемник!»

Она повернулась, глядя на бетонный куб, прикрывающий орудийную башню. Наемник со сломанными крыльями уже успел пройти несколько шагов, держась за стену, и теперь смотрел на нее – не дольше нескольких секунд.

Затем его голова лопнула, оросив алым бетон стены и площадки. Вероника присела, оглядываясь – но город перед ней ничуть не изменился. Мешанина источников тепла и радиошума могла скрыть все, что угодно, а на площадке было совершенно

негде укрыться.

– «Твою же мать!»

– «Мы ему не нужны.» – Неожиданно сказала Ребекка. – «Хотел бы – убрал первым же выстрелом.»

– «Я догадываюсь. Калибр двадцать два?»

– «Похоже. Он мог стрелять километров с шести.» – Росчерки вероятных траекторий полета пуль легли через площадку, пересекая точки, где пять секунд назад находились наемники. – «Но там – только стена.»

– «И никаких записей» – Вероника переключилась на показания камер, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след от выстрела. – «Он хорош. Расчет ветра и баллистики на такой дистанции, даже при электронной наводке – почти невозможное дело.»

Она еще раз окинула взглядом площадку. Разорванные тела лежали там, где их настигли тяжелые пули, ветер свистел в антеннах комплекса связи. Над Королевским шпилем мелькнула и погасла острая металлическая искра – из невидимого колодца поднялся джет. Траектории, рассчитанные Ребеккой, вспыхнули тонкими линиями, пересекая поле зрения, расходясь в стороны – к стене, и дальше, к шпилю.

– «Это прайм.» – Холодно отметила она. – «Слишком сложный выстрел при таком переменчивом ветре. Я не могу рассчитать исходную точку.»

– «Пусть так.» – Ответила Вероника. – «Сегодня мы заглянем ему в глаза. На вечере ведь будут праймы, наверняка их здесь не так много?»

– «Будем считать это приветствием.» – Сказала Ребекка, и Вероника ощутила ее гнев, будто огненную волну, бегущую вдоль позвоночника. – «Но будь они прокляты, я не позволю и дальше так с нами играть!»

– «Да.» – Согласилась она, и улыбнулась. – «Но что поделать – нельзя честно сражаться с целой крепостью лжецов.»

– «Верно.» – Ребекка ответила с задержкой, огненная волна вспыхнула сильнее, а затем сразу погасла, будто что-то вобрало в себя и распределило ее энергию. Прайм-линк ответил на это запросом на внешнюю связь, и Вероника ощутила, как в недоступных ей областях сознания начинают распределяться гигабайты данных, выстраиваясь в стратегически выверенную структуру.

– «Нельзя.» – Подтвердила Ребекка. – «Чтобы победить, нам понадобится еще более изощренный обман.»

II.

Мириам осторожно обошла тело, погребенное под остатками расстрелянной двери.

Разбитое стекло хрустело, крошась под тонкими каблуками. Номер превратился в поле боя, заваленное обломками вещей, совсем недавно бывших удобными и красивыми. Мысль об этом потянула за собой воспоминание о прежнем доме, для которого совсем не было времени.

У Мириам ушло несколько секунд, чтобы миновать еще два трупа, перескочить через перевернутый диван, чуть не пробив каблуками пол, и оказаться рядом с Ланье. Тот продолжал сыпать ругательствами, раскачиваясь из стороны в сторону, на пол под ним капала кровь. Бегло осмотрев наемника, Мириам обнаружила несколько длинных, но не глубоких порезов на груди и животе. А также маленькую неприличную татуировку в виде голой девушки, оседлавшей ракету.

– Их нет! – Ей пришлось крикнуть, чтобы перебить его ругань, и Ланье замолчал. Кровь заливала его лицо и глаза, видимо, не давая нормально видеть, но голова повернулась на голос:

– Тогда снимайте меня! Твари, да я выпотрошу того, кто их послал!

Мириам оглянулась в поисках оружия, и подняла длинный нож со следами крови на лезвии – видимо тот, которым пытали наемника. Шнур, удерживающий его на потолочном крюке, крепился к другому крюку, вбитому в стену рядом с ближайшей дверью.

– Я перережу веревку, и ты упадешь. – Предупредила она.

– Да ты что! – Ответил Ланье, и она, приняв это за согласие, полоснула ножом по шнуру. Наемник с грохотом обрушился на пол.

– Хрена себе! – Воскликнула Суонк, в свою очередь перескакивая через разбитую дверь. – Это все сестричка? А я даже не поняла, что тут было.

– Веревки. – Сказала ей Мириам. – Ему нужно помочь.

– А то. – Согласилась Суонк, беззастенчиво разглядывая Ланье, пытающегося подняться со связанными руками и ногами. – Эй, братишка, тут я. Со мной не пропадешь! Давай, повернись сюда.

Она упала на колено рядом с наемником, не обращая внимания на кровь, пачкающую новую униформу, и подхватила за талию, помогая приподняться. Мириам, обойдя их, принялась резать шнуры, стягивающие его запястья и лодыжки.

– Доберусь я до них. – С мрачной яростью в голосе заговорил Ланье. – Не так много хороших бойцов в Атланте. А эти профи. На

планерах зашли, бесшумно, снаружи. Кто же подумать мог. А я в душе был. Проснулся, вижу, нет никого, думал умыться по-быстрому, да и двигать дальше. И тут заскакивает эта бригада.

– Что они от тебя хотели? – Спросила Мириам. Шнуры под ножом поддались и лопнули.

– От меня – ничего. – Ответил Ланье, сводя руки перед собой, и сжимая в кулаки затекшие пальцы. – Они про вас спрашивали. Что в городе надо, где вы, какие у вас планы. Кто эта мелкая, и откуда взялась. Много у них вопросов было, я все и не упомню.

– И что ты им сказал?

– Да все, что думал про их матерей, отцов и прадедов до десятого колена! – Наемник подтянул под себя ноги, зарычал, и поднялся, опираясь на плечо Суонк. – Они бы меня в любом случае прикончили, только и оставалось, что время тянуть. Вы вовремя вернулись, а то этот урод мог мне что-то серьезное отрезать.

– Не, все на месте. – Невозмутимо заметила Суонк. – С виду. Я же раньше не видела, как оно у тебя там было.

– Ну так разглядывай, мне не жалко. – Ответил Ланье, протирая глаза от крови, и оглядываясь. – Ого, вы тут и натворили. А Ребекка где? Это разве не она тут прошлась?

– Двое прыгнули с балкона, а она за ними гонится. – Пояснила Мириам. – У них были крылья, с моторами.

– Планера! – Наемник оглянулся. – А штаны мои кто видел?! Мне парней собирать надо. Если она кого поймает – то я этот гребаный город на уши поставлю, но до его нанимателя доберусь!

Мириам огляделась. Отыскать одежду Ланье в окружающем хаосе представлялось невозможным делом, поэтому она наугад ткнула в сторону ванной:

– Если ты мылся, то может там?

Наемник неуверенно, но целеустремленно направился к указанной двери, по пути один раз споткнувшись. Суонк задумчиво взглянула ему вслед:

– А он ничего такой, а? В смысле крепкий. И веселый, пить умеет. Но тяжелый.

Она поморщилась, потирая бок. В ванной зашумела вода, и тут же выключилась. Ланье выскочил оттуда, мокрый, на ходу натягивая джинсы. Оружейные ремни с пустыми кобурами болтались у него на плечах, из порезов на груди сочилась кровь. Не обращая на это ни малейшего внимания, он затянул ремни, и поднял с ближайшего трупа игольник.

– Посмотрим, кто последним веселиться будет. – Сказал он, извлекая из кармана коммуникатор. – Я вниз. Тут сейчас вся охрана отеля будет, могут не выпустить. Ребекке скажите, что мои

ребята подтянутся в центр города минут через двадцать, так что если ей нужны стволы – я буду у площади Основания.

– Тебе не нужен доктор? – Спросила Мириам, глядя на яркие вспышки боли, пробивающиеся через его злость.

– Нет. – Ответил наемник, натягивая ботинки. – Мне нужно кого-нибудь убить.

Он подхватил куртку, валяющуюся возле опрокинутого дивана, и вышел из номера, все еще прихрамывая.

Затих хруст стекла под его подошвами, и номер погрузился в тишину. Отель вокруг жил своей жизнью – где-то играла музыка, звучали человеческие голоса. В осколках разбитого окна едва слышно шептался ветер, капала вода в ванной. Суонк осматривала трупы, подобрав один из игольников, и что-то ворчала под нос. Никаких сирен, или криков тревоги, будто никто не заметил перестрелки, и человека, выпавшего из окна.

– «Ребекка!» – Позвала она, повернувшись к балкону.

– «Наконец…» – Ответный сигнал был слабым, будто эхо, долетевшее из глубокого колодца. – «Ультракороткие волны, которые мы используем. Не сразу смогла нащупать частоту. Только так, через ретрансляторы отеля…»

– «Что случилось?»

– «Мы гонимся за ними. Кто-то глушит все переговоры в районе отеля. Берите Ланье, и спускайтесь в холл. Гвардейцы должны вас защитить.»

– «Он уже убежал. Сказал, что будет ждать со своими людьми на площади Основания, через двадцать минут.»

– «Значит ему досталось не так сильно, как я подумала. Мы его найдем. Спускайтесь. И смотри по сторонам – мне все это не нравится.»

– «Хорошо.» – Мириам подхватила Суонк под руку, и та пискнула, скривившись от боли. – Пойдем быстрее, не нужно тут оставаться.

– Тише, оторвешь! – Та выдернула локоть из пальцев Мириам, и пошла рядом, постанывая. – То ли это братишка такой тяжелый, то ли у меня отвалилось там что-то. Эй, может посмотришь?

– Куда? – Мириам во второй раз обошла разбитую дверь, на этот раз ступая увереннее, как если бы каблуки успели стать удобнее. – Монти сказал, что у тебя будут болеть плечо и бок, когда пройдет действие укола. Снимать повязку нельзя.

– Ну так лекарства же у тебя. – Суонк указала на аптечку, все еще болтающуюся на плече Мириам, и та перетянула ее на грудь, расстегивая на ходу. – И куда мы вообще?

– Вниз. – Односложно ответила Мириам, рассматривая цветные инъекторы и баночки с мазями, аккуратно

распределенные по кармашкам аптечки. – Мы найдем там гвардейцев, и подождем Би. Монти сказал, что от боли белые, да?

– Ты уже спрашивала. – Суонк прислонилась лбом к дверям лифта. – Может побыстрее, а?

– Ладно. – Мириам решительно выдернула инъектор с белой наклейкой, прижала его к предплечью девушки, и нажала на спуск.

Двери лифта распахнулись, Суонк чуть не упала во внутрь, так что Мириам пришлось подхватить ее. Они вошли туда вместе, лифт двинулся – а затем игольник, прихваченный Суонк в номере, глухо ударился о ковровое покрытие. Та с удивлением взглянула на свою руку, затем в зеркало, и глупо улыбнулась:

– Опять кровища.

Ее новый костюм действительно выглядел жутковато. Ржавые пятна крови Ланье остались на коленях, локтях и воротнике, заметные даже на темной ткани. На белоснежную одежду Мириам, стоявшей рядом, напротив, каким-то чудом не попало и пятнышко.

– Какое все блестящее! – Продолжила Суонк, с той же странной улыбкой, а затем просто села на пол. – И спать так хочется. Может, все-таки красные были от боли, а, сестричка?

Мириам едва успела подхватить ее за воротник, и аккуратно опустить на пол рядом с игольником. Цвета Суонк померкли, продолжая мягко мерцать – она заснула. А Мириам оставалось только присесть рядом, не зная – плакать ей, или смеяться над собственной глупостью. Она еще раз заглянула в аптечку, закинула ее на плечо, потом взяла девушку под колени, просунула предплечье под затылок, и подняла. Та оказалась неожиданно легкой, будто кукла, сделанная из тростинок – и только когда двери лифта начали открываться, Мириам вспомнила, что стоит на каблуках в палец толщиной, которые вот-вот сломаются под неожиданной тяжестью.

III.

Только уложив Суонк на маленьком диванчике возле фонтана, Мириам вспомнила про игольник. Он так и остался лежать в лифте, после того, как двери закрылись, и, чтобы забрать его, ей пришлось бы бросить спящую девушку одну. А этого делать совсем не хотелось – в холле отеля и правда что-то было не так.

Наблюдатели, к которым она уже привыкла было, исчезли. Нигде не светились цвета гвардейцев, ставшие знакомыми, никто не смотрел ей в спину. Людей вокруг было много, как всегда, но

судя по всему, это были обычные постояльцы, выбравшиеся пообедать, и занятые своими делами. Не было злости, или страха – разве что любопытство, вспыхнувшее, когда Мириам вышла из лифта с Суонк на руках.

Едва она пристроила голову девушки на оголовье диванчика, показавшееся ей довольно жестким, к ней подбежали сразу два официанта.

– Вам нужна помощь? – Озадаченно спросил первый, но второй тут же толкнул его локтем в бок, и поклонился:

– Мы вовсе не хотели побеспокоить вас, миз. Вам что-нибудь нужно? Подушку, может быть?

– Да. – С некоторым удивлением согласилась Мириам. – Она просто спит.

– Конечно. Вы желаете чаю, кофе, или чего-нибудь покрепче?

Мириам растеряно оглянулась. Судя по всему, она разместилась прямо посреди небольшого ресторанчика, полукругом охватывающего часть фонтана. Несколько столиков вокруг были заняты обедающими людьми, а над парой павильончиков, расположившихся под увитой зеленью галереей, поднимался пар.

– Чаю. – Сказала она. – И поесть.

Первый официант протянул ей большую плоскую книжку, обтянутую красным пластиком:

– Меню?

Мириам открыла ее. Это оказался список блюд, разбитый на разделы. Названия большинства ничего ей не говорили. Второй официант тем временем со скрипом пододвинул к их диванчику свободный столик. Мириам еще раз заглянула в книжку, потом закрыла ее, и огляделась.

– Мне пожалуйста то же, что им. – Она указала на пару за соседним столиком. То, что находилось в их тарелках, больше всего походило на лапшу с ломтиками розового мяса. Запах от этого блюда исходил очень аппетитный.

– Карбонаре. – Кивнул официант. Второй тем временем куда-то убежал – видимо, за подушкой.

– И сладкую кукурузу. С маслом. – Добавила Мириам. – У вас ее кажется замечательно готовят?

– Конечно. – Согласился официант, и наклонился к ней. – Вы позволите кое-что вам сказать?

– Да. – Осторожно ответила Мириам.

– Мы все здесь восхищаемся вами. Когда вы прибыли, еще никто не знал вас в лицо, но после этой передачи… Конечно, я не могу представить, что вам пришлось пережить, но знайте – мы считаем вас героями. То есть, героинями.

Он еще раз поклонился, и отошел, оставив Мириам в недоумении. Теперь она чувствовала устремленное на нее внимание. Рассеянное, но тем не менее ощутимое, будто множество наблюдателей не хотели ей мешать, или просто рассматривали, из любопытства. Закрыв глаза, и сосредоточившись, она выделила этот цвет, заливающий ресторанчик вокруг нее, и часть холла. В нем были смутные оттенки желания, выделяющие мужчин, которые смотрели на нее с удовольствием, но и к этому цвету примешивалось нечто постороннее. А потом Мириам вспомнила о движущихся картинках, которые видела на экране в номере, и все стало ясно. Здесь, прямо над павильончиками, тоже висели экраны, на которых сейчас крутились изображения каких-то цветных сладостей с цифрами – видимо, ценами. И такие были везде, по всему городу. А это значит, что ее, вместе с Би, теперь знали в лицо тысячи людей.

Ей стало не по себе. Одно дело, гулять по городу, в котором тебя никто не знает, и совсем другое – смотреть в глаза людям, которые видели тебя избитой, и в разорванной одежде. Мириам поежилась, хотя внимание вокруг вовсе не казалось ей агрессивным – скорее осторожным. На нее посматривали как на диковинку, непонятную штучку, к тому же не очень похожую на ту Мириам, которая попала на экраны. Наверняка, еще и перешептывались при этом…

Ее размышления прервало движение. Она почувствовала его даже с закрытыми глазами – точно тень прошла через колебания цветов, приглушенное злое пламя, которое она и не увидела бы издалека. Вспыхнув рядом, оно продолжало мерцать, но очень слабо, и у Мириам по спине пробежали мурашки – эти цвета отражали злость, будто прикрытую мутным стеклом, и смутно знакомую.

– Я присяду? – Спросил женский голос. Приятный, и чуть хрипловатый.

Мириам открыла глаза, глядя на руки женщины, которая опустилась за столик напротив нее. Красивые, с длинными сильными пальцами, и несколькими шрамами, уходящими под рукава черного пиджака.

– Джой. – Сказала она. – Я запомнила.

– Люблю людей с хорошей памятью. – Ответила наемница. Ее костюм выглядел почти мужским, но этим только подчеркивал ее резкую красоту. Даже ссадины на лице не могли ее испортить – напротив, делали совершенство черт отчетливее, прикрывали недостающие кусочки картины, которые нужно было отыскать. Пораженная странностью этой мысли, Мириам вдруг поняла, что

совершенно перестала бояться. Будто та, что сидела сейчас перед ней, была действительно всего лишь рисунком, сделанным ее собственной кистью.

– Чаю? – Спросила Мириам.

– Пожалуй, нет. – Отказалась Джой, откидываясь на спинку кованого стула, и расстегивая пиджак. Оружия Мириам у нее не заметила, но ни на секунду ни сомневалась, что оно есть. – А что с твоей подружкой?

– Устала. – Ответила Мириам. – Вчера был трудный день.

– Чертовски с тобой согласна. Да и утро сегодня не для всех задалось.

– Особенно для тех, кто без спроса пришел к нам в гости. – Согласилась Мириам, внимательно вглядываясь в цвета Джой. Они казались до невозможности тусклыми, и Мириам никак не могла понять, что же с ними не так.

– Вот как? – Наемница, похоже, не удивилась. – А ты отлично выглядишь для девочки, которой пришлось участвовать в драке. Вон, на твоей подруге куда больше крови.

– Это Ланье. – Ответила Мириам. – И он злится.

– У некоторых талант встревать в неприятности.

Бесшумно подошедший официант молча поставил перед Мириам небольшой чайничек, чашку и несколько маленьких тарелочек, наполненных разноцветными джемами. Джой только качнула головой в ответ на его попытку заговорить, и он тут же удалился. Наемница придвинулась ближе к столу, и Мириам увидела пистолет, лежащий под ее ладонью, прямо за чайником – небольшой, с очень коротким стволом.

– Подавитель звука. – Пояснила Джой. – Даже за соседними столиками не услышат.

– Хочешь меня застрелить? Здесь же гвардия…

– Гвардейцы получили приказ окружить отель, и ожидать атаки снаружи. Его никто не отменит еще минут пять, потому что рядом, за фонтаном, глушилка работает. Так что мы перекинемся парой слов, а потом встанем и пойдем к моей машине.

– А если не соглашусь?

– Пристрелю твою подружку. Всажу иглу ей в сердце, пока она спит, и никто даже не обернется.

– Но мы же гости короля. – Заметила Мириам, и осторожно потянулась к ее цветам. – Не боишься его обидеть?

Внутри Джой творилось нечто странное. Цвета выглядели приглушенными, но мощными, изменяясь непонятными рывками. Она без труда увидела гнев, и нечто еще, спрятанное глубже, потянулась…

– Не собиралась этого делать. – Неожиданно призналась

Джой. – Но как увидела, что ты из лифта, и прямо мне в руки идешь – перемкнуло. Я ведь заранее готовилась. Еще вчера мне птичка напела, как твое чутье обмануть. Ты ведь вроде как чувства у людей различаешь, да? Есть пара средств, которые их приглушить могут. Химия, реакцию понижает, и в сон клонит – но ведь сработало!

– Но что я тебе сделала?

– Да ничего! – Джой усмехнулась. – Ты никто! Если бы знала, как у меня руки чешутся всадить тебе иглу между глаз! Но ведь живой ты небесным больше нужна. А значит, у них для тебя припасено что-то похуже смерти. И только ради этого я выполню контракт.

– Не понимаю.

– И не надо. – Наемница наклонилась к ней, перейдя на шепот. – Твое дело – быть послушной, и спасти свою подружку. Чтобы тебя разобрали на части – или что они там, на небе, делают. А я хочу взглянуть ему в лицо, когда он узнает об этом. Поближе посмотреть. И деньги тут совсем не важны…

– Ты об Арго?

– Нет, о короле Бразилии! – Гнев пробился наконец через завесу, окружающую Джой – но Мириам удержала его, не давая вырваться, нащупывая слабые места в ее чувствах, позволяя злости нарушить и смешать их. Сидящая перед ней женщина умела управлять своими эмоциями – но сейчас контроль медленно ускользал от нее. Мириам уже чувствовала ее цвета на кончиках своих пальцев, но не представляла, что с ними делать – потому что прямо под тонкой пленкой гнева внутри наемницы дрожала невероятная смесь чувств, и желаний. Одно из них, желание убийства, она узнала сразу – жесткий уродливый оттенок, прячущийся под гневом и обидой. С ним смешивалось еще несколько чувств – жажда удовольствия, желание, и тоска по чему-то, чего Мириам пока не могла увидеть.

– Арго никогда не говорил о тебе. – Проговорила Мириам, забрасывая ногу на ногу, и дотрагиваясь до застежки на правой туфельке. Она смутно помнила, как та устроена, вроде крючка с магнитом, и сейчас ее пальцы под столом лихорадочно искали способ расстегнуть ремешок.

Ее слова заставили наемницу выпрямиться на стуле. Зубы Джой сжались, цвет тоски стал сильнее, подпитывая обиду, а за ними – и гнев. Мириам оставалось только усилить его, сделать ярче, сбивая наемницу с толку. В памяти всплыл трюк Сломанной маски, проделанной на хайвее: рейдеры, бросающие оружие от злости. Мириам уже представляла, как можно сделать подобное, но внутренний мир наемницы был очень странным, и она просто

не понимала, что нужно там изменить. К тому же вещество, которая та приняла, явно ослабляло влияние Мириам, а пистолет смотрел прямо на Суонк, так что действовать можно было только наверняка.

Застежка наконец поддалась, и туфелька повисла на кончиках пальцев.

– Арго не из болтливых. – С видимым трудом заговорила Джой. – Не то, что другие мужики. Никогда при мне не хвастал, и про баб не трепался. Этого у него не отнять.

– Может, расскажешь о нем? Я не так давно его знаю. – Предложила Мириам, глядя ей в глаза. Красивые, голубые, полные ярости.

– Уболтать пытаешься? – Спросила наемница. – Не выйдет. Если почувствую, что шутишь с моими мозгами – пристрелю ее, а потом и тебя.

– Но ведь ты потому ты и подсела – чтобы поговорить. Иначе подошла бы сзади, еще у лифта, и мы вышли бы сразу, да? Но ты хотела, чтобы я поняла…

– Меня? – Наемница мрачно улыбнулась. – А в тебе и правда есть перец. Я ведь вначале подумала, что ты пустышка. Из сельских малышек, которых снимают на ярмарке, а потом выкидывают на обочину. Не поверила, когда в Хокс приехала, да послушала, что там народ рассказывает. Но с достойным врагом, знаешь, даже проще.

– Мы не враги. – Ответила Мириам, медленно опуская ногу с туфелькой, и берясь за другую застежку. – На самом деле ты хочешь достучаться до Арго, верно? Что он такого тебе сделал?

Это выглядело, как мгновенный восход солнца. Химическая защита Джой сдерживала ее гнев не более секунды, но Мириам хватило и этого. Прикосновение прошло сквозь пышущие жаром цвета, пронизав их, как лепестки открывающегося цветка, позволяя заглянуть внутрь. Наемница смотрела на нее с ненавистью, но там, в глубине, Мириам увидела другую девушку – высокую, нескладную, совсем юную, и совершенно, невозможно одинокую.

Ее глаза, такие же голубые, как у взрослой Джой, были наполнены стыдом.

– Тебя когда-нибудь бросали? – Спросила наемница.

– Да. – Просто ответила Мириам.

– А так, чтобы не сказать ничего в лицо, а просто отвернуться, и все – ты чужая? Ни слова, ни удара по морде в конце концов!

– Да. – Вопрос ранил, и Мириам пришлось глубоко вдохнуть прежде, чем она смогла восстановить концентрацию. – Так и было.

– Ну вот. Значит понимаешь. – Джой внимательно смотрела на нее. Сквозь гнев пробился легкий оттенок удивления. – Когда я встретила Арго – думала о нем то же, что и все. С виду дикарь, значит и внутри. Только дрался он так, что ни одному дикарю не снилось. Я могла оценить это, и никак не врубалась. То, что он делал на арене, было искусством. Гребаной красотой, которую он создавал! И я… сама с ним заговорила.

Мириам расстегнула застежку на второй туфельке. Цвета Джой парили перед ней запутанным лабиринтом, и все, что она могла сделать – это не дать желанию убийства снова подняться на поверхность. Наемница продолжала говорить, ее гнев смешивался с обидой:

– Ты знаешь, что он может сделать с женщиной, когда захочет. Мне хотелось быть с ним чаще, но он об этом не думал. Иногда в нем появлялось нечто, от того Арго, которым он становился на арене, и я каждый раз возвращалась, чтобы его найти. Но чаще встречала дикого великана, за которым он прятался. Как беглец, вроде тех, что я привыкла искать. Но я знаю свое дело, и меня тянуло к нему. Я даже моменты ловить научилась, когда могла оказаться рядом с тем, настоящим – во время тренировок, перед боем, или за какой-нибудь древней книжкой. Мне приходилось выслеживать его, охотиться, чтобы подобраться ближе. Ты понимаешь?

– Нет. – Испуганно ответила Мириам. Признание наемницы захватило ее, затягивая в бурлящий водоворот чувств, и девушке пришлось приложить усилие, чтобы вспомнить, кто она такая, и что происходит. Она почти физически ощущала воспоминания, ломающие защиту Джой, сокрушающие барьеры ее самоконтроля.

– Правильно. – Горько согласилась наемница. – И я не врубалась. Все, что смогла понять – что его мучит что-то, в нем самом, либо в его прошлом. Он будто не находил себе места, а когда срывался – ненавидел все вокруг, и себя тоже. Да, эта вот огромная машина, способная ломать людей, или кровати – была сама поломана. И как ее исправить, я не знала. А потом, однажды ночью, он взял, да и свернул шею этой шлюхе. Эээ… что у тебя с лицом?

Мириам молча опустила глаза. То, что она слышала, пугало ее все больше. В цветах Джой переплетались гнев, похоть, страдание, ненависть, стыд, разбиваясь на десятки оттенков, но ни за одним из них не пряталось сомнение.

Она говорила правду – или то, что ей считала.

– Так он и тебе ничего не сказал? – Спросила наемница, и, не дождавшись ответа, продолжила. – Тогда я расскажу. Он трахал жену своего друга, здоровяка Бланта, с которым я хорошо

знакома. Тот был не против – он вообще больше волновался за свои деньги, и не обращал внимания на такие мелочи. Не знаю, как давно у них это продолжалось, но в ту ночь она видимо захотела пожестче, и Арго перестарался. Может, принял ее за меня…

Джой улыбнулась, зло и грустно одновременно, тоже глядя куда-то в сторону, на выход из отеля.

– Я-то из другого теста сделана, а у этой курицы просто треснула шея. Гвардейцы, что приехали, говорили, что Арго так и встретил их там, в спальне, не двигаясь с места – просто сидел на кровати, смотрел на ее труп. Я примчалась за ними следом, захватив своих людей. Подумать только, собиралась за него драться, отбить, если попытаются арестовать. Слышишь, девчонка, готова была против короля пойти, даже не смотря на то, что он, дьявол его побери, был виновен!

Наемница ударила ладонью по столу, Мириам вздрогнула, а чашка с чайником жалобно зазвенели.

– Только его там уже не было. – Медленно, будто собираясь с мыслями продолжала Джой. – Он свалил, исчез, растворился в воздухе. Гвардия признала это дело несчастным случаем, а полтора месяца спустя дошел слух, что его видели в Хоксе. С какой-то девчонкой, для которой он сам заказал броню. И потом, когда я его увидела, ты тоже была рядом. А со мной Арго даже не заговорил. Ты выглядела так, будто пол дня за каром волочилась, но он все равно смотрел только на тебя.

Чувства Джой снова полыхнули, рванулись навстречу прикосновениям Мириам, удерживающим их на местах – и внезапно она ощутила их целиком. Внутренний мир наемницы раскрылся перед ней, как закрученный лабиринт из ощущений и воспоминаний, дорожная карта, составляющая ее «Я». Такое восприятие было настолько сложнее обычного видения цветов, что Мириам чуть было не потерялась в нем, провалившись в одно из воспоминаний, бьющихся, словно бабочки за прозрачной стеной, совсем рядом. Наверное, нечто похожее мог бы ощутить слепой, прозрев впервые в жизни, и взглянув на город, который до этого представал ему лишь как сборище запахов и звуков. Теперь Мириам оставалось только потянуться, отыскивая источники обиды и гнева, прислушиваясь к воспоминаниям, шепчущим в уши Джой…

– Я никого и никогда еще так не ненавидела. Сейчас смотрю на тебя – и понимаю, чего ему хотелось. Знаю, что за воротами ты не просто в песке валялась, а вожака рейдеров прикончила, на ножах с ним подравшись. Значит, сильная, так даже лучше. Может, выкинешь что – и я вас обоих тут прикончу. Ну что,

красотка, теперь ты меня понимаешь?

– Да. – Честно ответила Мириам. – Хочешь, я расскажу, о чем ты промолчала?

– Пойдем со мной, и хоть всю оставшуюся жизнь болтай…

– На самом деле ты не любила Арго.

Джой недоверчиво нахмурила брови, собираясь было что-то сказать, но Мириам наклонилась вперед, и продолжила, вгоняя слова, будто ножи, в открывающиеся перед ней переплетения чужих чувств:

– Тебе нравилось, какой он сильный. Когда он брал тебя за шею, или наматывал твои волосы на кулак. Ты хотела, чтобы он так делал – но думала о другом человеке. Вспоминала о нем. О том, кто был в твоем прошлом, когда ты была совсем юной.

Наемница медленно встала. Ее чувства почти слились с ощущениями Мириам. Она живо чувствовала неожиданный страх, сбивчивое течение мыслей, мелькание картин – пистолет, спящая Суонк, гвардейцы за прозрачными дверями отеля. Сердце наемницы забилось сильнее, и Мириам, чувствуя его как свое собственное, продолжила:

– У тебя было счастливое детство. Тебя же все любили, да? Пусть твоя мама умерла рано, но у тебя была бабушка, и твой отчим, для которого ты была особенной. Или тебе не хватало такой любви?

Уже не скрываясь, Джой подняла игольник, направив его в лоб Мириам. Дуло дрожало. Сейчас наемница почти ничего не видела перед собой, кроме ее лица и картин, открывающихся с каждым словом.

Мириам тоже поднялась, еще больше сузив поле зрения Джой, отвлекая ее от Суонк. Туфли остались лежать под столом, переплетением золотистых шнуров и острых углов.

– Самую большую боль ты испытала вовсе не из-за Арго, а намного раньше. Тебя воспитывали как наследницу, гордость родителей. Ты должна была стать прекрасной женщиной, такой же, как твоя мать. Этого от тебя ждали, правда? Но ты всегда знала, что этого не будет. Тебе было стыдно, за твои чувства, которых ты не должна была испытывать. С чего все началось? Ты смотрела, как он читал книгу в библиотеке. Потом он вышел, а ты заглянула в нее, и случайно разлила чернила по страницам. Книга была древней, очень ценной, он вернулся… и что случилось затем? Он ударил тебя?

Джой выстрелила.

Мириам почувствовала движение пальца на курке, как свое собственное. Дуло дрогнуло, а ей достаточно было немного пригнуться, чтобы игла прошла выше, ударив в бортик фонтана.

Следующий выстрел тоже миновал ее, лишь слегка задев волосы – а Мириам, подхватив чайник со стола, ударила им по руке с пистолетом, отбросив в сторону.

И бросилась бежать.

IV.

Каменная плитка под босыми ногами показалась ей теплой, будто живая. Впереди мелькнули изумленные лица двух женщин, вскакивающих из-за своего столика. Мириам хлопнула по нему ладонью, и перескочила – как в детстве перепрыгивала через загородки для скота. Джой уже повернулась, перехватывая пистолет второй рукой, беря ее на прицел – каждое движение отражалось восприятием Мириам, будто в хорошо отполированном зеркале. Стол спружинил под ладонью девушки, подпрыгнули тарелки. Она подтянула ноги, и упала с другой стороны, стремясь оказаться как можно ниже, так что игла, запущенная на упреждение, прошла в двух сантиметрах над ее левым плечом.

Джой бросилась следом, не прекращая стрелять.

Не вставая, Мириам рванулась между ближайшими столиками, оттолкнулась руками от пола, и залетела под один из них, не занятый, кувыркнувшись через плечо. Край белой скатерти зацепился за эполет на курточке, зазвенела летящая на пол посуда, над головой Мириам треснула столешница под еще одним выстрелом. Она повернулась на спине, зацепив ногой ножку стола, и уронила его. Потом подхватила с пола треснутую стеклянную тарелку, и, прислушавшись к своим ощущениям, не целясь, швырнула через край стола. Второй половиной своих чувств, сейчас намертво связанных с Джой, она видела, как та летит точно ей в лицо.

Наемница пригнулась, рефлекторно подняв оружие для защиты – и Мириам кинулась к краю галереи, поднимающейся вдоль внешней стены зала. Барьер из фигурных столбиков, увитых декоративным плющом, на три метра возвышался над головой. Сердце билось как безумное, она чувствовала ярость наемницы, снова ловящей в прицел белое пятно ее куртки – и это придало ей решимости. Не останавливаясь, она заскочила на ближайший столик, с него – на мягко спружинивший каркас павильончика с напитками, а затем, подпрыгнув прямо вверх, ухватилась за край портика. По ногам хлестнули осколки – запоздавший выстрел Джой ударил в основание галереи, но Мириам уже подтягивалась, перебрасывая себя через барьер, и падая с другой стороны.

Полированный камень столбиков над ее головой взорвался, разбрасывая ошметки плюща и лепестки цветов – Джой, остановившись внизу, выхватила еще один игольник, накрыв ее очередью.

– А ты юркая… сучка. – Выдохнула наемница, глядя на путь, проделанный Мириам. Потом оглянулась на ресторан, разбегающихся во все стороны людей – и кинулась ко входу на галерею. Зашуршали листья, когда она перепрыгнула через вазоны с низкими деревьями, ограждающими низкие ступеньки. Мириам пригнулась, и побежала наверх, вдоль барьера, плавно поворачивающего направо.

Расстояние до небольшого алькова, скрывающего двери на второй этаж отеля, она преодолела буквально за несколько секунд – каблуки больше не мешали, и у нее словно выросли крылья. Альков казался идеально круглым, за счет небольшого балкона, выдающегося в зал, уставленного высокими каменными вазами с сухим тростником, перевитым цветными лентами. В другое время это показалось бы Мириам странным, но сейчас ее гораздо больше заинтересовал резной столб, ограничивающий балкон. Она свернула за него, прижалась к теплой каменной поверхности, и закрыла глаза, прислушиваясь.

Наемница бежала следом, мягкими бесшумными шагами, убрав второй игольник в кобуру, и держа оружие обеими руками. Ее чувства пылали, мешая думать, но тело действовало само, благодаря рефлексам, внедренным годами тренировок. Как можно помешать этому, Мириам не знала. Двери, ведущие на этаж, вполне могли оказаться спасением – или тупиком, грозящим гибелью. Выяснять это на практике не хотелось. Повинуясь порыву, девушка дернула на себя ближайшую вазу, и, раскрутив вокруг, швырнула вниз по галерее.

Наемница прижалась к барьеру, когда огромный сосуд, весящий никак не меньше самой Мириам, с грохотом раскололся на ступеньках рядом.

– Эй! – Насмешливо крикнула она. – Ты что, убить меня хочешь?

Голос и тон настолько противоречили ее цветам, что это озадачило Мириам, уже взявшуюся за следующую вазу, и она снова вгляделась в них, сосредоточившись. Затем потянулась, минуя уже известную ей область воспоминаний, притрагиваясь к ощущениям наемницы, ее мыслям, стараясь держаться отстраненно, будто пробуя губами край горячей чашки.

Насмешка была еще одним рефлексом. Мысли Джой сменялись быстро, как четкие простые картинки – обойти, догнать, расстрелять. Мириам без труда выделила из них свой

собственный образ – неожиданно красивый, будто наемница восхищалась ей, в какой-то извращенной форме. Оставалось только ухватить его, взяться невидимыми пальцами – и швырнуть вниз по лестнице, вместе с вазой.

Мириам услышала сдавленное ругательство Джой, ваза разлетелась на куски от первой же очереди, но наемница продолжала стрелять еще несколько секунд, и девушка снова кинулась вверх. В зале, у входа в отель, зазвенело стекло, будто кто-то прорывался через прозрачные двери.

В следующем алькове никаких ваз не оказалось. Зато разместилась пара диванчиков, и маленький столик с коваными ножками, похожий на тот, за которым Мириам сидела в ресторане. Дальше, по галерее кто-то бежал – она уловила всплеск страха, видимо, постояльцы отеля спешили скрыться, услышав выстрелы. Мириам ухватила один из диванчиков за две ножки, подтянула к себе, стараясь не высовывать голову из-за ограждения алькова, подняла вертикально и с грохотом уронила поперек лестницы. Его веса она даже не ощутила.

Джой замерла, миновав первый альков, выцеливая неожиданное движение. Мириам, укрытая колонной, была вне ее поля зрения, но они обе понимали, что это не сможет продолжаться долго. Внизу, в зале эхом звучали далекие команды – видимо, перекличка гвардейцев, и наемница медленно пошла вперед, не опуская оружия. Импровизированная баррикада вряд ли могла задержать ее, а трюк с образом мог и не сработать второй раз – Мириам чувствовала напряженное внимание Джой, ожидание подвоха. Девушка подняла голову, вглядываясь в осколок неба над залом через сеть декоративного плюща, оплетающего альков. Эта синева могла обозначать надежду, но сейчас до нее было не дотянуться. Или…

Она прикусила губу, обдумывая неожиданную мысль, и начала быстро расстегивать белоснежную курточку, уже успевшую изрядно испачкаться.

Десять секунд спустя, перепрыгнув через поваленный Мириам диван, Джой обнаружила, что альков пуст. Она повернулась на каблуках, заглянув за колонну, выглянула в зал, осмотрев перила, глянула на закрытые двери. На лестнице, выше, мелькнуло что-то белое, но она отнеслась к этому с осторожностью, уже успев уяснить, что в присутствии ее противника чувствам нельзя доверять. Поэтому наемница просто взяла подозрительное место на прицел, ожидая, не повторится ли движение. Что-то беспокоило ее, смутное ощущение того, что она о чем-то забыла, поднимаясь по лестнице. И только когда усик

плюща, прикасающийся к ее щеке, неожиданно дернулся, она наконец поняла, что почему-то забыла посмотреть вверх. Прежде, чем Джой успела поднять игольник, Мириам, прижимавшаяся к решетке с плющом под самым потолком, бросилась ей на плечи, и набросила куртку на голову.

Они рухнули на пол. Наемница так и не выпустила игольник, и Мириам, ухватив ее за вооруженную кисть, изо всех сил ударила о шершавую напольную плитку, так что пластик рукояти с треском раскололся. Наемница прошипела что-то, не глядя, схватила девушку за плечо, приподнялась на колени, и внезапно прогнулась назад, впечатав ее спиной в пол. Удар выбил воздух из легких Мириам. Она успела схватиться за вторую кобуру на поясе Джой, и выдернуть игольник, но та тут же кувыркнулась через нее, упершись плечами в грудь. Белая куртка мелькнула перед глазами Мириам, игольник вылетел у нее из руки, и она не глядя пнула ногой через себя, вверх и назад, больно ударив пальцами о что-то твердое. Джой сдавленно выругалась, и на ключицу Мириам обрушился ответный удар, пришедшийся вскользь. Девушка извернулась на спине, и вскочила, швырнув куртку в наемницу. Та просто поймала ее и отбросила в сторону.

– Пинаешься как лошадь. – Сказала Джой с оттенком уважения в голосе, потирая грудь. – А по виду и не скажешь. Что, закончили болтовню?

Мириам выдавила из себя улыбку:

– Я сделала все, что хотела. Суонк жива, а внизу тебя ждет гвардия.

– И чем это тебе поможет? – Парировала наемница, поднимая перед собой руки. – Я то успею тебя прикончить, что бы там ни случилось. Не пойму, где твои знаменитые трюки. Что, только головы мужикам морочить умеешь?

– Я… – Мириам замялась, пытаясь облечь в слова странное чувство, внезапно наполнившее ее. – Вовсе не хочу тебя убивать.

– Чего?

– Ты не виновата в том, что случилось. Твой отчим – ты же просто любила его! А любви нельзя приказать, ты ничего не могла сделать…

Погрузившись в цвета наемницы, она почти упустила момент, когда та, пригнувшись, кинулась на нее. Действие было необдуманным, наполненным злостью, и, уже видя ее намерение, Мириам поняла, что не успеет увернуться. Плечо Джой врезалось ей в живот, они столкнулись с краем барьера, опрокинув столик. Затылок Мириам ударился об пол, а наемница уже была сверху, оседлав ее. В голове словно взорвалось маленькое солнце, девушка подняла руки, чтобы защититься от удара, ясно видя

следующее движение Джой, поднимающей игольник с пола. Это действие тоже было рефлекторным, неконтролируемым, и Мириам просто замкнула его, так же, как цепь в электрическом замке.

Удара или выстрела не последовало, и Мириам осторожно взглянула вверх. Наемница сидела на ней, в ее руке плясал игольник, подобранный с пола. Она вытащила магазин, проверяя, потом вставила, потом опять извлекла – одинаковыми движениями, будто сломанный механизм. Мириам толкнула ее в грудь, пытаясь сбросить с себя, и это явно разрушило эффект от воздействия. Наемница смела ее руки в сторону, и наклонилась вперед, упираясь девушке в лоб стволом игольника.

Ее цвета были сплошной бурей, полной ярости и страдания.

– Вот этот трюк я заметила. – Процедила Джой сквозь зубы. – Но его не хватит.

– Тебе не нужно этого делать!

– Но мне хочется! – Наемница наклонилась ниже, почти шепча Мириам на ухо, захлебываясь словами. – Ты же заглянула мне внутрь! Видела, что я сделала. Как поступила с единственным человеком, которого любила. Он покончил с собой потому, что я обвинила его в том, чего мне так хотелось! Что он насиловал меня, снова и снова, поступал так, как и нужно с такой дрянью! Я рассказала об этом всем, мне поверили, а он не перенес позора. Ты была права насчет меня. Я не бедная девочка, у которой все отобрали. Сама выбрала такую жизнь, потому что не заслуживаю другой. И насчет Арго ты все правильно видела – каждый раз, когда он брал меня за глотку, я думала о другом человеке. Я искала зверя, который мог бы наказать меня за все – но он оказался чем-то большим. Обманул меня, и за это я вырву ему сердце! Ну, что же ты молчишь – скажи что-нибудь напоследок. Или останови меня, если сумеешь!

Она замолчала, и Мириам с невероятной ясностью ощутила всю бесконечную сложность наполняющих ее цветов. Желание убийства настолько тесно переплелось с жаждой смерти, что грани почти стерлись. Жажда боли каким-то невероятным образом произрастала из чувства защищенности, и среди них, точно огненный цветок, пускало корни желание, подпитывая ярость. И все это, будто тонкая пленка, покрывало отвращение – страшная, и хорошо знакомая самой Мириам ненависть к себе, и своим поступкам. Оставалось только потянуться и дотронуться…

– Мне очень жаль. – Сказала она. Джой недоверчиво взглянула ей в глаза, палец на курке дрогнул – а затем прикосновение вторглось в ее цвета, точно краска, выплеснутая на картину. Почти с ужасом Мириам наблюдала за тем, как

наемница медленно поднимается, позабыв о ней, идет к барьеру, с трудом переставляя ноги. Снизу ей что-то кричали, на лестнице звучали шаги, но она уже ничего не видела, задыхаясь от чувства, которое совсем недавно почти уничтожило Мириам. Остановившись у барьера, наемница подняла голову, взяла игольник обеими руками, и направила его себе в горло.

– Какого же дьявола так случилось, папа? – Глядя на кусочек неба, видимый в просвете галереи, спросила она.

И нажала на спуск.

Конец четвертой книги.

Май 2013.

Данная книга является частью цикла «Стальная бабочка», в который входят следующие книги:

1. «Стальная бабочка, острые крылья».
2. «Ястреб в огне».
3. «Дорога мертвых».
4. «Крепость лжецов».
5. «Разбитые звезды».

Copyright © 2014 Ivan Konstantinov